

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

ЛАРИССА ЙОН

ПОВЕЛИТЕЛИ

ОСВОБОЖДЕНИЯ

Вечный Всадник

Они здесь. Четыре Всадника Апокалипсиса уже среди нас. Его зовут Арес, и на его широких плечах лежит судьба всего человечества. Если он уступит силам зла, миру придет конец. Будучи одним из четырех Всадников Апокалипсиса, он сильнее любого смертного, но даже ему не удастся скрываться от своей судьбы вечно. Тем более когда против него настроен его собственный брат.

Но остается последняя надежда. Одаренная сверхъестественными силами, которые не могут — или не хотят — понять другие, Кара Торнхарт — ключ как к спасению Всадника, так и к его гибели. Однако, вмешавшись, Кара пробудила предательское, сводящее с ума, опасное желание, пронзившее их с первой же встречи. А за свой проигрыш вечная тьма может запросить неожиданно высокую цену — жизнь Кары.

Ларисса Йон
Вечный всадник

Над переводом работали:

Переводчики: Little_witch, Muneca_Brava (12 глава), Somnia (13 глава), Maxi (14–16 главы), Amalirr (с 17 главы)

Бета-ридеры: PerlenDame, Amalirr (14–16 главы), PerlenDame (с 17 главы)

Вычитка: Tabitha, Somnia (с 7 главы), PerlenDame (с 14 главы)

Итоговая редактура и вычитка: Amalirr

Обложка: natassshaaa

Глоссарий

Агимортус — активатор взлома Печатей Всадников. Агимортус можно описать как символ, выгравированный или выжженный на живом существе или предмете-носителе. Выявлено три вида Агимортусов: человек, объект или событие.

Демоника — Библия демонов и основа для десятков демонических религий. Записанные в ней пророчества касаются Апокалипсиса. Если они сбудутся, то Четверо Всадников будут сражаться на стороне зла.

Квантамун — состояние сверхускоренного существования на плоскости, позволяющее некоторым сверхъестественным существам перемещаться среди людей. Тем, кто путешествует внутри *квантамуна*, люди, не подозревающие о том, что движется в их мире, кажутся застывшими во времени. Этим *квантамун* отличается от хота. Хот — скорее заклинание, чем план бытия, и он работает в режиме реального времени.

Избранный страж — человек, зачарованный ангелами, призванный охранять важный артефакт. Стражи бессмертны и невосприимчивы к любым физическим воздействиям. Ранить или убить Стража могут только ангелы (включая падших). Существование Стражей держится в строжайшей тайне.

Падший ангел — большинство людей считают их злом. Падшие ангелы делятся на две категории: Поистине Падшие и Непадшие. Непадшие ангелы изгнаны с Небес и привязаны к земле, и в этой жизни они не являются ни истинным добром, ни истинным злом. В таком состоянии им изредка удается заслужить возвращение на Небеса. С другой стороны, они могут выбрать Шеул, царство демонов, чтобы завершить свое падение и стать Поистине Падшими, превратившись в демонов на службе у Сатаны.

Регент — глава(ы) местных ячеек Эгиды.

Сиджил — Совет, состоящий из двенадцати человек, известных как Старейшины. Старейшины являются высшим органом власти Эгиды. Штаб-квартира Совета расположена в Берлине, откуда он наблюдает за всеми ячейками Эгиды, разбросанными по миру.

Наблюдатели — лица, уполномоченные присматривать за Четверью Всадниками. Первые переговоры между ангелами и демонами привели к тому, что на Ареса, Ресефа, Лимос и Танатоса было наложено проклятие — они были обречены стать инициаторами Апокалипсиса. По условию соглашения, заключенного во время этих переговоров, одним Наблюдателем должен быть ангел, другим — падший ангел. Ни один из Наблюдателей не имеет права открыто содействовать попыткам Всадников начать или остановить Апокалипсис, но они могут тайно прийти им на помощь. Однако, оказав помощь Всадникам, они окажутся на лезвии ножа, а такая участь может оказаться для них хуже смерти.

Тергацео — демоны, способные выдавать себя за человека. Они либо похожи на человека внешне, либо могут принимать человеческий облик.

Хэррогейт — невидимый для людей вертикальный портал, используемый демонами для перемещений между землей и Шеулом. Свои собственные, личные Хэррогейты могут создавать очень немногие существа.

Хот — заклинание невидимости, позволяющее заклинателю незаметно — иногда даже бесшумно — передвигаться среди людей.

Хранители — воины Эгиды, обученные искусству ведения боя и применения оружия и магии. Во время официального вступления в должность всем Хранителям дарят

зачарованное украшение, несущее в себе щит Эгиды, который, помимо всего прочего, позволяет видеть в темноте и дает способность видеть сквозь демонические чары невидимости.

Шеул — царство демонов, расположенное глубоко под землей. Попастъ туда можно только через Хэррогейты и адские врата.

Шеул-гра — хранилище демонических душ. Место, где души демонов пребывают до возрождения или томятся в Чистилище.

Шеулик — единый язык, которым владеют все демоны, хотя многие виды говорят на своем собственном языке.

Эгида — сообщество воинов-людей, посвятивших свою жизнь защите мира от зла. См. также Хранители, Регент, Сиджил.

Ее звали Лилит, и она была злым суккубом. Его звали Энриет, и он был добрым ангелом.

Сотни лет соблазняя людей, Лилит заскучала. И потому она положила глаз на Энриета, бросив ему величайший вызов. Он сопротивлялся. Она не отступала. Он противился вновь и вновь. Это продолжалось десятки лет, пока не случилось неизбежное. В конце концов, суккуб была прекрасна, а ангел не мог устоять перед лишним глотком вина.

Никто не знает, что случилось с Энриетом после их бурной ночи, но девять месяцев спустя Лилит родила четверых детей: троих мальчиков и девочку. Она назвала их Ресефом, Аресом, Танатосом и Лимос. Девочку, Лимос, мать оставила у себя в Шеуле, а сыновей поселила в человеческом мире, подменив ими детей из богатых и влиятельных семей.

Мальчики выросли, не подозревая о своем настоящем происхождении. Однако потом появились демоны, сея ужас, разыскивая сыновей Лилит, чтобы использовать их против людей. Лимос сбежала из Шеула, разыскала братьев и открыла им правду об их родителях.

К тому времени братья увидели, что демоны уничтожили их земли и перебили семьи, и, ослепленные ненавистью и жаждой мести, призывали людей (иногда посредством манипулирования и насилия) помочь им в жестоких бесконечных битвах с подземными тварями.

На небесах эти события восприняли в штыки.

Захариэль, ангел Апокалипсиса, повел на Землю легион ангелов, где они сошлись в битве с полчищами демонов. Когда земля и воды покраснели от крови, а люди уже не могли жить на отравленной земле, Захариэль заключил сделку с дьяволом.

Дети Лилит понесли наказание за то, что из-за их эгоистичной жажды мести человечество оказалось на грани гибели. Из-за них едва не разразился конец света, и потому дети Лилит были назначены хранителями Армагеддона. Защитниками или зачинщиками — выбор оставался за ними.

Каждый из них получил Печать, и каждая Печать несёт два пророчества. Если они защитят свои Печати, не дав сломать их до того, как исполнятся записанные в Библии пророчества, то спасут свои души... и всё человечество.

Однако если они допустят, чтобы их Печати оказались сломаны раньше времени, как написано в Демонике, Библии демонов, то станут на сторону зла и будут вечно известны под именами Мор, Война, Голод и Смерть.

Так были рождены четверо Всадников Апокалипсиса.

Шесть месяцев назад...

— М-м-м... Мне так нравится история твоего появления на свет. Разве тебя не бросает в дрожь, когда ты её слышишь?

Сидя за стойкой в пабе подземного мира, Арес старался не замечать стоявшую позади женщину, но то, как она терлась грудью о его спину и проводила изящными ручками от талии до внутренней части бедер игнорировать было трудно. Жар её тела чувствовался даже

сквозь плотные кожаные доспехи.

— Ага. В дрожь.

Какой-то идиот читал вслух легенду с висящей на стене дощечки каждый раз, как Арес появлялся здесь... а это случалось довольно часто. Таверна, державшаяся на плаву в основном благодаря Аресу, его братьям и сестре, была для него вторым домом, даже носила название «Четыре Всадника», и, когда Арес приходил, большинство демонов-мужчин пытались слиться со стеной или убегали через черный ход. Разумно. Арес презирал демонов, и это чувство в сочетании с любовью к хорошей драке частенько приводило к... *плохим последствиям* для приспешников ада.

Однако противоположный пол был храбрее... или, быть может, похотливее. Демонессы, женщины-оборотни, самки вервольфов и вампирши торчали здесь круглыми сутками в надежде заполучить Ареса и его братьев в свои руки, лапы и копыта. Дьявол, Арес и повернуться не мог так, чтобы не наткнуться на кого-то из них. Обычно он был больше расположен к алкоголю, азартным играм и всеобщему разгулу, но сегодня ему было как-то не по себе. Он был взвинчен. Раздражен.

Арес никогда ещё так себя не чувствовал.

Он даже проигрывал в шахматы Они, низенькому розовощёкому толстяку-бармену, а ведь Арес еще не проиграл ни одной стратегической игры в... словом, вообще ни разу в жизни.

— О, Война, — Сетия, демонесса-сора, провела языком по краешку уха Всадника. — Ты же знаешь, что твое присутствие нас распаляет.

— Меня зовут Арес, — процедил он. — Когда я стану Войной, тебе не захочется оказаться рядом.

Всадник сделал ход ладьёй, залпом проглотил полкружки пива и собрался было заказать ещё, но тут рука женщины скользнула ему между ног.

— А мне всё равно больше нравится «Война». — Её обольстительный голос словно вибрировал, а пальцы проворно искали ширинку. — А Мор... такое сексуальное имя.

Только демонесса могла счесть имя «Мор» возбуждающим. Арес отвёл ее красную ладонь. Сетия была одной из постоянных любовниц Ресефа, одной из сотен страстных поклонниц Всадников, которые называли себя «Мегиддо Покори-меня». Они даже подразделяли себя на группы по принципу любимого Всадника; поклонницы Ареса предпочитали называться Подстрекательницами. *Подстрекательницами Войны*.

Бармен сделал неверный ход конем, и Арес спрятал улыбку за кружкой.

Женщина, похожая на дьявола из мультфильмов, провела длинным черным ногтем по татуировке с изображением жеребца, наколотой на предплечье Ареса.

— Обожаю эту татуировку.

Конь, где бы он ни был — на коже или под седлом, — был такой же частью тела Всадника, как и остальные органы, и мужчина напрягся от ощущения поглаживания по руке и голове. Любое прикосновение к наколке отдавалось в соответствующих частях тела Ареса, что зачастую бывало весьма досадно. Или неуместно приятно...

Арес толкнул свою кружку по барной стойке и передвинул королеву в ударную позицию. Внутри пел триумф, заполняя те уголки его души, где постоянно обитала жажда победы.

— Шах и мат.

Бармен выругался, сора рассмеялась, и Арес поднялся на ноги. Будучи почти семи

футов^[1] ростом, он возвышался над демонессой, но её это не обеспокоило, она просто добавила своему телу, одетому в майку с глубоким вырезом и мини-юбку, недостающего роста. Её хвост шуршал по покрытому соломой полу, черные рожки вращались, точно заостренные спутниковые антенны, и, будь её взгляд еще жарче, штаны точно стали бы Аресу тесны.

Реакция его тела на демонесс была противна Аресу. Он никогда не желал по-настоящему женщин, которые не были людьми хотя бы внешне.

Некоторые предпочтения остаются на всю жизнь.

— Я ушел.

Несмотря на победу в шахматной партии, беспокойство зудело у него под кожей; такое случалось, когда надвигалась глобальная война. Ему нужно было возобновить охоту за своей бывшей любовницей — демонессой по имени Син, которая стала причиной чумы вервольфов — или *варгов*, как они любят, чтобы их называли. Арес, его братья и сестра лишь недавно установили, что она — ключ к пророчеству, которое, исполнившись, сломает Печать Ресефа и превратит его в то, чего хочет Сетия — Мора.

Син должна была умереть, пока между вервольфами не разразилась гражданская война.

Не в силах больше усидеть на месте, Арес бросил трёхглазому бармену золотую шеулинскую монету.

— Налей всем выпить за мой счёт.

Твёрдой рукой он отодвинул демона-«липучку» и вышел из таверны в вечные сумерки. Лёгкие наполнил спёртый горячий воздух, пахнувший серой, ноги тонули в рыхлой земле, характерной для Шестиречья — региона Шеула, царства демонов в самом сердце Земли.

Битва маялся у него на коже, сгорая от нетерпения пуститься вскачь.

— Выходи, — приказал Арес, и спустя мгновение татуировка у него на руке превратилась в облачко тумана, которое увеличилось, сгустилось и приняло облик огромного чистокровного гнедого жеребца. Конь легонько толкнул его носом в знак приветствия или, что более вероятно, прося кусочек сахара.

— Ты забыл вот это.

Всегда готовый оправдать свое имя, Битва оскалил зубы на сору, стоявшую в дверях таверны. Кончиком хвоста она игриво покачивала кинжал. Неприкрытый призыв, угадывавшийся в страстной улыбке демонессы, давал понять, что она же и выкрала у него оружие, но Арес и так это знал. Оружие он не забывал никогда и нигде.

Разумеется, оружие у него ни разу ещё не крали. Женщина была хороша. Действительно хороша. И, хотя Арес обычно не увлекался демонессами, он не мог не восхититься её талантом. Неудивительно, что она так нравится Ресефу. Может быть, Арес и сделает исключение из своего правила — *никаких-демонесс-похожих-на-демонесс...*

Ухмыльнувшись, он направился к ней... и застыл на месте.

В затылке тревожно кольнуло. Яростно заржав, Битва поднялся на дыбы, и из тенистого леса выпрыгнул цербер величиной с буйвола. Арес взглянул на левый бок чудовища, ища — и не находя — неровный шрам, отличавший злобную тварь, за которой он охотился уже не одну тысячу лет. Разочарование пронзило его; он оттолкнул сору в сторону. Это было глупо — он едва не оказался в лязгающих челюстях.

Арес, его братья и сестра не могли умереть, но укусы цербера были для них ядовиты — сперва наступал паралич, а потом начинались *настоящие* мучения.

Арес пригнулся к земле, а Битва со всей силы лягнул зверя прямо в грудь, отбросив его

так, что тот ударился о дверь таверны. Пёс очухался так быстро, словно удар Битвы был не сильнее блошиного укуса, и направился к соре, пятившейся на четвереньках. Арес физически ощущал ужас демонессы — он пощипывал, словно удары маленьких плеток, и у Всадника сложилось впечатление, что она столкнулась с цербером впервые.

Далеко не лучший способ завести знакомство.

— Эй! — *Отвлечь*. Вскочив, Арес обнажил меч. *Раздразнить*. — Эй ты, дворняга мерзопакостная, я тут! — *Прикончить*.

Малиновые глаза цербера горели предвкушением; он прыгнул, обратившись в черную злобную тень. Арес встретил его ударом трехсотфунтового^[2] меча. Воздух сотряс звук, ласкавший слух Ареса — хруст кости под металлом. По рукам Всадника прошла дрожь от удара, и из груди зверя хлынула кровь.

С ужасающим рыком пёс бросился в контратаку, оказавшуюся неожиданно успешной: огромная лапа врезалась Аресу в грудь. Когти царапнули нагрудник, и Всадник, отлетев назад, врезался в каменную колонну. Всё тело выше пояса пронзила боль, а цербер уже стоял над ним, и его челюсти сомкнулись в миллиметре от яремной вены Ареса.

Зловонное дыхание жгло глаза, на кожу капала пенистая жгучая слюна. Когти чудовища с силой вцепились в доспехи, и Аресу понадобились все силы, чтобы не дать церберу разорвать ему горло. Пёс чертовски старался запустить в него зубы, несмотря на то, что Битва осыпал его ударами копыт.

Вложив в удар всю свою мощь, Арес вонзил меч в брюхо зверя и рванул клинок вверх. Чудовище взревело от боли, а Всадник тут же откатился, развернулся и неловко размахнулся мечом.

Неловкий или нет, удар съел церберу голову. Подергиваясь, голова упала на землю; от разрубленной шеи пошел пар. Кровь впиталась в рыхлую землю, не успев собраться в лужу, и из грязи выросли сотни черных зубов. Они сомкнулись на теле цербера и начали пожирать его.

Битва довольно заржал. Конь всегда отличался довольно странным чувством юмора.

Прежде чем земля забрала цербера, Арес вытер меч об его шерсть, мысленно благодаря любого, кто слышит, за то, что пёс его не укусил. Укус сулил бесконечный ужас: паралич не унимал боль... и не лишал способности кричать. Арес знал это не понаслышке.

Тут в голову ему пришла другая мысль, и он нахмурился. Мерзкие псы — хищники, убийцы и в основном охотятся стаями, так почему этот был один?

Что происходит?

Арес взглянул на дверь таверны. Сора исчезла — наверно, обстреливает бар демоническим огнём. Черт, просто великолепно — никто не потрудился выйти и помочь. С другой стороны, ни один демон в здравом уме не стал бы добровольно связываться с цербером, как бы ему ни нравилось убивать... а большинству демонов это *очень* нравилось.

Мелькнула вспышка света, и в двадцати ярдах^[3] от него, в роще черных переплетенных деревьев, замерцал вызванный Хэррогейт. Обычные Хэррогейты были постоянными порталами, сквозь которые могли перемещаться существа подземного мира, но Всадники обладали способностью вызывать такие порталы по желанию, что обеспечивало внезапность атак и быстрые отступления.

Арес вложил меч в ножны. Появился Танатос, отбрасывавший мрачную тень туда, где её не должно было быть. И его самого, и Стикса, его буланого коня, покрывала запекшаяся кровь; на ноздрях жеребца вздувались кровавые пузыри.

Ничего необычного в этом зрелище не было, но уж чересчур подозрительно совпало время, и Арес, вскочив на Битву, выругался.

— Что случилось?

Танатос увидел мёртвого зверя, и его лицо потемнело.

— Видимо, то же, что и с тобой.

— Ты не получал вестей от Ресефа или Лимос?

Желтые глаза Танатоса вспыхнули.

— Я надеялся, что они здесь.

Арес выбросил руку вперёд, создавая Хэррогейт.

— Я к Ресефу. А ты проведай Лимос.

Не дожидаясь ответа брата, он направил Битву в портал. Конь прыгнул, и его большие копыта приземлились на скалистый уступ, до гладкости отшлифованный резкими ветрами и снежными буранами.

Это было укрытие Ресефа в Гималаях — огромный лабиринт пещер, уходивший глубоко в горы и невидимый человеческому глазу. Арес спешил одним плавным движением; звук от удара его подметок о камень бесконечным эхом разнесся в разреженном воздухе.

— Ко мне.

Боевой конь мгновенно исчез, тонкой струйкой дыма обвился вокруг руки Всадника и застыл на его предплечье в виде татуировки — серо-коричневой лошади.

Арес решительно вошёл в пещеру, но не успел пройти и десяти шагов, как по спине у него словно прошёл ток силой в десять тысяч вольт.

Пора танцевать.

Он уже нёсся вперёд, на бегу обнажая меч; металлический шорох клинка, покидающего ножны, был подобен шепоту любовника во время прелюдии. Неважно, что только что он бился с врагом. Арес любил славную битву, ему отчаянно хотелось снять напряжение, накрывшее его с силой полноценного оргазма, и он давным-давно уже решил, что сражаться ему нравится больше, чем трахаться.

Впрочем, он не мог не признать, что нет ничего лучше, чем переключиться с хорошей драки на страстную женщину. Может быть, после всего этого он вернется в таверну и найдет какую-нибудь *Подстрекательницу Войны*.

Адреналин горячим потоком бежал по жилам. Арес свернул так резко, что его даже занесло, и ворвался в основное обиталище Ресефа.

Его брат, сжимая окровавленный топор, стоял посреди комнаты, забрызганной свежей кровью. Ресеф тяжело дышал, ссутулив плечи и склонив голову так, что белокурые волосы закрыли лицо. Он не двигался; все его тело как будто окаменело. Позади него лежал мертвый цербер, а второй, вполне живой, лежал в углу, хрипло рыча и скаля острые как бритва зубы.

— Ресеф!

Брат не шевельнулся.

Черт возьми. Его укусили.

Зверь повернул косматую голову к Аресу. Красные глаза кровожадно горели; он начал подбирать под себя задние лапы. За тысячную долю секунды оценив расстояние до цели, Арес одним быстрым движением метнул кинжал, и тот вонзился церберу в глаз. Воспользовавшись преимуществом, Арес размахнулся и нанёс удар мечом. Удар, пришедшийся по пасти пса, начисто срезал тому челюсть. Пес взвыл от ужасной боли и

ярости. Ресеф уже ранил его, и он, ослабев, споткнулся и упал, дав Аресу возможность вонзить меч прямо в свое черное сердце.

— Ресеф! — Оставив меч в теле зверя, Арес бросился к брату, чьи голубые глаза были дикими и остекленевшими от боли. — Как они сюда попали?

— Должно быть, — простонал Ресеф, — кто-то... прислал их.

Это многое проясняло. Однако справиться с цербером или управлять им могли очень немногие. Так что, если кто-то прислал этих зверей, он всерьёз намеревался вывести из строя Ареса и его братьев... и, вероятно, Лимос тоже.

— Тебе бы следовало чувствовать себя особенным, — сказал Арес с беспечностью, которой на самом деле не ощущал. — Ты получил двух церберов, а я — только одного. Кого ты так взбесил? — Он осторожно обнял брата и опустил его на землю.

Тот хрипло втянул в себя воздух.

— Прошлой ночью... моя... Печать...

У Ареса все оборвалось внутри. Дрожащими руками он сорвал с Ресефа футболку, обнажив цепочку на шее. Висящая на ней Печать была целой, но, стоило Аресу дотронуться до золотой монетки, как его руку уколола полная враждебности вибрация.

— Чума варгов... — прерывисто дыша, произнес Ресеф сквозь стиснутые зубы. — Хуже. Это... не... хорошо.

Нехорошо — слишком мягко сказано. Медальон, который держал в руке Арес, вдруг разделила пополам тонкая линия. Пещера вокруг них начала дрожать. Печать разломилась на две половинки, и Ресеф вскрикнул.

Начался обратный отсчет времени до Армагеддона.

— Первый Всадник Апокалипсиса выпущен на свободу.

Сержант 1-го класса Эрик Вагнер, один из двух представителей паранормальных подразделений Армии Соединенных Штатов, ПС-Х, споткнулся, меряя шагами переговорный зал берлинской штаб-квартиры Эгиды. Эти две организации десятки лет действовали независимо, но недавно объединились для борьбы с всё возрастающей угрозой, исходящей от подземного мира. Эрик никогда не принимал всерьёз информацию Эгиды, но ему все же пришлось пару раз прокрутить в голове слова Кинана, прежде чем он сумел разобраться в ситуации, не говоря уже о том, чтобы поверить в нее.

Слабо вздохнув, он сосредоточился на том, чтобы не сбиться с шага, и скользнул взглядом по Кинану и остальным одиннадцати Старейшинам, сидевшим вокруг стола переговоров. Некоторые из них, очевидно, уже были в курсе дела, но остальные... не очень, судя по потрясению и страху, отразившимся на их лицах. В потрясении не было ничего удивительного; тревожил Эрика именно страх. Эгида — древняя организация по борьбе с демонами, уже пережившая не один сценарий конца света, и видеть страх ее лидеров было... чертовски тревожно.

— Проклятье. — Реган, сногшибательная женщина с загорелой кожей, слишком молодая, чтобы называться старейшиной, перекинула длинные стянутые в хвост волосы через плечо и теребила темные кончики — Эрик знал, что так она делала, когда нервничала.

Декер, обычно невозмутимый партнер Эрика, побледнел и оперся на косяк двери, чтобы удержать свое большое тело в вертикальном положении.

— Когда? Как?

— Я узнал только сегодня утром. — Сверкнув голубыми глазами, Кинан толкнул Демонику, библию демонов, в центр стола и открыл ее на предпоследней странице.

— Все дело в этом отрывке. *Она — полукровка, которой не должно существовать, и она несет в себе силу распространить чуму и мор. Когда разразится битва, завоевание будет скреплено печатью.* — На его лице возникли напряженные морщинки, и он оглядел присутствующих. — *Она — полукровка* — это Син, моя невестка. Она стала причиной чумы, которая распространилась среди оборотней и привела к конфликту, возникшему между разными видами пару дней назад. Как говорится в пророчестве, *когда разразится битва, завоевание будет скреплено печатью.* Битва варгов — вот что сломало Печать Всадника.

Эрик продолжал протаптывать дорожку в ковре. Буханье его военных ботинок напоминало приглушенные выстрелы.

— Значит, вы говорите, это демоническое пророчество?

После долгой паузы Кинан зловеще ответил «да» своим сиплым голосом. В годы военной службы демон едва не разорвал ему горло, и теперь шрамы и хриплый голос были для него своеобразными знаками отличия.

— Чем демоническое пророчество отличается от человеческого? — К Декеру вернулся цвет лица, что было к лучшему, потому что иначе со своими серо-голубыми глазами и светлыми волосами он напоминал ожившего мертвеца.

Кинан, одетый в потертые джинсы и серую облегающую тенниску, откинулся в кресле и сложил руки на животе.

— По-видимому, если сбудется пророчество Демоники, Всадники примут свои демонические половинки и обратятся в чистое зло. Если сбудется пророчество из Библии, Всадники примут сторону своего отца-ангела и станут сражаться на стороне добра.

Услышав это, Эрик остановился.

— Что? Всадники *суть* зло. Вы читали книгу Откровения? Предполагается, что они возвестят конец света, принеся с собой болезнь, войну, голод и смерть.

— Это наиболее распространенная интерпретация отрывков из Библии. — Валерий, один из главных Старейшин, который по стечению обстоятельств состоял с Эриком в дальнем родстве, побарабанил пальцами по дубовой столешнице. — Однако многие ученые, в том числе и я, считают, что Печати Всадников будут разрушены самим Иисусом, и Всадники пойдут во главе конца света, но это не обязательно плохо.

— Конечно же нет, — протянул Эрик. — Каждый Апокалипсис — это вечеринка. Захватите с собой пиво, крендельки и полуавтоматическое оружие.

Реган бросила на него раздраженный взгляд. По-видимому, иронию в штаб-квартире Эгиды не оценили. Не оценили её и в ПС-Х, главным образом потому, что Эрик все еще пребывал в немилости за то, что ушел в самоволку несколькими днями ранее, вместо того чтобы определить местонахождение своей сестры-оборотня. — Итак, что же означает для нас первая сломанная Печать? Мы можем её починить? Не дать сломать остальные?

— Не знаю, — расстроено вздохнул Кинан. — Нам придётся копаться в теориях, пророчествах, в любой крупице информации, какую сможем раздобыть.

Дерьмо, после собрания Эрику надо будет выпить чего-нибудь покрепче.

— Мы знаем, что ломает следующую Печать?

— Все, что у нас есть, — это следующая строка пророчества. — Валерий просмотрел кипу листов перед собой и вытащил одну страницу. — *Ошибка ангела повлечет за собой*

Войну, а ее смерть разрушит его меч. Но будьте начеку, сердце пса все же может покориться.

Эрик провел рукой по волосам, подстриженным по военному образцу, и, хотя момент был совсем неподходящий, отметил, что надо будет заглянуть в парикмахерскую.

— Что это, черт возьми, должно означать?

— Это про второго Всадника — Войну. — Валерий поправил очки. — Мы понимаем не всё, но считаем, что *агимортус* Войны — Непадший.

Непадший... прикованный к земле падший ангел, который еще не входил в Шеул и не стал необратимым злом. Интересно.

— Погодите, — потряс головой Эрик. — *Агимортус*?

— Да, — отозвался Валерий. — Спусковой механизм взлома Печати. Это может быть человек, объект или событие.

— Печать Чумы сломало событие, — объяснил Кинан. — Син была *агимортусом*, и из-за её действий произошло событие, которое и сломало Печать. Если бы её убили до того, как разразившаяся из-за неё чума привела к войне, Печать бы *не сломалась*. Но мы считаем, что *агимортус* Войны — это человек. Смерть этого человека *сломает* его Печать.

Эрик остановился.

— Если вам было известно о первом пророчестве, о том, что Син — *агимортус*, почему же вы не убили ее?

Кинан слабо вздохнул. Син была сестрой его лучших друзей — лучших друзей-демонов.

— Сейчас это очевидно. Но в то время мы не знали. Хотя были совсем рядом с этим.

— Ты был совсем рядом с этим. — Реган встала, и ее высокая фигура с пышными формами удостоилась оценивающего взгляда Эрика. Не то чтобы он был заинтересован — ему нравились женщины более кроткие, не такие «я-убью-тебя-на-месте», но её облик напомнил, как давно он ни с кем не развлекался в постели. Трудно перепихнуться, когда приходится лгать обо всем: от своего имени и места работы до всей биографии.

Щеки у Кинана пошли красными пятнами.

— Да. Это правда. Я читал пророчество миллион раз и должен был понять, что она — *агимортус*, как только началась чума. Мы должны помнить одно: пророчества туманны не просто так.

Эрик обдумал все, что сказал Кинан.

— В пророчестве упоминаются псы. Не имеют ли к нему отношения адские псы?

Тёмные брови Ки нахмурились.

— А что?

— Полк смотрителей-Х получил необычно много сообщений о замеченных церберах.

Хранители обменялись взглядами, и Вал, наконец, сказал:

— Мы тоже заметили, что они стали появляться чаще. За эту неделю наши Хранители сталкивались с церберами чаще, чем за весь последний год.

Не успел Эрик задать вопрос, как Вал покачал головой:

— Причины мы не знаем.

— Ладно, значит, нам придётся найти способ сделать так, чтобы Печать Войны не сломали. А остальные Всадники? Печати могут ломаться не по порядку?

— Согласно Демонике, Печать Чумы должна была сломаться первой, а остальные могут быть сломаны в любом порядке. И это ещё не самое худшее, — печально произнес Вал, и все почему-то стало действительно хуже. Выпивка Эрика будет двойной. И с «прицепом»^[4].

— Если сломаются любые две печати, остальные падут вслед за ними без всякого спускового механизма. Как только будут сломаны все четыре, нас захлестнёт Армагеддон.

Эрик почувствовал, что его мысли разлетелись, как конфетти в бурю. У него была куча вопросов, но он чувствовал, что ответы получит далеко не на все.

— Другие Печати будут сломаны уже скоро? Или это может затянуться на несколько веков?

— В принципе, это возможно. — Взгляд Реган был мрачен, голос звучал зловеще. — Но то, что на свет выпущен Мор, плохо само по себе. По всему миру распространяются болезни, водоемы заражены бактериями, а демоническая активность просто зашкаливает. Неужели мы действительно хотим, чтобы так продолжалось веками?

Вал откашлялся.

— Там написано, что разрушение одной Печати ослабит остальные. В реальности это повлечет за собой события, которые ускорят уничтожение других Печатей. Например, может отыскаться предмет, необходимый для того, чтобы сломать Печать, местонахождение которого было неизвестно тысячи лет. И, без сомнения, Мор, будучи злом в чистом виде, активно пытается сломать Печати своих братьев и сестры. Сейчас Всадники — самые могущественные существа подземного мира, если не считать самого Сатаны. Если в Последней Битве победят силы зла, они фактически будут править Землей.

— Просто великолепно, — пробормотал Эрик. — Так каков план? Получается, что нам нужно или сдерживать, или убить этих Всадников, чтобы они не устроили погром, если их Печати сломаются; или нам надо действовать с ними заодно, чтобы попытаться спасти от разрушения другие Печати.

Реган подставила свою чашку под кофейный автомат.

— Мы не знаем, *возможно ли* сдержать их или убить. Мы почти ничего не знаем.

— Я узнаю, что известно родственникам моей жены и что они могут выяснить, — сказал Кинан. — У них свой взгляд на демонические знания.

— Прекрасная идея. — Голос Реган был слаще, чем ее кофе. — Попросить о помощи демонов.

— Нам сгодится любая помощь, какую только мы сможем получить. — Кинан сцепил руки на затылке и уставился на средневековое полотно позади Эрика, изображавшее битву между ангелами и демонами. — И помощь Всадников в том числе.

— А это разумно? — спросил Декер. — Мы действительно хотим любезничать с этими парнями? Если они — зло, мы же не хотим попасть в их поле зрения.

Кинан покачал головой:

— Согласно истории Эгиды, раньше они тесно сотрудничали с нами.

— Почему же перестали?

— Современная глупость. В средние века Эгида относилась к религии слегка фанатично. Черт возьми, именно Эгида стояла за гонениями на ведьм. Большие перемены в мировоззрении привели к убежденности, что все сверхъестественное — зло, в том числе и Всадники.

Кинан окинул всех суровым взглядом.

— Только в последние пару лет мы начали возвращаться к изначальным взглядам.

Эрик едва сдержал усмешку, услышав последнюю фразу, произнесенную с вызовом. Именно Кинан, несмотря на сильное сопротивление со стороны Старейшин, продвигал новый взгляд Эгиды на подземных существ. Не только потому, что был женат на

полудемоне, но еще и потому, что в его жилах текла ангельская кровь. Учитывая то, что он был зачарован ангелами, и ему суждено было сыграть свою роль в Последней Битве, Ки не боялся использовать свой статус, чтобы заставить Старейшин взглянуть на вещи со своей точки зрения.

— В сущности, — угрюмо сказал Эрик, — нам придётся просить помощи у парней, которые, вполне возможно, затаили злобу на Эгиду и у которых хватит сил положить начало концу света.

Улыбка Кинана была полна какого-то безумного веселья.

— Добро пожаловать в повседневную жизнь Эгиды.

«Война — это ад»
Уильям Текумсе Шерман

«Шерман, безусловно, был моей шлюхой»

Война

Наши дни...

Арес, в большей части мира людей и демонов известный также как Война, второй из Четырёх Всадников Апокалипсиса, сидел на коне на окраине безымянной деревни в Африке. Его тело и разум вибрировали энергией. Здесь бушевала битва: два местных военачальника, чей мозг был разрушен распространяемой насекомыми болезнью, сцепились из-за того, кому достанутся остатки воды на дне деревенского колодца. Вот уже несколько дней Арес, влекомый враждой, как наркоман — героином, бродил здесь, не в силах уйти, пока не перестанет литься кровь. Однако это был замкнутый круг, потому что само его присутствие вызывало жесточённость, подпитывая жажду крови в каждом человеке в радиусе пяти миль ^[5].

Проклятый Ресеф.

Нет, не Ресеф. Уже нет. Самого беззаботного и веселого из братьев Ареса, того, кто на протяжении веков не давал семейным узам распасться, не существовало вот уже шесть месяцев. Теперь он стал Мором, и вместе с именем и внешним преображением к нему пришли ужасные силы, угрожавшие человечеству. Мор странствовал по миру, вызывая болезни, нашествия насекомых и грызунов и массовые неурожаи одним лишь прикосновением пальца, укусом или просто мыслью. Распространявшиеся бедствия вели к новым войнам вроде этой, которые притягивали Ареса, уводя его прочь от самой насущной задачи — поисков Батарил, падшего ангела, державшего в руках судьбу Ареса.

Смерть Батарил, носителя *агимортуса* Ареса, сломала бы Печать, выпустив на Землю Войну.

Неустанно преследуемая Ресефом и демонами, желавшими начала Апокалипсиса, Батарил предпочла бесследно исчезнуть, и теперь Арес, к несчастью, не мог её защитить.

С другой стороны, даже если бы Арес нашел ее, то смог бы защитить лишь отчасти из-за забавного дополнения к его проклятию, которое ослабляло его, когда он находился в непосредственной близости от носителя *агимортуса*.

Бой перед ним, наконец, стал утихать, а электрическое напряжение, державшее Всадника в заложниках, ослабло, сменившись обычным оцепенением. Женщин и детей перебили; немногих коз, переживших эту бойню, зарезали на мясо, и, черт побери, это была обычная для этого континента картина.

Скрипнули кожаные доспехи — Арес сжал в кулаке кулон, закрыл глаза и сосредоточился. Он должен был ощутить сквозь Печать далекий гул, некую подсказку о местонахождении Батарил.

Ничего. Каким-то образом она маскировала свою энергию.

Горячий ветер донес с выжженной земли отвратительный запах крови и внутренностей, взъерошил черную гриву Битвы. Арес уверенно похлопал коня по рыжевато-бурой шее.

— Всё закончилось, мальчик.

Битва ударил копытом. Люди не видели их, пока Арес оставался внутри *Хота* — это заклинание позволяло перемещаться по человеческому миру невидимым, но недостаток его состоял в том, что передвигавшийся словно становился призраком и не мог ни до чего дотронуться. Раньше Ресеф обожал сбрасывать *Хот*, внезапно появляясь среди людей и пугая их до смерти. В отличие от Ареса, присутствие Ресефа не влияло на людей. Исключение составляли женщины. Ресеф определенно умел с ними обращаться.

Арес больше не смотрел на ужасные следы боя. Вместо этого он призвал Хэррогейт, и Битва прыгнул в портал, перенеся их в Гренландию, ко входу в цитадель Танатоса. Древний замок, защищенный магией стихий, делавшей его невидимым для человеческого глаза, возвышался над скалистым пустынным пейзажем, точно выброшенный на сушу кит.

Спешившись, Арес ступил на крепкий лед.

— Ко мне.

Конь вернулся на руку Ареса, и Всадник направился в богато украшенное поместье, отмахиваясь от кланявшихся и шаркавших ножкой вампиров, служивших Танатосу веками. Арес нашел брата в спортзале — тот изо всех сил колошматил боксерскую грушу. Танатос был одет по-домашнему: черные тренировочные штаны, обнаженный торс, рыжеватые волосы до плеч повязаны черной банданой. При каждом ударе на темной загорелой коже плясали татуировки: от потрескавшихся окровавленных костей на кистях рук и всевозможного оружия на предплечьях до картин, посвященных смерти и разрушению, на спине и груди.

— Тан, мне нужна твоя помощь. Где Лимос? — Арес нахмурился, глядя на темное пятно на полу позади брата. — А это что?

— Суккуб. — Танатос вытер пот со лба тыльной стороной ладони. — Ресеф отправил ещё одну меня соблазнить.

— Он больше не Ресеф. — Голос Ареса раскатился в холодном воздухе, точно сорвавшаяся лавина. — Называй его тем, кем он является.

Легче сказать, чем сделать — Арес и сам еще не привык к этому.

Бледно-желтые глаза Танатоса взглянули прямо в почти черные глаза брата:

— Никогда. Мы можем его вернуть.

— Печати невозможно восстановить.

— Мы найдем способ. — Танатос сказал это твердым, не терпящим возражений тоном. Он всегда был бескомпромиссным, как смерть, которой, по сути, и являлся.

— Нам придется его убить.

Вокруг Танатоса закружились тени, ускоряя движение в такт его нараставшему возбуждению. Из всех четверых Танатос всегда был самым несдержанным. Да и кто бы не стал таким за тысячи лет воздержания? Потому он и жил в глуши — в мире людей вспышка его гнева могла бы убить всех живых существ на много миль вокруг.

— Ты разве не помнишь, как Ресеф вечно разъезжал по миру в поисках самых сладких яблок для наших коней? Как он никогда не приходил без подарка? Как, стоило кому-то из слуг заболеть или пораниться, он искал лекарства и помогал им встать на ноги?

Разумеется, Арес помнил. С женщинами Ресеф мог вести себя как самый

легкомысленный донжуан, но с теми, кого считал членами семьи, он был заботлив и внимателен. Он беспокоился даже о двоих Наблюдателях, когда те не появлялись несколько месяцев подряд. Ривер, ангел, представлявший Небеса, и Хавистер, падший ангел, представлявшая Шеул, едва ли нуждались в заботе Ресефа, однако тот всегда облегченно вздыхал, увидев их.

Это продолжалось с тех пор, как их первый Наблюдатель в Шеуле решился на большее, нежели просто «наблюдать» за Всадниками. Потрошитель мучился несколько месяцев, и смерть его вполне соответствовала его имени. Он без разрешения выдал тайну о материале, использованном при создании *агимортуса* Лимос.

— Все это не имеет ничего общего с тем, что происходит сейчас, — возразил Арес.

— Мы не станем убивать его.

Спорить было бессмысленно. Они не располагали всем необходимым для того, чтобы покончить с братом, но Тан никогда бы и пальцем не шевельнул, чтобы что-то раздобыть. У Ареса до сих пор побаливала челюсть после того, как они это обсуждали. Сам он, конечно, тоже не горел желанием убивать Ресефа, но и допустить, чтобы тот добился начала Армагеддона, не мог.

— То есть ты предпочтешь смотреть, как сбывается пророчество Демоники?

Хотя человеческих предсказаний существовало великое множество, все они сходились в том, что люди одержат победу в Последней Битве, а Всадники смогут сражаться на стороне добра. Если же исполнится демоническое пророчество, все козыри окажутся на руках у зла.

И зло будет действовать исподтишка.

Тан нанес груше последний сокрушительный удар.

— Я не дурак, братец. Я охотился на слуг Ресефа, и мне удалось... убедить... одного из них поговорить со мной.

— Убеждение, пытка, да что угодно. — Арес скрестил руки на груди. Части его плотных кожаных доспехов скрипнули друг о друга. — Так что ты узнал?

— Что надо найти того, кому известно больше, — проворчал Тан. — Но я выяснил, что Ресеф отправил отряды демонов на поиски Избавления.

— Значит, нам надо его опередить, — проговорил Арес.

Танатос взял со скамьи полотенце и вытер лицо:

— Мы ищем кинжал аж с XIV века и до сих пор не нашли.

— Значит, надо искать тщательнее.

— Я же тебе сказал...

Арес перебил брата:

— Если мы найдём Избавление, это не значит, что нам придётся им воспользоваться. Но пусть лучше кинжал будет у нас, и мы не будем в нем нуждаться, чем наоборот. Если Рес... Мор найдет кинжал первым, он сделает все, чтобы мы никогда его не получили.

Танатос шагнул к Аресу, и тот приготовился к бою. Неважно, что их связывали кровные узы; Арес жил сражением, и даже сейчас адреналин пел в крови, уничтожая то проклятое оцепенение.

— Когда мы достанем кинжал, — прорычал Тан, — хранить его буду я.

Арес не скрыл разочарования. Черт подери, он сам хотел обладать Избавлением. Это было единственное оружие, способное убить Мора, оружие для величайшей из войн, и, как любой хороший военачальник, Арес хотел быть полностью уверенным в своём арсенале.

— Обсудим это, когда кинжал будет у нас.

— О чем это вы оба спорите? — прозвучал низкий удивленный голос.

Обернувшись, Арес увидел Ресефа, стоявшего в дверном проеме; из швов его потускневшей брони сочилась черная жидкость. В руке, облаченной в латную перчатку, он держал отрубленную голову женщины.

У Ареса душа ушла в пятки.

— Батарил.

Он нащупал монетку у себя на шее. Облегчение от того, что та цела, смешалось с яростью, недоумением и желанием поддать брату под зад.

Настоящая невероятная смесь «что-за-черт».

— Как видно, — проговорил Ресеф, — раз вы не носите свои великолепные новенькие клыки, от которых все дамы без ума, ваши Печати не сломаны. Эта падшая идиотка перенесла *агимортус* на кого-то другого.

Ресеф швырнул голову падшей на пол. Тело Батарил, вероятно, распалось после ее смерти, а это означало, что её убили в здании, либо построенном демонами, либо зачарованном Эгидой, или же на земле, принадлежавшей сверхъестественным существам.

На плече у Ареса возбужденно зашевелился Битва; его эмоции совпадали с эмоциями Ареса.

— Где ты ее нашел? — выдавил он.

— Трусливая сучка отсиживалась в Хэррогейте, — ответил Ресеф. Это объясняло, почему Арес не мог ее почувствовать. — Мне пришлось отправить на ее поиски колючих адских крыс.

Ну конечно же. Мор мог общаться с грызунами и насекомыми и контролировать их. Он использовал их в качестве разносчиков чумы и мора среди людей. А еще, по-видимому, в качестве шпионов.

Танатос подошел к брату, бесшумно ступая босиком по каменному полу.

— Ресеф, на кого Батарил перенесла *агимортус*?

— Понятия не имею. — Ресеф ухмыльнулся, обнажив свои «великолепные новенькие клыки» — ни дать ни взять слопавший канарейку кот. — Но скоро узнаю. Может быть, после того, как выпущу на волю парочку новых болезней. Замечательная разновидность, с нарывами и недержанием.

Он открыл Хэррогейт и помедлил перед тем, как шагнуть внутрь:

— Вам лучше прекратить со мной сражаться. Меня поддерживает сам Темный Лорд. И чем дольше вы сражаетесь с неизбежным, тем больше страдает тех, о ком вы так печетесь.

Хэррогейт захлопнулся, и Арес с проклятиями врезал кулаком по боксерской груше; черт возьми, он бы отдал что угодно, чтобы на месте груши была физиономия Мора. Ресеф никогда не был ни жестоким, ни черствым и жил в постоянном страхе перейти на сторону зла. И если уж даже он стал таким из-за того, что его Печать сломалась... Дела Ареса были плохи.

— Дай мне руку.

Арес развернулся к Танатосу, и тот передал ему глаза Батарил. Только глаза. И ухо.

Эта процедура уже давно перестала вызывать у него отвращение. Сомкнув на органах пальцы, Арес впустил видение в свой разум.

— Что ты видишь? — спросил Тан.

— Меч Ресефа. — Огромный меч заполнил взгляд Батарил — это было последнее, что она увидела. Арес ждал: видения перематывались назад, пока... *вот*. Ухо Батарил

завибрировало, и к изображению добавился звук:

— Блондин. Зовут Сестиэль. Он кричит. Не хочет принимать *агимортус*.

— Оно и понятно. Кто ж захочет себе мишень на заднице?

Агимортус был не то чтобы мишенью, но определенно ставил своего носителя под удар меча Мора. Странно, что носителем стал мужчина. Неужели пророчество ошибочно? Или оно изменилось?

Один из вампиров, слуг Тана, поспешно убрал останки Батарил и поклонился Аресу:

— Могу я забрать у вас эти части тела, сэр?

Как вежливо. Разумеется, большинство существ беззастенчиво подлизывались к Четырем Всадникам Апокалипсиса.

Вероятно, это разумно. Нет, не вероятно. Определенно.

Подлизывайся, мир, потому что, когда Печати будут сломаны, настанет время встать на колени.

Стук в дверь в три часа утра никогда не предвещает ничего хорошего, и, когда Кара Торнхарт прокралась к входной двери, у нее было очень, очень паршивое предчувствие.

Удары становились все нетерпеливее, и каждый заставлял сердце сбиваться с ритма.

Дыши, Кара. Дыши.

— Торнхарт! Открывай, мать твою! — Невнятный голос казался знакомым, и, взглянув в дверной глазок, девушка сразу же узнала человека, стоявшего на пороге. Это был сын одного из ее бывших клиентов.

А ещё Росс Спиллан был одним из множества безработных преступников, из тех, «кому за двадцать», с шестью детьми от шести разных женщин. По-видимому, ни в одной аптеке не продавали презервативы.

Кара подтянула рукава фланелевой пижамы и уставилась на две защелки, цепочку и обычный дверной замок. По спине от страха пробежала дрожь. Девушка жила на окраине, в глуши, и, хотя она сомневалась, что Россу доводилось убивать кого-нибудь топором, её испытанное шестое чувство подсказывало, что стоит ожидать неприятностей.

А может, ты просто чересчур подозрительная. Ее психотерапевт говорил, что испытывать порой панику — это нормально, но с тех пор прошло два года. Неужели теперь она не способна открыть дверь, не дрожа при этом, как испуганный кролик?

— Что случилось, Росс? — крикнула она, все еще не в силах заставить себя отпереть замки.

— Открой проклятую дверь! Я, черт возьми, сбил собаку.

Собаку? Дерьмо.

— Я больше не практикую. Отвези ее в больницу.

— Не могу.

Конечно, не может. Судя по голосу, Росс был выпивши, а местный ветеринар по стечению обстоятельств был женат на начальнице городской полиции. Вдобавок ветеринар был бесчестным ублюдком, который завышал цены и экономил на времени и материалах, и все знали, что он отказывает в помощи животным, посмевающим заболеть или получить травму после окончания рабочего дня.

— Проклятье, Торнхарт. Мне некогда.

Помоги собаке. Возьми себя в руки и помоги ей. На висках и ладонях у Кары выступил пот, но она открыла все замки и распахнула дверь. Не успела дверь открыться до конца, как Росс сунул в руки девушке угольно-черного пса, заставив её отступить на шаг.

— Спасибо. — Он начал спускаться с крыльца.

— Постой! — Девушка неуклюже опустила пса, в котором было добрых семьдесят фунтов^[6]. — Тебе нельзя за руль.

— Плевать. Тут ехать всего-то милю.

— Росс...

— Укуси меня за зад, — пробормотал он, спускаясь по посыпанной гравием дорожке к своему старому форду-пикапу.

— Эй! — Кара не могла его остановить и знала это, но в машине сидел ещё один пассажир — миниатюрная блондинка, больше похожая на старшеклассницу. — Твоя подружка умеет водить?

Росс открыл водительскую дверцу и кинул ключи девчонке:

— Угу.

Пока он неуклюже обходил машину спереди, а его спутница выбиралась наружу, Кара спросила:

— Почему ты привез собаку мне?

Читай: почему ты не оставил собаку умирать на обочине?

Остановившись, Росс сунул большие пальцы за ремень и уставился на свои ковбойские сапоги. Когда он заговорил, Каре пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его.

— Ни одна шавка никогда не нападала на меня со спины.

Кара уставилась на него. Вот так раз. Девушку всегда строго судили люди, которые совсем ее не знали, а она взяла и поступила точно так же с другим человеком.

Тут Росс закашлялся, шлепнул молодую блондинку по ягодицам в ультра-коротких шортиках и сплюнул на землю, в очередной раз подкрепив свою славу... но... по крайней мере, он любил собак.

Девушка закрыла дверь, неуклюже заперла замки и понесла обмякший комок шерсти в комнату, которую плотно закрыла два года назад.

— Черт возьми! — выругалась она, толкнув дверь плечом. Раздался скрип заржавевших петель. Затхлый воздух пахнул неудачей, и, как бы Кара ни силилась ощутить себя взрослой и храброй, руки у неё по-прежнему тряслись, когда она уложила пса на смотровой стол и включила свет.

Черная шерсть животного пропиталась кровью, а задняя лапа была изогнута под неестественным углом; сломанная кость прорезала кожу. Собаке требовалась настоящая ветеринарная помощь, не ее. Не той, кто лечит *флюидами*, в реальности которых иногда сомневается даже сама. Единственный практический медицинский опыт, который у нее был, — это работа ветеринарным фельдшером, и было это восемь лет назад, когда она еще подростком работала у отца.

Кара мысленно сделала разворот на 180 градусов, не дав себе зайти по этой темной дорожке слишком далеко, натянула перчатки и, повернувшись, с ужасом отшатнулась. Щенок — несмотря на размеры, контуры тела пса были умильными, щенячьими — смотрел на нее. И глаза у него были... красными.

Кровь, это наверняка кровь. Но это не объясняло жуткого свечения зрачков.

— Э-э-э... привет, приятель.

Щенок раскрыл пасть, обнажив чрезвычайно острые и *большие* зубы. Что это за порода? Он походил на нечто среднее между волком и питбулем, может быть, с некоторыми чертами белой акулы; по подсчетам Кары, щенку было около четырех месяцев. Если не считать того, что величиной он был не меньше взрослой сибирской лайки.

А эти зубы! Эти глаза...

Неподалеку располагалась военная база, и с тех пор, как Кара переехала в этот провинциальный городок в Южной Каролине, до нее доходили слухи об экспериментах и странных существах, которых выводили там по распоряжению правительства. Впервые Кара всерьез подумала, что это возможно, потому что этот пёс был... неестественным.

Щенок ёрзал на столе, поскуливая от боли при малейшем движении, и ей вдруг стало совершенно всё равно, откуда он взялся и что он такое — выращенное в лаборатории создание, генетическая мутация или пришелец из космоса. Кара не выносила вида страдающих животных, особенно когда почти ничем не могла помочь.

— Эй, — прошептала она, протягивая руку. Щенок смотрел на нее настороженно, но позволил погладить себя по мордочке. И да, это был *мальчик*. Каре не нужно было проверять... она просто знала. Девушка всегда чувствовала животных, и, хотя исходившие от этого существа флюиды были странно... беспорядочными, она всё же их ощущала.

Медленно, стараясь не испугать щенка, Кара ощупала его тело. Сейчас самое большее, что она могла сделать, — это установить очередность медицинской помощи: надо поддерживать в нем жизнь, пока она не сможет отвезти его к доктору Хеппсу. Этот подонок просто усыпит щенка, если никто не оплатит лечение, а это означало, что Каре придется выбирать: оплата ипотеки или счета от ветеринара.

Её пальцы погрузились в колотую рану, и пес завизжал от боли, дрожа всем телом.

— Прости, малыш. — О боже, это пулевое ранение. Должно быть, кто-то подстрелил его, а уже потом он угодил под грузовик Росса.

Поскуливая, пес корчился от боли, и Кара ощущала его страдания каждой клеточкой своего тела. В буквальном смысле. Это было частью того, что отличало её от всех, кого она знала, таланта, который был одновременно и благословением, и проклятием.

Кара поклялась больше никогда не использовать свои способности, но видеть, как страдает живое существо, она не могла. Ей придётся на это пойти, как бы ни противился ее разум.

— Ладно, — пробормотала девушка, — попробую. Ты только держись.

Закрыв глаза, она поднесла обе руки к его телу; ладони зависли в дюйме^[7] от шерсти. Кара заставляла себя расслабиться и сосредоточиться, пока ее эмоции и энергия не собрались в голове и груди. Она никогда не училась искусству духовного или энергетического лечения, но у неё всегда получалось.

До тех пор, пока однажды пациент не умер.

Кара потрясла головой, очищая разум. Постепенно покалывание усиливалось и ширилось внутри неё и вскоре уже пульсировало собственным сердцебиением. Она визуализировала энергию в фиолетовое сияние, струившееся из её груди к ладоням. Щенок успокоился, его дыхание замедлилось, и он больше не скулил. Кара не могла срastить сломанные кости или разорванные органы, но была в состоянии унять боль и замедлить кровотечение, а этот бедный мальчик нуждался в любой помощи.

Энергия нарастала, вибрируя по всему телу, как будто прося освобождения.

Той ночью было то же самое.

Воспоминания вспыхнули у Кары в голове, точно взрыв, отбросив её назад во времени, к той ночи, когда ее дар превратился в нечто тёмное и обрушился не на собаку, а на человека. Его полные ужаса глаза выкатились из орбит, из носа и ушей хлестала кровь. Кричать он не мог, зато эти его дружки очень даже могли.

Прекрати думать! Почувяв страх, энергия исчезла. Комната вращалась, ноги у Кары дрожали. Настоящая карнавальная комната смеха. Только без смеха. Скуление выдернуло ее из транса, и она споткнулась о старинный сундук, где хранились все традиционные медикаменты, принадлежавшие отцу.

— Прости, малыш, — отрывисто сказала Кара. — Придется нам действовать по старинке.

Кара не училась на ветеринара, но несколько лет работала со своим отцом и прекрасно понимала, что пёс умрёт, если она ничего не предпримет.

Быстро, насколько позволяли дрожащие руки, девушка нагрнула тележку инструментами и материалами и подкатила её к щенку. Тот лежал неподвижно; его дыхание стало более затрудненным, чем было всего лишь за минуту до этого. В области раны от пули плоть быстро вздувалась, и, внимательно осмотрев её, Кара задохнулась. Мышцы и кожа отмирали у неё на глазах. Если бы Кара не видела этого сама, то сказала бы, что рана гноилась с неделю. Появилась гангрена, и комнату заполнило зловоние мертвой плоти.

— Господи, — выдохнула Кара. — Что происходит?

Боясь потратить впустую хоть секунду, девушка схватила скальпель, надеясь, что пес не укусит, потому что будет больно.

Кара аккуратно сделала маленький надрез на месте пулевого отверстия. Щенок заскулил, но не шевелился, пока она вытирала гной и кровь, а потом взяла пинцет.

— Потерпи, малыш.

Кара задержала дыхание и взмолилась за твердость своей руки. *Сделай это. Пора...*

Она вставила в рану пинцет, поморщившись от чмокающего звука, с которым металл вошёл в гниющую плоть. Хотя она не призывала свою силу, струйка энергии, которую девушка не могла удержать, потекла по руке в ладонь. *Без паники.* Кара умудрялась держать себя в руках, пока не почувствовала, что пинцет натолкнулся на пулю. Когда Кара захватила ее, пес взвизгнул, но не сдвинулся с места... и не укусил.

Максимально осторожно Кара извлекла пулю. Странно... пуля была серебряная. Кара положила пинцет на поднос, схватила бинты, повернулась к собаке...

И завизжала.

Щенок стоял на смотровом столе, подняв голову и вывалив язык, словно только что радостно носился по парку, а не лежал при смерти. Единственным признаком того, что он вообще был ранен, была кровь, покрывавшая его шерсть и собравшаяся в лужицу на полу и столе.

Потрясенная нереальностью ситуации, девушка упала в обморок, и холодный пол дружелюбно принял ее тело. Её голова ударилась о плитку, а когда она открыла глаза, щенок стоял рядом с ней, и его красные глаза светились. Он вылизывал ее лицо и рот. Фу, из пасти у него воняло тухлой рыбой. Кара слабо попыталась отпихнуть его, но щенок вернулся и прыгнул на нее.

Он тяжело дышал; его дыхание пахло так, что вполне сошло за нюхательную соль, и Кара почувствовала приступ тошноты.

— Фу, — просипела девушка, размахивая рукой перед его пастью и пытаясь отогнать

вонь. — Придётся что-нибудь сделать с твоим зловонием.

Боже, она говорит так, словно все это происходит наяву.

Но это не так. Этого просто не может быть. Наверное, она всё ещё лежит у себя в кровати, а все это — просто сон.

Внезапно, Хэлитозис^[8] поднялся на лапы, припал к земле рядом с ней и зарычал. Это было не обычное рычание. Хриплое, придымленное — она скорее ожидала бы услышать такие звуки от дракона. Или демона. *Что за бред.*

Дверь разлетелась на куски, и в дом ворвались четверо мужчин.

Крик, уже готовый вырваться из груди, застрял у неё в горле, скованный страхом. *Только не это. Только не это.* Воспоминания о предыдущем вторжении, разрушившем ее жизнь, столкнулись с происходящим, и девушка застыла, словно парализованная, не в силах даже вздохнуть.

Раздались выстрел, рычание... а потом чудовищные крики. Кровь забрызгала пол, стены, ее саму... и Кара, сбросив оцепенение, поднялась на ноги.

Хэл швырнул одного из мужчин на пол; когти пса, ставшие вдруг длинными, как у кошки, рвали его грудь, а остальные двое замахнулись на него необычным клинкообразным оружием.

Кара оглядела комнату в поисках предмета, которым можно было бы защищаться. Схватила тяжелую стеклянную банку из-под ватных шариков и отшатнулась от ослепительно-яркой вспышки света. Посреди комнаты появился красивый блондин. Из его пальцев вырвалось пламя, и в воздух взвился огненный шар, превратившийся в золотую сеть, которая накрыла щенка. Тот свернулся под ней в клубок.

— Нет! — Кара кинулась к псу, но кто-то схватил ее сзади. Хэл словно обезумел; сплошной клубок из зубов и когтей, он силился выбраться из сети.

Посыпались проклятия, и кто-то выстрелил новоприбывшему в грудь, но тот обратил на пулю не больше внимания, чем на укус пчелы. Он поднял сеть вместе с Хэлом; ещё одна вспышка света — и он исчез.

Один из мужчин крепко держал девушку. Другой направился к ней. Левая рука у него безжизненно болталась, а лицо покрылось пятнами от ярости.

— Что ты такое?

Кара заморгала:

— Ч-что?

— Я спрашиваю, *что ты такое?* — прорычал он.

— Не понимаю.

Мужчина выбросил руку вперёд так быстро, что Кара даже не заметила этого, пока её щеку не обожгла пощечина.

— Что ты за демон? — завопил он, брызгая слюной ей в лицо.

О боже, они сумасшедшие. Вся эта ситуация безумна. Это страна Безумия, а она — её королева.

— Почему... — Кара прерывисто вдохнула и попыталась успокоиться. Это было нелегко — мужчина, который держал ее, точно в тисках, выдавливал из легких весь воздух. — Почему вы думаете, что я демон?

Может, они религиозные фанатики, вроде тех, что обвиняли ее в колдовстве, пока она не научилась скрывать свой дар исцеления.

От её теории камня на камне не осталось, когда третий мужчина, стоявший на коленях

рядом с лежавшим на полу мертвецом, встал, держа в руке пулю, которую она недавно извлекла из тела щенка. Он протянул пулю Каре.

— Потому, — сказал он странно спокойным голосом, — что исцелить цербера мог только демон.

Цербер?

Они с ума сошли.

— Это же просто собака.

— В самом деле? — обманчиво мягким тоном спросил державший пулю рыжеволосый веснушчатый незнакомец, смутно напомнивший ей Кэррота Топ [\[9\]](#). — А парень, который возник в комнате и забрал *собаку*, — просто человек?

Кара открыла было рот, чтобы ответить, но что она могла сказать? Тот блондин попросту растворился в воздухе.

— Я... кем же еще он может быть?

— О, демоном, например. Вроде тебя.

Поддержи разговор... и успокой. Теоретически план превосходный, вот только кто успокоит ее? Показная смелость, по крайней мере, заставляла её говорить.

— А вы кто, ребята?

Тот, который ударил Кару, выхватил из перевязи на груди странный S-образный обоюдоострый клинок и приставил к ее горлу позолоченное острие.

— Ты правда тупая или прикидываешься?

— Гарсия! — «Кэррот Топ» положил руку ему на плечо. — Посмотри на нее, приятель. Она в ужасе. Она не понимает, кто мы.

— Значит, она тупая. — Гарсия провел кончиком клинка по ее горлу. Кара почувствовала укол и теплую капельку крови. — Я знаю, ты слышала о Хранителях.

— Хранителях?

Он перевернул оружие и провел уже серебряным кончиком по другой стороне её горла. Ещё один укол, ещё одна капля крови.

— А Эгида? Ну, знаешь, убийцы демонов?

Они это серьезно? У них явно проблемы. Наверное, переиграли в ролевые игры. Или под кайфом.

— Я не... — Кара замолчала и откашлялась, избавившись от хрипоты. Но не от страха. — Я не демон. Я человек. Собаку сбила машина. И выстрел...

Девушка осеклась: «Кэррот Топ» распахнул куртку, демонстрируя пистолет в кобуре.

— Мы в курсе, — шепнул ей на ухо державший ее мужчина; от его горячего дыхания и ледяного тона по спине у Кары поползли мурашки. — Это мы подстрелили ублюдка, а потом выследили мужика, который привез его сюда.

— Тогда с чего вы взяли, что я демон? Я ничего не сделала, просто забрала собаку у человека, который привез её ко мне.

— Я же уже сказал. Церберы исцеляются быстро, но всё же не настолько быстро. — Гарсия хмуро взглянул на свой необычный серебристо-золотой клинок. — На тебя не действует ни один из этих металлов. Мы можем попробовать что-нибудь ещё.

Не действует? По горлу у неё стекали два ручейка крови, вот уж спасибо. Кара поняла, что, должно быть, произнесла эти слова вслух — Гарсия ударил ее по лицу. Вечно она не может удержать язык за зубами.

— Чувак, — сказал «Кэррот Топ» с сарказмом. — У меня возникла идея. Может, она и правда человек. Ведьма, шаманка или прислужница какого-нибудь демона. Тогда, ясное

дело, никакой металл на нее не подействует.

Бредбредбред...

Похоже, его слова заставили Гарсию задуматься, но Кара понятия не имела, чем они могут быть чреваты для неё.

— Какой магией ты исцелила цербера?

Этого девушка объяснить не могла. Потому что, хоть у неё и вырвалась случайно всего лишь струйка энергии, то, что она сделала с собакой, *действительно* было магией. Черной магией. О, некоторые люди более широких взглядов называли это даром, а другие говорили, что на самом деле это Рейки^[10] в очень интенсивной форме. Что угодно. Она так и не нашла никакой литературы, где бы описывалась сила, которой она владела.

Не услышав ответа, Гарсия помахал клинком перед лицом девушки.

— Мы можем заставить тебя говорить.

Глубоко внутри тела Кары дар, который она презирала, начал растекаться по её жилам.
Дыши... держи себя в руках...

«Кэррот» снова предостерегающе коснулся плеча Гарсии.

— Ты знаешь правила. Если она — человек или человекоподобное существо, мы обязаны вызвать инспектора.

— К черту. Новые *снисходительные, смягченные* правила для защитничков природы!

— Идиот. — Мужчина, державший Кару, передвинулся и наступил на ее босые пальцы, но девушка сдержала крик боли, хотя ее сила пульсировала в жилах, желая выбраться наружу. — Защитники природы — это экологи.

— Ты понял, что я имел в виду. Чертовы защитники демонов. — Гарсия осклабился. — Даже если она не демон, значит, работает на них. А значит, она ничем не лучше их. Всё по правилам.

Легкие девушки сдавило, дышать становилось всё труднее из-за подступающего приступа паники.

— Пожалуйста, — прошептала Кара. — Просто уйдите. Я никому ничего не скажу.

Слабачка. Да, но она будет корить себя за это потом.

Если выживет.

Разве может быть человек настолько везучим, чтобы пережить одно и то же дважды?

— Уйти? — Гарсия приставил кончик странного оружия к чувствительной коже под её левым глазом. — Не раньше, чем получим кое-какие ответы.

Кара отпрянула, налетев головой на грудь державшего её мужчины, и замерла, пока клинок ненароком не проткнул ей веко. Пальцы покалывало. Её рука почти сама собой поднялась, чтобы коснуться Гарсии. *Нет!* Боже милосердный, что она делает?

Должен был быть другой выход, но думать надо было быстро. Эти люди убьют её, но сначала хорошенько помучают.

Кара заметила покрытый пылью телефон, висевший за спиной у «Кэррота». Если бы только дотянуться до него... То что? Ее убьют — она даже 9 набрать не успеет, не говоря уже об 1–1. И все же надо попытаться. *Дай им то, чего они хотят, в разумных пределах, конечно.* Голос ее инструктора по самообороне нашептывал на ухо, а сталь приветственно упиралась в спину.

— Я скажу вам все, что захотите, — пообещала Кара, хотя и не знала точно, что имеет в виду... или что ей, в сущности, известно. — Только отпустите меня.

Она заёрзала в руках мужчины и едва сдержала крик, когда тот ударил ее кулаком в

грудь, чтобы утихомирить.

— О, ты всё нам расскажешь, — согласился Гарсия. — Но для разговоров тебе не нужны глаза.

— Гарсия! — «Кэррот» шагнул вперед, словно хотел остановить своего приятеля, и Кара воспользовалась этой заминкой.

Вспомнив рекомендации инструктора, которые сводились к *«ударь нападавшего по яйцам, а потом беги прочь, как сумасшедшая»*, девушка ударила Гарсию коленом в пах, одновременно заехав локтем в живот мужчине позади нее. Его крик было далеко не так приятно, как вид сложившегося пополам Гарсии, но это дало ей шанс метнуться к двери.

— Черт, — просипел Гарсия. — Взять ее!

Вокруг неё сомкнулись руки, и «Кэррот» развернул ее к тому, кого она ударила локтем. На сей раз он обращался с ней куда менее вежливо.

Комнату осветила еще одна вспышка, и кошмар стал куда ужаснее.

На том же месте, где исчез парень с Хэлом, стоял великан в кожаных доспехах; жёсткий взгляд черных глаз, по лицу видно, что идти на уступки он не склонен. В руке он держал меч размером с саму Кару. Такой же устрашающий, как все трое *убийц демонов*, вместе взятые, этот незнакомец явно превосходил их по силе. Кара даже прильнула к державшему ее человеку, словно он мог — или стал бы — её защищать.

Великан в доспехах, похоже, оценил ситуацию за какую-то долю секунды. Он двигался молниеносно, как ядовитая змея. Один удар огромной руки отправил Гарсию и «Кэррота» в полёт через всю комнату. Мужчина позади Кары толкнул ее в сторону, но затянутый в кожаную броню мужчина выбросил вперед кулак, отправив противника в общую кучу бесчувственных тел.

У Кары не было времени даже закричать. Или убежать. Или упасть в обморок. Всего один шаг — и вновь прибывший стоял перед ней. Девушка, попятившись, наткнулась на смотровой стол. Он следил за ней; от его близости кружилась голова, как будто он завладел всем воздухом, а ей приходилось бороться за каждый вдох.

— Тебе, — произнес мужчина невероятно глубоким и низким голосом, — придётся кое-что объяснить.

Проклятые идиоты из Эгиды!

Вообще Арес поддерживал их и в прошлом даже сражался на их стороне против демонов. Но убийцы демонов вбили себе в голову, что все, что они не в силах понять, — это зло.

Он взглянул на троих Хранителей — нет, четверых. Один был мертв. Оставшиеся в живых пытались подняться на ноги. Их лица исказились от боли, но глаза горели жаждой убийства. Человеческая женщина попятилась к смотровому столу; запах ее страха, почти осязаемый, мешался с запахом крови — ее, Хранителей и... цербера.

Однако здесь не было никаких признаков присутствия Сестиэля, падшего ангела, за которым Арес гнался до этой самой комнаты, и внезапно Всадник вообще перестал чувствовать падшего.

Всадник оценил обстановку и решил, что убивать представителей Эгиды нет никакой необходимости, но нужно выяснить, что же здесь произошло. Для него было очень важно

найти Сестиэля раньше Ресефа, но теперь, когда у падшего ангела в распоряжении мог оказаться гребаный цербер, задача усложнилась: животные действовали как приборы, создающие помехи на радарх, и, пока Сестиэль находился рядом с цербером, Арес не мог определить, где тот находится.

Следовало подумать и о худшем варианте — а что, если не цербер в распоряжении у ангела, а наоборот? Тогда Аресу понадобятся даже те крохи информации, которые он сможет выудить у человеческой женщины, и он добьется ответа так или иначе.

Ей не повезло. Схватив девушку за руку, Арес притянул её к себе, открыл врата и шагнул в мерцающую завесу, ничуть не заботясь о том, что, люди, очутившиеся по ту сторону Хэррогейта, умирают. Нет, одним из неоспоримых преимуществ призванных Хэррогейтов было то, что люди могли проходить сквозь них вместе со Всадниками. Не то чтобы это случалось часто. Особенно с тех пор, как у них испортились отношения с Эгидой.

Они вышли из врат и ступили на скалистый берег, усыпанный белым песком. В лицо им ударил теплый соленый ветер. В ста ярдах^[11] от них, посреди острова в Эгейском море, раскинулось белое здание — его греческий особняк. Этот остров не был отмечен на карте, люди не могли увидеть его или засечь с помощью техники; Арес жил здесь уже три тысячи лет, с тех пор, как отобрал эту цитадель у построившего её демона. Это было замечательное место, особенно после того, как Арес привнес сюда современные удобства и комфорт.

Но их путь лежал не туда.

Всадник развернул женщину лицом к себе. Она стояла босиком на самом краю утеса, спиной к морю.

— Кто ты? — Он крепко сжал ее плечи, пальцы впились в голубую фланелевую пижаму в пингвинах. Она носит пижаму с *пингвинами*.

— П-пожалуйста...

Ветер бросил светлые рыжеватые волосы ей в лицо, и из-за какого-то странного порыва Аресу захотелось убрать их.

Он сдержался.

— *А ты кто?*

— Я не... не демон.

Девушка так тяжело дышала, что он испугался, как бы она не лишилась чувств.

— Как тебя зовут?

Она моргнула, словно не понимая вопроса, и, когда он повторил, наконец, пробормотала:

— Кара. Меня зовут Кара. Я не демон. Клянусь, не демон.

— Это я уже слышал. — Арес вздохнул, снова ощутив горький запах ее страха. А ещё — слабый дымный привкус цербера. Девушка контактировала с ним напрямую.

— Почему тебе пришлось справиться с цербером? Он на тебя напал?

Кара слабо пискнула, точно страх сковал ей горло. Церберы вполне могли так подействовать на человека. Но Аресу некогда было нянчиться с изнеженной женщиной и залечивать ее душевные раны. Ему нужны были сведения, и сейчас же.

Он щелкнул пальцами перед лицом Кары, выведя девушку из транса.

— Тебя спасли эти, из Эгиды?

— Мужчины? Они... они пытались убить щенка.

Арес не понимал: то ли она слегка... туго соображает, то ли просто потеряла голову от страха. А может, и то, и другое. Даже если так, его присутствие должно было бы волновать

её чуть больше, и Всадник гадал, в чем дело. Сделав глубокий вдох, он заговорил спокойным тоном, хотя у него не хватало ни времени, ни терпения на это дерьмо.

— Да, наверняка они пытались его убить. Это их работа.

— Убивать собак?

— *Демонических* собак. Церберов, понимаешь?

— Это все нереально, — прошептала Кара. — Я хочу домой... — Она помотала головой, тут же передумав. — Нет, не домой! Там те люди. Это все нереально...

Черт. Он терял ее. Пока девушка не успела окончательно потерять самообладание, Арес схватил ее за плечи и взглянул ей прямо в глаза. Цвет её глаз в точности совпадал с морскими волнами, плескавшимися внизу, когда солнечные лучи падали на них под прямым углом. Прозрачно-синие, с зелеными и золотистыми искорками. Потрясающе.

— Послушай. Мне надо знать, видела ли ты в комнате другого мужчину. С длинными светлыми волосами. Похожего на ангела.

Девушка кивнула, не сводя с него широко раскрытых глаз, словно боясь отвести взгляд. Как будто он — спасательный круг, и если она отпустит его, то погрузится в пучину безумия.

— Где Хэл?

— Хэл?

— Собака.

Она дала церберу кличку? Этой дерьмовой, ненасытной, грубой твари... от внезапного подозрения у Ареса всё оборвалось внутри. Неужели цербер уже даровал ей Адский Поцелуй?^[12] Нет, не то. Они никогда, *ни разу* не поступали так с людьми.

И все же... Арес наклонился ближе и вдруг ощутил сквозь запах цербера и страха более женственный аромат. От девушки пахло чистотой — мягкий цветочный аромат весеннего луга. Его член встал. Вот глупый ублюдок. Девушка напугана, она человек и, возможно, связана с одним из самых отвратительных созданий, каких когда-либо породил Шеул.

— Что ты делаешь?

Вместо ответа Арес поцеловал ее. Из груди девушки вырвался потрясенный вздох. Проклятье, она такая сладкая. В ее дыхании чувствовался легкий мятный запах зубной пасты, а когда Арес провел языком по нежным губам, то ощутил предательское онемение. Поцелуй цербера. Теперь понятно, почему девушка ему не сопротивлялась — соединив Кару с собой, пес связал ее и со сверхъестественным миром. Она оставалась человеком, но... с некоторыми улучшениями.

Ему следовало сразу же отступить, но ее рот был таким мягким, а тело — податливым. А он не целовал женщину — настоящую человеческую женщину — уже несколько тысяч лет. У Ареса закружилась голова, и он притянул девушку к себе. Это было неожиданно, потрясающе...

И вдруг пах пронзила резкая боль. Сдавленно выругавшись, Арес согнулся пополам, прикрывая пах, куда Кара только что врезала коленом.

— Ублюдок! — Кара тут же заехала этим своим убийственным коленом ему по носу.

Измученный, что девушка застала его врасплох, Арес замешкался, и она попыталась проскочить мимо него, но они стояли слишком близко к краю пропасти. Она поскользнулась и взвизгнула, когда земля ушла из-под ног.

Твою!.. Всадник бросился вперед, упал на живот и едва успел ухватить падающую с обрыва девушку за руку. Он попытался найти опору, но камни и земля разъезжались под ним. Вдруг огромный ком земли под грудью Ареса раскрошился, бедра Всадника повисли

над пропастью, и он потерял равновесие. От падения их отделяла какая-то пара секунд.

Волны бились о скалы внизу, посылая вверх тучи брызг, словно пытаясь дотянуться до них и утащить в водяную могилу. Ладно, может, могилой море станет для неё. А Арес просто будет мучиться в агонии, пока не восстановится.

— Битва, — позвал Всадник сквозь стиснутые зубы. — Выходи!

Кара отчаянно цеплялась за его руку, но, увидев, что та дымится, от испуга чуть не выпустила ее. Дымок обвился вокруг его плеча, Арес услышал фырканье и почувствовал, как жеребец вцепился зубами в его икру. Ногу пронзила мучительная боль, но плотные доспехи не дали зубам коня прокусить плоть.

Битва потянул их назад. Арес вытащил Кару и откатился с ней подальше от края, оказавшись сверху. На какое-то мгновение Кара уставилась на него. В её широко открытых испуганных глазах плескалось недоверие.

И тут все полетело к чертям.

Закричав, она стала молотить его кулаками и пытаться укусить. Арес отпрянул, едва увернувшись от её зубов. Тут Битва предупреждающе опустил огромное копыто прямо у ее головы, и девушка закричала от ужаса так, что у Ареса загудело в груди.

— Ладно, — пробормотал он. — Кара, успокойся...

Слова не помогут, и он это знал. Её вытолкнули за рамки объяснимого, и она не в силах была с этим справиться. Единственное, что он мог сейчас сделать для неё, — это отключить сознание девушки и повернуть время вспять.

Что ж, Всадник мог вырвать ей глаза и погрузиться в её воспоминания, но при всей своей беспощадности он все же предпочитал применять радикальные меры только при необходимости и по возможности только против других воинов. А это означало, что если кто-нибудь из Эгиды всё ещё у неё дома, то у них, пожалуй, ситуация «на-войне-все-средства-хороши».

К несчастью для Кары, просто так уйти она тоже не могла. Если девушка связана с цербером, она нужна ему. Эта зверюга вернется к ней — наяву или во сне — и сможет привести Ареса к Сестиэлю. Кара станет приманкой в ловушке Ареса. Ему нужно лишь вернуть ее домой и подождать.

— Битва, ко мне.

Арес мог поклясться, что конь огрызнулся, прежде чем вернуться к нему на плечо. Это зрелище, разумеется, заставило Кару вскрикнуть еще раз. Обхватив девушку рукой, Арес призвал врата, прошел сквозь них вместе с ней, и они оказались на мягкой зеленой лужайке возле ее дома.

Прежде чем Кара успела возобновить истерику, Всадник провел рукой перед её лицом. Её черты обмякли, глаза остекленели. Арес за минуту подправил ее воспоминания... новые он создать не мог, зато мог стереть самые недавние события. Жизнь Всадника таила в себе несколько весьма полезных умений.

Закончив, Арес отнес девушку в дом. Там воняло кровью и цербером. Члены Эгиды, похоже, ушли, но он не хотел рисковать. Арес осторожно уложил Кару на диван и проверил все комнаты. Чисто. Настоящее стихийное бедствие, но никого нет. Хранители разнесли на куски заднюю дверь — наверное, когда вломились сюда, — а перед тем, как забрать мертвого и уйти, прошлись по ящикам и шкафам. В комнате, похожей на ветеринарный кабинет, где он нашёл Кару, повсюду была кровь. Завтра, проснувшись, девушка придет в шок от всего этого.

Ну и ладно... черт, по крайней мере, он припас для нее разумное объяснение потере памяти. Арес обыскал кухню и обнаружил то, что ему как раз и было нужно — рюмку и пыльную бутылку водки. Вылив содержимое в раковину, он намочил тряпку для мытья посуды и вернулся к девушке.

Она лежала на боку, длинные волосы закрыли ей лицо. В какой-то момент она смахнула на пол бумаги, лежавшие на журнальном столике — по большей части, как он понял, просроченные счета. Некоторое время Всадник просто смотрел на нее и размышлял, может ли снять доспехи, защищавшие его не только от оружия, но и от сильных эмоций. Прочную кожу, выделанную из шкуры демона-герунти, любили носить несколько видов демонов — работорговцы, ассасины и наёмники, словом, те, кто не мог позволить себе слабость любого рода... а эмоции — это слабость. Но Арес уже давно понял, что иногда, сбросив доспехи, воин получает уникальные возможности.

Понимая, что чувствует враг, можно причинить ему самую сильную боль. Или, при таких обстоятельствах, как сейчас, если позволить себе увидеть мир таким, каким видит его твоя цель, то можно пересмотреть свою стратегию и извлечь преимущества из её положения.

Отбросив сомнения, Арес провел кончиками пальцев по серповидному шраму под челюстью с левой стороны шеи. Доспехи растаяли, оставив его в черных военных штанах и черной же футболке. Это была его повседневная одежда, в которой Всаднику было удобнее всего. Но сейчас Арес почему-то чувствовал себя голым и как будто нуждался в своей кожаной защите.

Но от чего защищаться? От спящей человеческой женщины?

Арес помотал головой, пытаясь очистить разум. Должно быть, ему пудрят мозги слуги Мора.

Кара пошевелилась и повернула голову к нему. Глаза у неё опухли, а на щеке расплылся огромный синяк в форме отпечатка ладони. Теперь Арес был не защищен от эмоций, и от поднявшейся внутри волны гнева его бросило в жар.

Сукины дети из Эгиды. Надо будет найти время и порвать их на куски. Арес понимал, зачем надо проявлять безжалостность: в Войне ничего хорошего нет, и Эгида занимается спасением человечества. Но пытаться мирное население, в особенности женщин... такого в боевом уставе нет. Существуют гораздо более легкие и безобидные способы добыть информацию.

Арес молча проклинал убийц демонов, осторожно вытирая остатки грязи с лица и рук Кары. Он задержал взгляд на ее пальцах — изящных, с прямоугольными ноготками, покрытыми прозрачным лаком. У него всегда был пунктик на красивые руки. Его голову заполнили образы, в том числе и её прикосновения к его телу. Арес чувствовал, что руки девушки легкие и нежные, и его это почему-то возбуждало.

«Она просто другая», — подумал Арес. Его член стоял из-за этой «другой», и мужчина заерзал в поисках свободного пространства в штанах. Закончив вытирать ее пальцы, он повернул золотое кольцо у неё на мизинце крошечным рубином вверх. Такое женственное, как и она сама. Даже в пижаме, меньше всего на свете походившей на сексуальное белье, Кара выглядела нежной и хрупкой. Вытирая кровь с горла девушки, Всадник вновь с бешенством думал о воинах Эгиды. Сами раны, нанесенные, очевидно, острым клинком, уже затянулись и, благодаря связи с цербером, через несколько часов полностью заживут. Как и синяки и ссадины. Но Арес не был уверен в том, как прошла чистка её памяти, и не мог ничего поделаться с пятнами от грязи и травы на пижаме.

Отмыв последние капли крови и грязи, Всадник отступил от девушки... и замер — ее рука схватила его за запястье. Глаза девушки были широко распахнуты, но в них не было ужаса, какой бывает, когда проснувшийся видит перед собой незнакомца.

Кара по-прежнему спала.

Девушка притянула его к себе, словно ища успокоения и защиты.

— Ш-ш-ш. — Арес погладил ее по волосам и большим пальцем закрыл глаза, и через несколько секунд Кара изящно захрапела. Арес включил телевизор на случай, если она из тех, кто засыпает перед ним, и позволил себе улыбнуться, кивнув в молчаливом прощании.

Заперев двери и окна, Арес направился обратно в ветеринарный кабинет. Нащупал под рубашкой Печать, надеясь обнаружить Сестиэля. Ничего.

Обычно в такой ситуации он ругался бы до посинения. Но сейчас у него в рукаве был козырь — маленькая человеческая женщина. Последний раз взглянув на нее, Всадник открыл врата и растворился в них.

Но он еще вернется.

Мор всегда любил Мексику. Когда он еще был Ресефом, они с Лимос развлекались там целыми днями в самых разных местах: от «ловушек для туристов» до самых отдаленных селений, где жители называли их *brujos*^[13] и считали кем-то вроде колдунов, хотя брат и сестра ни разу не выдали ни одного из своих секретов... если не считать долгожительство. Ресеф и Лимос навещали эти деревни на протяжении нескольких десятков лет и многих стариков помнили еще детьми.

Теперь Мор стоял посреди одного из тех горных селений, наблюдая, как последний из жителей, юноша лет двадцати, корчится у его ног, отчаянно пытаясь вдохнуть воздух через распухшее горло.

— Отличная работа. — Мор оглянулся на Хавистер. Падшая женщина-ангел, одна из двух Наблюдателей, приставленных к Всадникам, критически изучала дело рук Мора. — Эти люди быстро поняли, что ты принес им вовсе не дары?

— Довольно быстро.

При виде Мора дети бросились ему навстречу, ожидая конфет, а взрослые принялись готовить праздник, достойный самого короля. Ресеф никогда раньше не приезжал без пожертвований для бедной крестьянской общины: скот и медикаменты, книги и детская обувь.

И, когда выпущенная им стрела пронзила первое сердце, все жители деревни застыли от ужаса.

А потом он схватил девушку-подростка, впился клыками в ее горло и заразил ужасной формой геморрагической лихорадки^[14]. За каких-то несколько минут болезнь распространилась по всей деревне. Умиравший парень у его ног был последним из жителей; последний булькающий вздох — и его глаза вытекли из глазниц.

Хавистер опустила на колени около трупа и зачерпнула ладонью смешавшуюся с грязью слезь, вытекавшую из тела.

— Это что, уже четвертая твоя чума в одной только Мексике? — Лицо падшего ангела закрывали длинные черные волосы, но Мор мог прочесть недовольство по ее напряженным плечам. — И все — в маленьких уединенных деревушках. Совсем как в Африке, Китае и на Аляске.

— Скоро я нанесу удар и по более крупным городам, — произнес Мор, не в силах убраться из голоса нотки оправдания. — У меня есть план.

Хавистер распрямилась во все свои шесть с половиной футов^[15] и посмотрела ему прямо в глаза:

— Лжешь. Ты уничтожаешь все, что напоминает тебе о прошлой жизни. Наказываешь людей за свою доброту, — она усмехнулась. — Теперь, когда твоя Печать сломана, тебе надо пошевелить задницей и расширить влияние подземного мира.

— Разве вам с Ривером не полагается быть беспристрастными?

Она фыркнула:

— Едва ли. Каждый из нас здесь лишь для того, чтобы убедиться, что остальные играют честно. Ривер хочет остановить этот Апокалипсис, а я хочу увидеть его начало. Может быть, я и не вправе оказывать тебе помощь напрямую, но могу действовать, не выдавая себя, и уж точно могу укрепить твои позиции. — Хавистер изучала свои покрытые черным лаком

ногти. — А еще я могу потерять терпение из-за того, что ты тратишь время попусту. Ходят слухи, что к тебе, твоим братьям и сестре собираются приставить побольше Наблюдателей, а я не собираюсь делить свою работу с кем бы то ни было еще. Так что пошевеливайся.

— Я работаю над этим. Я убил Батарил...

— Да, но она успела перенести *Агимортус* Ареса!

Мор ухватил Хавистер за блузку и притянул к себе так близко, что каждый ощущал дыхание другого.

— Я приказал слугам преследовать Непадших хоть до края света. За последние два дня я убил уже шестерых. Десятки вошли в Шеул, только чтобы сбежать от меня. Даже если я в ближайшее время не найду Сестиэля, ему не на кого будет перенести *Агимортус*.

К сожалению, *Агимортус* нельзя было перенести на Падших ангелов, которые вошли в Шеул и превратились из строго соблюдавших правила Непадших в ужасных Поистине Падших. Последние, вполне вероятно, пожертвовали бы жизнью ради того, чтобы сломать Печать Ареса.

Кожа Хавистер пошла пятнами, проступили почти черные вены, а в зеленых глазах проглянули красные жилки. За спиной у нее развернулись кожистые черные крылья.

— Идиот, — выплюнула она. — *Агимортус* можно перенести на человека. Если Сестиэль впадет в отчаяние, то в его распоряжении окажутся миллиарды потенциальных носителей.

— И ты не сказала об этом раньше... почему? — выдавил Мор.

— Это, — сказала она, — тебя не касается.

Ее крылья приподнялись, распахнулись. Действие, несомненно, было рассчитано на то, что Мор задрожит от страха при виде ее внушающей ужас красоты. Как бы не так.

Мор гадал, трудно ли оторвать крыло у Падшего ангела.

— Надеюсь, он *и правда* перенесет *Агимортус* на человека. Для меня убить человека — все равно что прихлопнуть муху. — Мор сжал кулак, сминая блузку Хавистер и пресекая любую попытку к бегству. — Впрочем, убить Падшего ангела будет куда приятнее.

Хавистер зашипела:

— Из вас четверых ты мне всегда нравился меньше всех. Я была уверена, что, как только твоя Печать будет сломана, и ты станешь Мором, то перестанешь прожигать жизнь и приложишь все усилия, чтобы сделать себе имя. Очевидно, я ошибалась.

Мор заскрежетал зубами.

— Я намерен доказать Темному Лорду, что я — самый достойный из четверых. Когда Земля и Шеул станут единым целым, я получу возможность первым выбрать себе царство.

Да, было предсказано, что в результате Апокалипсиса мир демонов поглотит мир людей, а потом все это разделится на четыре части с разным количеством воды, еды, земли и населения — людей и демонов. Всадник, который докажет свое превосходство, получит право выбирать первым и превратит свою часть владений в рай страдания и удовольствия.

Мор хотел стать этим Всадником.

Хавистер ухмыльнулась. Ее клыки влажно блеснули.

— Не можешь же ты и вправду в это верить. Арес победит — ведь он всегда побеждает.

Зарывав, Мор с силой ударил ее о стену одной из хижин. От удара в стене образовалась дыра, и оба ввалились внутрь.

— Я не могу тебя убить, — прорычал он, притиснув ее к опорной балке, — но могу сделать так, что ты сама начнешь молить о смерти.

— Что, правда глаза колет? — Падшая завела испещренное жилками крыло Мору за спину и вонзила коготь на вершине крыла ему в затылок. Боль пробежала по позвоночнику и отдалась внутри черепа, но Мор не доставил ей радости и не издал ни звука. — Ты всегда завидовал Аресу.

Не всегда. *Великий Арес* стал досаждать Ресефу только после того, как сломалась его Печать. Арес был превосходным полководцем еще во время своей человеческой жизни. Он не проиграл ни одного сражения. Он был воплощением греческого бога, носившего то же имя^[16]. И тому подобная дребедень.

Теперь настала очередь Мора. Он собирался нанести брату удар всеми возможными способами — его слуги прилагали для этого максимум усилий. Черт побери, да, Мор сделает себе имя. Он станет самым устрашающим из Всадников. Еще долго после окончания Апокалипсиса его имя будут произносить с благоговением. С трепетом. Со *страхом*.

Мор завел руку за спину и ухватился за коготь Хавистер. Резким движением запястья он сломал кости крыла и тут же пресек ее вопль, впившись клыками ей в горло. По груди Падшей, пачкая его, потекла кровь, теплая и липкая.

Нет, он не может ее убить. Это против правил. Но он может дать ей ощутить дыхание смерти.

Кроме того, Мор хотел убедиться, что первые рассказы о его основанном на страхе правлении появятся из первых уст.

Помоги мне.

Кара услышала голос, когда парила в темной холодной комнате; ее тело словно превратилось в неясную тень. Внизу, в клетке, выла собака. Красные тускло светящиеся глаза животного следили за каждым движением девушки. Кара приблизилась, сама не понимая, как, поскольку она висела в воздухе, — но, как бы то ни было, она внезапно обнаружила, что смотрит собаке прямо в глаза.

Найди меня.

Кара вздрогнула. Голос исходил от пса. Не настоящий голос, скорее мысль, возникшая у нее в голове.

— Кто ты?

Я твой. Ты моя.

Моя? Твой? Как странно. Девушка приблизила лицо вплотную к клетке. Удивительно, но она совсем не боялась существа, находившегося внутри. Это, несомненно, был щенок, но от него исходила сила и смертельная опасность. Шерсть была такой черной, что, казалось, поглощала слабый свет, проникавший сквозь жалюзи на единственном крохотном окошке, а зубы больше походили на акульи челюсти, чем на собачью пасть.

Кара стала искать замок... черт, *дверь* клетки... но ничего не нашла, только странные символы, выгравированные на прутьях решетки. На цементном полу под клеткой тоже был нарисован какой-то знак.

— Как тебя освободить?

Ты должна найти меня.

Так... этот пес, что ей снится, слегка глуповат.

— Я нашла тебя.

В другом мире.

У него определенно с головой не в порядке. *Впрочем, кто бы говорил — человек, разговаривающий с собакой.*

— Кто тебя здесь запер?

Сестиэль.

Кто такой Сестиэль? Кара взлетела и осмотрела помещение, которое оказалось похоже на подвал. Стены были сложены из облицованного камня, что указывало на старинную постройку. Девушка подплыла к пыльным полкам, на которых обнаружила лишь несколько банок без этикеток, сломанный карандаш и стеклянную бутылку, наполовину заполненную прозрачной жидкостью. Как ни странно, на бутылке пыли не было. Кара потянулась к ней, но рука просто прошла сквозь стекло и полки.

Может, это не сон. Может, она призрак. Но как она умерла? Она совершенно ничего не помнит.

Тут вдалеке раздался стук, и девушка испуганно обернулась к собаке:

— Что это было?

Что — это?

Удары раздались снова — глухой нарастающий стук. Кара почувствовала, что летит к источнику звука. Тело растягивалось, как ириска. Ее тело упало на что-то мягкое, в глаза ударил свет. Кара заморгала, пытаясь привыкнуть к свету, и села.

Ее гостиная. Она в своей гостиной, на своем диване. Станный сон растаял, сменившись замешательством наяву. Видимо, она уснула на диване, но... откуда на журнальном столике стакан и пустая бутылка из-под водки? После того случая два года назад Кара не брала в рот ни капли. Она осознала, что жизнь хрупка и полна неожиданностей, и не хотела, чтобы хотя бы одно из ее чувств или рефлексов было притуплено чем бы то ни было — лекарствами или же алкоголем.

Проведя рукой по лицу, Кара ощутила смутное беспокойство — кожа была стянутой. Когда она дотронулась до рта, беспокойство удвоилось. Губы припухли и горели. Словно ее кто-то целовал.

Внезапно в голове мелькнул образ невероятно высокого мужчины... она у него на руках, и... стоп, это наверняка тоже ей приснилось, потому что на свете *не бывает* таких огромных мужчин. И таких привлекательных. Видение разворачивалось дальше: теперь его идеальной формы рот опускался к ее губам. Кара даже ощутила тепло его языка, ласкавшего губы. Ощущение казалось настолько реалистичным, что тело девушки запылало.

По коже разлилось приятное тепло, но, когда волосы у нее на затылке встали дыбом, странное возбуждение вдруг пропало. У Кары появилось ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Забыв о припухших губах и мужчине из сна, девушка быстро огляделась по сторонам, но никого не увидела. Проклятье, эта паранойя ей была уже поперек горла, но это не помешало ей тщательно осмотреть все закоулки.

Никого не обнаружив в комнате и удовлетворившись этим, Кара перестала обращать внимание на упорное чувство, что за ней следят, и сосредоточилась на экране телевизора, где шло какое-то экстренное сообщение об ужасной эпидемии малярии в Сибири. Поскольку этот регион не был подвержен частым вспышкам малярии, болезнь оказалась большой проблемой, переросшей в катастрофу из-за того, что специалисты никогда раньше не

встречались с таким штаммом.

— *Сибирская малярия — лишь одна из десятков вспышек весьма опасных заболеваний, поражающих людей по всей планете,* — говорил ведущий. — *Религиозные деятели повсеместно цитируют пророчества о конце света, а ученые советуют людям прислушаться к голосу разума. По словам одного исследователя из Всемирной организации здравоохранения (5), «люди кричали об Апокалипсисе во время последней вспышки свиного гриппа. А перед этим — во время птичьего. Что мы видим, так это то, как природа бунтует против химикатов по борьбе с насекомыми и антибиотиков».* — Ведущий мрачно взглянул в камеру. — *А теперь о Балканском полуострове, где растущая напряженность...*

Кара выключила телевизор. Похоже, в последнее время новости только плохие: везде болезни, войны, растущая паника.

Она встала, чувствуя, что слегка нетвердо держится на ногах... а это что еще такое?

Пижама была грязной, словно девушка каталась по земле на скотном дворе. Перед был разукрашен грязными разводами двух оттенков, а рукава покрыты пятнами от травы. А это что? *Кровь?*

С бешено бьющимся сердцем Кара ощупала себя в поисках травм, но, не считая затекшей шеи, — чему, наверное, был виной неудобный диван, — она чувствовала себя нормально.

Если считать, что потеря рассудка — это *нормально*.

Тут в хаос ее мыслей ворвался рокот мотора. Благодарная за повод отвлечься, девушка раздвинула тяжелые шторы на выходящем на улицу окне и увидела исчезающий вдали джип почтальона. Теперь понятно, что это за стук ее разбудил. Кара подошла к двери и с облегчением убедилась, что все замки заперты. Но все же почему она такая грязная? Она что, ходила во сне? И во сне выпила с десятков рюмок водки?

Кофеин. Чтобы это выяснить, ей нужно выпить кофе. Казалось, кто-то ловит ее мысли и разбрасывает их, чтобы они не смогли выстроиться в связное объяснение всего этого.

Девушка отомкнула замки, не забыв посмотреть в глазок, сняла цепочку и забрала коробку и перехваченную резинкой пачку писем, оставленные почтальоном. Большая часть писем оказалась счетами.

Их было очень много, и все с желтыми или розовыми бланками внутри.

Что ж, электричество и вода — это роскошь, не правда ли?

Коробку со своей единственной поблажкой — гурманским кофе — Кара распечатывать не стала. Придется ее вернуть. Теперь, когда ее уволили из библиотеки, где она работала на неполную ставку, девушка больше не могла позволить себе даже такую малость. Счета копятся, работы в этом крошечном городке никакой, а дом покупать никто не торопится. Черт возьми, ей, может быть, придется отказаться даже от походов в обычный гастроном.

Содрогнувшись от этой мысли, Кара швырнула письма на журнальный столик у двери, закрыла замки и поплелась на кухню, надеясь, что сможет растянуть пару ложек оставшегося кофе подольше. Но, завернув за угол коридора, Кара резко остановилась.

Дверь в ее кабинет была открыта.

Кара не заходила в эту комнату с тех пор, как перестала практиковать. О боже, что она натворила во сне? Заглушив растущее чувство тревоги, девушка прокралась по коридору к открытой двери.

Бродя во сне, она вовсе не ограничилась тем, что пила водку и валялась в грязи.

Ящики с медикаментами были разбросаны по полу, а их содержимое вывалено. Темная

жидкость, подозрительно смахивавшая на засохшую кровь, брызгами покрывала стены и лужицей собралась на плитке. Войдя в комнату, Кара во всей красе увидела поломанную мебель и разбитые шкафы.

Что здесь случилось, и чья это кровь?

И почему, Господи, *почему* ей кажется, что за ней следят?

В повседневной жизни шпионаж может считаться искусством. Если только ты — не сверхъестественное существо, которое способно постоянно ходить в Хоте. Так что — да, Арес чувствовал себя сейчас настоящей любопытной варварой^[17], как таких называли в народе.

Но он не мог просто взять и появиться из ниоткуда и спросить Кару, что ей снилось прошлой ночью. Особенно сейчас, когда она только что обнаружила беспорядок в своем ветеринарном кабинете. Внешне она, может, и казалась спокойной, но все же заметно побледнела, а когда попятилась из комнаты, то споткнулась.

И Арес чуть не вышел из *Хота*, чтобы подхватить ее.

Идиот. Он смотрел, как Кара прошлепала по коридору на кухню, где сварила кофе, насыпала в миску хлопьев и съела их, механически орудуя ложкой. Она, должно быть, уже осознала, что ее пижама вымазана грязью и покрыта пятнами засохшей крови, но ее это не смущало. Шок. Определенно.

Закаленный в боях командир внутри Ареса хотел сказать ей: перестань сейчас же!

Пора уже взять себя в руки и жить дальше, солдат. Но другой части его души хотелось... Чего? Успокоить ее? Заключение ее в объятия и нашептывать приторную милую чепуху ей на ушко?

Гребаный идиот. Арес провел пальцем по горлу, вызывая доспехи. Прийти сюда без них было глупо.

Ареса воспитывали как воина — и, черт побери, он был чертовски хорошим воином. Он научился искусству войны у человека, которого считал отцом, и отточил врожденные навыки благодаря своей матери-демонессе и отцу — ангелу-воину. Но потом, когда каждому из них выдали печати (по принципу «лучше всего — хуже всего — как раз подходит»), Ареса дополнительно снабдили огромным количеством специальных познаний.

В нем всегда горело желание затеять хорошую битву. И дурацкое пророчество *тут* было ни при чем.

Пора пнуть себя под зад и сделать то, что нужно сделать. На его плечах лежит судьба всего человечества, и, если ради спасения мира придется причинить вред одной маленькой женщине, быть посему.

Арес уже готов был рассеять *Хот*, но тут Кара взяла телефон, набрала номер и монотонно произнесла:

— Ларена, это Кара. Мне нужно знать, к чему снится черная собака. Она скулила, сидя в клетке. И, если имя Сестиэль тебе о чем-нибудь говорит, это тоже не помешает. Спасибо.

В клетке? Значит, это Сестиэль поймал цербера, а не наоборот. Рассчитывал ли ангел привязать его к себе? Хотя Падшие и относились к тем немногим, кто умел укрощать церберов, теперь тот зверь связан с Карой. Никто другой больше не может управлять им, приручить его или привязать к себе. Сестиэль не должен знать, что его надежда получить

цербера-защитника не оправдалась. По крайней мере, этого конкретного цербера.

А вот у Ареса надежда еще оставалась. Вполне вероятно, что это тот самый зверь, которого он ищет. Кровь в жилах Ареса закипела в предвкушении мести. То, что Кара может случайно пострадать, не имело значения, и Аресу казалось, что, даже когда он снимет броню, ненависть к чудовищу все равно перевесит любые угрызения совести из за последствий для человеческой женщины.

Кара повесила трубку и, очевидно, на автопилоте побрела в спальню. Движимый любопытством, Арес последовал за ней и, когда девушка начала раздеваться, решил, что материализоваться сейчас — не самая лучшая идея.

Он был воспитан в то время, когда на наготу не обращали внимания, и редко реагировал при виде обнаженного тела. Разумеется, как любой здоровый мужчина, в порыве страсти Арес мог оценить красоту обнаженной женщины, но, чтобы заставить его возбудиться хоть немного, нужно было нечто гораздо большее, нежели простая нагота.

И все же, когда Кара стянула с себя пижаму, он поймал себя на мысли, что определенно возбудился.

Как будто почувствовав, что за ней наблюдают, девушка отвернулась, но было слишком поздно. Ее высокие полные груди с темно-розовыми сосками уже отпечатались в памяти Ареса. И он вынужден был признать, что вид сзади оказался не менее соблазнительным.

Кожа у Кары была бледной, как если бы она почти не выходила из дома, но, если не считать нескольких веснушек, она была молочно-белой и безупречно гладкой. Аресу страшно захотелось дотронуться до нее, узнать, на самом ли деле она такая мягкая и теплая, какой выглядит. При каждом движении под кожей перекачивались упругие мышцы. Она была сильнее, чем казалась на вид, и его все еще побаливавшая мошонка могла это подтвердить.

Арес всегда предпочитал войну сексу. Секс казался ему скучным, поскольку в нем не было никакого вызова, ничего нового... Но, когда девушка, наклонившись, сняла пижаму и нижнее белье, он едва не проглотил язык. Он был ценителем женской груди, но у Кары оказалась прекрасная попка.

Конечно, пожирать глазами обнаженную женщину, совсем недавно пережившую шок, было вовсе не благородно. Но Арес никогда и не строил из себя благородного рыцаря.

Кара босиком прошлепала в ванную и, словно опять почувствовав его присутствие, закрыла дверь. Щелкнул замок.

Сквозь тонкую перегородку Арес слышал шум льющейся воды. Он мог бы создать Хэррогейт и проникнуть в ванную, но у него возникла идея получше.

Арес призвал врата, шагнул в свою греческую крепость и переделся в брюки-карго цвета хаки и белую льняную рубашку. Застегивать на ней пуговицы он не стал. Он хотел выглядеть непринужденно и безобидно. На какое-то мгновение он даже подумал, не надеть ли кожаные шлепанцы. В шлепанцах никто не выглядит отмороженным.

Но для стремян они не подходили, а Арес хотел быть готовым ехать верхом, поэтому в конце концов он сунул ноги в ботинки в стиле «милитари», схватил пачку американских долларов, но больше ничего брать не стал. Посчитав, что у него есть еще пара минут, пока Кара принимает душ, он проверил электронную почту в надежде обнаружить данные или слухи от своих шпионов и из подземных источников информации. Любые сведения о местонахождении Мора, его действиях, передвижениях... *любые подробности*... могли стать гигантским рывком вперед.

— В Уганде очередная вспышка менингита, а на Филиппинах — обострение бубонной чумы.

Арес потер переносицу большим и указательным пальцами и раздраженно взглянул на Ривера. Белокурый ангел любил появляться без предупреждения. Он стоял у двери в кабинет Ареса, сложив руки на широкой груди. В его сапфирово-синих глазах светилась пронизательность.

Всадник открыл сайт CNN^[18].

— В новостях об этом еще не сообщали.

Ривер нахмурил брови:

— БСВ всегда публикует сенсационные сообщения раньше других.

Ареса так и подмывало возразить, что подземный мир часто узнает плохие новости намного раньше, чем так называемая *Божественная система вещания* Ривера, но на это не стоило тратить время. Ангелы не любили признавать, что демоны хоть в чем-то их превосходят. И потом, Ривер не был обычным ангелочком. Этот парень какое-то время жил как Падший и работал в демоническом госпитале, Центральной больнице преисподней, несколько лет, пока не заслужил свои крылья назад. Поэтому у него был уникальный взгляд на демонов. С некоторыми из них он даже остался в дружеских отношениях.

Странно.

— Наверняка Танатос считает вспышки болезней делом рук Мора.

Танатоса, Всадника, который станет Смертью, если его Печать сломают, места массовых людских потерь притягивали точно так же, как Ареса — масштабные сражения. Зачастую их притягивало в одно и то же место.

— И что ты станешь делать?

Арес откинулся на спинку стула, вытянул свои длинные ноги и скрестил их в щиколотках.

— Знаешь, от тебя было бы куда больше проку, если бы ты — какая оригинальная мысль! — как-нибудь помог.

— Ты же знаешь правила.

Да, да.

— К черту правила.

— Вот за что я люблю вас, воинов, — растягивая слова, произнес Ривер. — Вы так красноречивы.

— Нам и не нужно быть ораторами. Мечи говорят громче слов.

Ангел лишь покачал головой:

— Ты еще не нашел носителя своего *Агимортуса*?

— Я все время чувствую мимолетные вибрации в Печати, но, как только начинаю идти по следу, он снова исчезает. Ты знаешь, где он?

— Он скрыт даже от меня.

— Ты бы не сказал, даже если бы знал, — проворчал Арес. — Но я знаю его имя. Ты слышал о Сестиэле?

— Сестиэль? — Ривер задумчиво потер подбородок. — Он пал несколько сот лет назад — поддался человеческим соблазнам и слишком часто пренебрегал своими обязанностями. Последнее, что я слышал, — он пытался вернуться на Небеса.

— С кем он общается?

Над ладонью Ривера возник слегка подпрыгивавший золотой шар света. Арес терпеть не

мог, когда ангел так поступал — одна ошибка, и весь остров будет охвачен ярким светом двадцать четыре часа семь дней в неделю.

— Ты знаком с Тристеллой?

Арес кивнул. Насколько он помнил, Падшая всегда была на земле — по-видимому, ее устраивало балансировать на грани между добром и злом.

— Сестиэль несколько десятков лет пытался искупить ее вину. — Ривер подмигнул. — И — нет, эта информация тебе *не поможет*, поскольку это общеизвестный факт.

Отлично. Может быть, Тристелла сможет что-нибудь сказать относительно того, где искать Сестиэля.

Кожу головы у Ареса закололо, и рядом с Ривером возникла Хавистер. Ривер, оглядев ее с головы до ног, даже выпустил шарик света.

— Что с тобой стряслось?

— Не твое дело, — огрызнулась та. *Ла-адно*. Падшая всегда была раздражительной, а ее зловредность обычно выливалась в сарказм. Но, с другой стороны, за те два тысячелетия, что она была Наблюдателем, он ни разу не видел ее такой... помятой.

Нет, не так. Не просто помятой, а *избитой*. Черные крылья, изломанные так, что Падшая не могла их сложить, волочились по полу; голова безжизненно свисала, словно у нее болела шея. И Арес готов был поклясться, что пусть всего на секунду, но в ее глазах промелькнул страх. Дело в том, что ангелы быстро исцеляются. Значит, существо, с которым она связалась, либо равно ей по силе, либо сильнее нее — и тех, и других Всадник мог пересчитать по пальцам.

Ривер одарил ее натянутой улыбкой:

— Что, кто-то смог, наконец, отплатить тебе по заслугам?

Как ни странно, Хавистер промолчала и вместо этого подошла к компьютеру. Монитор по-прежнему демонстрировал сайт CNN.

— Человеческие правительства хранят большинство проделок Мора в тайне. Вы заметили?

Арес заметил. Еще он заметил, что она прихрамывает на левую ногу.

— А ты вообще зачем пришла? — Он бросил взгляд на Ривера. — Тебя это тоже касается.

— Я могу рассказать тебе о том, что задумал Мор, — ответил Ривер. — Он распространяет по всему миру мини-эпидемии и убивает всех Непадших, каких найдет. Думаю, он бесится из-за того, что не может найти Сестиэля.

Может быть, но Ресеф никогда не отличался горячим нравом. Когда Арес, Танатос и Лимос впадали в неистовую ярость, именно Ресеф всегда их успокаивал. Может быть, превращение в Мора это изменило, но Арес в этом сомневался. Нет, он умнее этого.

Будь Арес на месте Ресефа, он отрезал бы Сестиэлю путь к бегству, не тратя времени на мелкую месть...

— Я знаю, что он делает. Он уничтожает всех, кто потенциально может стать *Агимортусом*, — выругался Арес, — а очаги эпидемий он использует как ловушки.

Крылья Хавистер дрогнули:

— Это как?

— Непадших притягивают страдания, — задумался Ривер. — Ангелов всегда к ним тянуло, и Непадшие — не исключение. Может, они надеются, что, помогая умирающим, заслужат обратный билет на Небеса.

Арес изучал огромную карту мира на стене. Кнопками были отмечены места, подвергшиеся нападению Мора. У этого паразита кончалось место.

— Мор расставляет ловушки. Я бы сделал то же самое.

Дверь в кабинет открылась, и вошел Вулгрим, один из демонов-рамрилов, служащих у Ареса. В руках у него был поднос с холодным чаем, который тот поставил на стол. Когда Вулгрим вышел, Ривер воткнул в карту еще одну кнопку:

— Давайте просто надеяться, что Сестиэль не запаникует и не совершит какую-нибудь глупость, если ему не на кого будет перенести *Агимортус*.

— Глупость?

Хавистер схватила стакан с подноса в своей обычной манере — словно боялась, что кто-нибудь успеет взять его раньше нее.

— Есть только один биологический вид, который тоже может стать носителем *Агимортуса*. Человек.

Твою... Арес отодвинулся от стола.

— А раньше ты сказать об этом не могла? Ну, например, тысячи две лет назад?! — Всадник выругался, не дожидаясь от Наблюдателей идиотских замечаний вроде «*ты же знаешь правила*». — Люди уязвимы. Их легко убить. Если кто-то из них примет *Агимортус*...

— Главная проблема не в этом, — возразил Ривер.

— То, что их легко убить, — для меня большая гребаная проблема. Так что же еще?

— Люди не предназначены для того, чтобы принимать его. *Агимортус* убьет их. Человек, если согласится, проживет, в самом лучшем случае, сорок восемь часов.

Хавистер улыбнулась. Видя, как возвращается ее зловредная сущность, Арес испытал почти облегчение.

— А знаешь что? Мору тоже об этом известно. Он убьет всех Непадших, и Сестиэльк ничего не останется, кроме как воспользоваться человеком. А потом ты увидишь, как твой мир рушится, Всадник.

Ривер стоял в одиночестве возле дома Ареса, слепо уставившись на далекую оливковую рошу. Его снедала беспомощность. Для ангелов существовало очень много чертовых правил, и Ривер знал это куда лучше других.

Однажды он нарушил строгий небесный закон и поплатился за это. Он вынужден был прожить несколько десятилетий как Падший. Затем, во время почти апокалиптической битвы пару лет назад, Ривер пожертвовал собой ради спасения человечества и заслужил свои крылья назад.

Поначалу вернуться в строй и больше не испытывать гонений со стороны своих небесных братьев было просто потрясающе. Ривер был боевым ангелом, одним из воинов Бога, и проводил дни в стычках с демонами. Еще его назначили *добрым* Наблюдателем за Всадниками. Это тоже было круто, пусть ему и приходилось постоянно общаться с Хавистер. К тому же эта должность считалась престижной, и Гетель, ангел, который занимал ее до него, как будто не слишком тяготился своими обязанностями.

Ривер не знал, почему именно его назначили на эту работу, но теперь, когда на горизонте замаячил новый Апокалипсис, начал подозревать, что это испытание. Испытание, которое покажет, сможет ли он следовать правилам в любой ситуации, какие бы ужасные существа ни проникли в человеческий мир.

Оставив теплый солоноватый бриз позади, Ривер перелетел в гималайское жилище Ресефа. Трудно было думать о добродушном Первом Всаднике как о Море, особенно проходя мимо останков прежней жизни Ресефа: кресла-мешки, блендер с коктейлем «маргарита»^[19], открытые пачки чипсов и разбросанная повсюду одежда.

Ривер бродил по пещере в поисках признаков того, что Мор недавно был здесь. Под ногами носились адские крысы размером с лесного сурка^[20]. У каждой в пасти виднелся ряд острых зубов; в воздухе мелькали раздвоенные черные язычки. Это были маленькие шпионы Мора, и они донесут ему, что Ривер был здесь.

Или не донесут, если Наблюдатель избавит их от таких хлопот.

Мрачно улыбнувшись, Ривер сделал размашистый жест, и внутри у него запела сила, создавая невидимую волну священного огня. Крыс разорвало; их резкий писк эхом отразился от стен пещеры. Священный огонь действовал отлично. Жаль, что только на низших дьявольских тварей.

Будучи ангелом, Ривер имел в своем распоряжении целый арсенал оружия. То же можно было сказать и о Всадниках. А если бы они нашли клинок Избавления, то получили бы два оружия в одном... потому что этот кинжал обладал такими возможностями, о которых они даже не подозревали. Проблема заключалась в том, что ни Ривер, ни Хавистер не могли рассказать того, что знали. Сделав это, они бы нарушили божественный закон. А Ривер больше не собирался идти против правил... даже если это означало конец света.

Собравшись с мыслями, он обошел гостиную, пытаясь придумать, как помочь Аресу, Танатосу и Лимос без явного вмешательства. Время поджимало, и Риверу не требовалось читать небесные, библейские и пророческие знаки, чтобы понять это. Он чувствовал это по дрожи, сотрясавшей его душу.

Дрожь. Нахмурившись, ангел остановился, но по ногам продолжала подниматься вибрация от ударной волны. В воздухе сгустилась осязаемая злоба; земля под ним задрожала,

а с потолка внезапно посыпались камешки. Ривер увидел, как скалу расколола огромная трещина, и тут вся пещера обрушилась. На плечо Риверу упал камень размером с кресло. Боль раскаленной добела стрелой пронеслась по телу, и ангел, изо всех сил сосредоточившись, испарился из пещеры, пока его не завалило и не заточило внутри горы навсегда.

Высоко в небе, расправив крылья над горным хребтом, Ривер изучил территорию, тут же установив источник враждебных вибраций... и страшного обвала.

Хавистер.

Зарычав, ангел устремился вниз и врезался в Падшую, стоявшую на ближайшей горной вершине. Она вскрикнула, и оба, скатившись вниз по заснеженному обрыву, ударились о землю, переплетя конечности и крылья.

— Демонская мразь! — заорал Ривер, схватив ее за горло.

В зеленых глазах Хавистер зажегся малиновый огонь, а ногти превратились в когти, и она с силой ударила его по лицу:

— У тебя что, мозги отказали?

Ривер сжал пальцы сильнее, находя удовольствие в попытках Падшей вдохнуть воздух:

— Ты что, думала, я буду в восторге от твоей попытки замуровать меня навечно?

Хавистер заморгала, и на секунду ему показалось, что Падшая действительно не понимает, о чем речь. Но тут она впиалась клыками в раненое плечо ангела, и боли, пронзившей его, оказалось достаточно, чтобы он покачнулся и ослабил хватку.

В мгновение ока Падшая вскочила, и ребра Ривера хрустнули под ударом ее ноги.

— Захоти я убрать тебя с дороги, ты бы оттуда не выбрался. Знаешь, каково это — быть раздавленным и не иметь возможности умереть? Ну, разумеется, откуда же тебе знать, ведь если бы такое и бывало с тобой раньше, ты бы об этом не помнил, правда?

Сука. Ривер понятия не имел, откуда она знает об его потере памяти, но Хавистер обожала подкалывать его тем, что он не может вспомнить свою жизнь до событий, которые привели к падению. О, разумеется, он кое-что знал о Небесах, истории и людях, но не мог вспомнить подробностей своей жизни до встречи с Патрисией Келли — женщиной, которая, в конце концов, и уговорила его нарушить настолько важное правило, что его сбросили с Небес.

Вспомнить об этом не мог больше никто. Даже в «Памяти времен»^[21] — главной Небесной базе данных, содержащей сведения обо всем на свете, — ничего не обнаружилось. Как будто Ривера оттуда стерли.

— Это было лишь предупреждение, — промурлыкала Хавистер. Она явно наслаждалась ситуацией. — О твоей любви к нарушению правил все знают. Даже не думай искать лазейки, чтобы помочь Всадникам. — Падшая улыбнулась, сверкнув клыками. — Видишь ли, у меня есть кое-какие связи на Небесах, и я позабочусь о том, чтобы, когда ты падешь в следующий раз, у тебя не было возможности вернуться. Тебя ждут лишь огонь и боль.

Изящно взмахнув рукой, Падшая исчезла, оставив Ривера на льду. Он лежал, дрожа, истекая кровью. Он не может позволить себе пасть снова. Это означало бы попасть напрямиком в Шеул, минуя Землю, и угодить в тюрьму^[22]. И тогда всему конец.

Так что — нет, Ривер не станет нарушать правила. Но найдет способ отомстить Хавистер. А когда начнется Последняя битва, она будет первым демоном, которого он уничтожит.

Хавистер перенеслась в свои шикарные апартаменты в округе Хорун в Шеуле... и закричала. Кричала, пока не охрипла. Кричала, пока ее раб, огромный оборотень по имени Вайн, не зажал уши и не упал на колени.

Сорвав голос, Падшая пару раз вдохнула, стараясь успокоиться, налила бокал вина из костного мозга демонов Нитул и залпом выпила. Неимоверно дорогой напиток, созданный демонскими работорговцами, обжег горло, словно жидкий огонь, и упал в желудок куском угля. Боль длилась всего секунду, а потом пришло вознаграждение — несколько минут оргазмического экстаза, такого сильного, что вздрогнувшей от удовольствия демонессе пришлось опереться на Вайна.

Когда все закончилось, Хавистер опустилась на пол рядом с ним, отчасти из-за того, что ее не держали ноги, отчасти — из-за голода. Молча — раб не должен говорить без разрешения госпожи — Вайн наклонил голову набок, обнажая яремную вену. Кандалы на его лодыжках лязгнули, когда Падшая потянулась к его шее, и ей вдруг пришло в голову, что она тоже закована в цепи, только невидимые, и что она — такая же пленница судьбы, как и Вайн.

Из-за раздражения Хавистер обращалась с Вайном грубее обычного, и он дергался при каждом ее агрессивном глотке. Черт возьми! Последние два дня были настоящим адом... без всякого каламбура. То, что она уничтожила пещеру, объяснялось яростью и жаждой мести. Ей было необходимо нанести ответный удар, даже если он оказался незначительным.

В чем проблема? Ривер. Обрушивая гору, Хавистер не знала, что ангел-филантроп^[23] был в пещере. Демонесса могла сказать ему правду, когда он набросился на нее, но он бы все равно не поверил, а что еще хуже, пришлось бы объяснять, почему ей захотелось уничтожить старое жилище Мора.

А теперь, если Ривер не будет держать язык за зубами, Мор узнает, что его пещеру разрушила именно Хавистер.

Она вздрогнула, вспомнив, как Всадник, закончив с ней в той мексиканской хижине, склонился над ее обнаженным изломанным телом и грубо прошептал на ухо:

— Это была лишь репетиция того, что я сделаю с тобой в следующий раз. Теперь ты передо мной отвечаешь, а не наоборот. Помни об этом. Разозлишь меня еще раз — просверлю в тебе еще один анус, а потом трахну его. И это будет только прелюдия.

О, как же она его ненавидит. Сейчас и Хавистер, и Ривер могли только наблюдать за действиями Всадников и докладывать о них своему начальству, а любые их попытки помочь или предоставить какие-то сведения сначала проверялись упомянутым начальством. Например, информация о том, что *Агимортус* Ареса может быть перенесен и на человека... этот лакомый кусочек был допущен к распространению только вчера. Почему, Хавистер не знала. Падшая давным-давно поняла, что она, как и большинство других существ во Вселенной, всего лишь пешка.

Теперь ей нужно было только понять, как играть в эту игру. Потому что страх, который она испытывала тысячи лет пребывания в Шеуле, не шел ни в какое сравнение с тем ужасом, который она ощущала сейчас. Армагеддон уже маячил на горизонте, и впервые Хавистер не знала, в каком случае ей будет хуже в аду — если зло проиграет... или победит.

Все еще раздраженный из-за разговора с Ривером и Хавистер, Арес постучал в дверь дома Кары и стал ждать. Ждать пришлось довольно долго. Когда он поднял руку, чтобы постучать еще раз, то услышал шаги, а потом приглушенный голос:

— Кто там?

— Меня зовут... э-э-э... Джефф. — Это же распространенное человеческое имя, так ведь? — Я хотел проведать собаку, которую сбил вчера ночью.

Девушка не помнит о собаке, поскольку он стер ее воспоминания, но будет очень любопытно увидеть, как она с этим справится.

Тишина. Еще несколько секунд тишины. Потом, наконец, раздались щелчки множества отпираемых замков. Дверь открылась, но только на длину цепочки. До чего же нелепы эти цепочки. Любой мужчина обычных размеров мог бы выломать эту дверь, а Арес не был обычным. Он мог разнести ее в щепки одним мизинцем.

— Собаку?

Расположи ее к себе. Улыбнись. Придумай объяснение всему, что показалось ей странным сегодня утром.

— Да. Ну... понимаете, раненую собаку, которую я привез сюда прошлой ночью.

В ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Черт, он надеялся, что ему показалось. Его способность стирать память работала не так эффективно, как у Тана или Лимос — та могла даже заменять одни воспоминания другими, — но она все-таки работала. Может быть, на его работу повлияла связь с цербером.

— Кто вы такой? — спросила девушка. — Вы не местный.

— Я подумываю сюда переехать. Пока не подыщу дом, живу у кузенов. Они сказали, что вы — ветеринар.

Арес надеялся, что угадал, поскольку все вещи в рабочем кабинете явно принадлежали ей.

— Нет, — со странной заминкой произнесла Кара. — Вообще-то нет.

Что это должно означать? Арес сунул руки в карманы и попытался выглядеть безобидно. Надо было надеть шлепанцы.

— Послушайте, это не моя собака, так что, если она умерла, просто скажите. Я просто решил заплатить вам за беспокойство и принести извинения за то, что разбудил вас и оставил животное на газоне. Не думаю, что вы открыли бы дверь незнакомцу посреди ночи.

— Конечно, спасибо. Э-э-э... Боюсь, собака не выжила. Извините.

— Все нормально. Я и не надеялся. Она истекала кровью. — Арес вытащил из кармана пачку банкнот. — Сколько с меня?

Кара пожирала купюры глазами так, словно это была еда, а она умирала от голода. Вспомнив счета на журнальном столике, Арес приготовился отсчитать астрономическую сумму.

— Нисколько, — вздохнула девушка, сразив его наповал. — Спасибо, что заглянули.

Арес пожал плечами:

— Спасибо, что попытались ее спасти. — Он положил деньги обратно в карман и повторил слова, которые она сказала по телефону. — Вот что самое странное. Вчера мне снилась эта чертова собака. Она сидела в клетке и выла так, словно хотела что-то сказать.

Он развернулся, шагнул с крыльца... и, услышав, как лязгнула цепочка, улыбнулся.

— Пойдите. Вам... приснилась собака? Черная собака? Та, которую вы ко мне привезли?

Арес повернулся к ней:

— Да. А что?

— Просто, — мягко сказала девушка, — я видела тот же сон.

Дверь открылась шире, но Кара по-прежнему выглядывала из-за нее, точно из-за щита.

— В моем сне собака была в подвале. В вашем тоже?

Глаза Ареса расширились в притворном удивлении:

— Ну да. Что еще вы помните?

Все ее тело кричало о нежелании говорить об этом: она сжала дверь так, что костяшки пальцев побелели, прикусила губу.

— Клетка стояла в центре какого-то здорового круга. С символами.

Глифы, удерживающие его от побега из клетки и попытки позвать стаю на помощь.

— На клетке тоже были символы?

Она кивнула. Мокрые волосы падали ей на лицо. Аресу захотелось, чтобы она вышла из-за двери, чтобы можно было рассмотреть, во что она одета. Не то чтобы ее одежда имела значение. Но она, похоже, была из тех, кто предпочитает джинсы и футболки, и Арес хотел узнать, прав ли он. И еще посмотреть, как ее сногшибательная задница смотрится в джинсах.

— Значит, нам снилось одно и то же, — задумчиво произнесла Кара. — Что бы это значило?

— Без понятия. Но, если повезет, сегодня нам не приснятся собаки в клетках.

Арес лгал. Ему было необходимо, чтобы она увидела этот сон. Сейчас только она могла привести его к Сестиэлю.

— Было бы здорово. — У нее был музыкальный, нежный голос, и Арес поймал себя на мысли, что хочет слышать его снова и снова.

— Эй, можете оставить номер, по которому с вами можно связаться? Ну, вдруг у меня появятся вопросы о собаке или о чем-нибудь еще?

Что за бред. У нее не будет никаких вопросов о собаке. Зато он наладил с ней контакт, предоставил общую тему для разговора в форме загадки; любой нормальный человек захочет понять, почему двум абсолютно незнакомым людям снится один и тот же сон.

Арес незаметно вытянул из кармана стодолларовую купюру и подложил ее под свою визитную карточку. Зачем — он и сам не знал, но понимал, что Каре нужны деньги, а у него их полно.

Девушка наконец вышла из-за двери, и Арес позволил себе медленную визуальную экскурсию по ее телу. Черт побери, он был прав насчет одежды: серая, не по размеру, футболка и поношенные джинсы смотрелись замечательно. Ее ягодицы словно были созданы для того, чтобы мять их, бедра — для того, чтобы сжимать мужчину, когда он расположится между ними, а изящные ножки — чтобы сцепить их у него на спине. Он мог поклясться своим левым яичком, что у Кары чувствительные лодыжки.

— Благодарю. — Она взяла визитку, но деньги протянула назад. — Я же сказала...

— Возьмите. Если откажетесь, я оставлю их у вас на крыльце с еще одной сотней.

Может, он и так это сделает. Черт, когда это он размяк и стал ходячей благотворительностью? Может быть, когда оценивал ее как сексуального партнера, и вся

кровь отлила у него от головы.

Кара одарила его робкой нерешительной улыбкой, и у Ареса подскочила на пару градусов температура. Он вспомнил, как его губы касались этих пухлых губ, и ему чертовски хотелось ощутить это вновь. Тот поцелуй был лишь началом, и он жаждал продолжения.

— Спасибо.

Девушка нацарапала свой номер на клочке бумаги и передала ему. Арес взял его так, чтобы ее пальцы скользнули по его руке — легкое, «невинное» прикосновение, от которого Кара слегка испуганно втянула воздух.

Ее ладони оказались чертовски нежными. У него не осталось сомнений, что она вся такая же нежная.

— Не стесняйтесь звонить мне в любое время. — Арес изобразил застенчивую улыбку. — Может, мы могли бы сходить куда-нибудь поужинать или выпить?

Тут он понял, что сморозил что-то не то, потому что девушка отступила внутрь дома:

— Я... я не думаю, что это хорошая идея, но спасибо.

— Вы замужем? Есть парень? Подружка? — Неплохо будет это узнать, раз уж он собирается занять какое-то место в ее жизни и выудить у нее сведения. Вмешательство или расспросы ревнивого любовника ему совершенно ни к чему.

— Нет, — ответила Кара, и этот ответ удовлетворил его больше, чем должен был. — Я не очень общительна.

Арес не мог не задуматься, по какой причине она с такой неохотой отнеслась к его предложению. Допустим, он незнакомец, но ни одна женщина еще ни разу не отказывалась от его ухаживаний. В числе немногих особенностей, унаследованных им от матери-демонессы, была неодолимая сексуальность, перед которой могли устоять только суккубы. Даже человеческие женщины, которые в его присутствии впадали в неистовство, кидались ему на шею. Одновременно желая убить его.

Соппротивление Кары было связано с какой-то травмой... об этом свидетельствовали особенности ее поведения и речи, а еще больше — ее глаза. Откуда в них столько боли?

Черт побери, Арес в любом случае ничего не мог с этим поделать. Он снова стал спускаться с крыльца.

— Если передумаете, мой номер у вас есть.

Кара нахмурилась, бросив взгляд на его визитку:

— Где вы живете?

— В Греции. — Арес подмигнул ей и мог бы поклясться, что девушка покраснела. — Если когда-нибудь захотите приехать в гости, у меня в доме полно места. Вам понравится. Белый песок, голубое море... там очень красиво. Вам покажется, что вы уже были там раньше.

Потому что она действительно уже там была.

Кара смотрела, как Джефф не спеша удаляется. В животе словно порхали обезумевшие бабочки, ладонь, сжимавшая его визитку и деньги, вспотела, но в кои-то веки она так нервничала не из-за страха. Мужчина был магнетически привлекателен... и, без сомнения, это он целовал ее в том странном сне... или воспоминании.

Раз она не помнит, как он привез ей собаку, видно, ее мозг хорошо почистили.

Невозможно начисто забыть парня ростом далеко за шесть с половиной футов^[24], излучающего уверенность в себе, силу и секс. О да... секс. Может, у нее и не было близости с мужчиной уже несколько лет, но ощущения она помнила, и женский инстинкт подсказывал ей, что одна-единственная ночь с Джеффом может оказаться лучше всех предыдущих, вместе взятых.

А его запах, мужской пряный аромат, исходивший от него, вполне мог служить афродизиак^[25]. Здравый смысл кричал, что ей следует испугаться, но гормоны пытались стереть страх в порошок.

Трепет возбуждения прошел по телу Кары, когда она смотрела вслед уходящему мужчине, не в силах оторвать глаз от его грациозной плавной походки. Желтовато-коричневые штаны-карго неприлично прекрасно сидели на бедрах, а под рубашкой перекачивались мышцы. На солнце его каштановые волосы отливали рыжиной, и девушка могла лишь представить, сколько женщин запускало пальцы в эти спутанные пряди, выгибаясь под этим потрясающим телом.

Сожаление застряло в горле горьким комком, который она не в силах была сглотнуть. Мужчина, сексуальнее которого она в жизни не встречала, приглашает ее на свидание, а она ведет себя так, словно он предложил ее убить. Неужели так трудно было принять приглашение? Может, предложить встретиться где-нибудь в общественном месте, куда она приедет на своей машине и не будет ощущать давления?

Джефф, словно почувствовав ее взгляд, замедлил шаг, и сердце Кары ускорило бег. Мучительно медленно повернув голову, он взглянул на Кару через плечо, и на лоб ему упала длинная прядь волос. Их взгляды встретились. Переплелись. Узнавание хлынуло жаркой текучей волной... о господи. Ни один мужчина не оказывал на нее подобного эффекта, тем более с первого взгляда.

Его рот изогнулся в дерзкой чувственной улыбке, словно он знал, о чем она думает... и знал, что может дать ей это так, словно у нее никогда этого не было. Святой младенец Иисус, она чуть язык не проглотила.

Черт возьми, почему она стоит у двери и пожирает глазами незнакомца, когда ей надо... оплачивать счета?

Боясь выставить себя еще большей идиоткой, Кара начала закрывать дверь и заморгала. Джефф исчез. Она не видела никакой машины и сомневалась, что тот пошел назад в город пешком. Он просто... испарился.

Припиши это ко всем остальным странностям.

Да, план хорош, если не считать того, что Джефф объяснил почти все. Собаку, пятна от травы, кровь.

Все, кроме того, зачем она выпила столько водки, что не может ничего этого вспомнить. Или почему они оба видели один и тот же сон.

Или что она сделала с телом собаки — должно быть, животное умерло, или же она оставила его в одной из будок рядом с домом... но они оказались пусты.

По крайней мере, ощущения, что за ней кто-то наблюдает, больше не было, но по коже у Кары все еще бегали непрошеные мурашки от страха. Должно быть, напиток ее заставило то, что случилось прошлой ночью, но что? Она никогда не увлекалась спиртным, и уж если смерть отца и ночь вторжения в дом не толкнули ее к бутылке, то уже ничто не сможет.

Прибирая свой кабинет, Кара изо всех сил старалась не думать ни о тайне прошлой ночи, ни о Джеффе с его потрясающим телом. А когда закончила, то просто упала на диван в

гостиной, где по телевизору опять говорили о том же самом. Загадочные болезни возникали, словно пожары; вода по меньшей мере в четырех реках и трех озерах оказалась заражена опасными микроорганизмами; шесть стран без видимых причин развязали войну. Правительство Соединенных Штатов пыталось найти предлог для вмешательства в этот конфликт, а вооруженные силы были приведены в полную боевую готовность.

Мир катится к чертям собачьим, как бы выразился ее отец, когда паковал свои чемоданы для поездки с группами по спасению животных в области, разрушенные войной.

Сильнее, чем следовало бы, Кара шлепнула ладонью по пульта, выключив телевизор. Раньше она любила эту дурацкую коробку, даже купила первоклассный домашний кинотеатр фирмы «Sony», когда у нее еще были деньги. И честолюбие. Практически все в доме было «лучшим». Она гордилась своим стремлением идти к успеху и не успокаиваться на достигнутом.

Но все это умерло два года назад вместе с человеком, пробравшимся в ее дом.

В оцепенении Кара добралась до спальни и свернулась калачиком на кровати. Как только ее голова коснулась подушки, девушка погрузилась в сон.

Помоги мне!

— Хэл!

Кара встряхнула головой. Потерла глаза. Задумалась, действительно ли это всего лишь сон. Она снова парила в темном подвале с запертым в клетке псом, но на этот раз все казалось более знакомым. Девушка даже знала, что щенка зовут Хэл. Сокращенное от Хэлитозис.

Найди меня.

И вновь животное напоминало обычную собаку.

— Я нашла тебя.

Красные глаза Хэла засветились ярче, а шерсть на загривке встала дыбом. Он стал похож на какого-то доисторического монстра, готового прорваться сквозь ткань реальности и уничтожить все на своем пути.

Уходи.

— Я только что пришла...

Кара осеклась, ослепленная ярким светом и внезапным появлением знакомого блондина. Когда он увидел ее, его глаза расширились, и он бросился к ней. Рука блондина скользнула по плечу Кары, но та увернулась.

Беги! Если он поймает тебя, ты окажешься здесь в ловушке без своего тела. Уходи через потолок!

Без тела? Ладно, перспектива не очень заманчивая. Мир смазался, а ее тело словно распалось на части — Кара рванулась вверх и прошла сквозь камень, цемент и дерево. И внезапно оказалась на улице, под ярким солнцем, а дом, из которого она только что выбралась, остался позади.

Где она?

Каре пришлось отлететь в сторону, чтобы не попасть под машину... машину, ехавшую не по той стороне дороги. Со странным номерным знаком... Она проплыла еще немного вдоль дороги и приблизилась к табличке, гласившей «Ньюленд Парк Драйв»^[26], которая ни о чем ей не говорила.

Девушка продолжала двигаться дальше вдоль тротуара, а потом словно натолкнулась на стену. Она видела находившиеся вдалеке предметы, но двигаться вперед не могла. Только

назад.

Найди меня, или мы оба умрем.

В голове у Кары раздался отчаянный голос Хэла, и внезапно она оказалась у себя дома, в своей постели. На этот раз она не сидела в замешательстве. Она вскочила с кровати и побежала через коридор в свою вторую спальню, где тихо гудел ее старенький компьютер. Девушка плюхнулась на скрипнувший стул и начала мучить Гугл.

Ньюленд Парк Др. Что ж, этот запрос выдал около миллиона результатов, но полезными оказались очень немногие, хотя зачастую на экране высвечивалось «Йорк, Англия». Пальцы бегали по клавиатуре, она перешла к картам, а потом набрала: *Ньюленд Парк Др., Великобритания.*

На экране появилась спутниковая карта, и у Кары замерло сердце. Это был тот самый район, где она побывала. Она ни разу в жизни не была в Англии, но узнала и улицу, и дома. Ньюленд Парк Драйв оказалась длинной, и девушка не смогла приблизить карту настолько, чтобы найти дом, из которого вышла во сне, но это определенно был тот самый район. Кара гадала, снился ли Джеффу тот же сон. Может быть, стоит ему позвонить.

Найди меня, или мы оба умрем.

Девушка уставилась на экран, вновь прокручивая в голове казавшийся таким реальным сон. Наверняка это не сон. Ей больше неоткуда знать такие подробности о Ньюленд Парк Драйв.

Либо она стала медиумом, либо действительно общалась с какой-то странной собакой, которую вроде бы лечила, но не помнит об этом.

Которая неведомым образом перенеслась в Англию за считанные часы.

Реальные вещи мешались с нереальными, и Кара почувствовала, что рассудок начинает ее подводить.

Найди меня, или мы оба умрем.

— Скажи мне, что знаешь, где Сестиэль.

Мор стоял на мосту через шеульскую реку Инферно, протекавшую в районе Мертвых, и пристально смотрел на покрытого шрамами цербера — одного из самых огромных чертовых псов, каких когда-либо видел. На раскрытой пасти чудовища повисла нитка густой слюны и плюхнулась на землю. Мерзость.

В роли переводчика выступал вампир из рода Карцерис — демонов-тюремщиков, содержавших церберские псарни для выслеживания демонов. Он стоял в опасной близости от края каменного моста, несомненно, готовый спрыгнуть с него в случае угрозы — если цербер... или Мор решат перестать вести себя как паиньки.

— Согласно вашему договору, Пожиратель Хаоса по-прежнему ищет и Сестиэля, и Ареса.

Пожиратель Хаоса. Что за дурацкое имя для цербера. Конечно, Мор не собирался озвучивать свои мысли. Он, может, и ненавидел этих ублюдков, но дураком не был. Он все еще оставался уязвим к их укусам и не хотел подвергать себя риску получить бесконечный паралич и боль.

— Мы договаривались, что он выведет из строя либо Сестиэля, либо Ареса, но пока не сделал ни того, ни другого.

Цербер взрыкнул, и базальтовые плиты моста задрожали под его гигантскими лапами. Эти твари ужасно вспыльчивы. Вампир даже чуть-чуть отступил назад.

— Хаос утверждает, что возникли трудности. — Вампир пару раз переступил с ноги на ногу. — Он со своим отпрыском преследовал Сестиэля. Вмешалась Эгида... — Он нахмурился. — Я не уверен, что правильно понял, но, думаю, щенка Хаоса ранили, и Сестиэль поймал его.

— Так вот как Сестиэль маскируется, — задумчиво произнес Мор. — У него в руках цербер.

— Похоже на то. Хаос не может его почувствовать. Но он мечтает собственными лапами вырвать сердце Сестиэля. Он одним махом убьет двух зайцев — отомстит за своего щенка и сломает Печать Ареса. Думаю, Хаос мечтает увидеть гибель Ареса не меньше тебя.

Мор в этом сомневался, но возражать не стал.

— Разыщи Сестиэля, ты, шелудивый пес! — приказал он. — Найди его, и, когда я покончу с ним, мы вернем твоего детеныша.

Вампир склонил голову, прислушиваясь, и кивнул:

— Он хочет получить то, что ты ему обещал.

— Да, да. Я отдам тебе Ареса на тридцать дней, — усмехнулся Мор. — Он будет полностью в твоём распоряжении.

Мор не мог придумать ничего страшнее. Он предпочел бы, чтобы с него целый год снова и снова заживо сдирали кожу и выкалывали ему глаза, чем провести хотя бы час в лапах своры церберов. Хаос исчез, и Мор улыбнулся. Когда он был Ресефом, пытки его отталкивали. Став Мором, он жаждал их.

Ему определенно стоит потребовать приглашения на эту пирушку церберов, где Арес будет почетным гостем.

Храм Лилит.

Этот храм Арес посещал очень редко. Однако он был на охоте, и ему намекнули, что там он найдет свою добычу.

Вместо «ему намекнули» точнее было бы сказать «он убил ложного ангела — разновидность демонов, которые притворяются ангелами, чтобы сбить людей с пути истинного, — и увидел то, что видели глаза демона».

Арес спустился по ступенькам в тайную пещеру, расположенную глубоко в горах Загрос^[27]; его ушей достигли пение и сексуальные стоны, и его член встал. Не то чтобы для этого много потребовалось — проклятый прибор уже и так был на взводе из-за того, что перед тем, как прийти сюда, Арес слушал голос Кары — вчера она оставила ему голосовое сообщение. Как-никак, Арес наполовину был демоном секса. Он, безусловно, не был защищен от энергии влечения, исходившей от многочисленных сексуальных актов. Черт, сам храм был буквально пропитан сексом: от порнографических фресок на стенах до заклинаний, которые творили чародеи во время оргий, когда строилось это святилище. Любой, кто входил сюда, незамедлительно возбуждался, и чем ближе был главный зал, тем сильнее становилось возбуждение.

Это был второй храм, возведенный в честь его матери. Первый, который изначально построили для поклонения Лилит как богине защиты, лежал в руинах вместе с древним Шумерским государством^[28]. Да, на протяжении сотен лет она дурачила людей, питаясь их обожанием, дарами и жертвоприношениями. Его мать была та еще штучка.

Храм, в который теперь входил Арес, сразу же выдавал ее истинную сущность — первого суккуба и весьма злобной суки.

В прошлые века люди оставляли подношения с едой в первом храме. По иронии судьбы, Арес, еще не зная правды о своем происхождении, ходил туда со своим человеческим братом Эккадом, чтобы поклоняться Лилит. Эккад молил защитить Ареса и его семью. Сам же Арес просил защитить свою армию. Не потому, что, по его мнению, семья не нуждалась в помощи богини, а потому, что твердо верил: он сможет защитить их сам. Эккад смеялся и называл Ареса воином до мозга костей. Эккад, чьи кости были искривлены от рождения, калека, нуждавшийся в защите Ареса. Эккад, обладавший живым умом, один из умнейших людей, которых когда-либо знал Арес.

Арес оберегал Эккада с раннего детства. Ему было пять лет, когда он упросил отца оставить новорожденного в живых — тот собирался утопить изуродованного младенца. Арес много лет защищал брата, зарабатывая порки, если начинал излишне сильно проявлять любовь, потому что забота о ком-либо в те времена была наказуема.

Это подтвердилось самым ужасным образом. Даже тысячи лет не смогут унять боль от потери сыновей и Эккада. Любовь Ареса стоила им жизни, и не проходило и дня, чтобы он не сожалел о своем решении оставить их при себе вместо того, чтобы отослать.

Громкие шаги Ареса заставили обернуться к нему всех, кто собрался вокруг статуи Лилит в натуральную величину. Большинство из этих пары десятков почитателей были людьми, участвовавшими в сексуальных играх, которые именовались подношениями Лилит. Когда Арес приблизился к своей жертве, напомнил о себе побочный эффект его присутствия. Люди всегда начинали с взаимных словесных оскорблений, но вскоре переходили к кровопролитным дракам. Чем дольше Арес оставался среди людей, тем

свирепее становился бой — пока в живых не оставался только один.

Без сомнения, его мать удивилась бы, увидев у себя в храме и секс, и смерть одновременно.

— Арес!

Тристелла, Падшая, оттолкнула человека-мужчину, стоявшего на коленях между ее бедер. Он, под влиянием близости Ареса, нимало не смутился отказом и переключился на другого почитателя Лилит, врезав тому по лицу своим мясистым кулаком. Тристелла, казалось, ничего не заметила. Она запахнула свою черную мантию и поспешила к Аресу.

— Я много дней совершала подношения твоей матери, молясь, чтобы она приструнила Мора и остановила Апокалипсис.

— Сколько можно. — Арес провел ладонью по лицу. — Моя мать мечтает о начале Апокалипсиса. Она бы принесла тебя в жертву прямо здесь, в своем храме, а ее последователи использовали бы твою кровь как смазку.

Арес сделал шаг назад, так как две женщины в пылу склоки едва не врезались в него.

— Выйдем наружу, пока эти люди не разорвали друг друга на куски.

— Тебя волнуют эти насекомые?

Тот факт, что Тристелла назвала людей насекомыми, вероятно, объяснял, почему она до сих пор не заслужила себе обратный билет на Небеса. Учитывая, что они поклонники демонов, то... да, насекомые... но ангелам полагалось придерживаться утверждения, что все люди исправимы. Арес был осмотрителен.

— Нет. — Он начал подниматься по ступенькам. — Просто трудно разговаривать, когда вокруг тебя течет кровь.

К тому же все его тело трепетало от желания вступить в бой с парой самых крупных мужчин, одним из которых был *тертацео* — демон в человеческом обличье.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила Тристелла, когда они вышли под иракское ночное небо.

— Вспомнил о твоем пристрастии заставлять ложных ангелов служить себе. Найти того, кто в последнее время был твоим рабом, оказалось нетрудно. — Арес резко развернулся и схватил ее за плечи. — Ты всегда играла за обе команды... старалась вернуть крылья, одновременно подлизываясь к Лилит в надежде получить место в ее свите, если войдешь в Шеул.

Тристелла задохнулась от возмущения.

— Я бы никогда... Да как ты смеешь!

— Заткнись. Я вовсе не идиот. А теперь говори, зачем ты явилась сюда на самом деле. Апокалипсис тебя не волнует. О людях ты тоже не особенно заботишься.

В ее глазах мелькнул неподдельный страх.

— Это все твой брат, — созналась Падшая. — Мор уничтожает Непадших, чтобы предотвратить дальнейший перенос твоего *агимортуса*. Многие вошли в Шеул и стали Поистине Падшими. Теперь они больше не способны принять символ, и Мор не станет их убивать. Нам нужно, чтобы твоя мать велела ему прекратить убивать нас.

Велела ему прекратить. Как будто это так легко. Тристелла, должно быть, тоже это знает, и ее приход сюда — не что иное, как отчаянная попытка спастись.

— Можешь тратить попусту свое время, но мое ты тратить не будешь. Скажи, где мне найти Сестиэля.

— Не знаю...

Арес схватил ее за отвороты мантии и притиснул ко входу в пещеру.

— Говори!

— Он взял с меня обещание.

Арес отпустил ее.

— Тогда я ничем не могу тебе помочь. Когда мой брат явится, чтобы вырвать твое сердце через рот, передавай от меня привет.

Он открыл Хэррогейт.

— Постой! — Тристелла загородила ему дорогу. — Я не могу сказать тебе точно, где сейчас Сестиэль, но он упоминал про Альбион^[29].

— *Великобритания*, — пробормотал Всадник. Ангелы всегда называли территории древними именами... Арес понятия не имел, почему они не могут идти в ногу со временем. Но не может же быть простым совпадением то, что Кара в своем голосовом сообщении упомянула о «полете» в Англию. Проклятье. Жаль, что он не получил ее сообщение раньше... но он мотался по самым отдаленным уголкам планеты и Шеула, а там телефон не ловил сигнал.

— Да, именно. Он маскирует свое местонахождение с помощью цербера, но говорит, что не может оставаться рядом с ним постоянно. Он участник движения, которое намеревалось вас остановить.

Арес нахмурился:

— Остановить *меня*?

— Не тебя лично. Вас всех. — Тристелла плотнее завернулась в мантию. — Пару месяцев назад, до того, как сломалась Печать Ресефа, на вас напали церберы, так?

Арес застыл.

— Да.

Ее взгляд нервно метался из стороны в сторону.

— За этим стоит Сестиэль. Он и еще пара Непадших. Они почувствовали волнение в материи мира и, когда демонесса Син развязала чуму вервольфов, Сестиэль придумал, как вывести вас из строя. Он подослал ко всем вам церберов.

— Чтобы, если наши Печати сломаются, мы не смогли сеять хаос в мире, — пробормотал Арес, обращаясь больше к самому себе, чем к Тристелле. Несмотря на весь ужас перспективы быть навеки парализованным церберами, Арес не мог не отдать должное Сестиэлю. План был хорош — сработай он, бывший ангел мог бы вернуть себе место на Небесах.

— Попытается ли он сделать это еще раз?

— Возможно.

Арес прокрутил в голове с десяток вариантов развития событий. Да, теперь, когда у Сестиэля в распоряжении цербер, он может воспользоваться им, чтобы заставить стаю этих тварей действовать сообща. Если так, Аресу придется навестить единственный круг призыва за пределами Шеула, предназначенный для церберов.

Похоже, следующая остановка — остров Пасхи^[30].

На руке нетерпеливо забился Битва. *Скоро получишь свое сражение, дружище.*

— Сколько вас осталось?

— Около десятка, — ответила Тристелла.

Десятка? Боже. Значит, добрая сотня убита или вручила свои души Шеулу. Тристелла умоляюще посмотрела на него:

— Ты сказал, что можешь помочь?

— Я солгал.

Кровь отхлынула у нее от лица:

— Тогда что нам делать?

— Молиться. — Арес указал на вход в храм Лилит. — И на этот раз не трать время на молитвы демону.

По рукам и ногам Сестиэля обильно струилась кровь. Горло его было перерезано, живот вспорот. Раны не могли убить его, но смерть, тем не менее, была уже близко.

В голове мучительной болью отзывался топот копыт, словно кто-то колотил по черепу топором. Сестиэль, спотыкаясь, спускался с каменистого склона горы, на которую перенесся, когда Мор отыскал его на острове Пасхи. Сестиэль надеялся отыскать Тристеллу в храме Лилит, но один из обитателей храма сказал ему, что они разминулись.

Сестиэль медленно продвигался вперед по наклонному уступу. Он молился, чтобы Мор не последовал за ним, но здравый смысл не позволял ему поверить в это. Мор ранил его, и теперь его демонический конь сможет выследить Сестиэля, куда бы тот ни пошел, даже если он станет цепляться за щенка цербера у себя в подвале.

Ослабев от боя и потери крови, Сестиэль потерял равновесие и зашатался на краю обрыва. Он прыгнул и, зависнув в воздухе на пару томительных секунд, представил себе, что у него снова есть крылья. Почти ощутил, как они вытягиваются у него за спиной в красивую дугу. Призрак ампутированной конечности.

Но ангелам, изгнанным с Неба, отрубают крылья, и, пока он не заслужит себе право вернуться, все, на что он может рассчитывать, это призрачные перья. Есть еще один путь вернуть крылья, но завершить свое падение, войдя в Шеул — царство демонов, которые люди называют адом, — не вариант. Может быть, Сестиэль и пал, но его вера в добро и святость осталась непоколебима.

Цепляясь за эту мысль, ангел ударился о землю, ломая кости. Из груди вырвался мучительный крик боли. Он едва мог дышать, но подполз к крупному валуну и, используя трещины в нем как опоры, полез наверх.

Он не может проиграть. Он должен оказать последнюю услугу человечеству. Своему Властелину.

Однако благодаря Морю и армии его слуг Непадших почти не осталось, и Сестиэлю некому было передать *агимортус*. И у него не было времени на поиски немногих выживших. А значит, оставались только люди. Люди, которые умирают через несколько часов после того, как получают *агимортус*.

Правда, если окажется, что человек обладает сверхъестественными способностями, то он будет сильнее, и ему удастся дольше продержаться под губительным влиянием *агимортуса*.

Время еще оставалось. Сестиэль закрыл глаза и проглотил содержимое крошечного флакончика — кровь цербера. Он взял ее после того, как, перенесшись в подвал, где он держал щенка, увидел там бестелесный дух человеческой женщины, свободно паривший в воздухе — несомненный признак того, что она связана с этим псом. Яд достиг желудка, и живот пронзила боль, но узнавание, туманное и далекое, уже проникло через тошноту.

Человеческая женщина, Кара... он чувствует ее...

Перед ним вспыхнул свет, и топот копыт в его голове превратился в оглушающий неистовый грохот. Одетый в тусклые доспехи, поскрипывавшие в такт галопа белого коня, Мор выпустил стрелу.

Сестиэль увернулся, но стрела изменила направление, словно управляемая ракета, и пронзила его сердце.

— Можешь бежать — просто умрешь уставшим. — Крик Всадника эхом пронесся по горам, обрушив камни и комья грязи. — Так говорят в человеческих войсках, но это так подходит ситуации, правда?

Сквозь туман, застилавший глаза, Сестиэль увидел, как из завесы света появился чистокровный гнедой конь. Наездник управлял животным одними лишь коленями и мускулистыми бедрами. Арес. В одной руке у него был огромный щит из дерева и железа, в другой он сжимал меч. В черных глазах пылал гнев.

— Отставить, братец! — Голос Ареса был похож на утробный рев. Он повернул голову к Сестиэлю: — Уходи. Сейчас же!

Кони столкнулись, и Арес замахнулся мечом, но Сестиэль не стал смотреть, что будет дальше.

Собрав остатки своей энергии, он испарился, вознося беззвучную молитву за бедную душу, которая должна была получить его дар.

Так вот, значит, каков он — Йорк^[31].

Кара всегда мечтала побывать в Англии, но не таким образом.

Чтобы оплатить поездку, девушка уговорила доктора Хеппса купить все ее медицинское оборудование. Потом отправила Джеффу сообщение о том, что, может, это и сумасбродная затея, но она отправляется в Англию, чтобы найти источник своих снов.

Теперь же, пообедав, она бродила по городу, обнесенному крепостной стеной. Было уже слишком поздно начинать искать дом около Ньюленд Парк, но и возвращаться в В&В^[32] не хотелось. Поэтому Кара решила осмотреть достопримечательности. И потому, впервые заметив окровавленного мужчину со стрелой в груди, она сфотографировала его. Но, когда привлекательный светловолосый актер, спотыкаясь, двинулся по знаменитой йоркской Миклгейт Стрит^[33], что-то в нем показалось ей странным.

Он был очень похож на человека из ее снов, того, кто пытался схватить ее, когда она была в подвале с Хэлом. Еще более странным было то, что, похоже, его видела только она. Свет уличных фонарей приглушил густой туман, и на улицах города стемнело, но не до *такой* степени.

Крепче сжав в руке телефон, Кара сделала шаг назад, со все возрастающей тревогой следя за приближающимся мужчиной. Неловким, но молниеносным движением он бросился вперед и схватил девушку за майку. Его ладонь врезалась ей в грудь, и от этого прикосновения ее охватил удушающий, леденящий страх. Внезапное жжение едва не разорвало ее на части, но кричать Кара не могла.

Каким-то образом она вырвалась и ударила кулаком ему в лицо. Парень, весивший не больше ее собственных ста тридцати фунтов^[34], отлетел на несколько ярдов^[35] назад, ударился о тротуар и врезался в фонарный столб. Кара даже не задумалась, как ей удалось настолько легко отбросить его, и не стала дожидаться, когда он поднимется. Развернувшись, она бросилась к ближайшему пешеходу, но... что-то было не так. Совсем, совсем не так.

Пешеход не двигался. Никто не двигался. Все машины, все люди застыли.

На полпути.

Слепящая вспышка света... фотоаппарат? Может быть, она забрела на съемки фильма? Или это какое-то реалити-шоу? Девушка прокрутила в голове несколько сценариев, но ни в одном из них смысла не было. И тут все мысли вылетели у нее из головы — откуда ни возьмись появился громадный белый конь с горящими красновато-огненными глазами. На нем сидел рыцарь в черных доспехах. Из стыков брони сочилась кровь.

На какой-то сумасшедший миг девушка обрадовалась ему — рыцарю. Это означало, что здесь действительно идут съемки... верно?

Конечно, спецэффекты просто потрясающие. Кровь выглядела настоящей. Боль на лице пронзенного стрелой парня — неподдельная. Зло и жестокость в холодных голубых глазах рыцаря — не наигранные.

А когда рыцарь всадил в схватившего ее парня вторую стрелу, то приглушенный звук и брызги крови... все казалось невероятно реалистичным.

— Когда же ты, наконец, сохнешь? — в голосе рыцаря слышалась почти скука. Он снова натянул тетиву. Длинные очень светлые волосы закрывали его лицо, но злобное веселье исходило от него маслянистой волной, которую Кара буквально чувствовала кожей.

Пожалуйста, пусть это будет фильм. Или сон.

Утыканный стрелами парень заковывался к тротуару, налетая на неподвижных людей и расшвыривая их, как кегли. Они тяжело падали, их тела словно превратившись в манекены.

Рыцарь выпустил стрелу, поразив блондина в спину. Хрипя, безоружный человек упал на четвереньки, но продолжал ползти, оставляя за собой следы крови. Кара едва сдержала крик ужаса.

Из гигантского круга света посреди улицы появился еще один всадник. И на этот раз у нее не возникло никакого смутного ощущения, что мужчина на коне ей знаком. Она точно знала, кто это.

Джефф. Первая странная мысль была о том, что он получил ее голосовое сообщение. Вторая — странно, что и он, и его гнедой конь облачены во что-то вроде кожаных доспехов, и, хотя точно она сказать не могла, ей показалось, что Джефф и его конь даже превосходят в размерах первого рыцаря и его коня.

При виде Джеффа блондин усмехнулся, а его конь встал на дыбы. Раздался крик Джеффа «*Нет!*», но белое чудовище с оглушительным ржанием опустило копыта на голову утыканного стрелами парня. Из-под копыт в разные стороны полетели обломки кости и брызги крови, запачкавшие ноги коня, фонарный столб и платье какой-то пожилой леди.

Кара закричала, но мужчины, казалось, ее не замечали. Джефф замахнулся мечом на блондина, но тот парировал удар собственным клинком.

Девушка отступала, содрогаясь от поглотившего ее ужаса. Отчаянно надеясь не привлечь их внимания, на тротуаре Кара замедлила шаг. Окружающий ее обычный мир был пугающе безмолвным, если не считать яростных звуков битвы: проклятий, ударов металла о металл, храпа и ржания коней, наносивших удары противнику.

Девушка рискнула оглянуться, но от вида пляшущих на останках мертвого человека коней, пытающихся укусить друг друга и ударить копытами, у нее скрутило живот.

К горлу подступила тошнота, и Кара остановилась в закоулке между кафе и пекарней. Ее обед — пирог со свининой, картофельное пюре и морковь — оказался под серьезной угрозой. Часто-часто сглатывая, девушка пошла дальше.

Как только буря в животе утихла, Кара бросилась бежать без оглядки. Она и понятия не имела, насколько далеко убежала. Завернув за угол, она чуть не сбила с ног прогуливавшегося мужчину с тростью. Уже на пределе сил, ничего не видя от страха и слез, она развернулась, промчалась по улице назад и выскочила прямо под машину.

Водитель засигналил, и, хотя Кара едва не стала лепешкой на асфальте, она рассмеялась. Смех, разумеется, был истерический, но *мир снова двигался*.

— С вами все в порядке, юная мисс?

Мужчина средних лет сошел с тротуара и направился к Каре, глядя на нее с тревогой — так, словно единственной неправильной вещью во вселенной была именно она.

Ничего подобного. Она улыбнулась дрожащими губами. Голос у нее тоже дрожал.

— Да. Спасибо.

Мужчина кивнул и пошел дальше. Никто больше не обращал на нее внимания. Словно ничего не произошло. Зазвонил ее мобильный, и Кара подскочила от неожиданности.

Это была ее психотерапевт. Как раз вовремя.

— Ларена! Рада тебя слышать!

— Извини, что не перезвонила тебе раньше. Но я получила твое сообщение и могу сказать тебе, что, по-моему, означают черная собака и клетка.

— Собака и клетка? — Кара все еще плохо соображала, и потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем говорит Ларена. — Ах да! Я спрашивала тебя по поводу сна.

Ларена, может быть, и психотерапевт, но она стала также и подругой Кары. Совершенно необычной подругой, но это как раз было Каре на руку — Ларена была единственной, кому девушка доверяла все самое сокровенное.

Ну ладно, не все. Например, Ларена не знала о сверхъестественных способностях Кары. Люди — даже друзья и родственники — всегда стараются держаться на расстоянии от непохожего на них человека.

— С тобой все в порядке? У тебя какой-то странный голос.

Кара пригладила спутанные волосы.

— Я...

...только что видела убийство, двух рыцарей, появившихся из ниоткуда, и остановку времени. Если не считать этого, все супер! Должно быть, ей в обеденный чай добавили ЛСД^[36]. Это единственное объяснение. Но чем тогда объяснить все то, что произошло у нее дома?

Помешательство, — прозвенел у нее в голове бодрый голосок. Вот чем все объясняется.

— Нет, ничего, что не сможет исцелить горячая ванна. Ладно, так что там? Ларена? — переспросила она, когда подруга замешкалась с ответом.

— Ты говорила, что собака скулила. Это может означать какое-то внутреннее смятение. Ты чувствуешь себя загнанной в ловушку. Черный окрас собаки наводит на мысль об опасности.

Опасность. Однозначно. Слова Ларены подействовали отрезвляюще. Кара приехала сюда, преследуя свой странный сон, а в итоге очутилась в кошмаре.

Из паба позади Кары вывалила шумная толпа человек в двадцать, и она отошла в сторону, чтобы ее не затоптали.

— А лошади? А сражающиеся рыцари? Это что-нибудь означает?

— Э-э... я точно не знаю. Мне придется уточнить информацию, — ответила Ларена. — Может, тебе записаться на прием?

Один из парней толкнул Кару, не удостоив ее ни «извини», ни «отвали», и девушка сердито посмотрела на него. Вот наглец... ох... *о боже*. Она попятилась, чуть не выронив телефон.

Из-под темных волос парня выглядывали коротенькие черные рожки, и у него не было кожи. На участках тела, не прикрытых одеждой, виднелись мышцы и кости. Кара моргнула, и человек снова обрел нормальный облик. Над чем-то смеясь вместе со своими приятелями, он исчез в дверях другого паба.

— Кара? Ты здесь?

— Да, — прохрипела девушка. Потом закрыла глаза, сосчитала до трех и снова открыла. Время шло, и никто не был похож на демона. Жизнь — хорошая штука.

— Извини. Я просто устала. Я позвоню насчет приема на следующей неделе.

— Буду ждать. Я скоро тебе позвоню.

Кара сунула телефон в сумку и попыталась определить, где находится. Слава Богу, В&В был всего в нескольких кварталах отсюда. Начался мелкий дождь, голова у нее раскалывалась, а нервы не выдерживали. Самое время принять снотворное и проспаться беспробудно часов двенадцать. Может, завтра все это действительно окажется всего лишь

обычным кошмарным сном. Кстати...

Девушка открыла фотокамеру на сотовом, чтобы просмотреть снимки. Она не знала, надеется ли увидеть на фото теперь уже мертвого мужчину или же нет. Подтверждение того, что сражение, которое она видела, произошло на самом деле, или того, что она сошла с ума? Нет, правда, что все-таки предпочтительнее?

Затаив дыхание, Кара открыла последнюю фотографию и чуть не расплакалась от облегчения — на снимке оказалась всего лишь улица, полная машин, автобусов и людей. Никакого истекающего кровью человека со стрелой в груди. Никакого Джеффа, одетого как средневековый рыцарь.

Девушка сунула телефон в карман куртки, и, пройдя шесть кварталов до В&В, убедила себя, что того, что она видела, на самом деле не было, что она не рехнулась и впредь будет пить только то, что нальет собственноручно. Зайдя в дом, построенный еще в девятнадцатом веке, Кара помахала хозяйке, миловидной женщине лет пятидесяти, и поднялась к себе. Очень хотелось упасть на кровать, не раздеваясь, но девушка нашла в себе силы стянуть джинсы и свитер. Оставшись в одних трусиках — бюстгальтер она надевала редко — Кара стала рыться в чемодане в поисках пижамы.

Выпрямившись, она случайно увидела себя в зеркале.

И закричала.

Прямо между грудей, там, где до нее дотронулся пронзенный стрелой парень, краснело клеймо. Яркие малиновые линии образовывали щит и меч... кончик которого находился над сердцем.

Все это произошло на самом деле.

— Черт с тобой, братец, — вздохнул Арес. — *Черт с тобой.*

Потом встал в стойку, поднял меч с надломленным кончиком и приготовился к следующему раунду «кто-может-ранить-кто-сильнее». К счастью, теперь, когда *агимортуса* Ареса больше не было рядом, его броня и оружие вновь стали прочными. Несколько мучительных мгновений Арес был уверен, что его меч разлетится на куски под ударами Ресефа, или — что еще хуже — брат сделает удачный выпад и пронзит ослабшие доспехи, словно на Аресе нет ничего, кроме майки и хлопчатобумажных брюк.

Ресеф ухмыльнулся, обнажив окровавленные зубы:

— Недотрога. Когда ты последний раз трахался? Подожди, вот сломается твоя Печать... демонессы упадут перед тобой на колени и станут тебе поклоняться.

Арес крепче сжал эфес меча. Он знал, что уничтожение Печати станет катастрофой, но, по правде говоря, не был готов противостоять злу, выпущенному на свободу. Особенно в лице Ресефа.

— Ты можешь бороться с этим, — сказал Арес. — Позволь мне отвести тебя к Риверу...

Ресеф раскатисто захохотал.

— Ангел не сможет помочь. Ты же знаешь, что сделано, то сделано. — Он слизнул с клинка кровь Сестиэля. — Быть злым гораздо веселее, чем вести до тошноты скучную жизнь, которая была у нас пять тысяч лет.

Арес взглянул на раздавленного и уже обезглавленного падшего ангела, лежавшего на дороге. Как правило, ангела мог убить только ангел, но Всадники являлись исключением из

этого правила. Ярость захлестнула Ареса, когда тело Сестиэля начало разлагаться. У него больше не будет второго шанса — поскольку он был Непадшим, его душа не сможет вернуться на Небеса. Вместо этого она теперь будет вечно мучиться в Шеул-гра — хранилище демонических душ.

Несмотря на ярость из-за участи, постигшей Сестиэля, Арес постарался говорить спокойно, не желая доставлять брату удовольствия видеть свое возмущение:

— Ты, должно быть, расстроен, что не удалось сломать мою Печать.

Глаза Ресефа полыхнули дьявольским малиновым огнем.

— Это лишь вопрос времени. Я найду ту человеческую шлюху, которой Сестиэль передал агимортус, и очень скоро ты присоединишься ко мне на стороне выигравших. — Он вспрыгнул на Триумфа, своего коня. Битва попытался его укусить, но Триумф увернулся. — Потому что зло *выиграет*, Арес. У добра слишком много ограничений.

Открылся портал, и Триумф и Мор, пронесшись мимо, исчезли.

Твою мать!

Арес осмотрелся вокруг. Йорк, Англия. Он узнал бы этот город даже с завязанными глазами. На протяжении многих столетий здесь разгорались кровавые сражения, и его притягивало ко всем без исключения.

Арес вдохнул смесь запахов: от застарелой вони нечистот и отходов со скотобоен до современных ароматов автомобилей и чая «Earl Grey»^[37]. Над всем этим витал слабый запах цербера, смешанный с запахом Сестиэля.

Арес машинально дотронулся до своей Печати. Перед смертью Сестиэль успел передать *агимортус*, и Арес не сомневался в том, что его выбор пал на Кару — она оказалась единственным человеком, способным увидеть происходящее. Побочный эффект от связи с цербером. Самым же неопровержимым доказательством было то, что сразу после ее ухода его оружие и доспехи вернулись в первоначальное состояние. Но куда она убежала? Арес гадал, сумела ли девушка найти свое адское чудовище.

И осознает ли она до конца то, что с ней произошло.

Мужчина повернулся туда, куда убежала Кара. Мембрана, отделяющая его личное пространство от пространства людей, начала трескаться, так как концентрация, требующаяся для поддержания *квантамуна*, ослабла. Некоторые существа, такие, как ангелы или Всадники, использовали состояние сверхускоренного существования, чтобы передвигаться среди людей в миллион раз быстрее, чем может увидеть человеческий глаз. Как только концентрация даст сбой, Арес станет видим для людей.

Открылся вызываемый Хэррогейт, и из клубов тумана появился Танатос.

— Что случилось?

— Ресеф убил Сестиэля, но перед этим тот успел передать *агимортус*.

— Хорошая новость. А чего такой мрачный?

— Он передал его человеку. — В голове у Ареса промелькнул образ Кары, пронзенной стрелой Мора. И это в лучшем случае. — Наши Наблюдатели сказали, что *агимортус* не предназначен для человека. Он убьет ее.

Танатос поправил оружейную перевязь, охватывающую металлическую броню.

— О чем вообще думал Сестиэль?

Арес проглотил ругательство. Он был так занят поисками Падшего, что не рассказал Лимос и Тану обо всей этой истории с цербером. В двух словах он объяснил Тану ситуацию.

Танатос тихо присвистнул.

— Церберы не вступают в связь с людьми. За всю нашу жизнь я ни разу не слышал о таком случае.

— Скажи это тому дьявольскому псу, — мрачно ответил Арес. — У тебя есть что-то полезное? Хорошие новости мне бы не помешали.

Пожалуй, хорошо, что Мор не сможет почувствовать Кару. Но и Арес не сможет тоже.

Стикс тряхнул головой, и Тан потрепал коня по шее, пока тот не успокоился.

— Я действительно вытянул кое-какие сведения у очередного приспешника Ресефа. Брат еще не нашел клинок Избавления, но его демоны раскапывают древние места захоронений по всему миру, в том числе во многих местах, где мы уже были в поисках *агимортуса* Лимос.

Просто замечательно. На то, чтобы выяснить хотя бы, как выглядит *агимортус* Лимос, ушло не одно столетие. Но в конце концов они установили, что где-то в мире есть маленький кубок или чаша, и, если испить из этого сосуда, можно сломать ее Печать. Они так и не нашли его.

Танатоса можно было назвать счастливым: его Печать — его девственность. Впрочем, вряд ли это можно назвать удачей... Арес вздрогнул.

— Мы слишком разрознены, — сказал Арес. — Мы не можем одновременно искать *агимортус* Лимос, выяснять, где находится клинок Избавления, и защищать Кару. Нам надо сосредоточиться на чем-то одном.

— Тогда выбираем Кару?

Арес кивнул. Даже если само ее присутствие ослабит его, ему придется найти девушку и никуда не отпускать.

— Сейчас она важнее всего, но я знаю, как ее найти. После этого нам надо будет сделать все от нас зависящее, чтобы защитить ее. — Арес сделал долгий вдох и выдохнул облачко пара, ясно видимое в холодном воздухе. — Я слишком хорошо себя знаю, Тан. Если она умрет, а я перейду на сторону зла, тогда никто и ничто на земле не сможет помешать мне уничтожить все человечество до последней особи.

Кара не спала — не могла. Не в силах опомниться, она позвала хозяйку В&В, попросила еще одно одеяло, встала под душ и попыталась оттереть с груди странное клеймо, а когда не получилось, надела пижаму и снова набрала номер телефона Ларены, но та оказалась вне зоны доступа.

Девушка уселась на скрипучую кровать и уставилась в телевизор. По ВВС^[38] показывали африканские реки, воды которых покраснели от ядовитых водорослей, но Кара не слышала слов диктора. Она была слишком потрясена. Слух и разум словно жили каждый своей жизнью. Последний раз Кара так себя чувствовала после вторжения в ее квартиру.

После того, как убила того человека.

В официальном отчете следствия причиной смерти указали сердечный приступ, но Кара знала правду. Она своими глазами видела настоящие симптомы сердечного приступа, когда отец внезапно упал перед ней.

Боже, как же она скучает по отцу. Он любил ее, хоть и относился с подозрением к ее необъяснимым способностям. Каре нужно было просто позвонить, и отец тотчас же сел на ближайший самолет из Штатов.

Его смерть — он умер за месяц до того, как она переехала в Южную Каролину — сокрушила Кару. Спустя четыре месяца, когда девушка только начала строить свою жизнь заново, к ней в дом вломились те люди.

И вот теперь это. Она окончательно потеряла связь с реальностью.

Зазвонил ее сотовый, и Кара схватила его с тумбочки.

— Ларена?

— Нет.

Девушка услышала глубокий, звучный голос, и в ней тут же поднялась волна облегчения и тревоги.

— Джефф? — прошептала она. — Ты где? Мне нужно с тобой увидеться.

Увидеться?

— Это, наверное, прозвучит как бред, но я тебя видела... или решила, что это ты. Недавно. На лошади...

— Кара, послушай. — Его голос стал серьезным, резким, повелительным, и девушка уже не смогла бы положить трубку, даже если бы захотела. — Ты в опасности, и мне надо тебя найти. В своем сообщении ты сказала, что полетела в Англию. Куда именно?

Ей лучше ничего не говорить. Кара это понимала. Но сейчас она в отчаянии, ей не к кому обратиться, а Джефф — единственная ниточка, которая может привести ее к этой собаке.

— Я в В&В в Йорке. — Девушка нашарила в ящике тумбочки буклет и продиктовала Джеффу адрес.

— Благодарю, — он сразу же повесил трубку, не ожидая дальнейших вопросов.

И что теперь? Даже если он сядет на самолет прямо сейчас, то прилетит в Йорк не раньше завтрашнего полудня. И неужели она надеется получить от него какие-то ответы?

Стук в дверь заставил ее подскочить на кровати. *Спокойно, дыши. Это просто принесли дополнительное одеяло.*

Кара открыла дверь. И не поверила своим глазам.

— Джефф...

— Арес.

Мужчина вошел в комнату, хотя она его не приглашала. От внимания Кары не ускользнуло, что ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о дверной косяк. И то, что плечи у него такие широкие, что он задел ими края дверного проема.

Он не мог добраться сюда так быстро. И... Арес?

Хотя... он ведь уже был здесь. На лошади.

Он бесшумно закрыл за собой дверь, загнав Кару в ловушку.

— Стой на месте. — Кара обежала кровать и встала по другую ее сторону. — Не прикасайся ко мне.

Арес поднял руки вверх, демонстрируя свои миролюбивые намерения, но это не сработало. Если бы он захотел, то добрался бы до нее за пару шагов.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, Кара. Я пришел помочь.

— Ты можешь меня разбудить? Потому что единственное, чем ты можешь мне помочь, — разбудить меня, чтобы этот кошмар закончился.

— Это не кошмар. Все, что ты видела сегодня, произошло на самом деле.

Девушка прижала руку к груди, где пульсировало странное клеймо.

— Значит... какой-то тип, весь в крови, выжег на мне клеймо ладонью, а потом ты и еще какой-то парень появились из ниоткуда, верхом на лошадях, и сражались? И время остановилось? И я видела людей, превращающихся в монстров? Ты правда хочешь, чтобы я во все это поверила?

— Было бы очень кстати. Чем раньше, тем лучше.

Кара покачала головой, хотя отрицание уже становилось бессмысленным. Все это действительно произошло на самом деле, и она это знала.

Арес приподнял бровь.

— Ты можешь еще как-то объяснить, откуда у тебя клеймо между грудями?

Конечно же, у нее не было объяснений. Приземлился за окном инопланетный корабль, у нее тоже не было бы никакого объяснения.

— Кто ты? — девушка оглядела его армейские ботинки, черные кожаные брюки и черную футболку с изображением группы AC/DC^[39] под черной кожаной косухой. — Почему ты был верхом на коне и в доспехах?

— Мы сможем обсудить это после того, как я доставлю тебя в безопасное место.

— Ты что, с ума сошел? — Кара недоверчиво уставилась на него. — Никуда я с тобой не пойду.

Он взмахнул рукой, призывая к тишине, и крадучись подошел к окну.

— Ты не видела никаких крыс?

Внезапная перемена темы сбила Кару с толку.

— Крыс?

— Грызуны, которые похожи на больших мышей.

— Я знаю, как выглядят крысы, — скрипнула она зубами. — А что?

— Они шпионы. — Арес выглянул из-за занавески. Желтый свет уличного фонаря рассеивался в густом тумане, зловеще озаряя улицу внизу. — Ты их не видела?

Крысы-шпионы? Может, этот парень и сексуален до невозможности, но он просто чокнутый. Кара как можно незаметнее стала продвигаться к двери.

— Никаких пушистых маленьких Джеймсов Бондов^[40] я не видела.

Когда Арес хмуро посмотрел на нее, девушка добавила:

— Да, в тени иногда прошмыгивали какие-то зверьки, но сегодня я видела много странностей.

Еще шаг.

— У тебя не получится.

— Что не получится?

В его голосе слышалось какое-то необычное сочетание скуки и веселья.

— У тебя не получится дойти до двери.

Да ну? Что ж, попробовать можно. Кара оценила расстояние, решила, что пробежит остаток пути, но застыла на месте, увидев, что Арес напрягся.

— Что такое?

— Я слышу коня.

Кара сглотнула, вспомнив ужасного белого жеребца со злобными ярко-красными глазами.

— Это... плохой конь?

— Мор, — прошипел Арес. Резко развернувшись, он направился к девушке. — Пора уходить.

Арес вытянул руку, и посреди комнаты возник странный световой портал. Его руки сжали плечи Кары. Здание сотряс оглушительный грохот, их обдало жаром пламени, и Арес вместе с девушкой нырнул в пятно света.

Ускользнув от языков адского пламени, Арес вместе с Карой выкатился из Хэррогейта в собственной гостиной.

Проклятье, они чуть не попались. Едва унесли ноги. Инстинкты должны были предупредить Ареса раньше, но из-за слабости, проявившейся в непосредственной близости от носителя *агимортуса*, его стреножили, как племенную кобылу, ждущую, когда ее покроет похотливый жеребец.

Ему обожгло лодыжку; языки пламени едва не поглотили его, но ворота успели закрыться. Арес упал, ударившись о мраморный пол плечом, и перекатился, чтобы принять всю силу удара на себя. Кара крепко держалась за него, защищая свои руки и ноги от столкновения с твердой поверхностью.

В отличие от предыдущего раза, сейчас она оказалась сверху, обхватив его руками и уткнувшись лицом ему в шею. От нее пахло цветами и ванилью, и, пожалуй, отмечать этого не стоило, но уже слишком давно мягкое женское тело не оказывалось так близко.

Эрекция в его штанах оказалась еще более некстати, особенно учитывая, что кожа у обоих обгорела почти как у молочных поросят в одной из гавайских ям для барбекю Лимос.

Да, самое время подлить масла в огонь, придурок.

— Этот кошмар — и правда опасная штука, — пробубнила Кара ему в шею, и Арес отчаянно понадеялся, что это замечание вырвалось не потому, что она почувствовала его возбужденный член.

Он столкнул девушку с себя и поднялся на ноги. На Каре была розовая фланелевая пижама с пушистыми белыми барашками. Арес терпеть не мог розовый цвет. И мягкое пушистое дерьмо. Чудо, что эта женщина сумела выжить хотя бы в своем мире — в его она

не протянула бы и пяти минут. Впрочем, стоило отдать ей должное за парочку язвительных реплик и попытку ускользнуть из номера.

Аресу пришлось прижать девушку к стене, прежде чем ее пальцы коснулись дверной ручки.

— Это не кошмар, — рявкнул он, и нет, ему ничуть не стало стыдно, когда она вздрогнула. Ей надо взять себя в руки, и как можно быстрее. — Я не собираюсь повторять еще раз.

— Тогда, может, объяснишь, что происходит? — Кара вызывающе вздернула подбородок. Хорошая девочка. — Ты сказал, что привез мне собаку. Говорил, что гостишь у кузенов...

— Я солгал.

Всадник присел на корточки рядом с девушкой, провел рукой перед ее лицом и вернул память, которую стер.

От нахлынувших воспоминаний Кара раскрыла рот, ее глаза расширились:

— Что ты сделал? О боже, что... что эти парни делали в моем доме?

Она обхватила голову руками. Воспоминания накрыли ее волной — такой поток информации мог бы вывести из строя даже самый мощный компьютер.

— Это были человеческие воины. — Арес медленно шел к ней, отесняя ее в угол. — Убийцы демонов. Подозреваю, что они выслеживали цербера, которого ты лечила. — Последние слова он почти выплюнул, не в силах поверить, что кто-то станет помогать одной из этих мерзких тварей.

— Они все время повторяли именно это слово. Цербер. — Кара, нахмутив рыжеватые брови, разглядывала свои босые ноги. — Погоди. Тот человек, который словно из ниоткуда возник у меня в кабинете... Он забрал Хэла, а потом я увидела его во сне. — Она прижала руку к груди. — Это он оставил мне эту метку.

— Его звали Сестиэль. Он был падшим ангелом.

— П-падшим ангелом? — Кара сглотнула, облизала губы, и, естественно, его взгляд упал на ее рот. Она, наверное, мягкая, а когда дело касалось женщин, что-нибудь *мягкое* было вполне желанным.

— Зачем ему... цербер? — Девушка выговорила это слово с запинкой и снова облизала губы. Аресу захотелось, чтобы она перестала это делать. — Э-э... Хэл.

— Он забрал цербера, потому что его присутствие способно скрыть местонахождение падшего ангела. — А еще адские псы — эффективное оружие против Всадников, но Каре этого знать не нужно. — Думаю, Сестиэль надеялся, что сможет приручить его и привязать к себе. Должно быть, он не знал, что пес уже связан с тобой.

— Связан?

Холодная давняя ненависть сжала сердце Ареса.

— Церберы — подлые, злобные создания. Они живут, чтобы убивать и наносить увечья, и не чувствуют угрызений совести. И за то, что ты сделала с ним, спасла ему жизнь или что там еще... он тебе благодарен. — От одной только мысли об этом Ареса затошнило. Лучше он всю оставшуюся жизнь будет есть гуано^[41] летучих мышей-вампиров^[42], чем свяжет себя с благодарным цербером. — Ты видела его, когда спала, но это был не сон. Церберы могут общаться с помощью этой связи, используя астральную проекцию. Ты перемещаешься к нему во сне, но это может быть опасно, потому, что в мире снов ангелы и демоны могут схватить тебя и удерживать рядом с собой, пока твое физическое тело не умрет.

Кара отступила еще немного. Ее взгляд стал рассеянным, разум тонул в море сведений, которые явно выходили за пределы ее понимания.

— А ты... ты забрал меня из дома. Ты похитил меня.

— Я спас тебе жизнь, — уточнил Арес. — Хранители собирались пытаться тебя, а потом убить.

Девушка закрыла лицо руками, а потом неожиданно вскинула голову, и ее щеки залил румянец:

— Ты меня *целовал!*

Его взгляд снова упал на ее рот, на эти сочные губы, которые он попробовал на вкус. Тогда от Кары пахло мятой и цербером, и Аресу стало интересно, каков будет ее вкус теперь.

— Это был не поцелуй, человек, не волнуйся.

В ярости девушка выпалила:

— Не знаю, что означает прикосновение твоих губ к чьим-то другим для твоих сородичей... кем бы они ни были... но *люди* называют это поцелуем.

— Тогда поздравляю. Ты целовалась с цербером.

Арес окинул взглядом ее тело, соблазнительное, хоть и скрытое под слишком большой пижамой. Он никогда не забудет ее невольный стриптиз перед походом в душ.

— На твоём месте я бы избегал этого в будущем. Дьявольские псы трахают своих жертв. Обычно когда убивают их. Не говоря уже о том, что они делают с теми, кто им действительно нравится.

На мгновение Кара потеряла дар речи:

— Ты отвратителен.

Арес фыркнул:

— Это же не я лизался с цербером.

По ее телу пробежала дрожь, и на краткий — очень краткий — миг Ареса охватило раскаяние, но он, взяв себя в руки, подавил его. Кара бросила на него взгляд, полный глубокого отвращения, и это вызвало весьма редкий для него укол совести.

— Где мы?

Дав ему целых две секунды для ответа и так и не услышав его, Кара вышла из себя:

— Ну?

Только что выглядела так, словно вот-вот растечется лужицей, а теперь уже требует ответов на свои вопросы. Впечатляет.

— Мы в Греции. Это мой дом.

— Ты упоминал о Греции, когда дал мне свой номер телефона, — задумчиво сказала девушка.

Надо отдать ей должное — Кара больше не впадала в истерику. Подобно опытному воину, она тщательно осматривала местность, делая пометки касательно окружающей обстановки, и Арес не сомневался, что она запомнила все выходы из комнаты. *Хорошая девочка*. Потом девушка попыталась подняться на ноги, но Арес стоял слишком близко, и Кара оказалась зажата между ним и стеной. Он протянул ей руку, которую она проигнорировала.

Итак, она своенравна и упряма. Вот уж пример досадного сочетания.

Девушка сама встала на ноги и скользнула вдоль стены, чтобы увеличить расстояние между ними.

— Все это такой бред. Демоны? Церберы? Падшие ангелы? Почему меня втянули в это?

Что я такого сделала?

Хорошие вопросы. Жаль, что Арес не знает на них ответов.

— Оказалась не в том месте и не в то время. Когда пес подарил тебе Адский поцелуй...

— Он меня не целовал, — выдавила Кара. — Он — *собака*.

— Он не просто собака, и в какой-то момент он лизнул тебе рот. Помнишь?

Нахмурившись, девушка медленно кивнула:

— Я просто помогла ему. Его подстрелили, и он попал под машину. Впрочем, он невероятно быстро излечился, как только я вытащила пулю.

— Потому что он цербер. Их трудно убить, но воины Эгиды выстрелили в него заколдованной пулей. Он бы умер, если бы не ты. Эти чудовища не связывают себя с кем попало. Ты произвела на него огромное впечатление, и он подарил тебе свою жизнь.

— Подарил мне свою *жизнь*?

— Адский поцелуй связывает ваши жизненные силы. Если ты поранишься, его силы помогут тебе, и наоборот. Вы оба будете излечиваться со сверхъестественной скоростью. Но имей в виду: если поранится он, ты почувствуешь упадок сил. Чем тяжелее окажутся его раны, тем хуже ты будешь себя чувствовать. Не исключено, что однажды он высосет все твои силы, и ты умрешь.

Кара поспешно опустила один из рукавов пижамы, который задрался, обнажив предплечье:

— Ну, разве ты не добрый вестник?

Арес пожал плечами:

— Если тебе от этого станет легче, то связь с цербером продлит твою жизнь. — По крайней мере, так бы и произошло, не будь Кара носителем *агимортуса*, который, скорее всего, истощит ее быстрее, чем силы цербера смогут ее подпитать. — Он, должно быть, очень тебе признателен. Церберы бессмертны, но он, связав себя со смертным, лишился своего долголетия. Его по-прежнему трудно убить, пока ты в добром здравии, но, когда ты умрешь, умрет и он.

Кара обдумала его слова.

— Ты тоже бессмертен?

— Да. Но большинство бессмертных можно убить: вампиры будут жить вечно, если их не выведут на солнечный свет, не обезглавят или не вонзят кол в сердце. А мне нанести урон невозможно. Меня нельзя убить.

Если не брать в расчет клинок Избавления — кинжал, созданный специально для уничтожения Всадников.

— Вампиры существуют? — Кара обхватила себя руками, словно пытаясь держать себя в руках в буквальном смысле. У Ареса не было подобной роскоши, когда он узнал, что сверхъестественный мир существует: его руки были скованы сзади, и он вынужден был смотреть, как его жену сначала пытали, а затем убили.

— Ладно, так как моя помощь... церберу... втянула меня во все это?

— Я же говорил, Сестиэль забрал пса, чтобы скрыть свое местонахождение. Его хотели убить, и ему нужна была защита.

Кара снова посмотрела на свои ноги, которые были даже бледнее белого мрамора.

— Зачем его хотели убить?

Ситуация становилась щекотливой. Арес указал на черный кожаный трехсекционный диван, который его заставила купить Лимос. Потому что каждому нужно иметь возможность

разместить на долбаном диване двенадцать взрослых мужчин.

— Присядь. Я пошлю за едой, если ты голодна.

— Я не голодна. И не хочу сидеть. — Кара упрямо сложила руки на груди. — Я хочу знать, что, черт возьми, происходит.

Арес не привык получать приказы и дал это понять, сказав твердо:

— Ты знаешь все, что тебе пока что нужно знать.

— Да ну? — Лицо Кары покраснело от гнева. — Я знаю *все*? Перед тем, как мы покинули отель, ты сказал, что я в опасности. А как же остальные люди в В&В? Здание взорвалось? Вот что там произошло? Неужели люди погибли из-за того, что опасность грозила *мне*?

— Кара...

— Скажи! Я все еще не определилась, чему верить, а чему нет, поэтому мне нужны ответы, и прямо сейчас.

Ее требование привело Ареса в негодование. Что ж, если она хочет получить ответ, она его получит, прямой и без обиняков.

— Да. Те люди погибли, потому что тебе грозила опасность. В&В поглотило адское пламя. — Которое было запрещено использовать в человеческом мире, но кто же станет контролировать действия Мора. — Духи из самого ада поймали всех людей, до которых дотянулось пламя, и сожгли их заживо, высасывая души из тел. Их выжгло изнутри. Это чертовски отвратительная смерть, а еще хуже то, что сейчас их души томятся в аду без надежды попасть на Небеса.

Глаза цвета морской волны наполнились слезами, и, хотя Арес испытал весьма странный порыв успокоить девушку, он повел себя так, как ему было гораздо удобнее — как инструктор по строевой подготовке:

— Послушай, человек. То, что ты оказалась втянутой в происходящее, весьма неприятно, но это случилось, и теперь ты здесь. Ставки высоки, и ты должна собраться с духом, если хочешь выжить. До того, как все закончится, погибнет много людей, поэтому вытри слезы и возьми себя в руки. Сейчас ты — самый важный человек на планете, так что веди себя соответственно.

— Ублюдок, — хрипло проговорила Кара.

— Да. Я ублюдок. В прямом смысле. А ты — получатель *агимортуса* Сестиэля.

Арес в два шага преодолел разделяющее их расстояние и рывком распахнул рубашку ее пижамы. Оторванные пуговицы разлетелись в разные стороны. Кара завизжала и попыталась убежать, но он одной рукой обхватил ее за шею. Потом ткнул пальцем ей в грудь, прямо в клеймо, не обращая внимания на то, что от этого его кожа высохла, а мышцы ослабли:

— Это *агимортус*. То, чем в силах обладать только падший ангел.

— Отпусти меня, извращенец.

Ни за что. Только после того, как его мужское достоинство окажется там, где нужно.

— Подумай о том, что я сказал, Кара. Такую метку могут нести только падшие ангелы, а ты только и думаешь, что о своих оголенных грудях?

Но как же прекрасны были эти груди. На то, чтобы не пялиться на них, потребовалась вся его армейская выдержка. Он ублюдок, но не извращенец, который тащится от напуганных женщин.

Кара пихнула его в грудь.

— Убери руки, и тогда я задам чертов вопрос, которого ты ждешь.

Отстранившись, Арес весело наблюдал, как девушка пытается стянуть полы пижамной курточки. Маленькие овечки на мягкой фланели сердито сморщились.

— Давай. Спрашивай. Докажи, что в этой миленькой головке есть мозги.

— Придурок, — огрызнулась Кара. — Я сыграю в твою игру. Итак, скажи мне, если этот агиморт могут иметь только падшие ангелы, то почему он у меня?

Умничка. Арес улыбнулся бы, если бы ответ не был таким ужасным.

— Потому что падшие ангелы сейчас в списке вымирающих видов. Поэтому единственное живое существо, которому Сестиэль мог передать *агимортус*, — человек. К сожалению, люди могут обладать им не дольше нескольких часов, но Сестиэль, должно быть, решил, что ты продержишься чуть дольше из-за твоей связи с цербером.

Кара слегка побледнела, но по-прежнему выглядела мило и, похоже, была в бешенстве. Замечательно. Никаких воплей и пустой болтовни.

— Он был прав?

— Да, но долго это не продлится. Ты используешь жизненные силы Хэла и потому остаешься жива. Если мы не найдем падшего ангела, на которого можно перенести *агимортус*, то вы оба будете слабеть, пока в конце концов он не умрет.

Аресу пришлось отдать Каре должное — хотя в какой-то момент он увидел в ее глазах, что она поняла смысл сказанного, девушка осталась спокойной.

— А когда умрет он, — сказала она бесстрастно, — умру и я.

Медленно и решительно Арес подошел к ней, и она не стала противиться, когда он вновь распахнул ее пижаму и обнажил грудь. Между грудей ясно виднелось клеймо. Красные выпуклые линии были похожи на свежие следы от хлыста.

— Посмотри на него. Ярко-красный, как свежая кровь. — Кара не дрогнула, когда Арес провел пальцем вдоль верхнего края щита. — Со временем он начнет тускнеть, отсчитывая часы твоей жизни. Когда линии сольются по цвету с кожей, это будет означать, что время вышло. Это секундомер, Кара. — Арес нажал на самый кончик меча, наблюдая, как плоть стала белой, а потом вновь порозовела. — И время на исходе.

Кара стояла, как олень в свете фар: мысли спутаны, сердце колотится.

— По-моему, мне все же надо присесть.

На непослушных ногах она прошла по мраморному полу к толстому ковру, на котором стоял огромный «журнальный столик» в виде шахматной доски. Садясь в мягкое кожаное кресло, девушка опрокинула две шахматные фигуры размером с банку из-под пепси.

— Тебе нравится играть в шахматы, — проговорила она приглушенно. Что за идиотское замечание.

— Да.

— Значит, ты хорошо играешь? — Еще одно идиотское замечание. Она рассуждает о таких обыденных вещах, как шахматы, в то время как Арес рассказывал о падших ангелах, демонах и ее смерти.

Арес поставил фигуры на место.

— Я еще никому ни разу не проиграл.

— Напомни мне не бросать тебе вызов в играх, — пробормотала девушка.

— Было бы разумно вообще не бросать мне вызов. — Арес подошел к одной из дверей в дальнем конце комнаты и громко позвал какого-то Вулгрима.

Его высокомерие, хоть, пожалуй, и оправданное, раздражало Кару, и такая реакция ее вполне устраивала. Все, что угодно, только бы не ощущать страха и растерянности. Не успела девушка произнести хоть слово, как в комнату, цокая копытами, вошло громадное существо с бараньими рогами и широким носом. На нем — по крайней мере, она предполагала, что это существо мужского пола — было нечто вроде кожаной туники, под ней — кольчуга, а под кольчугой, должно быть, что-то еще, иначе его густой рыжеватый мех торчал бы из звеньев кольчуги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кара думала, что уже ничто не сможет выбить ее из колеи больше, чем есть, и постаралась притвориться каменной статуей, пытаясь вести себя как можно незаметнее, пока Арес разговаривал с этим существом.

— Милорд? — громко сказал оно.

Арес наклонил голову:

— Вулгрим, принеси человеку орочью ^[43] воду. Вели остальным, чтобы давали девушке все, что она захочет. — Он окинул ее многозначительным взглядом. — Кроме свободы. Охраняйте ее ценой собственной жизни.

Орочью воду? Он, конечно, сказал «*орхидеевую воду*». Как, например, розовая вода. Только с орхидеями. Боже, ей захотелось залиться безумным смехом, потому что в комнате монстр, а она думает о цветочной воде. Кара бросила взгляд на Ареса и изменила свое мнение. В комнате было два монстра.

Вулгрим поклонился, решительно развернулся на своих копытах и исчез в коридоре.

— Что... — девушка откашлялась, чтобы избавиться от унизительной хрипоты, — что это было?

Арес снял куртку и бросил ее на спинку дивана.

— Демон-Рамрил. В моем распоряжении около тридцати таких слуг и стражей. Они не причинят тебе вреда.

Конечно нет. Зачем *демонам* причинять ей вред?

— Все демоны похожи на козлов?

Арес глубоко вдохнул, словно набираясь терпения для ответов на ее вопросы:

— Демонов существует множество видов, как и млекопитающих на земле, но многие из них выглядят как люди, вроде нас с тобой. Мы называем их *тертацео*. Теперь, когда ты стала частью этого мира, ты сможешь почувствовать или видеть некоторых из них.

Кара вспомнила парня, который вышел из паба в Йорке, того, который на пару ужасных секунд превратился в отвратительное существо. Но тут по комнате стрелой пронеслось что-то мохнатое, и она забыла о парне из паба.

— Это... существо у тебя за спиной — демон?

Арес обернулся, и резкие черты его лица смягчила широкая ухмылка:

— Ага.

Он издал какое-то мурлыканье, и из-за спины у него выбежало существо размером с бигля^[44], уменьшенная, более округлая и пушистая копия Вулгрима на четырех ножках. Девушка наблюдала, как Арес любовно щекочет его, удивленная неожиданным проявлением нежности.

— Иди домой, Рэт. Твой отец, должно быть, волнуется.

Маленький «козлик» проблеял и ускакал, и Арес улыбался, пока снова не повернулся к ней.

— Внук Вулгрима. Ему всего несколько месяцев, а уже любопытный как черт. Его мать умерла.

Боже... у Кары скопилось бесчисленное множество вопросов к нему, но она даже не знала, с чего начать. Может быть, с того, зачем она здесь? Девушка устроилась в кресле поудобнее и, когда Арес нахально оглядел ее, подтянула колени к груди и поправила порванную пижаму, хотя сейчас это уже было неважно — он уже все видел.

— Воспитанные люди не пялятся, — огрызнулась она, потому что, черт возьми, хоть он все и видел, но пускать слюни ему вовсе не обязательно.

— О, очень даже пялятся, — враспяжку проговорил Арес. — Просто они очень хорошо это маскируют.

Неважно.

— Зачем ты привел меня сюда?

Арес принялся мерить комнату широкими шагами. На его лице была написана сосредоточенность.

— Чтобы защитить от моего брата.

— Твоего брата? Это он пытается меня убить?

— Это он был всадником на белом коне, и убить тебя хочет не только он. За тобой охотится половина подземного мира. Вот почему ты должна оставаться здесь. Мой брат может найти остров, но больше — почти никто. Он заподозрит, что я привел тебя сюда, но у него нет доносчиков — я очистил остров от паразитов и летучих мышей, а мои Рамрилы с помощью охотничьих соколов перебили всех птиц.

Прочитав на ее лице немой вопрос, Арес пояснил:

— Мой брат может общаться с разными переносчиками болезней и использовать их в качестве шпионов.

Ф-фу. Так вот почему Арес спрашивал ее о крысах.

— Судя по всему, твой брат просто очарователен.

Наступила долгая пауза, нарушаемая только звуком его шагов.

— Был когда-то.

Почему-то Кара не могла представить психопата на демоническом коне очаровательным.

— Может быть, пора рассказать, кто вы с братом такие? Потому что, честно говоря, мне трудновато все это переварить.

Арес покачал головой:

— От того, что ты будешь знать о нас, легче тебе не станет.

— А что? Станет еще хуже?

— Тебе трудно будет в это поверить.

— Эй! — Девушка указала туда, куда ушел демон с бараньими рогами. — После того, что я увидела, я не удивлюсь, даже если ты назовешься Дартом Вейдером^[45].

Уголок широких губ слегка приподнялся, но его рот тут же снова стал твердой не улыбочивой линией. Но в этот миг Кара почувствовала, что ее тянет к нему точно так же, как в тот момент, когда она впервые увидела его у себя на крыльце.

— Моего брата зовут Ресеф, — небрежно сказал он. — *Звали* Ресефом. Теперь он — тот, кого вы привыкли называть Мором, первый Всадник Апокалипсиса.

Ладно, Кара погорячилась насчет того, что ее это не удивит. На какой-то миг она ошеломленно замерла, изо всех сил стараясь не задохнуться от изумления. Брат. Брат Ареса — Мор. Наконец, она смогла заговорить, но голос больше походил на хрип:

— А ты, значит?..

— Война. Второй Всадник Апокалипсиса.

Вошел демон Вулгрим с бутылкой воды, которую Арес протянул Каре:

— Пей.

Все еще ошеломленная, девушка подчинилась. Холодная вода освежила пересохший язык, и она успела выпить половину содержимого, прежде чем он мягко забрал у нее бутылку. Слово «мягко» совершенно не подходило Аресу, но сейчас вся его пугающая сила исчезла, и даже резкие черты лица и неприветливый изгиб рта стали не такими суровыми.

— Хватит, женщина, — проворчал он. — Твой организм не справится.

Поздно. Хуже, чем сейчас, уже не будет.

— На вкус вовсе не похоже на цветы. — Сегодня она прямо королева идиотских реплик. Арес поглядел на нее так, словно она — опасная сумасшедшая, а он боится подхватить вирус. — Ты же сказал, что это орхидея вода.

Арес нахмурился, тихонько повторил ее слова, а потом рассмеялся. И, боже, до чего же прекрасен он стал.

— Орочья вода. Я приказал Вулгриму добавить сюда орочью траву, чтобы помочь тебе расслабиться.

Кара должна была бы разозлиться за то, что он опоил ее, но, должно быть, орочье вещество подействовало, потому что ей стало все равно. Более того, по жилам разлилось возбуждающее тепло, а мышцы приятно расслабились.

— И что теперь?

— Нам придется найти твоего цербера раньше Мора. Если ему станет известно про вашу связь, то он начнет пытаться его, чтобы убить тебя. — Протянув руку, Арес положил ладонь ей на затылок. Напрягшиеся мускулы грозили разорвать рукава футболки. — Ты приехала в Йорк, чтобы найти эту псину, так ведь? Ты знаешь, где она?

— Точно не знаю. Но в одном из своих снов я видела название улицы. Ньюленд Парк Драйв.

— Тогда я начну поиски оттуда. Мор наверняка уже послал своих слуг прочесывать город.

Не спрашивай... не спрашивай...

— Почему он хочет убить меня? Зачем подземному миру моя смерть?

— Почему? — Низкий голос Ареса проникал в самые глубины ее души, и ей почему-то нравилось это ощущение. — Потому что в подземном мире полным-полно демонов.

Он опустил взгляд на свое предплечье, где татуировка, изображавшая лошадь, как будто двигалась — гриву коня словно шевелил бриз. Кара вспомнила, как его настоящий конь превратился в дым, а потом — в эту татуировку, и да, это еще один вопрос, который надо будет ему задать.

— Большинству демонов, живущих в человеческом мире, нынешнее положение вещей вполне по вкусу. Но те, кто застрял в Шеуле, хотят выбраться оттуда, поэтому они присоединились к Морю в его желании убить тебя. А тот хочет твоей смерти потому, что она ломает мою Печать.

— А это плохо?

Арес рассмеялся, но на этот раз от его смеха у нее кровь застыла в жилах. А кровь у нее, благодаря орочьей воде, и так текла вяло.

— Плохо? Кара, твоя смерть вызовет Апокалипсис. Полное разрушение. Конец света, в нашем понимании. Поэтому — да, твоя смерть — это плохо.

— Да, вот уж будет неприятность.

В какой-то момент девушка схватила его за руку. Должно быть, она была не в себе, потому что легонько поглаживала его ладонь пальцами. Но ведь она только что сказала, что ее смерть станет неприятностью, так какого черта?

— Орочья вода просто потрясающая.

Темная бровь взметнулась вверх.

— По-моему, Вулгрим сделал ее чуть крепче, чем обычно.

— О! Кстати о крепких напитках... водка. Я же не пила водку, верно? Той ночью я ухаживала за Хэлом, а ты меня похитил.

Длинные пальцы Ареса обхватили ее руку, и все ее тело стало податливым и теплым.

— Я инсценировал все после того, как очистил твою память. Я хотел, чтобы ты думала, что у тебя есть причина не вспоминать о произошедшем.

— Могло бы сработать, только вот я не пью. Вообще. — Кара наклонилась вперед. — Можно мне еще орочьей воды?

Арес усмехнулся и поставил бутылку так, чтобы Кара не могла до нее дотянуться:

— Не думаю, что это хорошая идея.

Пожалуй. Особенно если учесть, что ее веки стали тяжелеть. Но тело вело себя совершенно иначе: ее гормоны, видно, разбуженные от глубокого сна встречей с Аресом, определенно хотели станцевать джигу^[46].

— Ты очень вкусно пахнешь. И ты невероятно привлекательный. Хотя твое лицо выглядит немного жестоким.

Сердитый взгляд Ареса подтвердил ее мысль.

— Твой брат просто жуткий. Ты тоже жуткий. Ты — зло?

— Пока нет. Потому мы и должны сделать все возможное, чтобы ты осталась жива,

Кара. Если ты умрешь, я стану очень, очень плохим.

— Таким, каким был, когда поцеловал меня? Это было плохо.

— Это был не поцелуй. И это не было плохо. — Его голос прозвучал так обиженно, что девушка не сдержала улыбки.

— Твои губы касались моих.

У нее все плыло перед глазами, но его губы Кара видела ясно. Они такие безупречные. И, если память ее не подводит, еще они очень твердые, но гладкие. Девушка дотронулась подушечкой пальца до его нижней губы.

Его рот приоткрылся от резкого вдоха, и что-то вздрогнуло у нее в животе. Наверное, орочья вода. Кара медленно обвела его губы пальцем, и да, они оказались мягкими. Бархатистыми. Ей захотелось снова ощутить их.

Где-то на задворках ее сознания внутренний голос кричал, что это неправильно, но девушка чувствовала себя сонной, слегка сумасшедшей и чуть-чуть... сексуально озабоченной.

— Я покажу тебе, — пробормотала она, наклоняясь вперед, — покажу тебе, что такое поцелуй.

Арес было отпрянул, но Кара поймала его губы своими, и он замер, как если бы она ударила по выключателю. Ей страшно хотелось захихикать, но девушка не позволила смеху сорваться с губ. Ни за что. Ее губы были слишком заняты.

В отношениях Кара никогда не выступала в роли провокатора. Должно быть, повлияла орочья вода. Девушка целовала его так же, как это делал он. Его язык обводил контуры ее губ, поэтому сейчас она делала так же.

— Вот, — прошептала Кара, — как ты целовал меня.

Животный, мужской звук вырвался у него из груди — нечто среднее между стоном и рычанием, и Арес оказался к ней вплотную. Он толкнул девушку в кресло, его тело придавило ее, его бедра оказались между ее бедер. Внутренний голос снова возопил, что она совершает ошибку, но тело ее было расслабленным, томным, и после всего, что случилось за последние два дня, единственное, чего хотелось Каре, — это забыться.

Арес уперся кулаками в подлокотники и приподнялся над Карой. *А, черт. Это совсем не смешно.* Девушка находилась под наркотическим действием орочьей травы, и Арес знал, что ему следовало остановить ее еще в тот миг, когда она коснулась пальцем его рта.

Вместо этого ему стало интересно, что она будет делать дальше. Он не ожидал, что девушка поцелует его. А когда она это сделала... это был самый сладкий поцелуй в его жизни. Ее требовательный рот, ловкий горячий язычок разожгли у Ареса внутри огонь, который, как ему казалось, давным-давно погас.

А когда руки девушки обхватили его за шею, этот огонь вырвался из-под контроля. Его инстинкты воина требовали, чтобы он двигался вперед, шел в атаку и побеждал. В мгновение ока он накрыл тело девушки своим, твердым, напряженным, его рот пробовал на вкус готовую на все, возбужденную женщину.

Теперь его возбужденный член прижимался к ее лобку, а мускулистая грудь часто вздымалась от неровного дыхания. А девушка спала.

Слезь с нее, кусок дерьма.

У него закололо в затылке от ощущения, что за ним наблюдают, и Арес стал озираться в поисках источника этого чувства. В дверном проеме, соединявшем столовую и гостиную, стоял Вулгрим. В маленьких свинячьих глазках светилось любопытство, он явно терялся в догадках. Никаких сомнений. Арес редко приводил сюда женщин. А когда все же приводил, они не тратили время на посиделки в гостиной. И никогда не накачивались наркотиками до потери сознания.

Да уж, картина просто великолепная.

— Что? — огрызнулся Арес, слезая с Кары. Он с трудом подавил желание объяснить, что это произошло не под влиянием рогипнола^[47]. Арес может получить любую женщину, какую захочет. Ему не нужно опаивать их наркотиками, а даже если он и сделал это, чтобы заняться сексом с человеком, слуг это касаться не должно.

— Я вижу, вы... заняты, — сказал Вулгрим. В его обычно бесстрастном голосе слышались веселые нотки. — Я приберу позже.

— Хорошо. И скажи Торренту, чтобы получше присматривал за Рэтом.

Не то чтобы Арес возражал против маленького комочка меха в доме, но если кроху-Рамрила найдет Мор... Боже, Арес даже думать об этом не хотел.

Он поднял Кару на руки. Ее голова откинулась, оторванные пуговицы и разорванная пижама завершали великолепную картину «трахни-ее-пока-она-спит». Замечательно.

— Я слышал, рогипнол даже лучше, чем орочья вода, сэр, — крикнул Вулгрим, когда Арес вынес девушку в коридор.

— У меня в подzemелье есть пыточная, — парировал Арес, и шуткой это было лишь наполовину. Проклятый демон.

Проблема заключалась в том, что этот демон боялся Ареса и вполнину не так, как должен был. И, как бы Аресу ни хотелось пожалеть о том, что он допустил Вулгрима и его семейство в свое ближайшее окружение, у него не получалось. Он не любил демонов, но Вулгрим был другим и жил рядом с Аресом с того дня, когда тот спас его, еще ребенка, от верной смерти.

Кара зашевелилась у него на руках, прижалась к его груди и обвила руками за шею. По его телу разлилось необычное тепло — что-то, что Арес не смог определить, но чувство было... приятным.

В нашем мире для нежности нет места. Воины сражаются. Трахают. Убивают. И все. Голос отца — вырастившего его человека — по-прежнему звучал в голове у Ареса даже спустя столько времени. Когда Арес был еще совсем крохой, его били за проявление доброты к животным и рабам. К десяти годам всю мягкость из него в буквальном смысле выбили. То, что до него хотели донести, он понял четко и ясно: не привязывайся ни к кому и ни к чему, потому что имущество легко потерять, власть изменчива, а живые существа легко умирают.

Это правда. Со временем он забыл этот урок, а за его ошибку заплатила его семья. Кровью.

Кара начала храпеть, и Арес попытался представить эти тихие звуки непривлекательными. Не милые они. Совсем не милые. Он твердил себе это снова и снова, пока нес ее в одну из пяти спален. Он выбрал хозяйскую спальню. Там были ванная, самая большая кровать, а в углу стояло кресло, где он мог сидеть и наблюдать за девушкой, если понадобится. Окно спальни выходило на крутой обрыв. Еще эта комната могла похвастаться самым лучшим видом из окна, здесь лучше всего чувствовался морской бриз, было патио^[48], и сюда было практически невозможно попасть снаружи.

Арес положил Кару на кровать, убрал ее пальцы со своей шеи и накрыл простыней, изо всех сил стараясь не смотреть на то, что открывала взгляду разодранная пижама. Ладно, не совсем изо всех сил. А, черт, жалкие попытки. Надо найти ей новую пижаму. Немедленно.

С легким вздохом Кара повернулась на бок и свернулась калачиком, уютно устроившись на простынях. Ареса уколола зависть: насколько он помнил, ему никогда не удавалось так уютно устроиться в постели — так мог сделать только человек. В то же время, даже когда Арес считал себя человеком, он чувствовал себя отщепенцем, словно не принадлежал к этому миру. Арес познал радости брака, семьи и наслаждался жизнью, но в глубине души всегда знал, что что-то неправильно. Что он предназначен для чего-то большего, не нуждается в человеческих удобствах или чувствах и не заслуживает их.

Тут до Ареса дошло, что он, задумавшись, склонился над Карой; ее голова покоилась у него на руках, так как на кровати не было подушки, а пальцы поглаживали ее гладкую щеку. Зашипев, он отстранился так резко, что потерял равновесие, и, попытавшись уцепиться за стул, приземлился на задницу. Сукин сын. И это падение, и вихрившиеся в голове мысли были неловкими, не свойственными ему, и, как бы ни хотелось ему обвинить в этом агимортус... ладно, да, он винил его. Никакая женщина не собьет его с толку, будь она хоть писаной красавицей.

Усилив воли вернув себе воинственный настрой, Арес выставил стражу в патио, на крыше и перед каждым окном. Только убедившись, что никто, даже крысы Мора, не проскользнет в комнату, он отправил сообщения Лимос и Танатосу. Оба прибыли в течение часа, и Арес встретил их в гостиной.

— Скажи мне, что человек у тебя, — произнес Танатос вместо приветствия.

Он был готов к сражению — одет в латы из костей демонов. Когда он шагал, его ботинки гремели, как раскаты грома. Свои светлые волосы Танатос стянул в хвост кожаным ремешком, но две тонкие пряди по обеим сторонам висков остались свободны и слегка ударяли его по лицу во время ходьбы. В руке он держал холодную банку «Маунтин Дью» ^[49]. Танатос питал пристрастие к газировке.

На Лимос, вошедшей вслед за ним, были оранжевые пляжные шорты, желто-оранжево-голубой гавайский топ и шлепанцы в цветочек. В черных волосах даже виднелся желтый цветок. Она была так похожа на девочку.

— Привет, братик. — Лимос хлопнула Ареса по груди, проходя мимо него. — Что новенького?

— Человек у меня. Спит.

— Хорошо. — Тан залпом проглотил полбанки газировки. — У тебя есть с ней проблемы?

Еще бы.

— Если тебя интересует, агрессивна ли она в моем присутствии, то нет.

— А как на тебя влияет *агимортус*?

Арес сжал и разжал кулаки. Ему со многим пришлось столкнуться с тех пор, как он был проклят и стал Всадником, но потеря сил и возможная слабость раздражали его больше всего.

— Когда я сражался с Ресефом в Йорке, доспехи и меч подвели меня, но с тех пор, как я забрал Кару, ни одну из моих способностей мне применять не пришлось.

Лжец. В отеле его реакция замедлилась — близость к девушке притупила способность чувствовать опасность. Но Арес был не в состоянии признать свое поражение даже перед

братом и сестрой. Он мог перечислить все логичные аргументы: что это была не его вина, что ни с кем другим этого не случится и так далее, и тому подобное... А что в сухом остатке? Унижение.

Ли бросила на него скептический взгляд, словно хотела предложить сверхъестественную «Виагру»^[50] для его проблем с *агимортусом*, но благоразумно решила промолчать.

— Как она? Не может же она радоваться, внезапно узнав, что ее смерти жаждет большинство жителей подземного мира.

— Держится как может. — Арес подошел к барной стойке около камина. У текилы есть свойство замещать саднящий огонь стыда своим собственным огнем. — По крайней мере, пока что.

— Есть признаки слабости? — Арес нырнул за гранитную столешницу, и фиолетовые глаза Ли загорелись. — Да, пожалуйста. Что-нибудь фруктовое.

— Может, еще и зонтик?

Она показала ему средний палец. Настанет день, когда его сестра научится ценить настоящие напитки, а не эту приторную девчачью бурду.

— Пока никакой слабости я не заметил. На какое-то время связь с цербером поддержит ее силы. Но нам надо найти зверя, потому что, если он умрет, умрет и женщина. Мне известно, откуда начать поиски — улица в Йорке, и, если понадобится, мы обойдем там каждый дом. Еще нужно найти падшего ангела, чтобы Кара смогла передать *агимортус*. Тогда у нас будет небольшая передышка.

Лимос вздохнула:

— Вернусь домой и соберу кое-какие вещи. Кто-то из нас должен оставаться здесь, чтобы помочь тебе защитить девушку.

— Отлично. Я пойду за псиной. Тан, ты ищешь Непадшего. Я бы начал с храма Лилит. Я нашел там Тристеллу. — Арес надеялся, что ей хватит ума там и остаться.

— Заметано.

— Надеюсь, что так. Тристелла сказала, что падших осталось около десятка. Все остальные либо убиты Мором, либо вошли в Шеул, чтобы спастись от его клинка. — Тан грубо выругался, и Арес был с ним полностью солидарен. — Есть еще новости?

Танатос кинул банку в мусорную корзину:

— Ресеф пытался убедить одного из моих вампиров подсыпать афродизиак^[51] в мое питье.

— Арес обожает орочью воду, — крикнул Вулгрим с кухни, и да, в подземелье появился набор цепей с его именем.

Лимос нахмурилась:

— Что сказал твой демон?

— Ничего, — буркнул Арес и кинул кубик льда в Тана, который наморщил лоб, очевидно, пытаясь понять, о чем это болтает Рамрил. — Видно, план Ресефа не сработал?

— Я подозревал, что он попытается подобраться ко мне через моих слуг, поэтому предупредил их, что столб^[52] всегда ждет того, кто меня предаст.

Ли рассматривала свои ногти, покрытые розовым и желтым лаком:

— Лучше бы ты обходил «Четырех Всадников» стороной. Скорее всего, Ресеф туда заглянул и пообещал вечное место рядом с собой после Апокалипсиса тому, кто сможет тебя одолеть. Женщины уже ищут цепи, которые смогут тебя удержать. Есть даже несколько

мужчин, которые собираются в этом поучаствовать.

— Мило. — Глаза Танатоса заблестели, как желтые алмазы.

Арес плеснул в блендер рома для девчачьего напитка Лимос:

— Теперь вы понимаете, что нам придется его уничтожить?

— Нет, я сказал. — Пространство вокруг ног Тана на миг потемнело. — Мы найдем другой способ. Ривер предложил помочь.

Лимос закатила глаза:

— В это я поверю, только когда увижу собственными глазами.

— Согласен, — пробурчал Тан, — Но формально помогать он не будет. Ангел предложил привести представителей Эгиды, чтобы мы встретились с ними.

— Встретиться с ними? Они, наверное, хотят убить нас.

Пару сотен лет назад у Лимос случилась пренеприятная стычка с отрядом из Эгиды, и они сообщили ей, что смерть Всадников предотвратит Апокалипсис. Каким-то образом они прознали о том, как влияет на Всадников укус цербера, и выпустили в нее стрелу, наконечник которой был смазан слюной цербера. Они продержали Лимос парализованной целую неделю, прежде чем ее спас Ресеф, и, хотя то, что они сделали с Лимос, не шло ни в какое сравнение с параличом, который испытал Арес, она несколько недель отходила от пережитого.

Да... парни из Эгиды формально были на стороне добра, но Всадникам они точно не друзья.

Арес добавил в алкоголь смесь из свежего клубничного дайкири^[53] и льда. Фу.

— Если они до сих пор пользуются нашей уязвимостью к укусам церберов, то мы можем угодить в ловушку.

— Или они смогут нам помочь, — возразил Тан. — Страшно не хочется соглашаться с Ривером, но сейчас мы не можем позволить себе отказываться от помощи. Кроме того, они могут помочь нам найти клинок Избавления раньше, чем кинжал заполучит Ресеф.

— Мне это не нравится. — Лимос топнула ногой так, что ее шлепанец свалился на пол.

Арес обдумал все варианты, которых, к сожалению, оказалось не так уж много.

— Нам надо поговорить с ними, но сделаем мы это на своих условиях. Тан, скажи Риверу, что мы встретимся с ними у тебя.

— Что? — возмутилась Лимос. — С целым долбаным отрядом?

Арес покачал головой:

— Нас трое, значит, мы разрешим им прислать не более трех представителей. С нами будет Кара, а я не могу рисковать ее безопасностью.

— Как они туда доберутся?

— Это уже проблема Ривера. — Арес включил блендер.

— Я по-прежнему считаю, что это ошибка, — сказала Лимос, когда шум блендера стих.

— Ли, мы искали твой *агимортус* несколько тысяч лет, и все без толку. Если мы до сих пор не смогли его отыскать, значит, уже никогда не найдем. Но у Эгиды есть средства, которые нам недоступны. У нас нет выбора. Ресеф сейчас располагает поддержкой злых сил, включая их ресурсы. Если он найдет твой *агимортус* раньше нас...

— Да, да. Я поняла. Но мне это не нравится.

— Мне тоже, но... — Раздавшийся крик не дал Аресу договорить.

Кара. Арес бросился по коридору, Тан и Ли — за ним. Через двойные двери он ворвался в спальню. Кара сидела на кровати, лицо ее исказилось, в глазах стоял животный страх.

Пальцы девушки прижимали простыню к груди так сильно, что костяшки побелели.

— Арес, — выдохнула она и тут же раскрыла рот от удивления при виде Тана с мечом в руке и Ли, которая успела облачиться в брюки и тунику в самурайском стиле из кожи Крестовой гадюки^[54]. Арес в какой-то момент тоже приготовился к битве, и его доспехи поскрипывали, когда он шел по комнате.

— Это мои брат и сестра.

Инстинктивно Арес осмотрел каждый дюйм комнаты, прежде чем опереться о стену рядом с окном, из которого выглядывал ночью. Его Рамрилы стояли по стойке смирно, их явно ничто не тревожило.

— Что случилось?

— Кто-то забрал Хэла, — с трудом выдохнула Кара. — Они причиняют ему боль.

Танатос убрал меч. Шорох скользнувшего в ножны клинка снял напряжение в комнате.

— Хэл?

— Цербер, с которым она связана, — объяснил Арес; его голос резал не хуже меча Тана. — Кто его забрал?

Кара подтянула простыню до шеи, ее взгляд метался между Танатосом и Лимос:

— Их было шестеро. Пять мужчин и женщина. Он не хотел идти. Тогда они стали колоть его копьями... и он был в клетке, из которой не мог выбраться.

По щеке девушки поползла слеза, и у Ареса возникло нелепое желание вытереть ее. Обычно, будучи в доспехах, он не испытывал ничего такого, но, когда он приблизился к Каре, жесткая кожа брони превратилась в мягкую замшу, и эмоции, которые должны были быть заблокированы, оказались раздражающе близки к выходу.

— Ты можешь нам их описать? — Танатос облокотился о комод. Похоже, он, допрашивая Кару, чувствовал себя в спальне даже чересчур комфортно, по мнению Ареса. — Какое у них оружие? Во что они были одеты?

Кара ответила, обращаясь к Аресу:

— Большинство в джинсах. Некоторые в коже. У одного на шее висело распятие, а в руке была бутылка с какой-то жидкостью.

— Святая вода, — пробормотал Арес. — Что еще?

Кара подняла руку к горлу, указывая туда, куда была ранена той ночью, когда Арес спас ее от Хранителей.

— У них были такие же странные штуки в форме буквы S, как та, которой меня ранили. На обоих концах лезвия. Одно золотое, другое серебряное.

— Станги, — пробурчала Ли. — Оружие Эгиды. Чертовы человеческие ублюдки.

— Проклятье, — выдохнул Арес. — Танатос, поговори с Ривером и организуй эту встречу с Эгидой *сейчас же*. Мы получим кое-какие ответы и заберем у них этого чертового цербера, пока они его не убили.

Аметистовые глаза Лимос сверкнули:

— Сразу они его не убьют. Сначала будут проводить над ним эксперименты.

— А я ослабну, пока они будут это делать. — Глаза Кары встретились с глазами Ареса, и он почувствовал, что тонет в них. Так человеческий мужчина с готовностью идет на смерть, когда его манит русалка. — Ведь так?

— Да. — Арес мог бы подсластить пилюлю, но девушка уже обо всем знает. А он никогда в жизни ничего не приукрашивал. — Ты будешь терять силы, пока не умрешь и не запустишь конец этого проклятого мира.

Ты будешь терять силы, пока не умрешь и не запустишь конец этого проклятого мира.

Кара размышляла о том, сколько раз ей придется услышать эти слова, чтобы она, наконец, осознала, что от нее зависит судьба человечества.

Не отдавая себе отчета, она потянулась к руке Ареса, сама не зная зачем. Может быть, потому, что парень со светло-желтыми ястребиными глазами и проколотой бровью пристально смотрел на нее, а девушка с иссиня-черными волосами и фиолетовыми глазами ворчала что-то о человеческих убожках, и сейчас Арес был ее единственным союзником.

Если, конечно, его действительно можно назвать союзником.

Кара украдкой рассматривала новоприбывших. Мужчина был не так широк в плечах, как Арес, немного худощавее, а вот волосы у него были гораздо светлее и длиннее. Поражало сходство между братьями в стремлении командовать, точеных чертах лица и напряженном его выражении. Девушка была из тех, которых Кара всегда терпеть не могла: безупречная кожа, длинные черные ресницы, обрамляющие сногсшибательные глаза, и ослепительная красота без всякого макияжа.

— Значит, это твой брат? И сестра?

Еще один Всадник и... Всадница?

— Это Танатос. — Арес показал на желтоглазого. — А ее зовут Лимос. Они не причинят тебе вреда.

Наклонившись, он подтянул простыню повыше, чтобы прикрыть ее обнажившуюся грудь. Затем бросил взгляд на брата и сестру:

— Не оставите нас на минутку?

В его голосе прозвучала нотка раздражения, что, как предположила Кара, было обычным делом.

— Конечно. — Танатос внимательно разглядывал ее, и девушка вдруг почувствовала себя голой, несмотря на простыню. У него вырвался какой-то звероподобный рык, голос зазвучал ниже и резче. — Мне нужно... идти. Я вызову Ривера.

— А мне нужно собрать кое-какие вещи, если уж предстоит нянчиться с твоим человеком. — Лимос поправила цветок в волосах, затем провела пальцами по горлу, и ее доспехи исчезли — она осталась в шортах, шлепанцах и гавайском топе.

Ситуация становилась все более странной. Удивительно, но Кара больше не теряла самообладание из-за того, что еще пару дней назад заставило бы ее задохнуться от изумления. Даже еще вчера.

Через пару секунд они с Аресом остались одни, и девушка оглядела скудно обставленную спальню.

— Как я здесь оказалась? Я не помню, как заснула.

— Я дал тебе легкое успокоительное.

Легкое? Кара чувствовала себя так, словно он влил в нее целую бутылку виски. Она потеряла глаза, но ей все равно хотелось спать. Тут до нее дошло, что она все еще держит Ареса за руку, но не отпустила его. Более того, сжала руку сильнее, как будто нуждаясь в опоре. Арес выглядел немножко смущенным, словно не знал, что делать.

— Спасибо.

— За что?

Арес попытался высвободиться, но Кара не отпускала. Может, они и недавно знакомы, но здесь он единственный, кого она более или менее знает.

— За то, что ты здесь. — Кара лениво погладила его большой палец своим. Его руки были такими грубыми, и все же, хоть ему и пришлось несколько раз носить ее на руках, он не причинил ей боли.

— Твои брат и сестра пугают меня.

— Так и должно быть.

Она вздохнула.

— Не очень-то хорошо у тебя получается утешать, а?

— Я воин, а не нянька. — В его голосе не было и тени сочувствия.

— Это уж точно, — пробормотала девушка. — Так почему они меня ненавидят? Твои брат и сестра.

— Они тебя не ненавидят.

— Конечно, — сухо сказала Кара, разглядывая шрам у него на руке между большим и указательным пальцами. Как странно. Если он бессмертен, откуда у него шрамы? — Я, похоже, проспала все приветственные объятия.

Арес стряхнул ее руку и сделал шаг назад, разминая пальцы так, словно хотел избавиться от ощущения ее прикосновения.

— Они тебе не доверяют. Ты — человек. Тебя легко развратить, тебе легко промыть мозги. Слабая и телом, и духом.

Слабая. Слово вонзилось в сердце, как копье, полностью перекрыв легкую досаду от того, что Арес опоил ее без ее ведома. Когда-то она была слабой, но потратила два года на восстановление. Терапия. Тяжелая атлетика. Курсы самообороны. Впрочем, когда на нее напали убийцы демонов, ничего из этого ей не помогло. Охваченная ужасом, девушка позабыла все приемы самообороны.

Что ж, зато сейчас вспомнила.

Метка на груди начала пульсировать. Кара свесила ноги с кровати и встала, не заботясь о том, что верх пижамы распахнулся.

— Может, я и не легендарный библейский воин, но за себя постоять смогу.

— Против созданий моего мира — нет. — Арес окинул девушку взглядом, задержавшись на груди чуть дольше необходимого, и с его губ сорвался какой-то звук — как показалось Каре, приглушенное проклятие. — Поэтому ты будешь слушать меня и делать то, что я скажу.

— Вот, значит, как? Ты притащил меня на свой остров, напоил какой-то дрянью, запихнул в эту комнату и держишь как пленницу?

— Примерно так. — Арес развернулся на каблуках и направился к двери. — Постарайся снова заснуть и связаться со своей адской псиной. Нам нужно выяснить, где Эгида его держит.

Только не это. Больше ее не будут удерживать против воли. Из-за раздражения, вызванного ее беспомощностью и положением пленницы, и злости на Ареса у Кары внутри словно что-то лопнуло, и она бросилась на него. Тот развернулся и с легкостью поймал занесенную для удара руку. В ту же секунду девушка оказалась прижатой к стене его телом. Одной рукой Арес сдавил ей плечо, другой держал за подбородок так, что она даже голову повернуть не могла.

— Я — единственное, что отделяет тебя от смерти, — процедил Арес сквозь стиснутые

зубы. — Поэтому на твоём месте я проявил бы чуть больше признательности.

— Ты что, совсем спятил? — Кара попробовала вывернуться, но с таким же успехом можно было пытаться сдвинуть каменную глыбу. — Ждёшь от меня благодарности? И за что же? Я буду благодарна, когда ты найдёшь кого-нибудь другого, чтобы перенести этот... эту... *агиштуку*. Я бы поблагодарила тебя, если бы ты защитил падшего ангела, у которого она была, чтобы ему не *нужно* было передавать её мне. А *больше всего* я буду тебе признательна, если ты меня отпустишь. — Девушка дернулась снова, и на этот раз его руки поддались. На лице Ареса мелькнуло легкое удивление, и хватка стала ещё сильнее.

— Слушай внимательно, Кара, — тихо заговорил Арес. Пугающе тихо. — Никогда не применяй ко мне силу. Насилие... возбуждает меня. Тебе не захочется испытать это на себе.

Его темные глаза сузились, челюсти сжались, и на мгновение девушка решила, что зашла слишком далеко. Все-таки она почти ничего не знала о Всадниках, если не считать сведений из фильмов, книг и библейской школы, в которую она ходила много лет назад, и все эти сведения вовсе не сулили ничего хорошего. Ее сердце колотилось от злости, но тут едва различимая перемена в лице Ареса заставила сердце колотиться уже по другой причине.

Арес смягчился. Даже его хватка ослабла, и все же он каким-то образом стал ближе. Метка у нее на груди пульсировала, и, когда девушка посмотрела на жилку на виске мужчины, ей показалось, что они пульсируют в одном и том же ритме.

Кару накрыла волна самых разных ощущений, в том числе сексуальной энергии, которую он излучал, и, хотя в комнате и так было тепло, вес его тела, его жар... посылали сильные флюиды желания в самый центр ее существа.

А его рот... теперь она вспомнила, как поцеловала его. Да... когда они были в комнате с тем демоном с бараньими рогами. Они разговаривали, она выпила немного воды, а потом... потом появилось странное чувство. От внезапного понимания у нее кровь зашумела в ушах.

— Ты сказал, что добавил в воду успокоительное!

— Да.

— Тогда почему оно сделало меня... — к щекам Кары прилила кровь.

— Сексуально озабоченной? — закончил за нее Арес. — На некоторые биологические виды орочья вода действует как афродизиак. Для других, для людей, например, она — успокоительное. На тебя, очевидно, действует и так, и так.

— Просто замечательно, — огрызнулась Кара. — И ты держишь под рукой этот наркотик для изнасилования... зачем?

Пожалуй, не стоило бы говорить такое мужчине, который в три раза больше тебя и чье имя — Война, но девушка устала быть жертвой. Устала быть беспомощной. Беспомощной...

— О боже, ты же не...

— Нет, — ответил он, и было ли ошибкой снова отметить, как вкусно он пахнет? Кожей и лошадьми, горячим песком и пряностями. — Мне бы и не пришлось ничего делать. Ты сама ко мне приставала.

— Потому что ты меня опоил!

Арес пожал плечами — медленный пережат массивных мышц.

— Рано или поздно это все равно случится. Женщины всегда мне отдаются.

Отдаются? Ну. И. Наглец.

— Какие еще женщины? *Демонессы?*

Он провел пальцем по ее щеке, и Кара возненавидела себя за то, что ей это понравилось.

— Я предпочитаю человеческих женщин, но... — Арес заскрежетал зубами так, что девушка услышала хруст.

— Но что? — переспросила Кара. — Они слишком умные, чтобы терпеть твою чепуху?

— Я делаю их агрессивными.

— Ну, знаешь ли, с такой внешностью, как у тебя, даже и представить не могу, с чего бы это.

На лице Ареса промелькнула мимолетная грусть, но тут же исчезла, вновь сменившись беспощадной жестокостью.

— Это мое проклятие. Когда я рядом с людьми, они хотят сражаться.

Кара поежилась в его руках.

— Ты это так называешь?

На губах Ареса заиграла одновременно чувственная и плутовская улыбка.

— Так происходит обычно. Но у тебя, похоже, иммунитет к моему присутствию.

— Да ну? Это потому, что ты меня ужасно бесишь.

Он действовал на нее и по-другому, так, как не должен был, и, похоже, в его присутствии ее тело и мозг действовали каждый сам по себе.

— Да. Точно. — Глаза Ареса замерцали веселым удивлением. — Если бы у тебя не было иммунитета, то ты безумно злилась бы без причины и не смогла бы здраво мыслить.

Вот как раз здраво мыслить у нее сейчас и не выходило.

— А я единственный человек, на которого ты не действуешь? Не из-за этой ли *агимонной* штуки? — Метку начало жечь, и Кара почувствовала, как сильный поток энергии разлился по ее коже, хлынул в вены и, кажется, начал циркулировать по всему телу.

— *Агимортуса*. Да. Впрочем, у Хранителей тоже иммунитет. Они носят зачарованные украшения, чтобы ослабить влияние. Именно из-за меня они изначально стали зачаровывать свои побрякушки.

Казалось, он этим гордится.

— Рада за тебя, — нахмурилась Кара, вспомнив, как легко она отбросила Сестиэля на другую сторону улицы в Йорке. — Что еще делает *агитатус* такого, о чем мне следует знать?

Да, она знала, что называет его неправильно, но она была не в своей тарелке, и ей хотелось делать по-своему хоть что-то, даже если это будет одно маленькое слово.

— Ничего.

— Может он как-нибудь сделать меня сильнее?

— А что?

— Я не могу это объяснить, но у меня такое чувство, словно я могу поднять сотню фунтов^[55].

Его лицо потемнело.

— Он убивает тебя, так что скорее должно быть наоборот. Ты должна чувствовать себя слабее.

Боже, как она ненавидит это слово.

— Что ж, я не слабею. А теперь скажи мне, есть какой-нибудь другой способ избавиться от этой штуки, кроме как передать ангелу?

— Нет.

— У тебя есть компьютер? Книги?

Арес посмотрел на нее так, словно она задала какой-то каверзный вопрос.

— А тебе зачем?

— Это называется поиск, древнебиблейский легендарный парень. Я не собираюсь сидеть сложа руки и ничего не делать. Может быть, ты что-нибудь упустил в том, что касается избавления от *агиштуки* и разрыва связи с церберами.

Его бровь поползла вверх.

— Поиск в интернете?

Кара фыркнула:

— Загуглить можно что угодно. — Она проигнорировала его хмыканье. — Можешь отпустить меня наконец?

— Не знаю. — Арес наклонился к ней, и ого... у него была эрекция. Да еще этот низкий, хриплый голос. Ее мозг не мог определиться, начинать ли ей нервничать или возбуждаться, но тело опередило разум. Между бедер стало жарко, груди набухли, а дыхание участилось.

— Ты обещаешь делать то, что я скажу? Дело вот в чем: если ты умрешь — миру настанет конец. С этого момента ты слушаешь меня, потому что ты всего лишь... всего лишь... — Арес нахмурился, словно подыскивая подходящее слово, а когда заговорил снова, его голос стал просто-напросто рычанием. — Пешка. В этой игре ты всего лишь пешка, а я играю на победу.

Пешка? Гребаная пешка? Прощай, возбуждение. Девушка допускала, что Арес ей нужен и что в этом мире она без него пропадет. Но, по его словам, сейчас она — самый важный человек на планете.

— Я буду тебя слушать, но тебе нужно проявить ко мне хоть немного уважения. Совсем не похоже, что я просто пешка. Скорей уж я ферзь.

У него на виске запульсировала жилка, и Кара осмелела. От метки на груди исходило ощущение силы, наполняя душу смелостью, которой она лишилась после того вторжения два года назад. Понизив голос до возбуждающего шепота, девушка прикусила мочку его уха:

— Шах и мат.

Во второй раз за два дня и в третий — за полгода Эрик Вагнер прибыл в берлинский штаб Эгиды. Обычно он не возражал против этого — он любил немецкую еду, пиво и женщин. Но сейчас у него не было времени предаваться своим слабостям, и от этого он начинал раздражаться.

Что еще хуже, чтобы получить доступ к «внутренней кухне» Эгиды, ему пришлось принести присягу официального Хранителя. На его взгляд, вся эта организация была слишком радикальной, закрытой и несобранной — Эрик предпочитал более строгое и структурированное управление военными силами. Но когда стало ясно, что Эгида ничего менять не собирается, он отдал единственное украшение, которое носил — кольцо Армии, — чтобы в Эгиде могли выгравировать на нем свою эмблему-щит и зарядить защитной магией.

Мужчина пошевелил пальцами левой руки, ощутив тяжесть кольца на среднем пальце. Почему-то оно казалось тяжелее, словно чары Эгиды, которые улучшили ночное зрение и дали ему ряд других полезных способностей, добавили кольцу веса.

Реган встретила Эрика в вестибюле, переоборудованном под бухгалтерию. Любой, кто войдет, чтобы доставить еду, почту или что-нибудь еще, подумает, что здание принадлежит фирме, ведущей учет персонала для крупных корпораций. Хранитель, выполнявшая обязанности секретаря, была из местной ячейки Эгиды. Она нажала на кнопку, и одна из дверей отодвинулась, открывая взгляду казавшийся бесконечным коридор, освещенный мигающими люминесцентными лампами.

Реган вела Вагнера по коридору мимо кабинетов, конференц-зала, лабораторий, лестницы, ведущей к изолированным камерам... иначе называемым «подземелье». Эгида не проводила экспериментов над демонами, в отличие от Полка Смотрителей-Х^[56], но получала от них нужные сведения; в сборе информации Эгида, без сомнения, была так же хороша, как и ПС-Х.

Наконец они подошли к охраняемой двери. Чтобы открыть ее, Реган пришлось ввести пароль на настенной клавиатуре.

Чем, черт побери, они там занимаются? Эрик уже привык к крайним мерам безопасности в ПС-Х, но Эгида, похоже, больше полагалась на магию и уверенность в собственной непобедимости, поэтому использование паролей внутри и так охраняемой территории казалось странным.

— Кинан там, — сказала Реган. — Ничего не трогай.

— Впервые слышу такое от женщины, — врасстяжку произнес Вагнер, главным образом для того, чтобы позлить ее. Однако он не соврал.

— Придурок, — буркнула Реган и, развернувшись на каблуках, удалилась. Длинные волосы, стянутые в хвост, бились о шею.

Улыбаясь про себя, Эрик вошел в помещение... которое больше всего походило на склад. Ряды пронумерованных полок, заставленных коробками, сумками и маркированными предметами, тянулись, казалось, на много миль^[57] вперед. Вдоль потолка на равном расстоянии друг от друга были установлены видеокamеры, и сделано это было таким образом, чтобы не упустить ни дюйма^[58] помещения, где, помимо всего прочего, поддерживались определенная температура и влажность. Справа от себя Эрик увидел

моечную станцию и хирургические перчатки.

— Эрик! — Кинан помахал ему рукой со своего отгороженного рабочего места, которое напоминало кабинет в библиотеке. Дюжины книг и свитков горой громоздились на столе, за которым Кинан работал на ноутбуке.

— Что вы здесь храните? — спросил Вагнер, сев на стул напротив Ки^[59].

— Древние и религиозные артефакты, магические предметы, демонические вещи и все такое. — Ки указал большим пальцем на другую стену со множеством книжных полок. — Здесь вся наша история. Все, что когда-либо было записано Эгидой, все записи вплоть до самых коротких. Вся имеющаяся у нас информация. — Кинан откинулся на спинку своего кожаного кресла. — Что слышно от ПС-Х?

— В Австралии падеж овец. Уровень смертности стопроцентный, распространяется быстрее любого пожара^[60]. Двадцать процентов коренного населения Мадагаскара вымерло из-за какого-то демонического штамма бубонной чумы. А на Маршалловых островах^[61], на Либе^[62], все ослепли из-за, как подозревает ВОЗ^[63], паразитарной инфекции. На четырех континентах, чтобы подавить участвовавшие вспышки насилия из-за пандемического гриппа^[64] и помочь ООН изолировать как можно больше зараженных территорий, задействованы военные силы. Проблема в том, что таких территорий слишком много, и каждый день возникают десятки новых. — Эрик глубоко и устало вздохнул. — А в Эгиде? Что у вас нового?

— Исчезло несколько Хранителей. Время от времени мы их теряем... их убивают или похищают демоны. Но тут за считанные недели мы внезапно лишились сразу двух десятков — их похитили прямо из домов. И еще снова растет напряжение между чистокровными и обращенными варгами. Перемирие, о котором я договорился после сражения в Канаде, все-таки лопнуло.

Эрик, изучив лицо друга, заметил у него под глазами темные круги.

— Выглядишь хуже некуда.

— Только тем и занимаюсь, что поисками. В последнее время Джем плохо себя чувствует, а мне пришлось сидеть в гребаном головном офисе Эгиды и разбирать дерьмо, в котором нет ни капли смысла.

— Что случилось? Что-то с ребенком?

Джем была на последнем месяце беременности, и Кинан так любил ее, что разлука давалась тяжело, хоть он и мог в считанные минуты перенестись к жене из любой точки мира благодаря своей способности пользоваться Хэррогейтами, недоступной для обычных людей.

— Джем измучена. Из-за беспорядков в подземном мире в Центральной больнице Преисподней растет число пациентов, и она работает сверхурочно. С ребенком все хорошо. — Ки улыбнулся, и темные круги исчезли. — Ждем не дождемся.

— Уже знаете, кто это будет? Мальчик или девочка?

— Нет. Мы, как Люк и Кар, хотим, чтобы это был сюрприз.

У Люка, парамедика-варга^[65] из Центральной больницы, и его жены Кар на прошлой неделе родилась девочка.

— Я так понимаю, детскую ты обустройстваешь не в пастельных тонах?

Джем была красоткой-готом, наполовину — Кромсателем Душ. Этот вид демонов способен был заставить других демонов описаться от страха, и, насколько Эрик мог сказать,

мягкости в ней не было никакой.

— Черт побери, конечно нет. Джем только за основные цвета^[66]. Детская выглядит так, будто там взорвался ящик с красками.

Эрик рассмеялся, но тут же вновь посерьезнел.

— Замечательно, но ты, наверное, позвал меня сюда не для того, чтобы говорить о детях.

Выражение лица Ки стало чрезвычайно сосредоточенным.

— Нет, конечно. — Он подвинул ноутбук к Эрику. — Ты говоришь на силане?

— В смысле, на языке демонов Сайлос?

— Да. Мы перехватили один разговор, но не понимаем слов и не можем найти никого, кто говорил бы на этом наречии. Им не владеет даже моя родня со стороны жены.

— Почему тебе кажется, что разговор между кучкой демонов-наемников так важен?

— Потому что их нанял один из людей Мора, бывший эгидовец, за которым мы наблюдаем уже несколько месяцев, с тех пор, как выгнали его. — Глаза мужчин встретились. — Это должно остаться между тобой, мной и Реган. Даже Старейшины не знают.

— Почему?

— Потому что бывший эгидовец, предатель, — это Дэвид, сын Валерия.

Эрик громко присвистнул.

— Сын Вала? Собственный сын Старейшины объединился с демонами?

Эрик подумал, что не стоит так удивляться — Дэвид предавал Эгиду и раньше. Но помогать Морю вызвать Апокалипсис... это не просто *предательство*.

— Да. Мило, правда? — Кинан потер глаза большим и указательным пальцами. — Мы пока не хотим брать его под стражу. Сейчас он приносит нам больше пользы, чем сам думает. Вал пытается помириться с ним, и, если ему станет известно, чем занимается Дэвид... — Кинан покачал головой. — Не знаю, что он сделает.

— Почему он вообще на свободе? Я думал, он в тюрьме.

— Вал уговорил нас выпустить Дэвида под свою ответственность.

— Да уж, дерьмово. — Эрик попытался вычислить, какой вред может причинить Дэвид, но быстро устал от этой умственной математики. — Так что там с компьютером?

— Нажми Shift+P.

Эрик послушался, и из динамика послышались голоса. Поначалу речь казалась тарабарщиной, но Эрик обладал уникальной способностью — услышав лишь несколько слов любого языка демонов, он уже мог на нем говорить. Круто, конечно, но эта способность появилась у него после болезни, которую он подцепил от демона, и иногда Эрик задавался вопросом, не проявятся ли у него другие, менее полезные способности.

В ПС-Х над ним раз в месяц проводили ряд тестов, но до сих пор не было выявлено никаких изменений в его ДНК или внешности — вообще никаких признаков превращения в демона.

— Их трое. Они говорят о еде... боже, до чего же демоны *мерзкие*. — Эрик наклонился вперед, внимательно вслушиваясь. — Так, ладно... им приказали искать человеческую женщину. Мор хочет ее смерти. Они думают, что она, скорее всего, с Войной. Сейчас они отправятся за чем-то... какой-то великий лорд хочет себе невесту. — Эрик отделял важную информацию от пустой болтовни, гадая, есть ли поблизости автомат с прохладительными напитками... — А, понял. Похоже, Сатана хочет остепениться и обзавестись маленькими

злобными отпрысками. Как мило. Этой женщине повезло, кем бы она ни была.

На записи послышался шум, а потом все стихло.

Кинан задумчиво облокотился на стол.

— Личная жизнь Сатаны меня не волнует, а вот человек... Придется нам выяснить, кто она такая и почему Мор хочет ее смерти. Тот, чьей смерти он жаждет, может стать нашим новым лучшим другом.

— Это все равно что искать иголку в стоге сена. А этот стог сделан из иголок. На планете иголок.

— Потому-то нам и нужно найти способ нейтрализовать Всадников, и, по-моему, я его нашел. — Ки открыл один из потрепанных томов на заложенной странице. — Кажется, в 1108 году отряд Эгиды сражался с цербером, но проиграл. На помощь им пришли два Всадника — кто именно, тут не сказано. По-видимому, один из них крикнул другому, чтобы тот остерегался укуса. Оставшийся в живых Хранитель это запомнил, поскольку ему показалось странным, что Всадники чего-то боятся.

Эрик откинулся на спинку стула, скрестив ноги.

— Так ты говоришь, что эти страшные бессмертные Всадники вопят от страха, когда дело доходит до собачьих укусов?

— В том-то и дело... они боятся не самих укусов. — Кинан похлопал по странице. — Смотри, двести лет спустя Хранитель, искавший оружие против Всадников, нашел запись о той битве и предположил, что дело в слюне цербера. А потом, в 1317 году, в разгар Великого голода, люди в Европе умирали, поедали рабочий скот, бросали детей, встречались даже случаи людоедства. Все думали, что настал конец света, и винили в этом Третьего Всадника Апокалипсиса — Голод.

— Естественно.

Сотни лет назад или на прошлой неделе — во все времена люди винили в природных или созданных ими самими катастрофах кого-то другого — Всадника, дьявола или бога.

— Эгида провела ритуал, чтобы призвать Голод, — продолжал Кинан. — Когда она пришла, они выпустили в нее стрелу, смоченную слюной цербера, и это полностью вывело ее из строя.

Эрик издал несколько тяжелых вздохов:

— Что они с ней сделали?

Кинан вздрогнул:

— Скажу только, что отношения между Эгидой и Всадниками и так уже были напряженные, а уж после этого... Чудо, что Всадники не уничтожили всех нас. — В голосе Ки звучала тревога. — В одной из записей также упоминается, что они что-то у нее забрали, но что именно, неясно.

— Ладно, значит, слюна цербера — это наше волшебное оружие против них? Не думаю, что у Эгиды припасена целая свора церберов.

Кинан поднял темную бровь:

— Свора — едва ли. Но за полминуты до того, как ты сюда прибыл, ячейка в Йорке, в Англии, захватила одного из них.

Эрик резко втянул в себя воздух:

— Да ты что? Как?

— Жители одного из пригородных районов жаловались на собачий вой, доносящийся из одного из домов. Войдя туда, полиция обнаружила в подвале клетку со странным черным

псом. Сдерживающие символы на клетке и полу напугали их. Когда они сделали несколько звонков, пытаясь разобраться, об этом узнала Эгида, и мы отправились туда и забрали щенка цербера.

— Так это щенок?

— Ага. Счастливый случай. Понятия не имею, как бы мы вывезли оттуда взрослую особь.

Вдруг за спиной Ки вспыхнул свет. Эрик инстинктивно вскочил и схватился за оружие, но, увидев, что Кинан просто вздохнул, расслабился.

Немного.

— Ривер, ты умеешь стучать в дверь?

— Ангелы не стучатся.

— Тогда не объяснят ли ангелы, почему были недоступны целых шесть месяцев? — поинтересовался Ки. — Я пытался тебя призвать.

Ривер пожал плечами:

— Жизнь полна неожиданностей. — Он бросил взгляд на Эрика. — Слышал, ты заключил контракт с Эгидой. Молодец. Ты можешь оказаться им полезен.

Эрик не стал спрашивать, откуда ангел об этом знает. Даже если он захотел бы спросить, то не смог. Он начисто лишился дара речи из-за того, что стоял в комнате рядом со странным ангелом.

— Всадники согласились встретиться с нами? — спросил Кинан, и Ривер кивнул.

— Они поставили условие, чтобы представителей Эгиды было не больше трех, но я хочу, чтобы это были только вы двое.

К Эрику наконец вернулась способность говорить:

— Почему я? В Эгиде есть те, кто выше меня по рангу, и я не *настоящий* Хранитель.

— Ты принес присягу, — возразил Ривер. — И ты член ПС-Х. Военные силы должны быть в курсе всего происходящего. Кроме того, твоя сестра — оборотень, а родня со стороны жены — демоны, и они могут помочь убедить Всадников в том, что ты — не фанатик-эгидовец, который пришел их убить.

— Не потому ли ты хочешь, чтобы и я пошел? — спросил Кинан.

Сапфирово-синие глаза Ривера потемнели:

— Тебя я выбрал потому, что ты зачарован. Если Всадники решат убить членов Эгиды вместо того, чтобы сотрудничать с ними, ты должен выжить.

Горячий душ в отделанной белым мрамором ванной с шестью душевыми и скамейками с подогревом совсем не помог Каре почувствовать себя нормально. Она уже осознала реальность происходящего, но не знала, впишется ли она в этот новый мир, полный демонов, легенд и световых порталов, через которые можно было мгновенно попасть в любую точку земного шара.

К тому же что-то происходило... неважно, что... между ней и Аресом. Она поцеловала его. Он ответил на поцелуй. Ему определенно не удавалось скрыть своего влечения к ней, особенно когда он прижимал ее к стене, и Кара ощущала, как его член уткнулся ей в живот.

Так что да, в воздухе между ними пробегали почти осязаемые искры. Но временами казалось, что есть и что-то еще. Может, Арес и резок, и полный наглец, но он нежно касался кожи Кары и позволял ей цепляться за себя, когда девушка пугалась до полусмерти. И нельзя было забывать о том, что Арес спас ей жизнь и привел в безопасное место. Обеспечить ее защиту, конечно, было в его же интересах. Но все же он, если бы захотел, мог бы сделать ее пребывание здесь куда менее комфортным.

Да еще это смехотворное заявление о том, как его возбуждает насилие. Какая-то порочная ее часть продолжала его поддразнивать, и Кара сама не до конца понимала, почему. Может быть, потому, что, если Арес прав, у ее жизни скоро выйдет срок годности, а сдаваться без боя она не собиралась.

Кара никогда не отличалась набожностью, но молилась за полное восстановление своей силы, которой обладала до вторжения в дом. Два года девушка жила в надежде избавиться от постоянных паранойи, нервозности и ужаса, которые настигали ее и сдавливали горло каждый раз, когда она слышала странный звук или стук в дверь.

Остерегайся своих желаний. Да, она наконец смогла подступить ко внутреннему колодцу своей силы, но лишь потому, что на нее напали, ее похитили, заклеямили, и на нее идет охота. Кара не была уверена в том, что на такую сделку можно согласиться.

Впрочем, нет, она была уверена. Нельзя.

Мокрая, в одном полотенце, Кара прошла в спальню, и тут до нее дошло, что единственная одежда, которая у нее есть, — пижамные штаны. *Вот что получается, если не готовиться к похищению как следует.*

Не видя другого выхода, девушка порылась в комодке Ареса, где нашла подходящую для сна футболку. Каре страшно не хотелось это признавать, но Арес прав: ей нужно найти Хэла. Теперь, когда ее жизнь связана с жизнью цербера, отыскать его и доставить в безопасное место намного важнее, чем когда-либо. И все же, по правде говоря, сама мысль о том, что ее роль заключается только в том, чтобы спать, ужасно ее раздражала.

Она спала два года, делая лишь то, что было необходимо, чтобы выжить, и ее уже тошнило от этого. Кара хотела снова стать прежней, такой, какой была до вторжения. Человеком, который ставил цели и достигал их. Именно поэтому девушка переехала в Южную Каролину и начала работать в ветеринарной клинике. Может, она и скрывала свои необычные способности, но это не означало, что она не могла использовать их как метод нетрадиционной медицины.

В расстроенных чувствах девушка натянула через голову красно-белую футболку. Низ доходил до середины бедер, а рукава — до локтей. Нахмурившись, Кара натянула перед,

чтобы прочитать надпись. «Детройт Ред Уингз»^[67]. Арес оказался фанатом хоккея. Славная жестокая игра.

Насилие меня возбуждает.

Его слова заставили её содрогнуться, несмотря на то, что по жилам растекалось запретное желание. Кара с детства была пацифисткой, выросла с верой в то, что перо могущественнее меча, а физическая сила — крайняя мера, но даже тогда должны соблюдаться правила и беспристрастность, а кровопролитие должно быть минимальным. Ее отец считал, что война недопустима ни в каком случае.

«*Лучше умереть самому, чем испачкать свою душу убийством другого человека*», — говорил он. Кара могла только догадываться, что испытал бы отец, узнав про того незнакомца, что проник к ней в дом... да. Она могла только гадать.

«*Насилие — для тех, у кого не хватает ума найти другой путь*». Еще одно из его любимых высказываний, которое сейчас заставило ее улыбнуться, потому что отец никогда не встречался с Аресом. Всадник был совсем не глуп. Высокомерен, дерзок и властолюбив, но не глуп.

Кара рассеянно подняла руку и коснулась метки, которая начала пульсировать, когда Арес дотронулся до нее, и до сих покалывала. Но теперь покалывание стало другим, более... настойчивым. Метка горела. Что за?.. Кара заглянула за ворот футболки. Метка стала даже ярче, чем раньше; ее выпуклые линии яростно пульсировали.

Так... это нехорошо. Определенно нехорошо, подумала девушка, ощутив знакомый запах. Так пахло в ее ветеринарном кабинете в то утро, когда она обнаружила его перевернутым вверх дном.

Так пахло от Хэла.

За спиной у нее раздалось приглушенное рычание, и у Кары волосы встали дыбом. Охваченная ледяным ужасом, она медленно и неуклюже повернулась.

И оказалась нос к носу с цербером размером с носорога.

Шах и мат? Она, черт возьми, поставила ему *шах и мат*?

Арес метался, как тигр в клетке. В нем росло раздражение, и не только из-за того, что Кара одержала над ним верх.

Она была в спальне, за закрытой на замок дверью, а он — в коридоре, и ему отчаянно хотелось войти. Арес почти протер дыру в гребаном каменном полу, а мочка его уха горела после ее укуса. Это было не больно, но произвело неотразимое впечатление на его член, который хотел такого же обхождения.

Насилие меня возбуждает.

Какую же чушь он сморозил. В основном потому, что это была правда. Для определения «кровожадный» существовала причина. Черт побери, все-таки это слово было вторым именем Ареса.

Не то чтобы он возбуждался от созерцания бессмысленного насилия. Но когда он находился в самой гуще схватки, когда в крови бил адреналин, а тестостерон выходил из-под контроля... с этим не могло сравниться ничто.

Ничто, кроме близости Кары.

Черт, ему хотелось войти в нее. Но то, что случилось потом, все испортило. Арес

почувствовал, будто его сердце связано с *агимортусом* на ее груди. Это ощущение трудно было назвать эротическим... пока его сердце не заработало как бензонасос, перекачивая топливо из его тела в ее. На глазах Ареса кожа девушки начала излучать розовое сияние и, хотя он мог приписать происходящее гневу и, возможно, возбуждению, он ощутил, как в ней растет сила. От Кары исходила энергия, как от гребаной атомной электростанции, а Арес чувствовал, что слабеет.

Нет, не то чтобы слабеет... ощущение не было неприятным. Просто... непривычным. Арес утратил способность чувствовать враждебность. А что еще хуже, его мысли упростились донельзя — он даже засомневался, смог ли бы он найти выход хотя бы из торгового центра.

Раздались шаги, и Арес понял, что это Танатос. Понял по его тяжелой походке и буханью латных сапог.

— Я заглянул в храм Лилит, но Тристеллы и след простыл... Какого черта ты делаешь?

Арес громко и пространно выругался.

— Я идиот.

— Понятное дело, — ухмыльнулся Тан. Весельчак он был известный. — И все же что ты делаешь?

— Облажался. Я так облажался. — Арес ударил кулаком по стене и зашипел от боли. Он никогда не делал таких глупостей, потому что если навредишь себе, то не сможешь сражаться. Конечно, кости, которые он только что сломал, срастутся за час, но все-таки. — Она победила меня.

— Тебе понравилось?

— Опять не смешно. — Арес так стиснул челюсти, что едва мог разобрать собственные слова. — Кара знает, насколько она важна, и поймала меня на этом.

Дьявол, она несказанно его удивила. До этого девушка была робкой мышкой, боялась, что кто-нибудь выскочит и скажет «Бу!» — и внезапно показала зубы.

Наверное, *агимортус* оторвал ему яйца и пересадила ей.

Танатос рассмеялся, и Аресу захотелось выбить брату все зубы.

— Наконец-то кто-то взял над тобой верх. И не кто иной, как человеческая женщина.

— Иди на...

— Мне нельзя заниматься сексом.

— Я не шучу, братец. — Каждый мускул Ареса передернуло. — Я хочу ее.

Тан выгнул бровь, сверкнув серебряной серьгой:

— Тогда возьми.

— Это не так-то просто. Ей меня не вынести. — Арес продолжил ходить взад-вперед, его внутренности крутило, а член ныл. — Но она так смотрела на меня...

Со страстью? Слишком громко сказано. С жаждой? Слишком неопределенно. Но, черт побери, он чувствовал ее желание, представлял, как ее тело выгнется под его телом...

Танатос снова засмеялся, и Арес сжал кулаки.

— Ты можешь получить любую демонессу в подземном мире, стоит лишь щелкнуть пальцами, а сейчас ты хочешь человеческую женщину, но не знаешь, как ее заполучить. Прекрасно. — Тан склонил голову и поглядел на Ареса. — Как думаешь, ты хочешь ее, *потому что* она человек? В этом соблазн?

Резонный вопрос. Арес не был с человеческой женщиной с тех пор, как его прокляли. Он был вынужден удовлетворять свою похоть с демонессами, которые были похожи на

людей. Полукровки были лучше всего — они, по крайней мере, были демонессами только наполовину.

— А это имеет значение?

Глаза Тана сузились, и он вмиг стал серьезным:

— Это не просто возбуждение, верно? Ты вот-вот лопнешь.

— Ага.

Возбуждение, флюиды мирового насилия, которые на него обрушивались, и злость из-за того, что тело, доспехи и оружие подводят его в присутствии Кары... Арес готов был взорваться. И это не шутка.

— Дерьмово.

— Да уж.

Танатос прислонился плечом к стене, и его поджарое тело приняло обманчиво расслабленную позу:

— Тебе нужно найти Подстрекательницу, чтобы расслабиться.

Арес запустил руки в волосы:

— Знаю.

Его тело жаждало освободиться от напряжения... с помощью хорошей схватки или секса, или того и другого. Чем дольше он жил с этим, тем большей опасности подвергал людей. Уже сейчас жители ближайших городов на материке вовлекаются в насилие, теряя самообладание. Чем дольше это будет продолжаться, тем дальше будет распространяться насилие.

— Я могу остаться здесь, а ты пока сходи в «Четырех Всадников».

Это было бы лучше всего. Он мог бы найти демонессу, которая не против грубого обращения, потому что сейчас успокоить его могло только это.

— Чёрт, — вздохнул Арес. — Так плохо мне не было с тех пор, как нас прокляли.

Около пятидесяти лет после того, как они стали Всадниками, Арес не мог контролировать свою демоническую половину и утопал в жестоких буйствах и сексе. Это было темное время для них всех. Настолько темное, что они очень редко говорили о нем. Тан — вообще никогда.

— Тебе надо идти. Пересечешься с Флэл или Со. Или с обеими.

Арес зарычал. Со и Флэл — демонессы Нитул, сестры, названные в честь орудий пыток^[68]. Нитул — так называлась жестокая, склонная к насилию раса демонов-рабовладельцев, которые не походили ни на людей, ни на демонов. Сестры были красавицами с эльфийскими чертами лица, и Арес мог бы обладать ими.

Но он не хотел. Он хотел обладать Карой.

— Ладно, хорошо. Я в любом случае туда собирался. Заодно попробую раздобыть какую-нибудь информацию о Море. — Арес пристально посмотрел на дверь спальни. — Только сначала проверю ее.

— Плохая идея.

Он должен. Должен убедить себя, что не хочет ее. Заставить ее возненавидеть его или что-то в этом роде. Что угодно, чтобы унять эту безумную похоть. И дело не только в физическом голоде — он должен быть уверен, что сможет действовать как надо. Отвлечшийся солдат — мертвый солдат... а отвлечшийся командующий вскоре обнаружит у себя под началом не что иное, как армию мертвецов. Сейчас, когда от Ареса зависело все человечество, он не мог позволить себе отвлекаться.

— Со мной все будет в порядке, — настаивал он.

— Арес...

— Отойди. — Арес оттеснил брата плечом, но, когда Тан, пытаясь удержать его, положил ему руку на плечо, Арес потерял самообладание. — Убери от меня свои гребаные лапы!

Тан сильным ударом припечатал его к стене. Зарычав, Арес нанес брату ответный удар в челюсть. У Танатоса изо рта брызнула кровь, в янтарных глазах горела ярость, но он не стал больше драться.

— Ради всех чертей, Арес, я пытаюсь тебе помочь. Ты зашел так далеко, что не видишь собственного безрассудства. — Тан стер кровь, сочившуюся изо рта. — Ты, может, не помнишь, какой кровавый след за тобой тянулся, когда ты думал не головой, а задницей, как сейчас, но я помню. Я следовал за тобой по дороге, вымощенной трупами, как наркоман за дилером, и черта с два я сделаю это снова.

Слова Танатоса пробились сквозь затуманенное сознание Ареса, но лишь едва. Тана притягивала смерть, и Ареса это беспокоило, но он ничем не мог помочь. Массовые смерти подпитывали Тана как ничто иное, давали ему оргазм, который он не мог получить другим способом.

Закрыв глаза, Арес сделал глубокий успокаивающий вдох, который был примерно так же эффективен, как плевок в лесной пожар.

— Прекрасно. Я ухожу. Передай Лимос, чтобы...

Дымная вонь зла ударила в ноздри так неожиданно, что у Ареса заслезились глаза, и они с Таном кинулись к дверям спальни. Арес ворвался в комнату, сорвав одну из дверей с петель. И застыл на месте. Его сердце бешено стучало, норовя вырваться из груди.

Цербер, который убил его семью, стоял в нескольких дюймах^[69] от Кары.

А его зубы — в сантиметрах от ее горла.

Из пасти у цербера *воняло*.

Кара понятия не имела, почему, глядя на острые как бритва зубы зверя, который, похоже, приготовился ее сожрать, она только и думает, что про его дыхание.

— Кара, иди ко мне, — раздался у нее за спиной повелительный голос Ареса. — Медленно.

Зловещее рычание пса сообщило девушке, что он думает об этой идее, и она так решительно расставила ноги, что с таким же успехом могла пустить на этом месте корни.

Боковым зрением Кара увидела, как Арес и Танатос пробираются вдоль противоположных стен спальни, окружая зверя. Вновь зарывчав, цербер протянул лапу и схватил девушку за талию. Его зазубренные когти разорвали ткань футболки. Кара вскрикнула — больше от удивления, чем от боли, хотя кончики когтей уже впивались в кожу.

— Отпусти ее, — низкий голос Ареса исказился от ярости.

В голове у девушки внезапно вспыхнуло видение: она сама, обезглавленная и разорванная на части, и адский пес, пожирающий ее труп. Кара всегда обладала способностью чувствовать эмоции животных, но это выходило далеко за рамки чувств. Она читала мысли цербера, знала, что он хочет с ней сделать. В голове мелькнул еще один образ: тело Ареса изуродовано, кости раздроблены, он беззвучно кричит, а свора псов кормится им. Печать у него на шее сломана, а напротив, в темноте, улыбаясь, стоит Мор.

В сознание девушки продолжали поступать планы цербера относительно нее и Ареса. Сглатывая желчь, Кара старалась сдерживать рвотные позывы.

Знак на ее груди зажгло, и дар, обычно погребенный глубоко внутри нее, рванулся наружу. Он желал убивать и каким-то образом был связан с *агимортусом*, и у девушки появилось тошнотворное ощущение, что ее дар, которая и раньше был мощным, сейчас стал просто невообразимым.

— Отпусти ее, — прорычал Арес, — или, клянусь, я спущу с тебя шкуру заживо и не пожалею нескольких недель, чтобы заставить тебя умереть.

Это была не угроза. Он сделал бы это. От жестокости, витающей в воздухе, у девушки закружилась голова. Она должна что-то сделать. Что угодно. Ее руку покалывало — в ладони скопилась сила.

Насилие — для тех, у кого не хватает ума найти другой путь.

Верно. Ладно... думай. Кара перебрала в уме то, что знала о церберах... то есть ничего. Но одному из них девушка спасла жизнь. Может ли она рассказать об этом зверю? До Хэла Кара никогда не общалась с животными, во всяком случае, на словах. Но это было во сне. Сработает ли это с цербером, не связанным с ней?

Кара неуверенно погладила жесткую шерсть на плече зверя.

— Привет, большой парень. Давай успокоимся, хорошо?

Девушка слышала гул голоса Ареса и ужасающий рокот в горле пса, но проигнорировала все это, пытаясь сосредоточиться и молясь о том, чтобы зверь настроился на ее волну. Почти мгновенно животное замерло, и в голове Кары пронеслись его воспоминания, словно кадры фильма в ускоренной перематке. Информации было так много, что она не могла осмыслить ее всю сразу, смогла ухватить лишь сцены с участием Мора, Ареса и даже Хэла. Столько

смертей и разрушения...

Ее барабанные перепонки пронзил оглушительный вой. Цербер швырнул девушку через всю комнату, и пол уже стремительно приближался к ней, но не успела она удариться о плитку, как ее подхватил Танатос, двигавшийся, словно кот. Сквозь звон в ушах прорывался грохот ломающейся мебели и глухие удары врезающихся в стены тел.

Едва Танатос поставил Кару на ноги, она обернулась и увидела, что Арес лежит на полу, его доспехи смяты, а сломанный меч покоится под лапой цербера. Танатос толкнул Кару к себе за спину и бросился вперед. Его клинок описал дугу и опустился на зверя.

Этот удар должен был бы отсечь церберу голову, если бы пес внезапно не исчез.

Тан выбежал из комнаты, громко зовя Вулгрима и требуя обыскать дом. Поскольку Арес поднялся не сразу, Кара протянула ему руку:

— Ты в порядке?

Он проигнорировал ее жест и быстро встал на ноги. Разразившись тирадой на языке, которого девушка не знала, Арес схватил ее за плечи и резко притянул к себе.

— Он причинил тебе боль? — его голос звучал резко, отрывисто, и Кара попыталась говорить мягко в надежде успокоить мужчину.

— Поначалу хотел, но нет.

— Как он нашел меня? — отпустив девушку, Арес запустил пальцы в волосы. — Как, черт возьми, он...

— Твой брат, — пробормотала Кара. — Мор рассказал ему, где тебя найти. И меня.

— Откуда ты знаешь? — Его вопрос больше напоминал требование, а холодный пристальный взгляд идеально подошел бы следователю.

— Он мне сказал. Я не знаю, как, но он мне сказал. Его зовут Хаос, и он хочет твоей смерти.

— Я в курсе, — рявкнул Арес. — Это у нас взаимно. Так почему он тебя не убил?

— Потому что Хэл — его сын.

Арес выглядел как громом пораженный:

— Он... что?

— Они преследовали Сестиэля, но тут Эгида ранила Хэла. Так он оказался у меня дома. Ничего, кроме этого, мне узнать не удалось, но, думаю, он собирался убить меня... пока не узнал, что со мной связан его щенок.

— Сукин сын, — Арес подхватил с пола свой сломанный меч и швырнул его об стену. Когда он вновь обернулся к Каре, весь его вид выражал гнев: от нахмуренных бровей и сверкающих глаз до сжатых кулаков и широко расставленных в агрессивной боевой стойке ног.

И все же в воздухе потрескивало чувственное электричество, и чем дальше они смотрели друг на друга, тем сильнее. Воздух стал густым и жарким, а тело девушки вспыхнуло внезапным возбуждением.

Пристальный взгляд Ареса опасно потемнел... и пополз вниз. Он оглядывал ее тело, словно запоминая каждый изгиб.

— Ты надела мою футболку. Сними ее. — Голос Ареса был низким, хриплым, ни дать ни взять раскат грома.

Кара застыла.

— Мне, наверное, следовало спросить тебя, но тебя не было, а мне больше нечего было надеть.

— Сними. Ее. — Ноздри Ареса раздулись, челюсти сжались. — Мне нужно, чтобы ты разделась.

Ох. Во рту у нее пересохло так, что она не могла говорить. Но гнев вернул ей голос.

— Не приказывай мне. Так ты ничего не добьешься.

Слишком поздно она поняла, что бросила перчатку, а Арес не из тех, кто отказывается от вызова. Глаза мужчины загорелись, и он двинулся к ней. Мышцы широких плеч перекачивались с каждым беззвучным шагом. Сердце девушки забило в бешеном ритме, по телу теплой волной разлилось возбуждение. В ней росло желание позволить Аресу сделать то, что, как она думала, он собирается сделать.

Мне нужно, чтобы ты разделась.

Стоп. Нужно. Не хочу.

Мне нужно, чтобы ты заткнулась и разделась. Это были слова тех, кто на нее напал. Во всяком случае, одного из них. Кого именно, она так и не смогла вспомнить.

Агимортус пульсировал, и хотя в прошлый раз, когда Арес был рядом, ей было приятно, теперь грудь сжало удушающее напряжение. А вдруг ее сила вырвется наружу в неподходящий момент? Арес сказал, что он бессмертен, его невозможно убить, но она видела, на что способна ее сила. Тело Кары сковал ужас.

— Не подходи ко мне! — вслепую она нащупала на комодке глиняную миску и замахнулась. Прыгнув вперед, словно пантера, так стремительно, что контуры его тела казались размытыми, Арес выбил миску у нее из рук.

Вскрикнув, девушка попятилась. Ее нога запуталась в брошенном на пол полотенце, и, споткнувшись о деревянный сундук, Кара полетела на пол. Но за мгновение до того, как девушка ударилась головой о пол, вокруг нее сомкнулись руки и резко дернули вверх.

— *Арес!* — от рева Танатоса задрожал воздух. С рычанием Арес прижал девушку к груди и повернулся лицом к брату. Два сильных, смертельно опасных зверя, готовых к бою.

Ноги Кары не доставали до пола и болтались в воздухе, словно у тряпичной куклы. Футболка задралась неприлично высоко, позволяя голой попке чувствовать впечатляющую выпуклость в штанах Ареса, и, скорее всего, выставляя напоказ намного больше, чем хотелось бы девушке. Но братья были слишком заняты, сверля друг друга взглядом, и ничего не замечали.

— Отпусти ее, парень, — произнес Танатос, на этот раз успокаивающе, мягко, растягивая слова. — Тебе надо наведаться в паб. Или найти себе жестокую, кровавую битву.

Мышцы Ареса дернулись, хватка немного ослабла.

— Вот так, — продолжал Танатос. — Иди, позаботься о себе. Лимос ведет сюда мага, чтобы он наложил на дом защитные чары. Сюда больше не проникнет ни один цербер.

На мгновение поколебавшись, Арес отпустил Кару.

— Извини... я бы не... черт.

Его кожа блестела от пота, а глаза стали дикими, напоминая Каре пойманного в ловушку зверя — раненого, испуганного и не понимающего, что с ним случилось. Ей трудно было представить Ареса испуганным или загнанным в ловушку, но внутри у него что-то происходило, и сейчас он выглядел таким уязвимым, что это кольнуло девушку в самое сердце.

— Арес, — тихо позвала она тем же тоном, которым разговаривала с Хэлом. — Все нормально.

Он посмотрел на нее, и постепенно дикий блеск его глаз сменился спокойным цветом

черного дерева. *Агимортус* тут же запульсировал более настойчиво, став тросом, притягивавшим ее к Аресу. Кару буквально кожей тянуло к нему. Она подошла ближе, балансируя между удовольствием и болью. Арес дернулся, словно она его ударила.

— Мне надо идти. — Не оглядываясь, он выскочил из комнаты, оставив Кару наедине с Танатосом.

Девушка хотела пойти за ним, но все, что она могла сделать, это глубоко дышать, не в силах избавиться от ощущения, будто они только что избежали бури.

— Что... что с ним?

Лицо Танатоса ничего не выражало, но он смотрел на нее с интересом хищника, и это заставило Кару задуматься о том, что буря, возможно, еще не миновала. Только на время приутихла.

— Его демоническая половина берет над ним верх.

Демоническая половина? Лучше ей этого не знать.

— Почему?

Взгляд светлых глаз Танатоса опустился на голые ноги девушки, и она с трудом подавила желание натянуть майку пониже. В глазах Танатоса был какой-то мучительный голод, которого Кара не могла понять, да и не знала, хочет ли.

— Он много рассказывал тебе о нас?

— Почти ничего.

Сухожилия на шее Всадника напряглись, заставив татуировки «танцевать».

— Прикройся, — отвернулся он.

— С удовольствием. — Пока Танатос рассматривал стену, она надела свои пижамные штаны. — Так что это за история?

Он не обернулся.

— Краткая версия: наша мать была демоном-суккубом, отец — ангелом. Все мы, кроме Лимос, воспитывались на Земле как люди, пока не узнали правду. Мы не слишком хорошо приняли эту новость, и наши действия привели к массовым человеческим жертвам. В качестве наказания на нас было наложено проклятие — мы стали хранителями Печатей Армагеддона. А вместе с этой честью появились и побочные эффекты, намекающие на то, кем мы станем, как только наши Печати будут сломаны.

— И побочный эффект Ареса — это...

— В его присутствии люди становятся агрессивными и бросаются в драку. Он, в свою очередь, зависит от человеческих беспорядков. Если в мире случается война или другие крупномасштабные конфликты, его притягивает туда. Его тянет в бой необходимость физического освобождения. Драка или... так как наша дорогая мамочка была демоном секса, ему надо заняться сексом. И, когда ситуация накаляется, он с трудом себя сдерживает.

Разве не символично, что больше всего на свете Кара боится и ненавидит насилие, а Всадник, с которым она тут застряла, — самое настоящее воплощение насилия?

— Так куда он ушел?

— Искать женщину или драку.

Ох. При мысли об Аресе с другой женщиной в груди неприятно кольнуло, и это ощущение удивило Кару. Она не ревновала... не имела на это права. Тогда почему же образ его обнаженного, обнимающего другую женщину вызывает у нее такое недовольство?

Смени тему. Сейчас же.

— И, э-э, кто ты? Который из Всадников, я имею в виду?

Танатос обернулся.

— Смерть.

Кара сглотнула. Громко.

— В смысле, темный жнец^[70]?

Он фыркнул.

— А, этот позёр. Он имеет дело со злыми душами. Сопровождает их в Шеул-гра — нечто вроде хранилища демонических душ, где они со временем могут возродиться. Я не стану никуда сопровождать души. Я буду убивать, освобождая души от тел.

Кара приняла это к сведению. Еще она отметила, что и бровью не повела, услышав, что темный жнец существует на самом деле.

— Значит, Аресу приходится управляться со всеми этими проблемами. А с чем приходится иметь дело тебе?

Не считая татуировок, которые, похоже, были объемными и двигались.

— Тебя это не касается.

— Понятно.

Она изучала Танатоса, пытаясь собрать о нем сведения, но понять этого высокого воина оказалось ещё труднее, чем Ареса. Его лицо было не таким жестоким, в глазах не было расчетливости, и, вероятно, две эти черты делали его более привлекательным. Но в нем определенно присутствовала некая тьма, и Кара чувствовала, что тьма эта уходит корнями настолько глубоко, что вычерпать на поверхность ее всю не получится даже экскаватором.

— То есть это нормально — раскрывать секреты своего брата, но не свои собственные.

Глаза Танатоса опасно потемнели, и вокруг него сгустились тени, которых — Кара могла поклясться — раньше не было. Метка на ее груди горячо вспыхнула, и Каре пришлось приложить все силы, чтобы не попятиться.

— Я рассказал тебе все это потому, что ты застряла здесь вместе с ним, так что тебе нужно понять, почему он ведет себя именно так. Меня тебе понимать не нужно. — Всадник направился к двери, но у порога задержался. — То, что я сказал тебе сегодня, не предназначено для чужих ушей. Если кому-нибудь проболтаешься, ответишь передо мной лично, и уже не как перед Танатосом. А как перед Смертью.

Кару охватил страх, но она встретила его взгляд, отказываясь пасовать.

— Меня нельзя убивать.

— Все дело в том, что ты можешь жить столько, сколько я позволю. В великих муках, — ответил он, и его голос был холоден, как могила. — Мне не нужно убивать для того, чтобы вызвать страдания. У меня отлично получается заставлять людей молить о смерти.

Арес был чертовски на взводе. Он сидел верхом на Битве, все его тело сковывало напряжение, учащенное дыхание обжигало горло. Что, черт возьми, только что произошло?

Прежде чем ворваться в комнату и обнаружить там пса, готового вцепиться Каре в горло, он сходил с ума от похоти. Потом его одолела ярость, которая лишь усилилась от того, что в присутствии девушки он стал уязвимым для цербера. Броня размягчилась, меч раскололся, а сам он лишился способности предсказывать следующий шаг противника.

Пес одержал над ним верх, и если бы не Танатос...

Твою. Мать.

Таким беспомощным Арес не чувствовал себя еще со времен своей «человеческой» жизни до проклятия. О, он был ужасно беспомощным, когда церберы несколько недель держали его парализованным, но то было другое. Тогда никто не рассчитывал на его защиту. Но в этот раз... не окажись рядом Танатоса, Ареса бы укусили, а Кару могли убить. Девушка сказала, что зверь не причинил бы ей вреда, так как узнал, что она связана с его щенком, но церберы лживы, им не следует доверять, и он не стал бы верить любой информации, полученной от этого ублюдка.

Особенно если тот заодно с Мором.

Битва легким галопом скакал через весь остров, вздымая за собой тучи песка, а Арес думал о Каре и задавался вопросом, когда все стало так сложно. Жалость в глазах девушки, спросившей, в порядке ли он, зацепила его «натяжную проволоку»^[71], и это, да еще сильнейшее унижение от поражения в схватке с цербером, распалило Ареса еще больше. А он к тому моменту и так уже работал на полном баке похоти, поэтому, когда он увидел Кару в своей хоккейной футболке, его самоконтроль тут же улетучился. Эти ноги. Черт подери, девушка была великолепна. От вида ее влажной кожи, только что после душа, его рот наполнился слюной, мокрые волосы хотелось пропустить сквозь пальцы, а длинные, стройные ноги — раздвинуть и устроиться между ними.

Когда Арес увидел на Каре свою футболку, им завладело что-то совершенно первобытное. Его разум скатился до уровня пещерного человека и снова и снова вопил «моя». После этого уже не было ни одной мысли — все вытеснила потребность заявить на девушку свои права.

Чертовски хорошо, что вмешался Танатос. Хотя, по правде говоря, вопль Кары пробился сквозь туман вожделения, окутавший разум Ареса, и он уже собирался отпустить ее, когда в комнату ворвался брат. Его вторжение запустило другую гребаную реакцию — дикое желание защитить... как будто Тан представлял для Кары большую угрозу, чем цербер.

Проклятье.

Грозившая ей опасность все еще не шла у него из головы. Арес так и видел зубы около ее горла. Когти у нее на талии. Кара была в ужасе, но в то же время вела себя невероятно храбро. То, как она погладила шерсть Хаоса и спокойно заговорила с ним, ошеломило Ареса. Ужас, исходящий от девушки, был непостижим, и все же она смогла переступить через него, чтобы спасти их всех.

За всю свою жизнь Всадник никогда еще не видел ничего подобного. На мужество Кары перед лицом опасности стоило обратить внимание, и оно стало самым большим потрясением в его жизни. Девушка, возможно, этого не знает, а может быть, и *не захочет* знать, но у нее душа воина. О, она по-прежнему «на привязи», ее сдерживает бремя приличного общества, морали и, вероятно, воспитания. Проблема, как он понимал, возникнет тогда, когда ее внутренний воин освободится: он может оказаться опасным, разрушительным и неуправляемым. Арес направил Битву мимо виноградника, в сторону южного края острова. Жеребец запрокинул голову, дернув поводья так сильно, что они чуть не вылетели у Ареса из рук. Кстати о неуправляемости. Конь, чувствуя настроение хозяина, был взволнован.

Впереди, между двумя древними каменными столбами, замаячил Хэррогейт. Битва прыгнул в него, и темная комната расширилась, вместив их. Мерцающая завеса затвердела, и на обсидиановых стенах появились две карты — Земли и Шеула. Арес коснулся карты Шеула, и она мгновенно развернулась на двенадцать уровней. Он дотронулся пальцем до

третьего уровня сверху, очерченного синим светом, и продолжал касаться карт. Они вращались и приближались, становясь более четкими. Наконец Арес нашел Хэррогейт, который был открыт примерно в ста ярдах^[72] от «Четырех Всадников».

Битва выскочил из портала на топкую почву. Арес предоставил ему свободу, и конь, который точно знал, куда они направляются, понесся сломя голову. Именно поэтому Арес и решил воспользоваться постоянными воротами вместо призванных — коню, как и ему, необходимо было выпустить пар.

Удары копыт коня сотрясали землю с невероятной силой, отдаваясь в ногах и плечах животного и во всем теле Ареса. Всадник любил чувствовать этот прилив энергии. Единственное, что могло быть лучше, так это ввязаться в кровавую драку.

Проклятье, Кара довела его до безумия, и теперь кровь в венах бурлила, адреналин обжигал мышцы, словно крапива, а зрение обострилось — его тело рвалось в битву. Самки Нитул ответят на этот вызов. Прольется кровь, а зубы найдут плоть.

По телу прошла дрожь желания. Сможет ли Кара дать ему все это? Когда он будет на пике возбуждения, сможет ли она подарить ему схватку, которой он жаждет? Мыслями Ареса завладели образы: вот он берет ее у стены, на скалистых утесах, в руинах храмов, разбросанных по его острову. В некоторых из этих образов девушка царапалась, впивалась в него ногтями, кусалась, одновременно крича от наслаждения. В других она ласкала его плечи, массировала мышцы и прокладывала дорожку из поцелуев вниз по его телу.

Каково это будет? С тех пор, как умерла его жена, в сексуальной жизни Ареса для нежности не осталось места. Даже на Нере он женился не по любви. Между ними была страсть, но настоящей нежности не было. Так почему, черт возьми, его разум рисует все это сладкое дерьмо с Карой?

Злобно зарывчав, Арес остановил Битву перед таверной. Призывать жеребца к себе он не стал. Сейчас они оба слишком взвинчены, а извивающаяся татуировка станет отвлекать его и окончательно выведет из себя. Всадник распахнул дверь... и натолкнулся на самую многочисленную толпу женщин, которую он когда-либо видел в пабе.

Его тут же окружили руки, лапы, копыта. Аресу это не понравилось. Более того, он уже повернулся, чтобы вырваться из этого ада. Но тут его ноздрей достиг острый запах зла, от которого по телу Ареса побежали мурашки. Что-то было не так. Совсем-совсем не так.

Он схватил за руку ближайшую к нему женщину — изящного человекоподобного суккуба.

— Что происходит?

— Мор здесь, — зрачки суккуба расширились и сужались, как у кошки. — Теперь, когда у него появилась эта злая аура, он стал сексуальнее, чем когда-либо.

Дыхание Ареса со свистом вырывалось сквозь зубы.

— Где?

Самка, громко мурлыча, потерлась о него.

— На заднем дворе, с Флэл и Со.

Арес осмотрел комнату, остановив взгляд на двери во двор, и взревел:

— С дороги!

Демоны тут же отпрянули от него, и, как только он двинулся в сторону задней части паба, бросились врасыпную, словно рыбки перед акулой. Дойдя до двери, Арес остановился. Демонесса-Сора, Сетия, сидела на скамье, ссутулившись и опустив голову; ее обычно ярко-красная кожа побледнела, став серовато-кирпичной. А хвост... что за черт? Он

был завязан в узел.

— Эй, — коснувшись подбородка демонессы, Арес приподнял ее лицо и поразился, увидев, что по ее щекам текут слезы. — Что случилось?

— Он не такой, как прежде, — прошептала она. Слегка махнув хвостом, она заметно вздрогнула от боли.

— Это сделал Ресеф... Мор? — резко спросил Арес, чувствуя, что вот-вот окончательно потеряет самообладание.

Сетия кивнула, и от поднявшейся внутри волны гнева у Ареса застучало в висках. Ресеф никогда не был садистом. Даже в те редкие минуты, когда его демоническая сторона вырывалась наружу, женщины никогда не становились объектами его ярости.

— Отправляйся в ЦБП^[73]. Они приведут твой хвост в порядок...

— Там работала моя сестра, — безжизненно произнесла Сетия. — Она умерла.

— Я знаю, ты скучаешь по Циске, но тебе надо пойти туда, иначе лишишься хвоста. И отныне держись подальше от моего брата.

Захлопнув за собой дверь таверны, он оказался в зловещем лесу, окутанном красноватым туманом. Бесшумно вынув меч, Арес двинулся сквозь густую листву и туман.

Запах крови он ощутил задолго до того, как приблизился к месту действия, но, все же, выйдя на поляну, был поражен. Флэл безжизненно лежала на земле, ее обнаженное тело стало почти неузнаваемым, а горло искромсали до самого позвоночника. Ресеф, чье обнаженное тело пронизывали черные вены, прижимал к дереву Со, впившись клыками в ее шею. Их обоих покрывала кровь, и, хотя большая ее часть, казалось, принадлежала демонессам, Ресеф тоже не вышел из схватки невредимым.

Демонессы сопротивлялись.

— Большой придурок, — зарычал Арес.

Ресеф обернулся, не вынимая клыков из шеи Со. Глаза его вспыхнули злобным малиновым светом, и, улыбнувшись, он зубами разорвал горло демонессы. Бросив труп на землю, он направился к Аресу. Мокрые пальцы мелькнули у глифа^[74] на шее, и тело Ресефа тут же покрыла металлическая броня. Броня, изготовленная троллями, была практически неуязвима, повреждения чинились сами по себе, но, чтобы сохранять ее работоспособность, ее приходилось подпитывать кровью. Недавно ее, без сомнения, хорошо «покормили».

— Война. Почему ты так потрясен? Ведешь себя так, словно никогда не убивал женщину...

— Я никогда не получал от этого удовольствия, — рявкнул Арес.

— Ты его получишь. Когда ты обратишься, мы устроим праздник. А Танатос сможет полакомиться нашими объедками. — Ресеф облизнулся, слизнув струйку крови в уголке рта. — Твой приятель нашел тебя?

Горячий ветер зашевелил колючие листья на деревьях, и до ноздрей Ареса донесся запах смерти.

— Если ты про цербера, то да. Ты указал правильное направление.

— У него есть имя, знаешь ли. Пожиратель Хаоса. Или Пожирающий Хаос. Что-то вроде того. Хороший песик. Не понимаю, почему вы так долго воюете, — ухмыльнулся Ресеф. — Ах, да. Он съел твоих лучших друзей, любимого брата и сыновей. Вот незадача.

— Не могу поверить, что ты пошел туда, — выдавил Арес. — Не верю, что ты заключил с ним союз...

— И наслаждался этим.

— А знаешь, чем собираюсь насладиться я? — Арес поднял меч. — Тем, что разрублю тебя от промежности до подбородка.

Ресеф остановился в двух ярдах^[75] от него.

— Подумай хорошенько, братец. Потому что это тебя ждет поражение. А когда я превращу тебя в пудинг из органов и костей, то сразу отправлюсь за человеком, — во рту у него, казалось, одни клыки. — Надеюсь, она умрет *не слишком* быстро.

Образ Кары, подвергшейся тому, что увидел Арес на поляне, был подобен «Драно»^[76] в мозгу. Он выжег все рациональное мышление. Взревев, Арес обрушился на Ресефа. Его удар в плечо вышел скользящим, поскольку тот успел увернуться. А в следующий миг Ресеф уже натягивал лук и в мгновение ока выпустил стрелу. Она вонзилась в незащищенное место между плечом и шеей Ареса, и его пронзила боль, отдаваясь в черепе.

— Выходи! — Ресеф пустил еще одну стрелу, а рядом с ним материализовался Триумф.

Арес увернулся от стрелы, но она изменила направление и вонзилась ему в шею рядом с первой. Земля задрожала от мерного стука копыт, словно началось землетрясение, и рядом возник Битва, приняв на себя удары второго жеребца. Задыхаясь, Арес вырвал стрелы и замер, услышав хлопанье крыльев. Сотни. Может быть, тысячи.

Вот дерьмо.

Они налетели, как облако саранчи. Демоны-людоеды, «саранча» размером с канюка^[77], летучие мыши-вампиры напали на Ареса и Битву. Их раскрытые рты были полны острых, как бритва, зубов, когти напоминали иглы, а каждое крыло увенчивалось костяным шипом. В считанные секунды они облепили Битву и стали рвать его плоть, так что конь пронзительно ржал. Триумф продолжал наносить удары, он лягал Битву, вырывая куски плоти.

Ареса защищали доспехи, но эти твари рвали его лицо и вонзали шипы между швами. Копыта и зубы Битвы крушили кровососов десятками, но их было слишком много.

— Отдай мне человека, и я отзову их, — крикнул Ресеф.

— Иди на...

— Инцест, брат? — Ресеф пожал плечами. — Отлично, черт возьми, все остальное я уже успел попробовать с тех пор, как моя Печать была сломана...

Резко взметнув меч, Арес нанес Ресефу удар в челюсть. В разные стороны брызнули зубы, куски плоти, кровь, и, не дав брату опомниться, Арес вскочил на Битву. Летучие мыши продолжали кусаться и царапаться, и, хотя Арес наполовину ослеп из-за застрявшего в глазу когтя, ему все же удалось открыть Хэррогейт. Открывшиеся ворота разрезали на кусочки с десятков мелких паразитов, Битва прыгнул внутрь, и они оказались около входа в дом Ареса.

К ним бросились стражники, обнажая мечи, чтобы перебить тварей, которые все еще цеплялись за Ареса и коня. Битва споткнулся, и Арес спрыгнул, освободив коня от своего веса. Пока Рамрилы уничтожали летучих мышей, Арес через арочный вход завел Битву в дом, в гостиную.

Конь хромал, оставляя за собой кровавые следы, натыкался на стены и мебель. Ох, черт, да он ничего не видит.

Из кухни не спеша вышел Танатос:

— Что, черт возьми, случилось?

— Наш братец случился, — прорычал Арес.

Тан тихо присвистнул.

— Это сделал Ресеф?

— Не Ресеф. Мор. Он сильнее, чем когда-либо, и, если у тебя еще оставались сомнения,

могу тебя заверить, что он больше не наш брат.

Арес ожидал, что Танатос начнет спорить и доказывать, что на Ресефе еще рано ставить крест, и на мгновение выражение лица Тана стало бесстрастным, не предвещая ничего хорошего. Но тут Битва, задрожав, с грохотом рухнул на пол.

— Дерьмо!

Вытирая кровь с глаз, Арес упал на колени и крикнул Вулгриму:

— Неси полотенца, воду. Иглу и нить.

Он оглядел огромные зияющие раны, в которых виднелись мышцы, сухожилия и кости. Битва выглядел так, словно из него сделали отбивную гигантским шипованным молотом тролля, и боль коня ранила Ареса сильнее, чем любое оружие из тех, которыми мог владеть Мор. Битва был значительно сильнее обычного коня, его сверхъестественная связь с Аресом давала ему схожую способность к регенерации... но если раны достаточно серьезны, то он может умереть. Лимос потеряла своего первого скакуна спустя сотню лет после проклятия — ее коню отрубил голову демон. Другого коня ей подарили — отказаться Всадница не могла, — и теперь она оказалась с плотоядным адским жеребцом, в сравнении с которым даже цербер покажется дружелюбным.

Арес услышал за спиной шаги — слишком легкие, чтобы принадлежать одному из демонов. Постоянные вибрации, предупреждавшие его о конфликтах по всему миру, приутихли.

— О боже, — Кара бросилась к ним.

— Тан, уведи ее отсюда.

С удивительной ловкостью девушка обогнула Танатоса, увернувшись от его рук.

— Что происходит? — Кара опустилась на колени рядом с Аресом. — Господи... Боже.

У Ареса не было на это ни времени, ни терпения. Она, наверно, начнет кричать, плакать, или еще какое дерьмо. К тому же Аресу мешало само присутствие девушки, которое истощало его.

— Иди в спальню и оставайся там.

— И не подумаю.

— *И не подумаешь?* — Он одарил ее недоверчивым взглядом. Его приказа не смел послушаться никто.

— Я уже сказала тебе, нечего мной командовать. — Открыто наплевав на его приказ, Кара засучила рукава хоккейной футболки. — Я могу помочь. Я много лет работала с животными.

— Тогда помоги. — Раздраженно сыпя проклятиями, Арес провел большим пальцем по горлу, снимая с себя и Битвы доспехи, которые уже потеряли свою прочность, и схватил девушку за запястье, когда та потянулась к боку коня. — Но он не похож на твоих обычных животных.

— И почему же, — пробормотала Кара, — я ничуть не удивлена?

Ладони Кары повлажнели от холодного пота. Она молилась, чтобы ей не пришлось пожалеть об этом. Вполне вероятно, что ее дар вырвется наружу... и станет силой, которая будет убивать, вместо того, чтобы лечить. Тогда Арес убьет ее.

Девушка бесстрастно вытерла руки салфеткой, принесенной демонами.

— Тебе нужно что-нибудь еще? — Танатос щелкнул пальцем по одной из многочисленных татуировок у себя на горле, и броня исчезла, сменившись на черные джинсы, черную футболку и черное длинное неоклассическое пальто, которое застегивалось от шеи до талии, а дальше распахивалось, давая свободу движений. Похоже, для Танатоса черный был не просто цветом, а стилем жизни. — Я могу наведаться в ветеринарный кабинет.

Как бы ни был велик соблазн отправить его к доктору Хеппсу, чтобы украсть материалы, Кара покачала головой и потянулась к стопке полотенец.

— Нам нужно остановить кровотечение.

— Серьезно? — Арес сдвинул края одной из самых серьезных ран — глубокой и рваной, из которой сочилась темная кровь. — Ты училась в Vet Med 101?^[78]

— Сарказмом помощи ты от меня не добьешься.

— Он... мой конь, — резко сказал Арес, и Кара его понимала. Ему было больно за животное, и страх за коня расшатывал его и так уже пошатнувшееся самообладание.

Она закроет глаза на его не особенно вежливое поведение. *Агимортус* закололо, и ее исцеляющий дар вырвался наружу. Ну уж нет. Только не это. Сосредоточившись, Кара обуздала его... она боролась так упорно, что кровь шумела в ушах, а дыхание обжигало горло. Раньше она могла контролировать свой дар, но, судя по всему, *агимортус* наделил его собственной волей. Она провела дрожащими пальцами по телу жеребца, исследуя, насколько серьезны повреждения. Конь тяжело задышал и взбрыкнул, и из раны у него на бедре вдруг фонтаном брызнула кровь.

— Твою мать! — Танатос попытался остановить кровотечение, но Кара его опередила, и его рука опустилась на ее.

Непроизвольно поток исцеляющей силы рванул вниз по ее руке в тело коня. Кровотечение тут же замедлилось, и прямо на глазах большая часть незначительных ран затянулась. Тан отпрянул от нее, и девушка качнулась назад, пораженная не меньше него. Ее способности никогда раньше не проявлялись с такой силой.

Во всяком случае, способность к исцелению. А способность убивать... об этом Каре думать не хотелось.

— Я... — Кара втянула воздух, давая себе собраться с мыслями.

Глаза Ареса сузились, что, должно быть, причиняло ему боль, учитывая порез, тянувшийся от середины лба до нижнего века левого глаза.

— Так вот почему цербер подарил тебе Адский поцелуй. Ты *исцелила* его. Ты не просто извлекла пулю. У тебя есть дар.

Танатос сверлил ее желтыми лазерами глаз:

— Ты — жрица тотема.

— Кто?

— Одна из тех, кто может говорить с животными. — В голосе Тана слышалось то, что

Кара могла назвать лишь благоговением. — Я воспитывался среди друидов, а они глубоко уважали жрецов и жриц тотемов. Сегодня люди называют их «животными экстрасенсами». Иногда они обладают силой исцеления. Ты можешь использовать свою силу не на животных?

О, она работает и не с животными, тут все в порядке.

Тщательно хранимые ею на протяжении двадцати шести лет секреты стали словно дымовой завесой в груди, и сейчас в самом центре, над сердцем, расползлся просвет. Она так долго отвергала свои способности, хотя и пользовалась ими. То, что у таких, как она, есть название, сделало ее дар реальным. Личным. У Кары перехватило горло, и она вскочила на ноги и попятилась.

— Кара? — Не отнимая руки от тела коня, Арес развернулся к девушке, пристально наблюдая за ней.

— Я не... Я не знаю, могу ли управлять этой силой. *Агимортус* делает ее более сильной и менее предсказуемой. — Она нервно сглотнула. — И еще у нее есть... темная сторона, которой я не понимаю.

Арес выругался. Скверно, грязно выругался.

— Мне наплевать, пусть даже она вылезла из задницы дьявола. Битве больно, он может умереть. Если ты можешь помочь ему, так помоги.

Конь тяжело дышал, и сердце девушки сжалось. Разве может она не попытаться? Спор с собой на эту тему был для нее не в новинку. Когда еще подростком Кара работала в ветеринарном кабинете отца, он умолял ее не пользоваться этой способностью, опасаясь, что ультраконсервативные жители города узнают об этом и незаслуженно заклеят его дочь. И был прав.

Он всегда боялся этого — она узнала только потому, что подслушала его разговор с мачехой.

— Однажды я убила с ее помощью. — Господи, ее живот свело от этих слов — слов, которые она еще никогда не произносила вслух.

— Человека?

Арес погладил Битву по плечу.

— Да.

— Хм, — Тан передвинулся, и она заметила опасного вида кинжал, заткнутый за голенище сапога. — В мое время об этом говорили редко. Того, кто использовал способности для убийства, избегали, как злого духа. Более того...

— Танатос... — предупреждающий тон брата заставил Танатоса умолкнуть. Арес повернулся к девушке. — Люди меня не волнуют. Выбирай. Помоги или уходи. У Битвы нет времени ждать окончания твоего нервного срыва.

Безжалостно. Но Арес прав, и это было то самое «ускорение», в котором так нуждалась Кара. Кивнув, она снова опустилась на колени возле Битвы, устроившись около его головы. Глаза коня опухли и кровоточили, и это выглядело гораздо хуже того, с чем ей приходилось иметь дело раньше.

— Привет, мальчик. Я тебе помогу. Ладно?

Девушка не знала, поймет ли конь слова, но эмоции животные обычно понимали.

Закрыв глаза, Кара открыла себя его мыслям. Они хлынули волной, взрывом тревоги за Ареса. Даже сейчас, весь израненный, конь беспокоился за своего хозяина.

Чувствуя, как на нее все смотрят, Кара собрала энергию воедино. Прохладный воздух от

потолочного вентилятора рассеивал жар, из-за которого Кара всегда, применяя свой дар, чувствовала себя так, словно сгорела на солнце, и она радовалась прохладе, проводя руками над телом Битвы. Волны исцеляющей энергии затягивали раны, но боль коня почти сразу перешла к ней. На лбу девушки выступили капли пота, дыхание стало затрудненным — девушка задыхалась в агонии.

Это длилось целую вечность. Кто-то позвал ее по имени. Голос был далеким — словно эхо в голове.

— *Кара!*

Девушка осторожно открыла глаза. Она лежала на полу, Арес сидел на корточках возле нее, держа ее за плечи. На лице у него была написана тревога. Он по-прежнему оставался одет в кожаные штаны и футболку, что были на нем до этого. Битва стоял рядом с ней, тыкаясь бархатистым носом ей в шею.

— Что произошло? — хрипло спросила она.

— Ты потеряла сознание. — Арес потрепал Битву по плечу, где коричневую шерсть, покрытую запекшейся кровью, разделял широкий шрам. — Ему определенно лучше. К завтрашнему дню шрамы исчезнут. А почему ты упала в обморок? Это нормально?

Кара не ответила, все еще пытаясь осмыслить произошедшее, и он осторожно встряхнул ее:

— Ответь мне.

Как требовательно. Она начинала понимать его манеру поведения: когда Арес волновался, злился из-за своего бессилия или сердился, то переходил на командный тон. Кара попыталась сесть, но стала заваливаться назад, и мускулистая рука Ареса скользнула ей за спину, не дав упасть. Он не сразу отнял руку от ее бедра.

— Я никогда раньше не падала в обморок, но Битва такой большой, а раны были очень серьезны.

Кара вздрогнула и опять чуть не упала — ей стало дурно. Арес снова подхватил ее и на этот раз не стал убирать руку. Благодарная за поддержку, девушка оперлась на него. Опираясь на кого-то было странно, но вместо того, чтобы почувствовать себя слабой, она ощутила себя в безопасности.

Танатос присел перед ней на корточки, опершись локтями о колени. Он снял пальто, оставшись в футболке, и теперь, когда она увидела его кожу... ничего себе. Замысловатые татуировки тянулись по рукам от кончиков пальцев и исчезали под рукавами футболки, а затем поднимались по шее к челюсти. Без доспехов Танатос выглядел более худощавым, чем Арес, но его тело было не менее мощным. Он был тигром, Арес — львом.

Когда он говорил, скорпион на его горле извивался, а его жало как будто вонзалось в яремную вену.

— Ты принимаешь на себя боль жертвы, когда лечишь, так?

Она кивнула, и Танатос коснулся ее щеки ладонью.

— А когда ты убиваешь? Наоборот? Ты этим наслаждаешься?

— Нет, — выдохнула Кара, отпрянув от него и дрожа всем телом. О боже, откуда он... Господи, он знает. Знает, что за таким ужасающим поступком, как убийство человека, таится... эйфория. Порыв силы столь порочной, что ее душа словно была постоянно избита.

Кара никогда не признавалась в этом даже себе. По-настоящему. До этой минуты.

— Хватит, — в голосе Ареса звучало недвусмысленное предупреждение. — Она только что спасла жизнь Битве. Сейчас не время для допроса. — Арес покровительственно прижал

ее к груди. — Не трогай ее больше, Тан.

— Я только хотел помочь, — Танатос поднялся на ноги и пошел прочь.

У Кары создалось впечатление, что он обиделся.

— Извини, — она уткнулась лбом в грудь Ареса. — Я не хотела ссорить тебя с братом.

— Это? — Арес медленно поглаживал ее по спине. — Это ничего. Расслабься.

С каждым неторопливым движением его руки напряжение все больше спадало, и она запихнула вопрос Танатоса в «запертый ящик», где так долго держала и неприглядную правду.

— Есть хочешь? — В животе у нее заурчало, и Арес хмыкнул.

Ха. Спаси человеку лошадь, и он станет просто душкой. Надо будет запомнить на случай, когда она в следующий раз столкнется с бессмертным воином. Который читает ее мысли.

— погоди. — Кара отстранилась, чтобы взглянуть на него. — Ты же бессмертный... разве тебе нужно есть?

— Да. И спать. Я не умру от нехватки еды или сна, но мы с Битвой можем ослабнуть или впасть в ярость. — Арес нахмурился. — Кстати говоря...

Его пальцы поймали край футболки и потянули вверх, оголяя живот.

— Эй! — Девушка схватила его за запястья, прежде чем он обнажил и многое другое. — Что ты делаешь?

— Проверяю *агимортус*. Помнишь, я говорил, что со временем он будет бледнеть?

Верно. По сути это песочные часы. Большой тяжелый комок страха шмякнулся Каре в живот, и ей внезапно расхотелось есть.

— Я сама. — Ее рука дрожала, когда она взялась за вырез и оттянула его. Но не смогла пересилить себя и посмотреть вниз.

Арес понял это, и очень осторожно, словно ее рука была калибры, отцепил ее пальцы. Прикосновение костяшек его пальцев к коже, когда он взялся за вырез, было едва заметным, но заставило ее сердце биться быстрее, а когда груди коснулся холодный воздух, пульс вышел из-под контроля от тревоги и волнения.

Арес долго не смотрел на метку. Напряженные черные глаза, от которых у Кары перехватывало дыхание, не отрывались от ее лица. Его губы приоткрылись, совсем чуть-чуть, и она гадала, что он сделает, если она подастся вперед и поцелует его.

Внезапно он опустил взгляд. Резкий вдох был единственным звуком в комнате. Затих даже фыркавший на заднем плане Битва. Веки Ареса потяжелели, ноздри раздувались.

— Ты великолепна, — его голос был низким, хриплым, и Кара напрочь забыла о знаке, который вел обратный отсчет до ее смерти.

Арес отпустил футболку и очень осторожно поднял девушку. В его объятиях она ощутила себя маленькой, женственной и защищенной. Да, Арес обязан был сохранить ей жизнь, но все это время он делал это ради *агимортуса*, а не *ее самой*. Теперь же она ощущала, что в нем что-то изменилось, словно он внезапно увидел в ней личность, а не только метку на груди.

Битва шагнул вперед и прижался лбом ко лбу девушки.

— Ты произвела на него чертовски сильное впечатление. — Голос Ареса по-прежнему звучал хрипло. — Битва ненавидит всех. — Он оттеснил коня плечом. — Оставь ее в покое, большой болван.

— Куда ты меня несешь?

Направляясь к выходу из комнаты, Арес не удостоил Кару даже взглядом.

— В постель.

То, как напряглась Кара, когда Арес объявил о своем намерении, было как забавно, так и оскорбительно. Он собирался просто уложить ее в кровать, а не спать с ней. Не то чтобы он не хотел этого. Стычка с Мором ослабила напряжение, но желание войти в женскую плоть по-прежнему горело, словно пропитанный смолой факел.

Кара в его объятиях была не просто *каким-то* женским телом. Он хотел эту человеческую женщину еще сильнее, чем раньше. Тем, что Кара сделала ради Битвы, зная, чем это грозит ей самой, после всего, что она пережила в последнее время, девушка заслужила его благодарность и уважение. Ее знакомство с его миром вышло ужасным, но после такого сомнительного начала она сумела взять себя в руки.

Многие ли смогут принять столько, сколько она, за такое короткое время? Черт, Аресу потребовались десятилетия, чтобы осознать всю реальность сверхъестественного мира.

Впрочем, было ясно, что Кара знакома с этим миром не так плохо, как ей самой хотелось бы верить. Она явно уже давно пользовалась силой, которой обладала, и у нее были отдаленные представления, пусть и глубоко похороненные, о том, что в жизни есть нечто большее, нежели то, о чем известно подавляющему большинству людей. Теперь, когда Битва оказался вне опасности, Аресу стало любопытно, что за человека убила Кара.

Но сейчас он не мог спросить ее об этом. Девушка была слишком слаба после лечения коня, а ей еще предстояло узнать, что *агимортус* побледнел. Совсем чуть-чуть, но каждое изменение становилось очередной лопатой земли, брошенной в могилу.

Арес не выдал своих мыслей, позволив себе полюбоваться ее безупречной грудью, безукоризненной кожей, узкой талией, и в мгновение ока почувствовал болезненную перемену в своих эмоциях. Этого не должно было случиться — он давным-давно отучил себя от нежных чувств. Но что-то в этой девушке послало к черту все его инстинкты. С одной стороны, ему это нравилось, с другой — заставляло проклинать все на свете.

Заботиться о ней глупо. Она либо скоро умрет, либо передаст *агимортус*... и все равно умрет. Если Мор узнает, что Арес хоть немного волнуется за Кару, то убьет ее лишь для того, чтобы причинить ему боль. Кроме того, если даже просто находиться рядом с ней означает истощать свои силы и ощущения, то что будет во время секса?

— Не волнуйся, — сказал Арес. — Я только подоткну тебе одеяло. — Нахмурившись, он посмотрел на ее окровавленные руки и ноги. — Ты испачкала мою футболку.

Кара фыркнула:

— Кровью *твоего* коня.

— Я тебе благодарен. И, полагаю, ты завоевала сердце Битвы, — добавил он с иронией.

От слабой улыбки девушки его сердце пропустило удар. Бледная и изнуренная, она по-прежнему была красива, а ее вес приятно ощущался в его объятиях.

Когда Арес бережно усадил ее на кровать, в его груди поднялась волна неистового восторга. Ведь он может восхищаться ею, не заботясь о ней, верно? Но то, как он сорвался на Танатоса, велел никогда больше к ней не прикасаться, не имело ничего общего с восхищением. Он не мог видеть, как Тан прикасается к ней. Аресу, который никогда в жизни не ревновал, захотелось разорвать на части собственного брата.

Да, эта женщина — настоящий ад для его чувств.

— Хочешь помыться? — спросил он, стремясь скорее устроить ее и убраться отсюда.

Кара почти замурлыкала:

— Я ни за что не упущу возможности воспользоваться твоим потрясающим душем.

— Можешь пользоваться им, когда захочешь, — сказал Арес хрипло — он представил Кару в душе. Обнаженную. В мыльной пене, стекающей по груди, животу, бедрам... к укромному местечку между ними.

— Не говори так. Я могла бы переселиться туда. — И снова от ее улыбки у него внутри творилось нечто странное. И снаружи тоже. Плохо. — И мне нравится, когда ты улыбаешься. Ты ведь нечасто это делаешь, да?

Аресу не понравилось, что она догадалась, хотя для того, чтобы заметить это, особой гениальности не требовалось.

— С тех пор, как я узнал, что я не человек, у меня было не слишком много причин для смеха, — сказал он просто. Да и до этого Арес обычно был серьезен, расслабляясь только со своими сыновьями и братом.

— Это случилось давно?

— Пять тысяч лет назад. Плюс-минус пара веков.

Глаза Кары расширились, дав ему еще один редкий повод для смеха.

— Ты выглядишь не старше двадцати девяти.

— Веду здоровый образ жизни, — ответил он беззаботно, потому что, как ни странно, этот разговор был самым нормальным из того, что с ним случилось, за целую вечность. Обычно женщинам нужно было от него только одно, и это была не беседа. А когда они все же разговаривали, то либо пели ему дифирамбы, соревнуясь в «конкурсе подлиз», либо хотели послушать о его подвигах. *Он сам* их не интересовал.

— Тогда запиши и меня в свой клуб, — Кара передвинулась на кровати. — Почему нет подушек?

— Комфорт делает мужчину слабым.

— Хм. По-моему, комфорт сделает мужчину счастливым. Тебе не мешало бы попробовать.

Она поддразнивала его, и он испытывал очень странную эйфорию. Ему было хорошо — как после бутылки «Джек Дэниэлс»^[79], но без потери ясности сознания.

— То есть все, чего мне не хватает в жизни, — это подушка?

— Вряд ли, — Кара похлопала по матрасу. — Еще ты мог бы сменить кровать на более мягкую.

Не дав ему времени на ответ — впрочем, он и не знал, что сказать женщине, решившей вдруг занять его спальню, — она жестом указала на комод:

— Можно взять у тебя еще одну футболку?

Черт, да, ему хотелось, чтобы она носила его вещи. Было что-то невероятно сексуальное в Каре, закутанной в его одежду. Но ей необходимо нечто большее, чем его огромного размера футболки и спортивные штаны, которые, пожалуй, придется приматывать к ее талии скотчем.

— Пока ты будешь мыться, я принесу кое-какие вещи из твоего дома.

— Спасибо. — Кара встала, покачнулась и плюхнулась обратно на кровать. — Немного кружится голова.

Арес редко чувствовал себя виноватым, но сейчас вина, словно незванный сосед, прочно

поселилась в нем. *Она* вела себя примерно так же.

— Не ходи в душ. Я принесу теплой воды и мочалку.

— И оботрешь меня губкой? — Кара одарила его взглядом, в котором читалось «ага, как же». — Ну уж нет. Если у меня снова закружится голова, в ванной полно мест, куда можно присесть.

Половина ванной действительно была оборудована скамейками с подогревом, вделанными в мрамор. Арес иногда пускал пар, включал стерео и сидел там часами. Кара с легкостью сможет мыться сидя. Этот образ не замедлил появиться у него в голове.

До чего же прекрасна была эта картина. Просто-таки чертов шедевр.

Арес протянул руку:

— Я хочу убедиться, что ты добралась до ванной.

Кара закатила глаза, но позволила ему поставить себя на ноги и не протестовала, когда он, поддерживая, обхватил ее за плечи. По своей природе Арес не склонен был за кем-то ухаживать, но забота о Каре дарила ему чувство удовлетворения. Он не оказывался в этой роли с тех пор, как взял к себе Вулгрима несколько сотен лет назад, но даже тогда он был скорее защитником, а потом — учителем. Он не собирался создавать семью — забота о Вулгриме была своего рода стратегическим ходом, он хотел получить союзника среди демонов. Но Вулгрим и его сын Торрент вплели свою нить в ткань одинокой жизни Ареса, и иногда он задавался вопросом, какую цену ему придется за это заплатить.

Прогнав бесполезные мысли о прошлом, Арес пустил воду для Кары.

— Если захочешь включить музыку или добавить пара, панель управления справа.

— Может, у тебя здесь и холодильник с микроволновкой есть?

— Я думал об этом, но не смог придумать, как изолировать электронику, — отшутился Арес. Надо же, ему это совершенно несвойственно. Может, одна из летучих мышей задела ему мозг? — Оставляю тебя одну.

На то, чтобы войти в дом Кары и выйти оттуда с подушкой и полной сумкой одежды и туалетных принадлежностей, которые лежали на полке у нее в ванной, ушло меньше десяти минут.

Пока Арес возвращался в Грецию, его разумом владела лишь одна мысль: *она носит шортики от «Виктория 'с Секрет»*^[80].

Он с легкостью мог представить себе ее роскошные формы, обтянутые сексуальным нижним бельем. Да, стринги, кружевные трусики и прочая хрень были хороши, но почему-то на него действовало именно сочетание в шортиках мужского и женского. Действовало *по-настоящему*.

Аресу хотелось снова держать ее в объятиях и скользить руками вниз по спине, под резинку шортиков, обхватывая упругую попку... и, черт, он заиклился на долбанных *трусах*.

Чувствуя себя вебстеровским^[81] неудачником, он прошел через весь дом и остановился перед дверью спальни. С его сердцем снова происходило что-то странное — волнующий трепет предвкушения. Он что, в самом деле ждет встречи с Карой? Его губы расплылись в дурацкой улыбке, говорившей «да», и — вот ужас — Арес осознал, что теряет из-за нее голову.

Ему нужно кого-нибудь убить. Нужно проветрить голову в сражении, снова найти цель и перейти в наступление, потому что сейчас он ведет себя в точности так, как те мужчины, которых он раньше критиковал. Черт, да он же сам нанимал женщин, чтобы те соблазняли вражеских командиров, а затем просто ждал, когда их собственные члены отвлекут их, а

затем и уничтожат.

Кара, должно быть, — его величайшая карма.

К счастью, из ванной все еще слышался шум воды, поэтому Арес без опаски вошел в спальню и бросил подушку и сумку на кровать. Он направился к двери, но замер, услышав глухой удар и слабый вскрик.

— Кара? — Не успело ее имя сорваться с его губ, как он уже был на середине комнаты. Уровень адреналина подскочил, воинские инстинкты обострились, и он ворвался в ванную, готовый устранить угрозу.

Распахнув дверь в душевую, Арес увидел, как Кара пытается подняться на четвереньки.

— Что случилось? — рявкнул он. Страх сделал его голос грубым, и он беззвучно выругал себя за это. Ничто не должно пугать его так сильно.

Перепугавшись, Кара завизжала не хуже баньши^[82] — Арес отлично знал, как звучит их вопль, — и попыталась прикрыться. Но ее усилия были напрасны — увиденное сохранилось на его «карте памяти» и отметилось как «избранное».

На Ареса из многочисленных душевых насадок лилась горячая вода, но ему было наплевать. Он присел на корточки, чтобы помочь девушке.

— Кара! — Голос Ареса надломился — словно хлыст щелкнул по плитке. — Что случилось?

— Ничего, — подтянув колени к груди, она обхватила их руками и прижалась к стене. — Я поскользнулась.

— Что? Ты поскользнулась на мыле? — Кара была слишком бледна, под глазами — темные круги, и ее отговорка ничуть его не убедила. — Чушь собачья.

— Не разговаривай так со мной, — огрызнулась она.

— Тогда скажи правду, — парировал он. — Ты упала в обморок.

Ее глаза потемнели, словно вода у берега после шторма.

— Я не падала в обморок. Я просто чувствую себя такой... слабой.

— Это уже не просто побочный эффект от исцеления Битвы, так ведь?

— Не знаю. Раньше я не чувствовала ничего подобного. Это из-за *агиморбиды*?

— *Агимортуса*, — поправил Арес, уже заподозрив, что она намеренно коверкает это слово, чтобы позлить его, поскольку раньше она произносила его правильно. А он счел это очаровательным. *Очаровательным*. Уму непостижимо. — Скорее всего. Либо Эгида причинила вред церберу.

— Хэлу, — сказала она. Шторм в ее глазах вновь набирал силу. — Его зовут Хэл.

— Да без разницы. — Идея дать церберу кличку, словно какой-то гламурной собачонке, чертовски бесила Ареса. — Давай достанем тебя отсюда.

— Сначала мне надо ополоснуться. — Кара провела пальцами по волосам. Это движение обнажило округлости груди и глубокую ложбинку между ними, и у Ареса, несмотря на сильную влажность, пересохло во рту. — Тут еще полно шампуня.

— Я помогу.

— Сама справлюсь. — Девушка передвинулась, сверкнув дразнящими темно-золотистыми завитками в развилке бедер, и о, черт, лучше бы он этого не видел. Как и отпечаток *агимортуса* на ее груди, но он, по крайней мере, немного охладил его пыл.

— Это не обсуждается. Я не могу позволить тебе упасть и сломать шею. — Арес скрипнул зубами, заметив ужас на ее лице. — Мне уже много лет, и женское тело я видел миллион раз. Не будь ребенком.

— Ну, а мне еще *мало* лет, чтобы успеть показать это миллион раз. Так что не будь задницей.

Невозможная женщина.

— Если я тоже разденусь, тебе от этого станет легче?

Арес снял промокшую рубашку и начал расстегивать брюки.

— Нет! — Кара схватила его за запястье. — Так нормально, правда.

Арес осторожно поднял ее на ноги. Она выглядела как загнанная в угол кошка. Боже, ее кожа мягкая. Гладкая. Ее тело... да, предполагалось, что он не будет смотреть, но черт побери, она сложена как женщины его времени... его человеческого времени. Они были пышными, с формами, говорившими о плодovitости, созданными для удовлетворения страсти воина и вынашивания его потомства.

От этой мысли его член затвердел. Так, пора охладиться.

— Я могу стоять без... — Ноги у Кары подкосились, и он подхватил ее, прижав к себе. — Или нет.

Одной рукой он обхватил девушку за талию, так что ее груди оказались прижаты к его торсу, а живот — к восставшему члену.

По вспыхнувшему лицу Кары он понял, что она заметила его состояние. А по тому, как потемнели ее глаза, — что ей это нравится.

Пожалуй, в более странное положение Каре попадать еще не приходилось. Если не считать того, что она связана с цербером, носит на себе печать мистического символа, делавшего ее мишенью для наемных убийц, и мгновенно переместилась из Англии в Грецию.

А теперь она, голая, оказалась зажата в душе ходячей, говорящей легендой. И у этой легенды была эрекция. Кара где-то читала, что у обычных здоровых мужчин происходит до двадцати эрекций в день. Гм... да, Арес определенно был здоров.

— Можно побыстрее? — Девушка постаралась придвинуться к нему поближе. Потому что, чем ближе она стояла, тем меньше ее тела мог видеть Арес.

Не то чтобы ей не нравилось быть прижатой к нему. Всадник, казалось, весь состоял из твердокаменных мускулов, и, находясь так близко, Кара не могла не касаться его кожи. Боже, ей хотелось слизнуть капельки воды, блестящие на его могучих плечах.

— Запрокинь голову. — Команда прозвучала грубо, как приказ. Но прикосновение было нежным.

— Сколько раз повторять: я не люблю, когда мне приказывают, — вздохнула она.

Арес приподнял ее лицо, взяв за подбородок. Взгляд мужчины был загадочным, непроницаемым. Кара подумала, что Арес собирается что-то сказать, но вместо этого он наклонил ее голову под струю воды. Его ладонь ласково прошлась по лбу и коже головы. Движения были осторожными, бережными, точно он боялся, что прикосновением причинит боль. В каком-то смысле он действительно причинял. Ее сердце колотилось бешено, почти болезненно — никто никогда не проявлял такой заботы о ней.

И как может быть таким нежным тот, кто настолько спокойно убивает, кто совершил то, что показал ей Хаос?

Пальцы Ареса длинными, успокаивающими движениями расчесывали ее волосы. Постепенно веки девушки отяжелели, и она закрыла глаза. Ее мышцы расслабились, и она повисла на нем. Прикосновения Всадника были очень умиротворяющими, но кровь стучала у нее в ушах и быстрее бежала по жилам. Печать на груди начало покалывать. А между ног становилось всё жарче.

Арес не торопился ополаскивать ей волосы.

— Там, должно быть, еще полно шампуня, — пробормотала Кара.

— Ну да, — согласился он. Ей показалось, или его голос слегка прерывается? — Я очень внимателен к таким вещам.

— М-м-м.

Арес поднес ладонь к щеке девушки, чтобы стереть воду.

— Тебя нужно помыть где-нибудь еще?

Ее глаза распахнулись. «Нет» уже готово было сорваться с губ, но она не издала ни звука. Он так на нее смотрел... на этот раз выражение его лица читалось легко, точно написанная крупным шрифтом книга. В глазах мужчины горело желание. Кара оказалась в плену его пристального взгляда и почувствовала почти болезненный прилив растущего предвкушения.

Она облизнула губы, и Арес опустил глаза, проследив взглядом движение языка. Мысленно она умоляла не целовать ее. Однако запрокинула голову и приподнялась на

цыпочках, удивившись, что ноги больше не дрожат.

— Это глупо, — прошептал Арес, медленно наклоняясь к ней, пока она не ощутила на губах его горячее дыхание. Она могла бы отпрянуть. *Лучше было отпрянуть.* Но впервые за долгое время Кара почувствовала себя полностью в безопасности. Что за бред: она чувствовала себя в безопасности в объятиях мужчины, который мог пришибить ее одной левой, который внушал ужас всему миру!

Да, но когда он наконец поцеловал ее, его губы оказались такими мягкими! Сначала он просто легонько дотрагивался до ее рта. И от каждого касания по телу девушки распространялась дрожь возбуждения. Усталость, давившая на Кару, прошла. Ей казалось, что она способна пробежать марафон. Черт возьми, пульс зашкаливал так, словно она уже его пробежала.

Арес сильнее прижался к ее губам, то легонько целуя и покусывая их, то успокаивающе поглаживая языком, пока девушка не застонала. Этот отчаянный стон будто разрушил все запреты, и Арес перешел к более решительным действиям. Его язык жестче надавил на губы Кары, требуя, чтобы она раскрыла их. Боже, никто никогда не целовал ее так, как он — так властно, что она без колебаний открылась ему. Он тут же углубил поцелуй. Их языки встретились и переплелись. Всадник запустил одну руку в ее волосы, а второй обвил талию и притянул Кару еще ближе. Она тесно прильнула к нему и ухватилась за его плечи.

Резким движением Арес прижал ее к стене. Его поцелуй стал жестче. Он ласкал и посасывал губы девушки, и его дыхание стало таким же прерывистым, как и ее. Он опустил руку ей на бедро и поставил ее правую ногу на скамью, позволив женскому естеству прикоснуться к его возбужденной плоти. Оба застонали.

В этом положении вода лилась прямо на шею и спину Ареса. Ручейки сбегали по его плечам и превращались в реки в глубоких впадинах мускулов. Он был прекрасен, совершенен, а то, как его плоть вздымалась перед ней, демонстрируя самую главную мужскую реакцию, заставляло ее мурлыкать от чисто женского удовольствия.

Арес провел рукой вверх по ее бедру, задержался на ягодицах, и — о, да! — это было приятно. Другая его рука плавно скользнула к ее груди; подушечкой большого пальца Арес поглаживал сосок. Он продолжал целовать Кару, слегка касаясь языком ее языка, а эти мучительно приятные легкие покусывания за нижнюю губу поднимали ее на заоблачные высоты.

Девушка прижалась к его твердой плоти, растворившись во влажном паре душевой, в жаре его поцелуя, в блаженстве от его прикосновений. Она до того погрузилась в чувственное удовольствие, что откинула голову, позволив Аресу проложить дорожку поцелуев вдоль шеи. Когда рука мужчины оставила ее грудь и скользнула ниже, Кара медленно провела ладонями вверх по его спине, наслаждаясь ощущением тугих мышц.

— Кара. — Ее кожи коснулось горячее дыхание Ареса, от звука его голоса по телу прокатилась волна возбуждения.

— М-м-м?

Рука мужчины остановилась.

— У тебя идет кровь?

Ее затуманенному желанием разуму понадобилась минута, чтобы осознать, что он сказал.

— Я не ранена...

— Это не ранение. — Пальцы мужчины скользнули по ее промежности. — Женское

кровотечение.

Лицо Кары стало горячее, чем пар вокруг них.

— И что? — Бывший парень раз в месяц брезговал ею — он ни за что не прикоснулся бы к ней во время месячных и еще несколько дней после, точно она была заразной. — Тебе противно?

Уголки его припухших от поцелуев губ опустились.

— В женском месячном цикле нет ничего противного, и кровь меня никогда не беспокоила. Я спросил потому, что у тебя на тумбочке были тампоны. Я принес их.

Щеки у него порозовели. Он отвел взгляд и очень мило смутился.

— Почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

— Потому что я хочу тебя. — Его пальцы легонько, нерешительно касались половых губ. — Но не знаю — вдруг эти женские дела будут помехой. Вдруг тебе будет больно.

Кара молчала. В ней боролись желание, застенчивость и приятное удивление тому, что он так неопытен в этом вопросе. Не произнеся ни слова, она положила руку поверх его руки. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, она прижала его пальцы себе между ног.

На мгновение мужчина остолбенел, а потом закрыл глаза и стал ласкать ее. Кара снова запрокинула голову. Она выгнулась навстречу, позволяя ему всё больше. Медленные, легкие движения стали жестче, и, когда он ввел в нее палец, по жилам у девушки словно пробежал ток. Большим пальцем Арес стал поглаживать клитор, и Кара начала задыхаться и неосознанно двигать бедрами, желая подсказать нужный ритм.

Когда вторая рука Ареса легла ей на грудь, Кара вздрогнула от двойных ощущений.

— Вот так. — Голос его был резким и гортанным. — О боже, ты прекрасна!

О да, она могла кончить лишь от его слов. Она чувствовала на себе его взгляд и боялась открыть глаза, чтобы не потерять это фантастическое ощущение. Сейчас Кара была далека от реальности и хотела оказаться в раю хотя бы на несколько украденных мгновений.

Вдруг она поняла: это и есть рай. Она на греческом острове посреди кристально чистого голубого моря, в королевском душе, с могучим мужчиной — олицетворением настоящего самца. И это понимание, столь же сексуальное для мозга, как и возбуждающие движения пальцев Ареса для тела, потрясло ее.

Вход во влагалище увлажнился, и Арес с грудным возгласом погрузил внутрь два пальца. Его движения сначала были нежными, потом стали жестче. Он ласкал местечко глубоко внутри ее женского естества, и это заставляло девушку двигаться навстречу его руке.

— Давай же, — застонала она, дрожа, готовая взорваться.

— Скажи «пожалуйста». — Его палец кружил вокруг клитора, касаясь его ровно настолько, чтобы держать Кару в напряжении. Оргазм свернулся внутри нее в тугую пружину, готовую распрямиться в тот момент, когда Арес коснется нужного места... которое, похоже, было ему известно. Его пытка была мастерской — то, как он держал ее балансирующей на грани.

— Отдайся мне. Скажи это.

Женщины всегда мне отдаются.

Кара вспомнила высокомерные слова Ареса и подумала, что, учитывая происходящее, его самонадеянность оправданна. Она сделает то, что он хочет, но только потому, что он это заслужил. И еще потому, что лучший оргазм в ее жизни зависел всего от одного слова.

— Пожалуйста!

Крик вырвался у нее невольно, и корить себя за него она будет потом. Оргазм пронзил

ее, заставив содрогнуться от наслаждения, настолько сильного, что пол ушел из-под ног, и всё, что она чувствовала, это иступленный восторг и жесткое тело удерживавшего ее Ареса. Его пальцы двигались внутри нее, и, когда она уже успокоилась, он сделал большим пальцем неуловимое и невыразимо приятное движение, чем завел ее снова.

— Да, — выдохнула Кара. — О... *боже*.

Оргазм всё продолжался. И где только Арес научился так его затягивать? Нет, на самом деле она не хотела знать...

Его щека коснулась ее, когда он наклонил голову и шепнул ей на ухо:

— Сколько времени прошло с тех пор, как тобой последний раз владел мужчина?

Вопрос ошеломил ее. Каре пришлось повторить его у себя в голове еще пару раз, но она всё равно не поняла.

— Владел мной?

— Трахал тебя.

Ох!

Ее щеки вспыхнули, и она заморгала.

— Меня никогда не трахали, как ты деликатно выразился. — Кара всё еще не могла дышать ровно. Его грубые слова должны были бы вызвать у нее отвращение, но от них всего лишь перехватило дыхание. — Я занималась любовью. И это было больше двух лет назад.

— *Занималась любовью*. — Его пальцы продолжали ласкать ее. Арес насмешливо вскинул бровь, и блаженство после оргазма сменилось раздражением.

— Вовсе незачем насмехаться надо мной только потому, что я не такая, как ты.

Кара пару раз вздохнула, отчаянно нуждаясь в кислороде.

Пальцы Ареса прекратили свою чудесную игру:

— Как я?

— Ты — не человек. Твоя мать... суккуб. — Кара немного запнулась на этих словах, потому что обычно такое не говорят всерьез. — А насилие и убийство возбуждают тебя.

Она снова запнулась, но уже по другой причине. *А как насчет того, когда убиваешь ты сама? Разве ты не чувствовала наслаждение?* Она ничем не отличалась от Ареса. Задрожав от отвращения, Кара упала бы, если бы мужчина не поддержал ее.

Насмешливость исчезла. Теперь его взгляд был холодным и хмурым.

— Прошу прощения, что подверг твою чистую, отрицающую насилие душу своей отвратительной похоти. Спасибо, что привела меня в чувство.

Кара дернулась, точно от удара... не из-за самих его слов, а из-за того, чем они были вызваны. Она причинила ему боль. Почему-то мысль о том, что ему можно причинить боль, никогда не приходила ей в голову. Ведь он... Война. Конечно, она видела его уязвимость — после того, как исчез Хаос и когда был ранен Битва, но это было другое.

Злясь на себя за то, что не сумела заглянуть за его броню, она погладила его по щеке:

— Я не осуждаю...

— Нет, — прорычал он, уклонившись от ее прикосновения, — осуждаешь. Дай угадаю, ты всегда вся такая святая. Милая и ангельская. *Человек*. — Последнее слово он почти выплюнул. — А я? Я демон без всякой морали.

— Я этого не говорила. И я вовсе не святая, — пробормотала она, хотя отчасти такой и была. Но только потому, что оба ее возлюбленных не были такими «любителями приключений».

— Нет?

— Нет.

Этого говорить не следовало. В глазах Ареса вспыхнул озорной огонек, точно говоривший «я-докажу-тебе-что-ты-ошибаешься». Мужчина прильнул к уху Кары, и от его шепота по телу девушки вновь пробежали мурашки.

— Ты когда-нибудь занималась любовью, стоя на четвереньках? Тебя брали сзади? В душе, когда ты опираешься о стену, а мужчина вонзается в тебя сзади, и ты скользишь по плитке вверх-вниз? — Он прижал зубами мочку ее уха, и Кара со стоном выгнулась дугой ему навстречу. — Или ты сидишь на скамье, а он стоит на коленях и вылизывает тебя между ног? А может быть, ты сверху, сосешь его член, а он лижет тебя? Кара, ты когда-нибудь использовала мед? Горячий воск? Хлыст?

В голове у Кары замелькали эротические сцены. Дыхание у нее перехватило, голова кружилась, и она ничего не смогла ответить.

— Думаю, что нет.

Арес выключил воду, схватил со стойки с подогревом полотенце, закутал девушку, не дав ей воспротивиться, и повел в спальню.

У самой кровати она остановила его.

— Подожди. Я не понимаю. Зачем ты спрашивал меня обо всем этом, если не собираешься... ну, ты понял.

— Трахнуть тебя? — Глубоко в груди Ареса зарокотал смех. Кара только что заметила, что грудь у него гладкая и безволосая... так и хочется лизнуть. — Так вот чего ты на самом деле хочешь?

Да.

— Конечно, нет.

И правда, нет. Всё это уже зашло слишком далеко. Хватит с нее и тех проблем, что уже появились. Последнее, что Каре сейчас нужно, так это кем-нибудь увлечься. Особенно бессмертным полудемоном, брат которого хочет ее убить.

— Конечно, нет, — с горечью повторил Арес. — Ладно, неважно. Тебе всё равно не хватит сил, чтобы справиться с тем, что мне пришлось бы тебе предложить.

Опять он о ее слабости.

— Ты меня не знаешь. Ты не знаешь, на что я способна.

— Зато знаю, на что способен я. — Арес сорвал покрывало и подтолкнул девушку к кровати. — Ты была права, Кара. Я демон. В жизни я никогда не знал ничего, кроме боя. Битва, секс — для меня это одно и то же. Я трахаюсь, будто сражаюсь, пока мой партнер не взмолится о пощаде. Поверь мне, ты не захочешь в этом участвовать. Мне не стоило думать иначе. — Его руки легли на плечи девушки, и он толкнул ее на матрас. — Спи. Ищи свою собачонку.

Кара свирепо уставилась на него, потрясенная отказом, сама не зная почему. Она не хотела его. Единственное, чего ей хотелось, — это вернуть свою жизнь.

И ты хочешь вернуть ту жизнь... зачем?

Потому что в своей прежней жизни Кара могла рисковать остаться бездомной, но не умирала. Ее не преследовали демоны и зловещие легенды. Не было никаких сексуальных мужчин, доводящих ее до оргазма у себя в душевых.

Обескураженная тем, куда занесло ее мысли, она дернула на себя покрывало, повернулась на бок и уткнулась лицом в податливую мягкость подушки. Ее гнев утих, сменившись смущением.

— Ты принес мне подушку.

Арес непринужденно пожал плечами, но щеки у него порозовели.

— Тебе должно быть удобно, когда ты спишь. Чтобы найти гончую, — быстро добавил он и едва ли не бегом устремился к выходу.

Он смущался, когда делал что-то хорошее.

Кара смотрела ему вслед. На сердце у нее было беспокойно. Арес — суровый человек... ничего другого от древнего воина она и не ожидала. Но она видела, как он ухаживает за своим конем, за козленком. Ощущала его нежные прикосновения, чувствовала себя в безопасности рядом с ним. А еще он даже позаботился принести для нее подушку.

Почему же это всё так ее беспокоит? Ведь то, что Арес — не просто хладнокровная машина для убийства, должно только обрадовать ее.

Потому что ты не хочешь, чтобы он тебе нравился. Все, кого ты любишь, сторонятся тебя. Если Арес способен позаботиться о ней, он причинит ей боль, как и ее бывший. Как ее семья, которая, пусть и не намеренно, обращалась с Карой так, будто та была чужой.

Клеймо, которое в присутствии Ареса всегда пощипывало, успокоилось, точно подтвердив ее мысли. Кара рассеянно опустила глаза... и подавила крик. Клеймо уже не было ядовито-малиновым. Оно было цвета увядающей розы.

Первым побуждением было вскочить с постели, одеться и потребовать, чтобы Арес допустил ее к библиотеке и компьютеру. Потом девушке захотелось свернуться в комочек и зарыдать. Потом?.. После того нападения два года назад определенно что-то изменилось.

Черта с два! Кара спустила ноги с кровати и схватила рюкзак с одеждой. Может быть, она и дала клятву никогда больше не убивать, но вот клятвы поставить крест на своей жизни она не давала. Она будет жить.

Когда Мор еще был Ресефом, он обычно избегал Шеула. Он спускался в царство демонов потусоваться в «Четырех Всадниках», но в остальном там было тоскливо. Ресеф любил вечеринки, отдых и серфинг. Если где-то пульсировал адреналин, мурлыкали девочки и рекой лился алкоголь, то и он тоже там был.

Ресеф всегда был настоящим очаровашкой.

Мор дотронулся языком до острого клыка, переступив порог своего шеульского подземелья... которое на самом деле находилось вовсе не в Шеуле и в общем-то даже не было подземельем. Когда его Печать сломали, Мор обрел совершенно особенную способность. Он мог превращать территории человеческого мира в земли ада. Теперь демоны, которые до того не могли покинуть Шеул, способны были попасть в человеческий мир через подвал присвоенного Мором поместья в Австрии и насладиться недоступной им раньше роскошью, в том числе и возможностью мучить людей.

И они превратили этот подвал в Диснейленд пыток и страдания.

Ресеф ужаснулся бы. Мор же был в экстазе.

Стоны и крики боли сливались с хохотом и удовлетворенным ворчанием. Ноздри Мора дразнил аппетитный запах крови и похоти, мешавшийся со смрадом смерти, кишок и обуглившихся костей и плоти. Всевозможные земные и демонические твари свисали с множества крюков и цепей на стенах и потолке. Вокруг сновали разные демоны. Одни играли, другие выполняли приказы Мора.

Чтобы начать Апокалипсис, понадобится гораздо больше, чем он мог предположить.

Мора заметил грациозный, похожий на эльфа демон с булавой с шипами, пересекавший зал. Мордиин, нитульский работорговец, был правой рукой Мора. Жестокость и сверхъестественная способность находить Падших ангелов делала его незаменимым.

Мордиин обнаружил двоих Непадших, и сейчас они были прикованы в этом подвале. Работорговец нашел их, когда они странствовали по человеческому миру, занимаясь своими делами, а Мор их схватил. Вместо того чтобы уничтожить этих Непадших — он всегда так поступал, не давая *агимортусу* Ареса перемещаться, — Мор притащил их сюда.

О, их в любом случае ждет смерть. Но пока у него были на них особые планы.

— Милорд, — обратился к нему Мордиин. — Мы уничтожили еще четверых церберов.

— Хорошая работа. Только вот нескольким тысячам что, позволили уйти?

Мор ненавидел этих проклятых созданий. Церберы оставались единственным оружием, которое можно было использовать против него, и он хотел, чтобы они просто исчезли. Даже Хаос, которого Мор уговорил сотрудничать. Однажды эта собачонка сделала Ареса недвижимым, и Мор собирался его убить. В конце концов, обман — часть зла.

— У нас большие потери, — сообщил Мордиин. — Мы потеряли нескольких хороших бойцов — больше, чем когда брали в плен Падших ангелов.

Мор в ответ фыркнул. Демонов было пруд пруди.

— Продолжайте убивать церберов, но одного захватите живым. И доложите о выполнении остальных приказов.

Мордиин склонил голову, и его белокурые волосы упали вперед, зацепившись за остроконечные уши.

— Ваше послание готово. Сооружение закончено и готово к отправке.

Превосходно. Двое Непадших станут Аресу памятным подарком.

— А эгидовец?

Мордиин жестом указал на окровавленного человека, привязанного к столу.

— Этот ничего не знает, как и остальные. Он слишком низкого ранга и не располагает сколь-нибудь полезной информацией.

Наклонив голову, Мор разглядывал человека, рот которого был раскрыт в беззвучном крике. Один из бесов истязал его раскаленной кочергой.

— Почему я не слышу его страданий?

Мордиин пожал плечами.

— Он так вопил, что голосовые связки не выдержали.

Интересно.

— Передай этому перебежчику из Эгиды, что если он не даст нам чего-то более существенного, то окажется на столе следующим.

Мору страшно не нравилось, что приходилось калечить Дэвида — высокопоставленного члена Эгиды, который до этого предоставлял массу очень ценной информации, но он был в отчаянии. Ему необходимо было найти клинок Избавления, а кто-то в Эгиде должен был знать, где кинжал.

— Давай заканчивать с ангелами и с Эгидой. Пора отправить послание Аресу.

Арес вышел в прихожую. Лицо у него пылало, он весь взмок и готов был взорваться от

неудовлетворенного желания. Тут он столкнулся с Лимос, прислонившейся к стене. У ее ног стоял чемодан. Она переделалась в вызывающе яркое свободное платье, и по ее озорной улыбке Арес понял, сколько уже она здесь стоит.

— Ого, — прощепетала Лимос. — Быстро ты залез к ней в трусы. А я-то думала, что очаровашка у нас — это Ресеф.

Арес прошел мимо. В сапогах у него хлюпала вода.

— Не начинай.

К счастью, каждый хлюпающий шаг уносил его всё дальше от Кары, и ему всё сильнее снова хотелось ввязаться в бой. Рядом с ней ему было тревожно — его тело и разум стали недвижимы, весь мир точно остановился. Ареса ничто не отвлекало, и поэтому он чересчур сосредоточился на ней... и на своих желаниях.

Неприемлемо.

Как и то, до чего быстро начал вибрировать его внутренний камертон. С тех пор, как Печать Ресефа была сломана, гул земного насилия усилился, но этот новый гул был другим — своей более мощной частотой он заглушал сотни других. Приближалось что-то очень, очень плохое.

— Тебе не до веселья, — сказала Лимос ему в спину. — О, и, может быть, ты захочешь переодеться. Ривер договорился о встрече с крестинами из Эгиды. Они будут у Танатоса через час. Уверена, ты не захочешь выглядеть, как утопленник.

Арес повернулся.

— Почему Тан мне не позвонил?

— Потому что он позвонил мне. Я решила, что передам это тебе, когда приду сюда нянчиться с ней. — Она ткнула пальцем в сторону двери. — Ты возьмешь ее с нами?

Чертовски верно.

— Каре придется всё время быть с кем-то из нас.

— Милорд?

Арес даже не потрудился обернуться.

— Что, Вулгрим?

— Ваш брат оставил сообщение.

— Знаю. Отправлюсь к нему через минуту.

— Другой брат.

Арес повернулся к Рамрилу, чьи ноздри широко раздулись — верный признак того, что он нервничает. Даже его витые рога, казалось, немного поникли. Нехорошо. Торрент, стоявший рядом с отцом, выглядел еще более жалко. Его сероватый мех нервно подрагивал.

— Скажи мне.

— Если вы пойдете со мной... — Рамрил направился к выходу, цокая копытами.

— Черт возьми! — Арес обратился к Лимос. — Бери Кару. Присоединитесь ко мне в гостиной.

— Но...

— Делай, как я сказал!

Лимос показала ему язык, но пошла к двери в спальню. Арес догнал обоих Рамрилов у черного входа. Когда он вышел на задний дворик, внутри у него все перевернулось, а желудок скрутило. Гимнастика для органов была отличной, на десять очков из... *о, черт!*

Посреди двора, рядом с ямой для барбекю, возвышался огромный деревянный крест. На нем висело два обезглавленных тела. Внутренности, вытащенные через раскученные шеи,

обвивали их туловища, словно гирлянды — рождественскую елку. За спиной, точно крылья, болтались лёгкие, а в руках мертвецы держали по окровавленному сердцу.

На земле перед телами, которые, как предположил Арес, раньше принадлежали Падшим ангелам, лежал человек. Судя по щиту Эгиды, вырезанному у него на животе, — Хранитель.

Вулгрим протянул Аресу записку. Каракули Ресефа подтвердили его опасения. *Я уверен, ты ищешь Непадших, так что я подумал, что могу тебе помочь. Наслаждайся.*

— Этот ангел — порядочная сволочь.

Кинан засмеялся, и Эрику захотелось от души ему врезать. Он так и сделал бы, если б не замерзал до смерти, находясь бог знает где. Ривер перенес их в какое-то бескрайнее царство льда и исчез — никаких вам «Удачи» или «Надеюсь, Всадники вас не убьют».

— Видел бы ты Ривера, когда он еще был Падшим, — сказал Ки.

— Что, было еще хуже?

— Не-а. Он просто был еще сварливей.

— По-моему, ангелы мне не по нутру, — пробормотал Эрик.

Кинан косо на него посмотрел:

— А кто тебе по нутру?

— Тоже верно.

Эрик плотнее запахнул куртку. Он считал, что должен быть благодарен ангелу за то, что тот смог перенести их сюда — лучше так, чем через Хэррогейт с Кинаном. Люди не могли пользоваться порталами, находясь в сознании — на другую сторону они попадали уже мертвыми. Но Кинан, находившийся под действием чар неуязвимости, мог путешествовать через них. К несчастью, чтобы выбраться отсюда, ему придется послать Эрика в нокаут. Перспектива была, мягко говоря, непривлекательной.

Эрик прищурился — яркий солнечный свет, отражавшийся от снега, слепил ему глаза.

— Ты же знаешь, мы могли наткнуться на бойню.

Кинан пожал плечами.

— Со мной всё будет в порядке.

— Это утешает.

Эрик не отреагировал на ехидную улыбку Кинана, большей частью потому, что из-за порыва ледяного ветра у него замерзло всё тело.

— Эгида и Всадники очень долго были союзниками. Ну, знаешь, пока мы их не предали. Нам нужно это обсудить.

— *Нужно.* Замечательно. — Они с трудом пробирались через сугробы. Впереди расстилалась лишь бескрайняя пустошь. — Ты уверен, что это здесь?

— Да, человек, это здесь. — Глубокий, рокочущий голос донесся словно из-под земли, и Кинан с Эриком инстинктивно приготовили оружие — Кинан достал станг Эгиды, а Эрик вытащил свой пистолет.

— Покажись! — выкрикнул Эрик.

Перед ними откуда ни возьмись взвился на дыбы огромный мышастый жеребец, и, боже, тяжелое копыто просвистело в сантиметре от головы Эрика. Конь успокоился, и всадник — крупный мужчина с рыжеватыми волосами, одетый в доспехи из чего-то вроде слоновой кости — поднял руку в перчатке в знак приветствия.

— *И я взглянул, и вот, конь бледный,* — пробормотал Эрик, — *и на нем всадник, которому имя Смерть; и ад следовал за ним*^[83]. — Он со страхом и благоговением уставился на огромного мужчину, описанного в Откровении. — Ты — Смерть.

Всадник закатил желтые глаза:

— Танатос. Я не стану Смертью, пока моя Печать не будет сломана. — Он развернул лошадь и пробормотал: — Вечно проклятые людишки коверкают пророчества.

Вот кретин. Эрик, всё еще испуганный, взглянул на Ки.

— Надо полагать, мы должны просто пойти за ним?

Кинан пожал плечами, а Танатос фыркнул.

— На вашем месте я бы держался подальше от моего коня. Вам не понравится, когда он начнет пускать газы.

Точно кретин. Они пробрели еще метров пятьдесят или около того — трудно сказать, когда нет никаких ориентиров, — и впереди вдруг замерцали очертания замка, который возвышался

посреди снегов, точно айсберг.

— Вы видите его только потому, что я вам позволяю. — Танатос спешился и ласково похлопал коня по шее. — Ко мне. — Жеребец обернулся тонкой струйкой дыма, сделал в воздухе мертвую петлю и скользнул в перчатку Всадника. Бред.

Кинан, нахмурившись, уставился на Танатоса.

— Что это за доспехи?

— Чешуя лавового чудовища.

Господи! Немногим случалось увидеть огромных демонов, что обитают в глубине вулканов, но все были уверены, что они питаются страданиями и смертью, вызванными извержениями. Легенда гласит, что их чешуя огнеупорна и неуязвима для обычного оружия и что с гибелью каждого владельца она становится еще прочнее. Эрик с удовольствием «нарядил» бы в это дерьмо танк или БТР.

Вслед за Всадником они пересекли внутренний двор замка. Сводчатые ворота, в которые легко прошел бы и тираннозавр, вели в главную башню и покои, по размерам превосходившие школьный спортзал. У дальней стены к яркому пламени камина склонились два существа — наверное, вампиры, подумал Эрик. Перед камином стоял стол, за которым поместилось бы по меньшей мере два десятка человек, но сейчас там сидело всего двое... шатен в кожаных доспехах и черноволосая женщина в сиренево-сине-желтом... гавайском платье? Когда Ки с Эриком вошли, эти двое с головой были погружены в шахматную партию, но теперь изучающе, напряженно следили за ними взглядом.

Черт меня дерит, не так я хотел бы проводить время. Не-а. Переговоры не были коньком Эрика. Особенно когда дело касалось чувств или каких бы то ни было выяснений отношений. В его представлении в переговоры входила огневая мощь, и всё решало то, у кого ее больше.

В данном случае «самые большие члены» были у других парней. Эрику это совсем не нравилось.

Он оглядел комнату, отмечая про себя планировку, выходы, то, чем можно сражаться. С изумлением он заметил девушку, свернувшуюся калачиком в глубоком кресле, неброско одетую в джинсы и толстовку университета Миссури. Девушка оторвалась от древней на вид книги, которую читала, и взглянула на них с любопытством... в ее взгляде не было и намека на ту враждебность, что исходила от той троицы.

Мужчина и женщина, сидевшие за столом, поднялись, когда Эрик и Кинан приблизились к ним. Парень-в-Кожаных-Доспехах резко произнес:

— Ваши имена.

Эрик, ощетинившись на его суровый тон, указал на Кинана:

— Это Кинан. Он Хранитель. Я — Эрик. Полк Смотрителей-Х.

Он посчитал, что знать о его статусе Хранителя им не обязательно. Они ненавидят

Эгиду, а Эрику хотелось сохранить голову на плечах.

— Я Арес.

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга^[84]. Эрик уставился на Всадника, который оказался не кем иным, как Войной.

Арес указал большим пальцем на женщину:

— Наша сестра, Лимос.

Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей^[85]. Он знал, что Голод — женщина, но не подозревал, что она окажется такой сексуальной.

Черт, неужели это происходит на самом деле? В одной комнате с Эриком стоят трое из четырех Всадников Апокалипсиса.

— Впечатляет, не так ли? — послышался глубокий, сухой голос Танатоса, и Эрик моргнул.

— Что?

— У тебя челюсть отвисла, и ты пялишься на них, как идиот, — сказал Кинан чуть громче, чем надо.

— Мудак, — пробурчал Эрик себе под нос и кивнул на девушку в кресле. — А она кто?

— Не твое дело. — Голос Ареса был таким же ледяным и зловещим, как и всё вокруг.

Танатос успокаивающе положил руку на плечо брата, и Эрик подумал, что ему чуть было не надрали задницу.

Лимос подошла ближе, шлепая по полу вьетнамками. Гавайское платье без бретелек с шелестом колыхалось в такт движению ее тонких, изящных лодыжек.

— У вас двоих крепкие яйца, раз вы явились сюда.

Кинан указал на Эрика:

— У него — да. Я под воздействием чар. Ничто не может причинить мне вред. Как и моим яйцам.

— Правда? — Лимос шагнула к Кинану, замахиваясь, но тот и бровью не повел. Всадница нанесла удар... и едва не упала, пролетев вперед. — Какого черта?

— Я же сказал. Я неуязвим.

Она уперла кулаки в бедра.

— Вот досада!

Эрик не думал, что Лимос окажется такой. Нет... он представлял ее скорее как мужеподобную женщину-воина вроде амазонки. Однако эта девушка была ультраженственной, а ее грудь делала из платья чертово произведение искусства. И выглядела она так, будто не сумеет управиться с оружием, если вдруг придется. Может, если сломать ее Печать, она станет более устрашающей.

— Так зачем вы здесь? — спросил Арес. — Ривер сказал, что вы хотели помочь, но Эгида не на нашей стороне уже много веков, а что такое Полк Смотрителей-Х, я вообще не знаю.

Эрик внимательно посмотрел на воина-шатена. Его лицо ничего не выражало, как и тусклые глаза. Но каким-то образом Эрик понял, что насчет ПС-Х Арес лжет.

Кинан откашлялся:

— Мы знаем, что Мора выпустили на волю, и хотим обсудить, как его остановить.

— Если б нам было известно, как, мы бы уже это сделали.

— Так вы не хотите, чтобы наступил Апокалипсис? — спросил Эрик.

В ответ он получил три убийственных взгляда. Арес сжал кулаки, словно представив, что у него в руках шея Эрика.

— Мы хотим уберечь наши Печати и остановить бесчинства Мора. Но даже если бы мы знали, как его остановить, то не сказали бы вам.

— Потому что мы можем использовать это знание против вас.

Лимос фыркнула.

— Как будто вам хватит на это мозгов.

Эрик проигнорировал ее реплику. Может, она и сексуальная, но ему не хотелось связываться с бессмертной выскочкой.

— И все же мы можем помочь уберечь ваши Печати.

— Что вам известно о нашем положении и Печатях? — Танатос скрестил руки на широкой груди, точно говоря: *ну же, ошибись*.

Кинан тоже заметил жест Всадника, и его голос стал ровным и деловитым. Эрик надеялся, что Ки знает больше, чем он сам, о том, что может оказаться «ошибкой».

— Если честно, не очень много. У нас есть копия Демоники, так что мы прочли пророчества, но они совершенно непонятны и почти ничем нам не помогли.

— И вам нужна от нас информация. — Арес изучал их холодным взглядом, взвешивая правдивость слов Ки. А может быть, прикидывая размер гроба. — Почему мы должны вам доверять? Почему мы должны поверить, что вы не собираетесь нас уничтожить?

— Потому что, — произнес Ки, — старейшие члены Эгиды помнят о нашей общей истории, и, если вы вообще заметили, как Эгида изменилась за последние несколько лет, то знаете, что мы стали более сдержанными.

— Нам не нужна ваша помощь. — Лимос надменно взмахнула рукой, давая понять, что разговор окончен. Блеснули длинные ногти, окрашенные розовым и желтым лаком. — Уходите.

Эрик среагировал, не подумав.

— Глупцы! — Он схватил Всадницу за запястье, не давая ей сдвинуться с места. — У нас есть средства, и...

В следующий миг он уже лежал на спине, а Лимос сидела на нем верхом, приставив кинжал к его левому глазу. Арес и Танатос стояли по бокам, держа мечи у горла Эрика.

Огромный сапог Ареса покоился у Хранителя на лбу.

— Арес! — От камина послышался приглушенный потрясенный голос. Безымянная женщина. — Пожалуйста! Не убивайте его.

— Я тоже был бы очень признателен, если бы вы оставили его в живых, — слова Кинана звучали небрежно, но Эрик, знавший его достаточно хорошо, различил в голосе нечасто появлявшиеся нотки беспокойства.

— Вот что я тебе скажу, — сказала Лимос устрашающе веселым голосом. — Не прикасайся ко мне.

Для пущей убедительности она сжала колени, сдавив Эрику ребра, и воздух со свистом вырвался из его легких. Ребра треснули, и по верхней части его тела огненным потоком разлилась боль. Он стиснул зубы и даже не пикнул, но да, до него дошло.

Вложив мечи в ножны, братья отступили также внезапно, как и напали, а Лимос вскочила на ноги и с самодовольной улыбкой, черт ее побери, протянула ему руку.

— Все хрр...шо, — прохрипел Эрик. — На полу удивительно удобно.

Кинан снова откашлялся.

— Если мы закончили с пытками, может, скажете, что нам нужно сделать, чтобы завоевать ваше доверие?

После долгого молчания Арес сказал:

— Отдайте нам цербера.

Кинан напрягся.

— А с чего вы взяли, что у нас есть цербер?

Хороший ход — не отрицать, что у Эгиды есть этот монстр. Ложь могла поставить под угрозу то доверие, которое Кинан хотел заслужить.

— Неважно. — Рука Ареса по-прежнему касалась эфеса меча, словно он всё еще желал битвы. — Но мы хотим его.

Эрик сел на полу. Это далось не без труда и с жуткой болью, но он решил, что ему удалось выглядеть не слишком жалко.

— Зачем?

— Потому что они такие милашки, — промурлыкала Лимос. Ее фиолетовые глаза игриво блестели. Цыпочка с причудами.

Кинан запустил руку в волосы.

— Мы не можем выдать вам гончую.

— Отдайте нам чертову псину, или мы заберем ее, — от слов Ареса веяло холодом. — И мы *действительно* это сделаем.

— Ты блефуешь, — сказал Кинан. — Ты не знаешь, где мы ее держим.

Над полом вокруг ног Танатоса завихрились черные тени, и Эрик мог бы поклясться, что на мгновение увидел в темных глубинах лица.

— Скоро узнаем.

В воздухе повисла враждебная тишина. С каждой секундой напряжение усиливалось. Эрик поднялся на ноги, стиснув зубы, чтобы не морщиться. Арес сжимал рукоять меча. Танатос занял боевую позицию, а Лимос теребила прядь блестящих черных волос. Почему-то ее, казалось бы, безобидный жест выглядел опасным. Точно она была способна задушить его одним этим локоном.

Вторая женщина стиснула книгу побелевшими пальцами и беспокойно покусывала нижнюю губу.

Эрику стало тревожно. Всё это дерьмо принимало серьезный оборот, и принимало быстро.

— Возможно, если бы мы знали, почему это животное настолько важно для вас, это не было бы такой проблемой для Эгиды.

Арес не отводил глаз от Эрика, и тому подумалось, что этому чуваку не зря дали работу Войны. В этом большом теле жил военачальник, который умел не только сражаться, но и побеждать — любой ценой.

— Цербер — мой. — Все обернулись к женщине, которая вела себя так тихо. — Я связана с ним.

— И кто же ты? — спросил Кинан.

— Она — та женщина, которую ваша Эгида собиралась подвергнуть пыткам, чтобы добыть информацию о цербере, ими же и раненом. — Арес придвинулся ближе к девушке, и, хотя он не прикасался к ней, его поза определенно выражала защиту.

Кинан нахмурился.

— Не знаю, о чем ты... подожди. — Он уставился на женщину так, что Арес

оскалился. — В Южной Каролине? Три ночи назад? — Когда она кивнула, Кинан медленно выдохнул. — В ту ночь погиб Хранитель. Они сказали, что ты демон...

— Кара — не демон, — возразил Арес. — В вашей Эгиде одни идиоты.

— Хэл... адский пес... он убил вашего Хранителя, — сказала Кара. — Он защищал меня от них.

Защищал ее? Цербер? Теперь Эрик уже ничему никогда не удивится.

— Я не понимаю, как всё это связано.

Арес повернул голову к Эрику.

— Что вам обоим известно об *агимортусе*?

— Мы знаем, что это спусковой механизм, — ответил Ки. — Событие. Нам известно, что Син была носителем *агимортуса* Мора, и, когда она начала чуму оборотней, последовали события, сломавшие его Печать. Мы считаем, что носитель твоего *агимортуса* — Падший ангел.

Арес обменялся взглядом с братом и сестрой и после почти незаметных кивков положил руку на плечо девушки.

— Это Кара. Она — носитель, и она — человек.

На этот раз взглядами обменялись Эрик и Кинан.

— Значит, ее смерть сломает твою Печать, и Мор, несомненно, хочет этого, — сказал Эрик.

— Вот поэтому мы ее и охраняем, Эйнштейн.

Лимос даже не потрудились посмотреть на него. Она была слишком занята изучением ногтей на ногах, на которых красовался розовый с желтым лак — в тон тому, что на руках.

Очевидно, у нее был синдром нарушения внимания.

— И всё же у нас небольшая проблема, — сказал Арес. — Люди не могут носить *агимортус*. Он их убивает. Но эта женщина связана с цербером, которого вы держите у себя. Он делится с ней своей жизненной силой, и это дает нам время. Но всякий раз, как вы наносите животному вред, она слабеет.

Кинан смачно выругался.

— Я устрою так, чтобы его отпустили.

Эрик наблюдал за вампирами около камина.

— Полагаю, вы убедились, что ваши... э-э-э... слуги не представляют угрозы для Кары.

— Наши помощники верны нам, — сухо сказал Арес. — Они понимают, каковы последствия предательства. Но для нее опасен любой демон в преисподней.

— Не любой. — Глаза Кинана превратились в льдинки.

Челюсть Ареса дернулась, будто он сдержал порыв огрызнуться.

— Значит, большая часть, — вымученно произнес он. — Они хотят сбежать из Шеула и жаждут господства над людьми. Никому из них нельзя доверять.

Да, Эрик чувствовал примерно то же самое. Хотя его собственная сестра, оборотень, сочеталась браком с демоном, он никак не мог справиться со своей предубежденностью.

Тело Кинана напряглось, точно тетива, и, прежде чем он бросился защищать свою жену, ее родителей и неродившегося ребенка, Эрик вышел вперед. Боль была адской. Особенно в сломанных ребрах.

— Хорошо, что еще мы можем сделать, кроме того, что отпустим цербера? — Эрик пару раз прерывисто вздохнул. Всё еще чертовски больно. — Мы можем помочь охранять Кару.

— Наши демоны и ваши убийцы демонов бок о бок — не лучший вариант. Кто

действительно может быть нам полезен, так это Падший ангел. Тот, кто не входил в Шеул.

— А. — Эрик бросил попытки вести себя по-мужски и обхватил себя руками, пытаясь удержать сломанные ребра на месте. — Да у нас их не сосчитать.

Лимос с досады топнула ногой.

— Мор истреблял Падших налево и направо. Думаю, их осталось не больше десятка. Он полон решимости начать Апокалипсис, если вы еще не поняли.

— Да, — протянул Эрик, — насчет этого мы сомневались. Рад, что вы нас просветили.

— Посмотрим, что можно сделать, — быстро сказал Кинан. — А ваши Печати? Как мы можем их сохранить?

Танатос фыркнул.

— О моей не беспокойтесь. Ее никогда не сломают.

— Почему это?

— Потому что я всё держу под контролем.

Эрик нахмурился.

— А что может ее сломать?

— Не вам об этом знать. — Тени, порхавшие вокруг Танатоса, казалось, взволновались.

Что это такое? — Забудьте.

Обидчивый. Эрик кивнул Лимос:

— А что насчет тебя, Костолом?

Лимос ухмыльнулась.

— Всё еще чувствуешь силу моих бедер, а? Продолжай меня дразнить, и я сломаю тебе еще что-нибудь. Только не буду останавливаться, пока верхняя часть твоего тела не превратится в месиво.

Теперь он унесет эту ужасную картину с собой в могилу.

— Ты будешь отвечать на мой вопрос?

Она пожала загорелым соблазнительным плечом.

— Не-а.

Танатос весело глянул на сестру перед тем, как повернуться к Каю и Эрику.

— *Агимортус* Лимос — это некий предмет. Маленькая чаша из слоновой кости. Если Всадник выпьет из нее, Печать Лимос будет сломана.

— Какое-то странное условие, — удивился Кинан. — Почему так?

— Мы не знаем, — ответила Лимос. Ее голос постепенно затих, оставив знак вопроса в голове Эрика. Она, может, и не знала, но он чувствовал, что у нее есть теория.

— Полагаю, по крайней мере, она хорошо охраняется, — сказал Кинан.

Всадники начали переминаться с ноги на ногу и смущенно замялись.

— Что? — Эрик посмотрел на них, на миг задержавшись глазами на Лимос. Посмотреть воистину было на что. — Ее не охраняют?

— Мы не знаем, где она, — признался Танатос с таким взглядом, который позволил Ки и Эрику съязвить.

Что Эрик и сделал:

— О, просто супер! Вы ее потеряли? Пока мы разговариваем, Мор, может быть, уже добыл ее и празднует успех.

Лимос покачала головой, и ее длинные черные волосы взметнулись блестящей волной.

— Мы не теряли ее. Ее никто никогда не находил.

Кинан провел рукой по лицу.

— Нам надо разобраться с цербером. У вас есть электронная почта? Можете кинуть нам всю информацию об этой чаше?

— И как вы собираетесь ее найти, если даже мы не смогли?

— Мы можем получить доступ к информации, картам, историям, а вы нет. Это не помешает. — Эрик замолчал. — Итак... работаем вместе? Или вы станете упираться до тех пор, пока мы все не будем обречены на Армагеддон?

Наступило долгое, напряженное молчание, а затем Арес решительно кивнул.

— Работаем вместе. Но никто не должен знать, где находятся наши дома.

— Идет. — Кинан вручил Аресу, Танатосу и Лимос свои визитки. — К сожалению, никто в Эгиде, кроме меня, не может проходить через Хэррогейты, поэтому мы не можем доставить цербера к вам, а я один не смогу тащить на себе такую клетку. Позвоните мне через час, и я сообщу координаты лаборатории Эгиды, где мы его держим.

Арес кивнул.

— Еще кое что. — Он вопросительно взглянул на Лимос и Танатоса. Лимос угрюмо склонила голову, а Танатос напрягся. Если бы он сжал челюсти еще сильнее, зубы у него рассыпались бы. — Кроме чаши Лимос, Мор ищет кинжал. Мы называем его клинком Избавления. Он напоминает миниатюрный меч с рукоятью в виде головы лошади. С рубиновыми глазами. Кинжал выкован из металла, полученного из камня, который упал с неба, и закален в крови цербера. Мы помогли Эгиде создать его после того, как были прокляты, и доверили им хранить его, но он был утерян.

— Я об этом не слышал, — сказал Кинан, — правда я не знаю даже десятой части нашей истории. Почему он так важен?

— Ты спрашивал, что в силах нас остановить. Кинжал — это единственное оружие на Земле, которым нас можно уничтожить. А сделать это может только другой Всадник.

Забрезжило понимание, и Эрик присвистнул.

— Вот почему вы доверили Эгиде хранить его. Вы не хотели, чтобы, если один из вас перейдет на сторону зла, он мог уничтожить кинжал прежде, чем им успел бы кто-то воспользоваться.

— Да. Клинок Избавления должны были вернуть нам, если одна из Печатей будет сломана.

— А Мор хочет получить его, чтобы вам нечем было его убить.

Арес резко кивнул.

— Думаю, Мор пытается Хранителей, чтобы получить его.

Кинан выругался.

— Это объясняет исчезновение Хранителей.

— Сегодня ночью он прислал мне одно из тел. Я попрошу Ривера передать его вам.

— Спасибо! — Кинан склонил голову. — Если это всё, мы приступим к работе.

Эрик и Кинан вышли из сторожевой башни. Когда тяжелая деревянная дверь закрылась, Эрик схватился за ребра и застонал.

— Черт, эта сука сильная!

На лице Кинана расплылась снисходительная улыбка.

— Ты умеешь их выбирать. — Он хлопнул Эрика по плечу. — Поскольку мне придется вырубить тебя, чтобы провести сквозь Хэррогейт, мы отправимся прямо в Центральную больницу Преисподней. Эйдолон^[86] сможет тебя вылечить.

При мысли о том, что его будет лечить демон, Эрику стало нехорошо, но ему было

слишком больно, чтобы спорить. Кроме того, Шейд^[87], брат Эйдолона, однажды уже исцелил его. Более того, спас ему жизнь. И чертов демон никогда не позволит ему забыть об этом.

— Давай уже сделаем это.

Когда Кинан с Эриком ушли, Кара села за стол, и один из вампиров — подумать только, *вампиров!* — принес ей сэндвич с ветчиной и горячий чай. «Безо всякой орочьей травы», — заверил он в ответ на ее вопрос. Кара всё еще держала у себя книгу в кожаном переплете, которую дал ей Арес перед тем, как они покинули его дом. Хотя автором, очевидно, был демон красноречивый и умный, «*Путеводитель по Шеулу*» всерьез внушал девушке ужас. Несмотря на это, она многое узнала из него, правда пока так и не нашла того, что помогло бы ей понять адских гончих или *агимортус*.

Жуя сэндвич, Кара слушала, как Арес с братом и сестрой спорят об Эгиде, церберах, кинжалах, Море, Падших ангелах... они мешались между собой, словно стеклянные шарики в игре^[88]. И Кара, даже находясь в эпицентре всего этого, чувствовала себя совершенно чужой.

— Ребят, можете смело спрашивать мое мнение, — окликнула она их.

Подошел Арес и подвинул к ней недоеденный бутерброд.

— Долгое время нам не приходилось просить у кого-то помощи в принятии решений.

На извинения это было не похоже, но из уст Ареса и этого было более чем достаточно.

Кара взглянула на его брата и сестру, которые делали вид, что не слушают. Получалось у них из рук вон плохо.

— Послушай, — тихо сказала она, — прости меня за то, что я сказала. Ты пытался защитить меня, а я тебя оскорбила.

На лице Ареса, четко очерчивая скулы, мелькали отсветы огня, а в глубине черных глаз плясало пламя.

— Ты презираешь насилие и тех, кто на него способен, не так ли?

Кара отхлебнула чаю, чтобы потянуть время. Как ей было объяснить, что презирает она то, на что способна сама?

— Да, — просто сказала девушка, так и не придумав лучшего ответа.

Рука Ареса опустилась к ножнам, длинные пальцы погладили рукоятку меча, словно любовницу, и *агимортус*, который и без того уже пощипывало, вдруг сильно закололо.

— Ты презираешь меня.

— Не тебя. — Он слишком ей нравился. Вот и сейчас ее тело напряглось, точно вместо меча его пальцы ласкали ее. — Я презираю убийство.

Скрежет зубов слился с потрескиванием огня, и Арес пронзил ее таким яростным взглядом, что девушка отшатнулась.

— Расскажи мне о человеке, которого ты убила. Ты сделала это не нарочно?

Ух ты! Пожалуй, в деликатности он мог бы сравниться с танком.

— Д-да.

— Ты защищалась?

Ее сердце беспорядочно колотилось.

— Да.

— Тогда перестань наказывать себя и всех тех, кто делает то, что вынужден сделать.

Ему легко говорить. У него были тысячелетия на то, чтобы прекратить наказывать себя. Если он вообще когда-нибудь это делал.

— Сколько человек убил ты?

— Десятки тысяч. И это не всегда была самозащита. — Он смотрел на нее так, что она не могла отвести глаз, даже попятившись и споткнувшись. — Разумеется, ты в шоке. Я воин, Кара. Так что будь последовательна и смотри на меня с презрением. Но ты возблагодаришь бога за то, что я рядом, когда за дверью окажется оборотень. Потому что я убью его и никогда об этом не пожалею. Можешь устраиваться поудобнее и приходите в ужас сколько угодно, но, по крайней мере, ты останешься жива, и твоя совесть будет чиста. И всё это благодаря мне.

Он отвернулся, но Кара схватила его за затянутый в броню локоть. Кожа доспехов оказалась на удивление мягкой, и девушка удивилась, как такая броня может его защитить.

— Постой!

Его тело напряглось.

— Я живу, чтобы служить, — сказал Всадник с сарказмом, и, Господь Всемогущий, именно так и было, разве нет? Никто никогда не относился к нему не как к воину, так разве мог он воспринимать себя иначе?

— Ты прав, — призналась Кара. — И я благодарна за то, что ты для меня делаешь. Я не собираюсь тебя судить, но вижу в тебе нечто большее, чем безжалостного убийцу.

— Рад за тебя, — съязвил Арес. — Но ты ошибаешься. Я не могу позволить себе быть кем-то другим.

Из-за того, что он сам верил в то, что говорил, ее сердце обливалось кровью.

— Нет, можешь!

Всадник рассмеялся, как будто она только что сморозила невероятную глупость.

— И *ты* собираешься учить *меня* жизни? Черт возьми, что может человек, живущий не дольше комара, знать о демоне, которому пять тысяч лет?

— Да что с тобой? — раздраженно взглянула на него Кара. — Почему ты так презираешь людей?

— Они умирают, — злобно процедил он. — Ты к ним привязываешься, а потом они умирают. Вот что будет с тобой, Кара. Ты умрешь, и я... — Он захлопнул рот так резко, что Кара даже услышала, как клацнули зубы.

— Ты — что? — выговорила она с трудом, не зная, что хочет услышать.

Арес не смотрел на нее.

— Перейду на сторону зла.

Его ответ почему-то взбесил Кару. Она хотела услышать, что он будет грустить? Смешно. Но... ладно, да, ей хотелось именно этого. Хотелось, чтобы *хоть кто-то* грустил, когда она умрет. Метка на груди ответила на вспышку гнева жжением. Арес снова отвернулся, но, дьявол, нет уж, она еще не закончила.

Сгоряча девушка толкнула его. Резко. Прямо в стену.

— У тебя не выйдет уйти от меня вот так. Попробуй только сделать это еще раз. Мы говорим о моей жизни. Я не хрупкий цветочек и не ребенок. Я женщина без семьи, застрявшая в чужом мире, и пусть даже тебе придется делать вид, что тебе не всё равно, жива я или мертва, я хочу именно этого. И если я хочу заняться сексом, не тебе говорить, что я с этим не справлюсь. И...

— *Кара...*

— ...как ты смеешь принижать мой жизненный опыт...

— *Кара...*

— Чего?

Арес молча уставился на нее. Девушка медленно повернула голову и жарко покраснела, увидев, что Лимос и Тан смотрят на нее широко раскрытыми глазами.

— Кара?

Застонав, она снова повернулась к Аресу, только сейчас осознав весь смысл своей тирады. Он взглядом указал вниз. Она посмотрела. Ноги Ареса не касались земли. Кара ахнула, подняла глаза... обалдеть, она прижала его к стене и держала над полом. Разжав пальцы, девушка отскочила назад, и он свалился к ее ногам.

— Видимо, *агимортус* и правда придает тебе сил. — В его словах определенно слышалось мрачное одобрение.

— Не понимаю. Ты же говорил, что он убивает меня.

— Так и есть. Но в то же время ты используешь силу Хэла. — На какое-то мгновение повисла тишина. — И мою.

Девушка нахмурилась.

— Твою?

В его голосе послышались нотки смирения, которых она не поняла.

— Когда я рядом с тобой, это высасывает из меня силы. Вот почему мои доспехи ослабли. И вот почему я ни хрена не чувствую, когда ты рядом. — Арес подошел к ней и положил руки ей на плечи. — И вот откуда у меня чувства, которых быть не должно.

Во рту у Кары внезапно стало сухо, и она сглотнула.

— Например?

— Например, чувство вины за то, что поставил тебя в такое положение. Или желание охранять тебя не только потому, что иначе перейду на сторону зла. Или похоть, из-за которой я хочу наброситься на тебя и обладать тобой снова и снова, пока мы оба не упадем без сил. И я полный идиот, раз испытываю всё это.

Кара раскрыла рот, но не издала ни звука. А Лимос и Танатос всё еще пялились на них. К счастью, тут в комнате появился какой-то блондин и избавил их всех от этой неловкой ситуации. Кара подумала, что, должно быть, начинает привыкать к странностям, потому что даже глазом не моргнула. Хотя нет, она просто была благодарна, что он появился так вовремя.

Лимос взвизгнула от восторга и бросилась в объятия новоприбывшего. Усмешка мужчины озарила всю комнату. И он... светился?

— Кто это?

— Ривер. — Арес поднял руку в знак приветствия. — Он ангел.

— Падший?

— Нет. Настоящий живой ангел с Небес.

Да уж, такое не каждый день увидишь. Кара не знала точно, как должны выглядеть ангелы, но всегда представляла их в белых одеждах. Уж точно не такими, как Ривер. Он выглядел так, словно сошел с обложки журнала *GQ*^[89]. Строгие черные брюки и серая рубашка сидели как нельзя лучше, подчеркивая широкие плечи, тонкую талию и длинные ноги, и он щеголял золотыми часами, которые даже отсюда выглядели так, будто стоят больше, чем Кара заработала за всю свою жизнь.

Лимос лучезарно улыбалась Риверу, который явно тоже был к ней неравнодушен.

— Лимос всегда его так приветствует? — поинтересовалась Кара.

— Да, — хмыкнул Арес. — Он почему-то балует ее.

— Арес, — оторвался Ривер от Лимос. — Я заходил к тебе. Видел работу Мора. Я

забеспокоился.

— О, Риви-виви беспокоился о нас, — прошептала Лимос, и ангел закатил сапфирово-синие глаза.

— Я отнес останки Хранителя Эгиде, — сказал Ривер, и Кара вдруг обрадовалась, что Арес и Лимос не дали ей увидеть сцену во дворе дома Ареса. — Ты чего-нибудь добился от встречи с Кинаном и Эриком?

Лимос, явно гордясь собой, возбужденно кивнула:

— Я сломала Эрику ребра.

Ривер глубоко вздохнул.

— Что-нибудь еще?

— Они собираются заняться поисками кинжала и чаши Лимос, — сказал Танатос. — А еще они хотят добиться освобождения цербера...

Он погрузился в транс, и его взгляд стал пустым и отрешенным.

— Тан? — Лимос схватила его за запястье. — Тан! Что случилось?

Танатос покачнулся, и его глаза вспыхнули зловещим огнем.

— Смерть. Так... много... смертей. — Он протянул руку, словно пытаясь что-то схватить.

Открылись ворота, и он исчез. Просто... исчез. Как будто свет затянул его против воли.

Встревожившись, Кара отступила назад.

— Что это было?

Из груди Ареса с шипением вырвался воздух.

— Танатоса перенесло туда, где произошло много смертей. Если их слишком много или они внезапны, его переносит туда против воли.

— Сражение? — На Лимос, точно на трансформере^[90], образовалась броня. Арес ничего не ответил, и Лимос хлопнула себя по лбу. — Точно. Никаких ощущений? Ты же ничего не чувствуешь, когда рядом Кара. Я его выслежу. — Она открыла ворота и исчезла.

— Как она его выследит? — спросила Кара.

— Мы можем открывать ворота там, где в последний раз их открывали наши брат или сестра. И нет, мы больше не можем отслеживать так Мора. — Он жестом попросил Кару вернуться на место. — Мне нужно позвонить Вулгриму. — Он выудил из кармана мобильник, а Ривер уселся за стол напротив Кары.

— Ну, как твои дела?

— Э-э-э... нормально?

— А ты, кажется, вовсе не удивлена, что разговариваешь с ангелом.

— Я сижу в одной комнате со вторым Всадником Апокалипсиса. — Она чуть было не переспала со вторым Всадником Апокалипсиса.

— И правда. — Он пронзил ее пронизательным взглядом, и у Кары возникло ощущение, что он смотрит ей прямо в душу. — Они объяснили тебе, в каком ты положении?

— Ты о том, что из-за моей смерти начнется конец света, и мне, может быть, осталось жить несколько дней, если только мы не найдем Падшего ангела?

Ривер провел рукой по волосам.

— Да. Именно. А тебе известно, что, даже если ты сможешь передать агимортус Падшему ангелу, то все равно будешь связана с цербером? И что это означает, что ты застряла в нашем мире? Нельзя вернуться к обычной человеческой жизни, когда у тебя есть собачка размером с бегемота, которая способна сожрать твоих соседей.

— Ему не обязательно жить со мной, не так ли?

— Да, но ты не сможешь предугадать, когда он явится тебя повидать. Связь сильна. Ему не захочется быть вдалеке от тебя.

Ну да, так далеко в будущее она не заглядывала. В этом не было смысла, особенно сейчас, когда она не знала, что с ней будет в ближайший час, не говоря уж о следующих неделе или месяце.

Ривер стал рассеянно поигрывать одной из шахматных фигур.

— Арес о тебе позаботится. Но помни, что он лишь *пока* Всадник. Если его Печать будет сломана, он станет воплощением зла. Даже сейчас у него есть врожденная потребность побеждать в любых схватках, неважно, какой ценой и насколько они значимы.

Дух соперничества она в нем заметила, это уж точно.

— О чем ты говоришь?

— О том, что он понятия не имеет, что такое честная игра. — Ривер щелкнул пальцами и выстроил шахматные фигуры. — Он не соблюдает правил, потому что для него важен результат, а не процесс.

Кара вздрогнула от тревожного предчувствия.

— И ты говоришь мне это? Почему?

— Потому что тебе нужно подготовиться сделать то же самое. Если хочешь выжить, тебе, возможно, придется идти на жертвы и делать то, чего ты и представить себе не могла. Совершать поступки, которые идут вразрез со всем, во что ты верила. — Его слова были мрачными, зловещими и внушали еще больший ужас тем, что исходили от существа, которое всегда ассоциировалось у Кары с теплом и добротой. Точно догадавшись, о чем она думает, Ривер взял ее за руку. — Ангелы — воины, а кое-кого из нас — в том числе меня — можно назвать кем-то вроде спецназа. Мы на стороне добра, но не обольщайся, мы — солдаты и ради победы пойдем на всё.

— Ты... убиваешь?

— В сражении против зла мы *не совершаем* лишь очень небольшое.

Кара сглотнула.

— Значит, вы тоже не соблюдаете правил?

Ривер внезапно рассмеялся — весело и заливисто:

— У нас есть правила. О, у нас масса правил.

Подошел Арес, и Ривер подмигнул ему.

— Кинан прислал координаты цербера. Как только Ли или Тан дадут о себе знать, мы можем отправляться.

— Меня всё равно вызывают, — сказал Ривер. — Если что, я на связи. — Он хлопнул Ареса по плечу и тут же исчез. Кара моргнула, чувствуя себя немного странно, как будто только что слезла с карусели.

— Должна сказать... не таким я представляла себе ангела.

Арес засмеялся. Ей нравилось, когда он смеялся.

— А чего ты ожидала?

— Ну, что он будет более... суровым. Или справедливым.

Арес фыркнул.

— Ривер не похож на других ангелов. У них у всех мания величия, и они вечно выставляют напоказ свои святые задницы. Ривер другой. Наверное, потому, что какое-то время он жил как Падший ангел.

— Правда? Он пал? И смог вернуться?

— Ангел может пасть, но, если он не входил в Шеул, то может вернуться. Как только Падший ангел входит в Шеул, он переходит на сторону зла, и возврата нет. Риверу позволили вернуться на Небеса, потому что недавно он помог спасти мир.

Недавно? Уточнить она даже не собиралась.

За спиной Ареса открылись врата, и из них выпрыгнул огромный черный жеребец... таких лошадей Кара никогда раньше не видела. Его глаза светились красным, зубы походили на клыки, а копыта прожигали пол. В седле, умело управляя жеребцом, сидела Лимос в забрызганных кровью доспехах. Теперь, когда той суперженственной пляжной девушки больше не было, Кара, наконец, разглядела в Лимос воина.

— Уведи Кару отсюда, — крикнула та. — Тан близко.

Арес схватил Кару за руку и прижал ее к своему крепкому телу.

— Что случилось?

— Ресеф. Чертов ублюдок наслал на Словению чуму, которая косит людей тысячами практически на месте. — Жеребец плясал под ней, взволнованный не меньше хозяйки. — Там происходит что-то еще. Я ощущаю нужду и отчаяние, но не могу понять, что это.

— Я чувствовал нечто похожее, — сказал Арес серьезно, и Кара подумала, уж не поэтому ли он так напряжен — точно натянутая тетива. — Мор был там?

— И Хавистер тоже. Она кормилась умирающими. — Глаза Лимос сверкали, как горящие аметисты. — Ресеф... — Ее взгляд метнулся к Каре. — Это было ужасно.

Кара переводила взгляд с одного на другого.

— Кто это — Хавистер?

— Еще один наш Наблюдатель. Злая напарница Ривера. — Лимос издала стон отвращения. — Та еще сучка.

Открылись еще одни врата, и ворвался Танатос верхом на буланой лошади. Боже, он выглядел как персонаж фильма ужасов... оскаленные зубы, раздувающиеся ноздри, вздувшиеся вены на горле и висках. Тени, которые раньше окружали его, приобрели форму — кружащиеся призраки с распахнутыми ртами. Один вырвался из толпы и с оглушительным визгом метнулся в сторону Кары.

Арес взмахнул рукой, открыл врата и протащил ее через них. Теперь она поняла, почему Танатос зовется Смертью.

В его глазах было убийство.

Когда Аресу понадобилось быстро исчезнуть, он инстинктивно сбежал на свой остров. Точнее, на тот утес, куда он перенес Кару, впервые забрав ее из человеческого мира.

— Что сейчас произошло? — Кара шагнула прочь от обрыва, испуганно взглянув на скалы внизу.

Подойдя к краю пропасти, Арес встал между ним и Карой.

— Когда на Танатоса действует множество смертей, он... становится другим.

— Это как тебя возбуждает насилие? — Она резко втянула воздух. — Извини!

Черт! Неловкая ситуация.

— Ну да. Вроде того. Ему необходимо убивать.

— А что за тени вокруг него?

Арес рассеянно смотрел на воду, сосредоточившись на рыбацкой лодке. Вот в чем было различие между ним и Карой: он смотрел опасности в лицо, но не обращал на нее внимания. Она отступала от опасности прочь, но не отрывала от нее глаз.

— Это души.

— В смысле... души?

— Броня Танатоса их поглощает. Когда он убивает демона, человека или животное, душа убитого существа впитывается в его броню.

Ужас девушки пробил брешь в ослабшей броне Ареса.

— О, боже! Они у него в ловушке?

— Временно. Когда он гневается или идет в бой, или если он сам их позовет, они могут освободиться, но только при условии, что кого-нибудь убьют.

— А может душа жертвы заменить тень, когда та заслужит себе освобождение?

— Нет.

— Танатос может носить другие доспехи?

Арес покачал головой.

— Мы все не можем. Доспехи — часть нас, как наши лошади и наши проклятия.

— А какое проклятие у Лимос?

Арес повернулся к Каре, и у него перехватило дыхание при виде стоявшей на ветру девушки, ее розовых губ, шелковистых волос, разбросанных по плечам. Не верилось, что она смогла оторвать от земли его тяжеленный зад, особенно видя темные круги у нее под глазами. Она казалась измученной и в то же время такой полной жизни, что ему пришлось напомнить себе, что она умирает, какой бы сильной ни казалась.

Они умирают. Ты к ним привязываешься, а потом они умирают. Вот что будет с тобой, Кара. Ты умрешь, и я... Боже, ему не верилось, что он вот так ее потеряет. Арес никогда не был уязвимым, но Каре удалось лишить его защиты, и Всадник гадал, насколько это связано с тем, что он рядом с агимортусом, и насколько — что он рядом... с ней.

Чтобы продолжить, ему пришлось откашляться.

— Лимос становится опасна для себя самой. Когда ее притягивает голод — любой, нехватка пищи, воды, лекарств, — она впадает в глубокую депрессию и может навредить сама себе.

Из этого состояния ее всегда вытаскивал Ресеф.

— А Ресеф?

— Его притягивали болезни, чума. И он... сам становился этой болезнью. Чтобы избавиться от нее, он вынужден был убить ею кого-нибудь. Иначе болезнь распространялась повсюду, куда бы он ни пошел. Теперь, когда Ресеф стал Мором, он может вызывать любую болезнь по своему желанию, и она распространяется быстрее и мощнее, чем ее природный собрат.

У Ареса завибрировал телефон. Он глянул на экран и выругался, увидев сообщение Кинана.

Ты где? Я думал, Всадники чуть быстрее.

Верилось с трудом, но с течением времени Эгида стала раздражать еще больше.

Натянуто улыбнувшись, Арес взял Кару за руку.

— Ты готова?

— Ага.

Он не мог оторваться от больших глаз Кары... девушка была похожа на того проклятого

Кота в сапогах из «Шрека», вся такая прелестная и трогательная. Вот так она и выглядела, когда сказала, что видит в нем нечто большее, чем безжалостного убийцу. Но как ей удалось? Никто раньше не видел в нем чего-то большего. Даже сыновья Ареса смотрели на него как на великого воина, на которого хотели быть похожи, когда вырастут.

Он издал стон отвращения. Ему страшно хотелось взять ее на руки, но он твердо знал, что этого делать нельзя. Они на войне, и Каре, чтобы остаться в живых, по-прежнему необходимо стать жестче и сильнее. *Кто бы говорил. Когда она рядом, ты таешь, и твоя броня тоже.*

— Арес, — окликнула его Кара, когда он уже собрался было призвать Битву. — Кого ты потерял?

— Что?

— Ты сказал, что люди умирают. — Она сжала руку мужчины, заставив его резко выдохнуть.

— Кто у тебя умер?

Черт бы ее побрал! Арес не хотел отвечать, но слова сами вырвались изо рта.

— Жена. Брат. Двое сыновей. — Когда ее глазки Кота из «Шрека» наполнились слезами, он тут же умолк. — Не надо меня жалеть. Не смей!

Она вздернула подбородок.

— Не указывай мне, что чувствовать!

Ну да, он, конечно, хотел сделать Кару более жесткой, но ее храбрость была вполне способна проявиться не в том месте и не в том окружении.

— Ты же знаешь, что я могу тебя раздавить.

— Я знаю, что ты не станешь этого делать.

— Почему? Потому что мне нужно тебя защищать?

— Нет. — Она ткнула его в грудь. — Потому что ты принёс мне подушку.

Он моргнул. Эта женская логика просто сшибала с ног, как сказал бы Ресеф.

— Ты ставишь на кон свою жизнь из-за подушки?

— Я не сомневаюсь, что ты поступишь так, как должен, чтобы спасти мир. Сделаешь трудный выбор. Но ты бы не стал таскать подушки той, кого без зазрения совести убил бы. — Кара ухватила его за запястье, щелкнула пальцем по очертаниям Битвы, и Арес втянул воздух, ощутив поглаживания на бедрах и заднице.

— Выпустишь ты его или нет?

Будто услышав ее, конь на руке Всадника дернулся. Дерьмо!

— Битва, выходи!

Появился Битва, но, вместо того, чтобы поприветствовать Ареса, уткнулся носом в Кару.

— Привет, приятель! — промурлыкала девушка, и жеребец потерял о нее сильнее. Глупое животное!

— Давай, — проворчал Арес. — Кара, я тебе помогу...

Битва встал на колени. Он, мать его, встал на колени! Девушка лукаво ухмыльнулась и забралась в седло. Конь поднялся, и, когда он направился прочь, увозя Кару, Арес мог поклясться, что Битва тоже улыбается.

Бормоча проклятия, Арес вскочил на коня, обвил рукой талию Кары и открыл Хэррогейт.

— Я появлюсь в нескольких кварталах от координат, которые прислал Кинан. — Он вдохнул свежий цветочный аромат, исходивший от девушки, и его тело мгновенно

отреагировало — такое бывало только тогда, когда он шел в бой. Заколотилось сердце, зашкалил адреналин, и, проклятье, ему захотелось наброситься на нее. *Если я хочу заняться сексом, не тебе говорить, что я с этим не справлюсь.* Арес подавил возглас досады. — Не хочу попасть в ловушку. И, если возникнут проблемы, надо, чтобы Битва был под рукой.

В особенности потому, что близость Кары означала, что его доспехи и оружие окажутся совершенно бесполезны. Как и его мозги, в общем-то.

— Проблемы?

Проблемой была она.

— Я не доверяю Эгиде. И не удивлюсь, если обнаружится, что Мор караулит в засаде.

— Знаешь, а у тебя такая забавная семья. А я-то думала, что у меня странная.

Битва направился к воротам, но Арес натянул поводья. Кара сказала, что одинока и что никому нет дела до того, жива она или мертва. Почему он раньше не спрашивал о ее семье? Может потому, что он черствый ублюдок и давно забыл, каково это — быть человеком.

— Мне казалось, ты говорила, что у тебя нет семьи.

— Мама умерла от рака, когда я была маленькой, а папа скончался пару лет назад. — Кара повернулась так, чтобы видеть его, ее глаза стали цвета воды вокруг его острова, и ему захотелось окунуться в них. — У меня есть старшая сводная сестра от папиного второго брака, но мы часто ссорились, и я не виделась ни с ней, ни с мачехой с самых похорон.

— И ты говорила, что у тебя нет парня?

— Если б был, ты бы не дотронулся до меня в душе.

Почему-то очень этому обрадовавшись, Арес направил Битву в Хэррогейт. На той стороне стоял туманный вечер, точно сошедший со страниц *«Собаки Баскервильей»*^[91] и как нельзя лучше подходящий для того, чтобы забрать цербера. Прямо на них неслись автомобильные огни, и Кара вскрикнула:

— Они нас собьют!

— Мы в другом измерении. Мы не только невидимы для людей, но и бесплотны.

— А я думала, ты сделал так, чтобы люди застыли.

— Это я тоже могу. Еще могу войти в мир и вести себя, как человек.

— Но тогда люди смогут тебя видеть.

— Да, но я тебе говорил, что мое присутствие заставляет их сражаться друг с другом.

— А я тебе сказала, что вполне это понимаю, — ответила Кара, и Арес невольно улыбнулся. Его улыбка стала шире, когда девушка прильнула к нему. Даже через доспехи он чувствовал тепло ее тела. Ему хотелось чувствовать ее еще ближе. Хотя нет, лучше пусть будет подальше. Проклятье, он сам не знал, чего хочет, а такая нерешительность была ему несвойственна.

Подавив мальчишескую ухмылку, Арес пришпорил Битву, послав его в галоп, и они поскакали к усадьбе, которую с дороги не было видно. Имение окружала невысокая каменная стена, и Арес готов был поспорить на свое левое яичко, что усадьба защищена от злых или сверхъестественных созданий. На него не действовали никакие преграды, однако кое-каким было вполне по силам разрушить действие его хота.

Не то чтобы Всадника это беспокоило. Его заботили ловушки. С Эгиды станется задержать их с Карой во имя «соображений безопасности». Члены Эгиды всегда переоценивали свою силу и возможности, считая, что только они умеют принимать жизненно важные решения. Эти эгоистичные ублюдки отсосали бы сами у себя, если бы смогли.

Арес провел Битву по периметру участка, но, даже обнаружив потайные камни с вырезанными магическими символами, не нашел признаков ловушек. Произнеся заклинание, он снял хот.

— Я это почувствовала, — пробормотала Кара. — Теперь нас видно, да?

— Да. Не сомневаюсь, что за нами наблюдают. — Они приблизились к кованым металлическим воротам, и те со скрипом открылись. — Наверняка наблюдают.

Из мглы донесся жуткий вой, и Кара заерзала в седле. Ее задик вплотную прижался к паху Ареса, и тот прикусил язык. Святые небеса, до чего страстно он ее желает!

— Это Хэл.

Напоминание о том, что они собираются освободить цербера, с которым она связана, поубавило его пыл.

Впереди из тумана выросло поместье, увитое виноградной лозой. По лужайке позади дома были раскиданы хозяйственные постройки, а перед входом по стойке «смирно» вытянулось больше десятка человек. Среди них был и Кинан. На ведущей к дому дорожке, в центре пентаграммы из соли, стояла клетка.

По жилам Ареса тут же горячим песком растеклась первобытная ненависть. Каждая клеточка его тела жаждала убить эту тварь и отправить ее Хаосу разорванной на кусочки — именно в таком виде Арес нашел своего брата и сыновей.

Топая копытами, Битва потряс головой. Жеребец ненавидел церберов не меньше хозяина, а враждебность, исходившая от Хранителей, ничуть его не успокаивала.

— Спокойно, парень, — пробормотал Арес. — Сегодня сражаться не будем.

Очень жаль, очень. Всадник был взвинчен, как и его конь, особенно потому, что ему пришлось довериться Каре. Он остановил Битву метрах в десяти от Хранителей.

— Арес! — Кинан шагнул вперед. В глазах большей части его воинов был священный ужас, и они стояли настороже, согнув пальцы, точно готовясь выхватить оружие из кожаных наплечных ножен. Это было бы чудовищной ошибкой. Кинан махнул рукой за спину. — Это наши йоркширские Хранители клетки.

Арес спешился.

— Похоже, мое появление их сильно взволновало.

— Поверь мне, — ответил Кинан, криво усмехнувшись, — на пару месяцев у них только и будет разговоров, что про тебя.

Арес фыркнул.

— Лет.

Из дома вперевалку вышла беременная на позднем сроке женщина. Ее черные с синими прядками волосы очень подходили к черному же готическому одеянию. Кинан протянул ей руку, не отводя взгляда от Ареса.

— Это Джем, моя жена. Я взял ее с собой, потому что ей рожать с минуты на минуту.

Женщина помассировала живот.

— Эта минута уже наступила.

Резкий вздох Кинана был слышен даже за воем Хэла.

— Ты уверена? Надо вызвать Эйдолона. И Шейда. Он снимет боль, так ведь? И Тэйлу Ты вызвала Тэй?

Арес всегда думал, что отцовская паника — это миф... когда родились его собственные сыновья, гонец сообщил ему об этом только через неделю. Но, даже будь он там, он сомневался, что психовал бы так же. В то время мужчинам нечасто приходилось иметь дело

с беременностью, родами, младенцами — до тех пор, пока дети оставались в живых, всё было в порядке.

Улыбка Джем пропала, и она поморщилась.

— Я только что говорила с ней по телефону. Сказала ей, что у меня отошли воды, так что ребята отправились в больницу.

— Отошли воды? — Кинан хлопал по карманам, должно быть, ища телефон или ключи. — Нам придется доставить тебя в ЦБП.

ЦБП? Значит, она демон. Один из лидеров объединения охотников на демонов женат на демонессе? Может быть, Эгида *и правда* стала другой.

— Тогда мы забираем пса и уходим, — сказал Арес и чуть не заработал сердечный приступ, внимательно посмотрев на клетку — Кара уже стояла на коленях и обнимала пса через прутья. Неважно, что цербер с ней связан — он по-прежнему может убить ее. Может быть. Арес не знал. Черт, ему придется взять себя в руки. Думать, как солдат. Это было нелегко, учитывая близость Кары.

— Э-э-э... леди, наверное, вам не следует подходить так близко, — окликнул ее один из Хранителей. Все члены Эгиды, перепугавшись, наблюдали за ней, выпучив глаза. Даже Джем, у которой уже начались схватки, не двигалась с места, как бы ни тянул ее Кинан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наконец он поднял ее на руки. Она обняла его за плечи и уткнулась носом ему в ухо, и у Ареса где-то глубоко внутри что-то вспыхнуло. Тоска? Зависть? Его жена была совсем не ласковой. Внимательной — да, но у них никогда не случалось таких вот интимных моментов, и, пока Кинан разглядывал вздувшийся живот жены, на его лице отражались волнение, радость и любовь.

Арес перевел взгляд на Кару, и тут ему действительно пришлось сглотнуть комок в горле.

Включи мозги. Он точно услышал окрик отца и мог поклясться, что почувствовал пощечину. Ублюдок уже давно в могиле, а все равно способен дотянуться до сына и поставить его на место.

Впервые Арес был рад вмешательству отца. Он не мог допустить, чтобы Кара стала для него что-то значить. Она умирает. Даже если *агимортус* не убьет ее, она умрет задолго до него самого, даже будучи связанной с цербером. Для бессмертных пара сотен лет — не больше жизни комара.

И какого черта он пытается просчитать варианты? Любовь не для него. Так было всегда. Забота о ком-то делает слабым. Заставляет принимать дурацкие решения. Он веками видел одно и то же: мужчины теряют всё, что имеют, воюют и жертвуют жизнью во имя любви к женщине.

Идиоты!

— Уильям, ты справишься! — Кинан неловко выудил из кармана ключи. — Я оставлю Rover^[92] недалеко от Вудейкра^[93].

Там был Хэррогейт, но до него оставалось еще десять миль^[94].

— Кинан! — Арес быстро открыл врата прямо около ограды. — Иди! Вы выйдете прямо в Центральной больнице.

Из-за плеча Кинана высунулась Джем и залюбовалась результатом работы Ареса.

— Так здорово! Вот бы мне такую силу!

Кинан разглядывал Хэррогейт с недоверием, пока Джем не стукнула его по плечу.

— Эй! Ты что, хочешь, чтобы я родила прямо тут? Малыш заколдован — забыл? Пока он у меня в животе, ничто не сможет мне навредить.

Кинан послал Аресу взгляд, в котором ясно читалось «если мы приземлимся в яму с кровью в Шеуле, то ты труп», а потом не спеша направился к воротам и, поколебавшись мгновение, шагнул в них.

Арес направился было к Каре, но замер на месте — чертова псина, взбесившись, зарычала и оскалилась на него. А вот Битва не остановился. Он подскакал к клетке и, прежде чем Арес успел его остановить, встал на дыбы, собираясь растоптать и клетку, и пса.

Кара вскочила и бросилась между боевым конем весом в тонну и железной клеткой.

— *Нем!*

Вопль Ареса затерялся в оглушительном ужасном грохоте — опустившись, копыта Битвы заставили землю задрожать.

Конь едва не раздавил Кару — до нее оставались считанные сантиметры. Но девушка, даже не вздрогнув, взяла в ладони его морду. Конь тут же успокоился, но Арес дрожал, как осиновый лист, и внезапно его страх перешел в гнев.

— Проклятье! — рывкнул он. — О чем ты, мать твою, думаешь? Он же мог тебя убить!

— Не надо со мной так разговаривать. — Она сердито уставилась на него, поглаживая Битву по морде. — Видишь ведь, я в порядке.

Хранители отступили, нервно потянувшись к оружию. Великолепно. Теперь они думают, что он не только ни на что не способен, но еще и порядочный засранец. Зарывав, он вытянул руку.

— Битва, ко мне!

Конь разъяренно заржал. Отзвуки ржания слышались в воздухе даже после того, как Битва устроился на руке Ареса.

— Это, — вышла из себя Кара, — было лишним.

— Нет, — процедил Арес сквозь зубы, — не было. Когда ты освободила бы эту псину, у нас возникли бы проблемы.

— Я бы справилась!

— Я справился. А теперь давай покончим с этим. — Он повернулся к Хранителям. — Вам лучше будет видно из дома.

Люди ушли в дом, и он дал Каре отмашку.

— Если поднять рычаг, клетка откроется.

Всадник небрежно опустил руку на рукоять меча, хоть и не смел ранить тварь, боясь навредить Каре.

Девушка подняла рычаг, и дверь, лязгнув, открылась. Цербер выпрыгнул, бросился на Кару и повалил ее на землю. У Ареса душа ушла в пятки, но когда девушка радостно взвизгнула, а собака стала лизать ей лицо, стало ясно, что никакой опасности нет. Во всяком случае, для Кары.

Хэл тут же поднял голову и оскалился в молчаливом предупреждении, предназначенном ему. Арес ответил тем же, надеясь, что его ненависть видно невооруженным глазом. Не очень-то весело будет иметь дело с этим ублюдком.

— Кара, пойдём! Мне не по себе, когда ты так уязвима.

Девушка велела Хэлу слезть с нее, и он рванул прочь через лужайку.

— Ему нужно побегать. Может, мы не поедем, а пройдемся до ворот пешком? Дадим ему размять лапы?

— Кара...

— Пожалуйста!

Это было неразумно, но Кара уже через многое прошла, мало что при этом контролируя, так что он может пойти на уступку, предположил Арес.

Пару мгновений спустя в голове Ареса, словно похоронный колокол, звякнули его собственные слова, адресованные солдатам. *Никогда не позволяйте женщине повлиять на вас. Никогда! Или вы пожалеете об этом, обещаю.*

Кара и Арес неторопливо шли по полю к воротам. Арес шагал целеустремленно, Кара же не спешила, и Аресу то и дело приходилось замедлять шаг и ждать ее. Но, черт возьми, впервые за эти дни она чувствовала себя почти нормально, и идти по бескрайнему полю, пока Хэл гоняет птиц неподалеку, было очень здорово. Даже расслабляло.

— Почему ты не любишь церберов? — спросила Кара, и Арес глухо зарычал.

— Я их не просто не люблю. — Даже под весом доспехов и оружия он двигался, точно готовый к прыжку хищник, его внимательный взгляд постоянно перемещался, ноздри раздувались, словно пытаюсь учуять опасность. — Я их ненавижу всеми фибрами души.

— Жестковато.

Арес повернулся к ней. Он дрожал от ярости, но девушка инстинктивно сознавала, что это чувство направлено не на нее.

— Один из них убил моего брата и сыновей.

— Какой ужас! — У Кары комок застрял в горле, и, чтобы продолжить, ей пришлось пару

раз сглотнуть. — И что ты сделал?

— Я веками гонялся за этим ублюдком. Зарезал нескольких псов из его своры, но его самого убить так и не сумел. В конце концов он со своими сородичами добрался до меня, парализовал укусом и несколько дней жрал меня заживо.

О боже!

— Они... *питались* тобой?

— Да, благодаря моей способности восстанавливаться. Я хорошо их накормил. И я чувствовал каждый укус. Когда один из них оторвал мне ногу у самого бедра, в агонии я не мог даже потерять сознание. А затем мне пришлось наблюдать, как они ее грызут — прямо около моей головы.

К горлу Кары подступила тошнота. Она не могла представить Хэла, этого умильного щенка, нарезавшего круги по траве, за таким занятием.

— Да, он бы это сделал, — сказал Арес, каким-то образом догадавшись, о чем она думает. — Он всего лишь щенок, но, когда вырастет, станет здоровенным, как чертов буйвол, и жажда крови у него будет не меньше.

— Как тот, кто напал на тебя в твоём доме? Отец Хэла?

— Отец Хэла — тот самый цербер, что убил моего брата и сыновей.

О... *дьявол!*

— Хэл... он бы не... Да ты посмотри на него.

Хэл подпрыгнул и, кляцнув челюстями, схватил испугнутую птицу. В одно мгновение бедной птички не стало, и только перья кружились над головой щенка.

— Разумеется, — сухо сказал Арес. — Посмотри на него.

— Негодник! — возмутилась Кара. Хэл завилял хвостом и, склонив голову, захлопал ушами и стал пускать слюни. Разве может такой щенок стать дьявольским созданием, о котором говорил Арес?

Всадник фыркнул.

— Просто подожди, и вместо птичек он начнет ловить людей.

— Значит... — Девушка болезненно сглотнула. — Значит, вот чем они питаются?

— Обычно — нет. Они обитают в Шеуле и редко попадают в мир людей, если только их не призвали или не перенесли туда.

— Выходит, он может перемещаться туда-сюда? Он охотится в Шеуле?

Арес порывисто кивнул.

— Хэррогейты им не нужны, и обычно на земле они невидимы для человека. Вообще-то этот щенок может быть невидим уже сейчас. А мы его видим только потому, что сами — часть сверхъестественного мира.

Девушка провела пальцами по груди, ощутив под рубашкой выступающие рубцы *агимортуса*.

— Из-за этого.

— И из-за связи с Хэлом.

Взгляд Ареса упал на то место, где она коснулась метки, и энергия, исходящая от Всадника, из опасной превратилась в чувственную.

Тогда, в доме Тана, он сказал, что чувствует то, чего не должен. Что хочет сохранить ей жизнь не только ради того, чтобы защитить свою Печать. И что хочет наброситься на нее и обладать ею, пока оба не упадут без сил.

А вот ей лучше бы не хотелось ничего такого. Ну, разве что секса. Раскрыть душу еще раз стало бы для Кары огромной ошибкой. Но каждый раз, когда ей удавалось разглядеть за мечом мужчину, каждый раз, когда Арес укрывал ее в своих надежных объятиях, просыпалась часть души Кары, желавшая, чтобы о ней заботились и ее защищали. Всадник знал о ее даре, знал, что она натворила с его помощью, и не относился к ней как к уроду. Одно только это уже стоило очень многого.

— Что это, Арес? — Наверное, ей не стоило задавать вопросы, но тактичностью она никогда не отличалась. В нынешней ее жизни и без того хватало неопределенности, и девушка хотела разобраться хотя бы в этом. — Я не умею читать ваши знаки, и я не знаю, кто ты.

— Я воин.

— Ну да, я знаю, что ты так говоришь о себе, но вот почему? Ты воин по рождению? По собственному выбору? В силу обстоятельств?

— Всё, что ты перечислила. — Всадник кивнул в сторону выхода. — Нам надо идти.

Кара схватила его за запястье, и он напрягся, но не оттолкнул ее.

— Когда ты родился?

— Проклятие, Кара, у нас нет на это времени! — Слова были злыми, но он страдальчески вздохнул, и девушка поняла, что победила. По крайней мере, пока.

— Порадуй меня. Я сделала всё, о чем ты просил. Давай же!

Арес скептически изогнул бровь.

— Оргазмов недостаточно?

В животе у нее запорхали бабочки.

— Женщины любят поболтать в постели, а ты меня этого лишил.

— Я хотя бы принес тебе подушку. — Поймав ее хмурый взгляд, Всадник закатил глаза. — Я родился примерно в тридцать втором веке до нашей эры.

— Ты знал, кто ты такой?

Арес посмотрел на серое небо.

— До двадцати восьми лет я считал себя человеком. Моя мать, демон, вытащила из колыбелей человеческих младенцев и положила нас на их место. Она применила какие-то

чары, чтобы заставить наших человеческих родителей дать нам имена, которые сама же и выбрала.

— А что случилось с детьми, которых она украла?

Он заколебался.

— Тебе не захочется этого знать.

Да уж, скорее всего, так и есть.

— Где ты вырос?

— В Египте. — Арес с ненавистью смотрел мимо нее на Хэла. — А теперь нам пора идти.

Притворившись, что не слышала, Карагнула свое:

— У тебя были дети. Ты был женат?

— Я и так развлекал тебя слишком долго... — Всадник развернулся так резко, что Кара вскрикнула. — Кто ты? Покажись!

Она услышала хруст гравия, и из-за ворот поместья выглянул мужчина.

— Я... я — Дэвид. Хранитель.

Из-за спины Кары донеслось басовитое утробное рычание — припав к земле, к ним подполз Хэл. Девушка положила руку ему на голову, успокаивая прикосновением.

— Все хорошо, Хэл. Ш-ш-ш.

Последнее, что им было нужно, — это цербер, рвущий на куски члена Эгиды, одного из убийц демонов.

Арес взял Кару за руку и повел к дороге. Хэл поплелся следом, всё еще прижимая уши и оскалившись в беззвучном рычании. Подняв руки, Хранитель благоразумно попятился.

Когда они шагнули за пределы территории Эгиды, лес внезапно ожил. Твари возникали из-за деревьев, из-под земли, из воздуха, и у девушки вопль застрял в горле.

Грациозным взмахом руки Арес одновременно выхватил меч и распахнул Хэррогейт.

— Кара, беги!

Он прыгнул и развернулся, снеся демону голову, пока Кара пробиралась к воротам.

Что-то обхватило горло девушки и дернуло ее назад. Задыхнувшись, она попыталась ослабить веревку, упираясь каблуками, а серокожий демон тянул ее к себе. Мимо Кары промелькнул вихрь из черной шерсти, зубов и когтей, и схвативший ее демон завопил — Хэл рвал его на части.

— Кара!

На Ареса замахнулся жуткий демон с крюками вместо рук. Один из крюков вонзился в броню. Всадник упал навзничь, одновременно ударив кинжалом. На твари не осталось ни царапины.

— Твое присутствие... — он прервался, чтобы врезать по плоской роже другого демона, — ...плохо влияет на мои боевые способности.

Кара кинулась к воротам, но в паре шагов от входа ее сбил с ног зеленый чешуйчатый демон. Девушка ударилась о землю так, что из груди вышибло воздух. Она попыталась вдохнуть, но легкие словно огнем жгло, и тут ее сковал ужас: к горлу летело жуткое зазубренное лезвие.

Раздался рев, и возникший рядом Арес ударил демона ногой по голове. Лезвие выпало из когтистой лапы, и Кара выкатилась из-под окровавленного демона. Она схватила кинжал и вслепую метнула его в другого демона, который замахнулся на нее. Кинжал вонзился в брюхо тщедушного существа. Оно завизжало и упало, но на его месте тут же возникло

другое. Арес снес голову и ему. Если так Всадник сражался, будучи под ее влиянием, то девушка и представить себе не могла, каков же он в настоящем бою.

Хэл вцепился в очередного демона, бросившегося к ней, и на землю брызнула синяя кровь. На тварей обрушился дождь стрел, и Кара увидела бегущих на помощь Хранителей. Кто-то стрелял из арбалетов, другие были вооружены клинками.

— Врата! — вскричал Арес, и — да, она пыталась. Она проползла через самую гущу схватки, добралась, наконец, до мерцающей завесы света и прошла сквозь нее.

Девушка оказалась на греческом острове Ареса. Хэл выскочил следом, приземлившись прямо на нее. Он был весь в крови, и она тут же стала ощупывать его, ища раны. У цербера была пара царапин, и даже без призыва ее дара волна тепла потекла в его тело. Кара зашипела от удивления и вспышки боли, и тут подбежали служащие Ареса. Какое безумие — ее обступили демоны, а всё, что она чувствует, — это облегчение?!

— Кара! — к ней бежала Лимос, всё еще в доспехах. — Где Арес?

Кара встала на ноги.

— На нас напали демоны. Он с ними сражается...

— Ладно, пошли внутрь.

Она схватила Кару за плечо, и Хэл злобно зарычал. Отскочив, Лимос потянулась к кинжалу на бедре.

— Нет! — Кара перехватила руку Лимос. — Не дразни его. Всё в порядке, Хэл. Будь умничкой. Это друзья.

От животного исходила волна раздражения, но он перестал рычать. *Где мы?*

— В безопасности, — ответила Кара и заморгала, осознав, что поняла его. Совсем как во сне. — Это остров Ареса.

Я на страже. Я тебя охраняю. Не попрощавшись, он обошел Рамрилов и исчез в кустах.

Кара позволила Лимос увести себя в дом.

— С Аресом все будет нормально? Демонов было так много. Может, тебе стоит помочь ему?

Лимос фыркнула.

— Он в порядке, уж поверь мне.

— Но там было много людей из Эгиды. Арес беспокоился о ловушках.

— Послушай, человек, — Лимос провела пальцами по горлу, и ее доспехи исчезли, снова уступив место гавайскому платью. — Он бессмертен. Пока там не будет церберов...

— Они там, — соврала Кара.

Лимос застыла.

— Что? Ты уверена?

— Да. — Кара сглотнула, чувствуя себя неуютно из-за вранья, но не желая рисковать безопасностью Ареса. — Пожалуйста! Помоги ему!

— Черт! — Лимос открыла врата, но, прежде чем уйти, ткнула в Кару пальцем. — Сиди здесь и ни в коем случае не выходи из дома.

— *Что Кара тебе сказала?* — зарычал Арес на Лимос, пригвоздив последнего демона мечом к земле, точно бабочку для коллекции. Хранители наводили порядок после битвы, подсчитывая потери. Похоже, что ранения получили все, двое — смертельные, а один

Хранитель был мертв. Мертв, как и несколько десятков демонов, тела которых уже разлагались.

Остальные спаслись бегством, когда Каре удалось пройти в Хэррогейт. Видимо, как только их цель исчезла, тварям расхотелось слоняться здесь, рискуя быть убитыми Аресом и его друзьями из Эгиды.

Лимос вытерла клинок о траву.

— Соврала. Я ее убью.

— Не раньше, чем я до нее доберусь. — Из-за вранья она осталась без Всадника способного ее защитить. Арес выдернул меч из тела демона. — Тан уже успокоился?

— Ага. Отправился в Новую Зеландию расследовать весть о Падшем ангеле.

— Помоги ему, — сказал Арес. — Падший ангел нам как раз нужен. И немедленно.

Лимос шутливо отдала честь:

— Есть, сэр!

Ее сарказм смягчила озорная улыбка, она быстренько соорудила Хэррогейт и шагнула в него.

Арес последовал ее примеру и вышел у себя в гостиной. Там не было никаких признаков человека.

— Кара! — взревел он.

Из кухни вышел Торрент, держа в руках дымящуюся тарелку, наполненную жареной бараниной и овощами. Между его ног проскочил Рэт.

— Пару секунд назад она была тут, — сказал он.

— Проклятие! — Всадник отправился прочесывать дом. Гнев сменился страхом. В его спальне девушки не было, в остальных спальнях тоже. По мере того, как он обыскивал комнаты и находил их пустыми, тревога росла.

А потом внезапная догадка чуть не сшибла его с ног.

Та комната.

По его жилам вязко, точно ил, растекся ужас, и Арес метнулся в конец прихожей, за кладовую. Дверь в лестничный колодец была приоткрыта, подтверждая его подозрения. Мужчина помчался вниз по каменным ступеням, перескакивая сразу через три. В узком, грубо сделанном колодце царил темнота, но в комнате на самом дне ярко горел свет.

Он сам настоял, чтобы комната была освещена. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Арес достиг подножия лестницы и, заскользив, остановился. Кара стояла у старинного книжного шкафа, повернувшись так, что ему отчасти был виден ее профиль. Она открыла украшенную мозаикой шкатулку, которую он там хранил, и держала в руках ее содержимое. Безотчетный гнев смешался с адреналином и страхом за девушку, и он накинулся на нее:

— *А ну прочь от шкафа!*

Кара подскочила, резко обернулась и чуть не выронила глиняные фигурки лошади и собаки. Боже! Если они разобьются, он... просто... О боже!

— Извини... я...

— Рылась в моих вещах.

Очень бережно девушка положила фигурки в шкатулку, и они легли туда с сухим стуком. Она провела большим пальцем по бронзовому кольцу с матово-зеленым изумрудом.

— Оно прекрасно, — прошептала Кара.

У Ареса комок подступил к горлу.

— Это моей жены.

Кара положила кольцо в шкатулку.

— А остальное?

— Моих сыновей. А теперь уходи.

— Тут горел свет...

— Уходи. Отсюда.

— Я просто хотела узнать о тебе побольше.

— Я уже сказал, что мою семью убили. Чего тебе еще нужно?

Всадник шагнул внутрь, и комната точно сжалась вокруг него. Он не заходил сюда несколько десятков лет. Вулгрим поддерживал чистоту, здесь всегда горел свет, но зайти Арес не решался. Осознание того, каким трусом он себя выставляет, делало его настроение только хуже.

— Уходи.

В глазах девушки мелькнула жалость. Черт подери, вот только этого и не хватало!

— Я сожалею о твоей семье.

Она закрыла крышку шкатулки так мягко, что он едва услышал щелчок, с которым закрылся крошечный замочек. Кара обвела взглядом комнату — в ней хранилось всё его имущество, которое удалось сохранить со времени человеческой жизни.

— Почему здесь горел свет?

Да сколько раз он уже велел ей уйти, а она всё еще стоит здесь и спрашивает про свет? Ему следовало бы вышвырнуть ее отсюда, но Арес не мог себе позволить прикоснуться к ней. Он был слишком зол и слишком ее хотел.

— Я никогда его не выключаю. Мой младший сын боялся темноты.

В то время ему это казалось глупостью. Тогда он не понимал детских страхов, потому что сам в детстве не боялся никогда и ничего.

Всаднику уже всерьез стало тесно в комнате. Он не стал больше прогонять Кару. Он сам убрался ко всем чертям. Иногда лучшая стратегия — отступить и перестроиться.

Кара звала его, но он продолжал идти, не останавливаясь, пока не оказался в личном трехстенном патио, в который выходила его комната. Всё, чего ему хотелось — это побыть минуту в одиночестве...

— Арес!

Дьявол! Арес не стал оборачиваться. Вместо этого он смотрел на море, наблюдая, как сверкают на воде последние лучи солнца. Это было его любимое время суток, когда дневные существа мало-помалу исчезали, а ночные жители только начинали шевелиться. В этот краткий промежуток всё было тихо. В его военные годы это время называли «сумерками мира», потому что любая, даже самая жестокая битва замедлялась на несколько минут, пока все пересматривали тактику.

— Что произошло? — тихо спросила Кара. — Я имею в виду, почему всё это хранится внизу?

Вдалеке на греческом побережье начали загораться огни, и струйки дыма из печных труб и от костров на пляже, лениво завиваясь, поднимались к редким облакам. Аресу же казалось, что сейчас больше уместны были бы шквальный ветер, ливень и, может быть, парочка торнадо.

— Мне было двадцать восемь. Я жил с братом, женой и сыновьями. В то время я считал себя человеком и не знал, что люди, опустошившие наш город, — адские твари в

человеческом обличье. Я отослал сыновей вместе с братом, и они сбежали из города, но демоны схватили меня и мою жену. Они заставили меня смотреть, как ее пытаются, а потом убивают. После этого меня отпустили. Позже я узнал, что это «визитная карточка» ада. Для меня и моих братьев пришла пора вернуться домой.

— Что ты сделал? — голос Кары был мягким, как морской бриз, ласковым, и это была единственная причина, по которой он продолжил.

— Я разыскал Эккада и своих сыновей, и мы собрали армию, а в это время из ада валом валили демоны, уже в своем истинном облике. Во время мятежа из Шеула сбежала Лимос и, разыскав нас, объяснила, какова наша истинная сущность. Объяснила, что нам было предназначено присоединиться к силам зла и использовать наши знания о людях для их же истребления. Она предупредила меня, что демоны пойдут на всё, чтобы заполучить нас в союзники. Что если я не присоединюсь к ним, то мои сыновья погибнут. Я не послушал ее. Я считал, что смогу защитить свою семью.

Покачивая головой, Арес фыркнул.

— Каким же глупцом я был! Два года мы с моими братьями и сестрой сражались с демонами. Эккад был моей правой рукой, моим стратегом, и я учил сражаться своих сыновей. Они даже совсем маленькими были похожи на меня — сильные, быстрые, мгновенно исцелявшиеся. Однажды демоны сильно превосходили нас в числе, битва была особенно жестокой, и я отправил моих мальчиков вместе с Эккадом обратно к палатке командования. Вернувшись, я нашел их. — Арес закрыл глаза, но темнота не могла стереть воспоминаний. — Цербер...

— Хватит. Тебе не нужно ничего больше говорить.

— Нет, нужно. — Всадник прерывисто вздохнул. — Мои брат и сыновья погибли из-за меня. Из-за того, что демоны точно знали, куда нанести удар. И в тот день я перешел на сторону зла так, как только позволяла несломанная Печать. Я обезумел от ярости. Я собрал еще людей в свою армию... подкупил их, принудил, заставил. Мужчин, женщин, детей. Не имело значения. Всё, чего я хотел, это смерти демонов. Люди были лишь средством. Я отверг стратегию, которая заняла бы больше времени, но сохранила бы им жизни, и вместо этого предпочел быструю победу ценой огромных потерь. По сути, я послал их на смерть ради собственных нужд. Мои братья и сестра помогали мне, и это продолжалось, пока ангелы не умилили нас и не прокляли.

Арес почти ощущал исходившее от Кары отвращение. Он отчетливо слышал его в ее хриплом голосе.

— Почему об этом нигде не написано?

— Потому что ангелы всё исправили. Они стерли воспоминания, создали альтернативный ход истории и уничтожили все письменные свидетельства. По сути, с того момента мир начал существование заново.

Наступила тишина, слышно было только, как морские волны разбиваются о скалы внизу.

— Если демоны перебили твою семью...

— Почему я держу их на службе? — он не стал ждать ее ответа. — Я нашел Вулгрима, когда он был ребенком. Его стая вымерла от чумы. Те, в ком еще теплилась жизнь, уже были при смерти. Все, кроме Вулгрима. Лимос считает, что его отец происходил из другой стаи, у которой развился иммунитет к той болезни. Вулгрим был слишком мал и не мог позаботиться о себе. Я не знаю, почему не бросил его, мне никогда не нравились Рамрилы,

но я забрал его. Принес домой и выхаживал, отпаивал козьим молоком.

— Как мило с твоей стороны.

Арес пожал плечами, по-прежнему не отрывая взгляда от моря. Волны потемнели, хотя под водой светились маленькие дорожки впитавших дневной свет водорослей.

— Он оказался хорошим парнем. Подростком был с причудами, а когда вырос, стал смышленным, и его верность мне неоспорима. Он считает меня отцом.

— И сейчас он... твой слуга?

Всадник рассмеялся.

— Вулгриму нравится прикидываться, что его заставляют прислуживать, но это не так. Я отношусь к нему как к равному, предлагал поселиться в собственном доме, где он сам захочет. Вместо этого он остался здесь. Он живет со своим товарищем на другом краю острова и отвечает за обязанности целого штата прислуги. Все местные Рамрилы — часть его стаи, а сын, Торрент, — его правая рука.

— Ты к нему очень привязан.

Больше, чем он осмелился бы признаться вслух. Арес помнил, как пытался научить Вулгрима ездить верхом и только после десятка падений осознал, что из-за своего телосложения Рамрилы на это просто не способны. Вулгриму нравилось рассказывать эту историю, когда он чувствовал, что Всаднику нужно ощутить себя оскорбленным. Арес делал вид, что раздражен, но на самом деле ему нравились такие поддразнивания, на которые мало кто осмелился бы.

— Забавно, — сказал он. — Иногда я размышляю, что было бы, если б он вырос вместе с моими сыновьями.

Если бы они не... да.

Снова стало тихо, а затем раздалось:

— Ты любил жену?

Он улыбнулся, но Кара этого не видела.

— Любовь никогда не была частью нашей жизни. У нас был брак по расчету. Моя жена знала, чего от нее ждут, и она вполне меня устраивала.

— *Вполне устраивала?* Похоже, жизнь у нее была слаще сладкого.

— Ей хорошо жилось. — Единственной жестокостью по отношению к ней было то, что ее убили. — Нет нужды возмущаться от ее имени. Я ее не бил, позволял тратить деньги на удовольствия и не заводил любовниц.

— Какой ты заботливый.

Всадник повернулся к Каре и убрал с ее лица развевающийся локон.

— С заботой это не имеет ничего общего. На самом деле я вел себя как ублюдок. Женщины просто не интересовали меня. Сражения — вот что было по-настоящему важно. — Он сдвинул брови. — Греческий бог Арес — это на самом деле я.

Кара закатила глаза.

— Поднимаешь самооценку?

— Я скучаю по временам Древней Греции. Быть богом было круто. — Он вздохнул. —

А

потом появились религии единобожия и всё испортили.

— Ого! Очень тебе сочувствую.

В ответ на ее сарказм Арес рассмеялся.

— Наверное, людям стало проще жить, но большую часть они поняли неправильно.

Современные люди и не подозревают, сколько раз за века имела место подтасовка фактов. Меня изумляет, что люди проводят больше времени, изучая новые машины, чем религию, которой доверяют свои души. Им следовало бы пересмотреть свои убеждения. История поразила бы их до чертиков.

Одна из изящных бровей девушки поднялась.

— Сдается мне, кто-то злобствует из-за того, что перестал быть греческим богом. — Ехидно ухмыльнувшись, Кара скрестила руки на груди, от чего ее грудь соблазнительно приподнялась. — Но вы с братьями и сестрой, должно быть, оттягивались по полной, пока наблюдали за ходом истории и принимали в нем участие.

— Иногда, — сознался Арес. Он снова повернулся к морю и остановил взгляд на пляшущем свете фонарей каких-то лодок вдалеке. — Но по большей части мы проводили время, просто наблюдая за происходящим и гадая, не те ли это предзнаменования, что предшествуют уничтожению наших Печатей. К несчастью, мы пробездельничали слишком долго, а следовало бы как следует постараться найти или защитить наши агимортусы.

— Извини, — мягко сказала Кара. — Я вела себя как эгоистка. — Мужчина почувствовал ее ладонь у себя на спине и не мог двинуться с места.

— Эгоистка? Ты лишилась всего. Разве ты можешь быть эгоисткой?

— Я не подумала о том, до чего ужасно это должно было быть для тебя. Брат обернулся против тебя, и возможно, рано или поздно ты не выдержишь, и с тобой случится то же самое.

Боже! Да она всерьез. Ее правда заботят его чувства. Арес сомневался, нравится ему это или нет, но точно знал, что говорить об этом не хочет.

— Зачем ты соврала Лимос?

Рука девушки скользнула к его шее, и сильные гибкие пальцы начали массировать напряженные мышцы. Он только что рассказал ей о своих злодеяниях, а она всё еще хочет прикоснуться к нему. Успокоить его. Арес этого не заслуживал, но не сделал ничего, чтобы остановить ее.

— Кара? Зачем?

— Я волновалась за тебя.

На каком-то уровне ее признание обрадовало его. Но на гораздо более высоком и темном — чертовски взбесило. Она что, считает, что он не способен о себе позаботиться? Собственная жизнь ее не волнует? Мужчина резко повернулся к ней:

— Кара, это было глупо. Ты оставила себя без защиты. Тебе что, нравится, когда на тебя нападают? В этом всё дело?

— Н-нет. — Она отпрянула, и в ее глазах мелькнул страх — тень испуга, которую он слишком часто видел за свою жизнь.

Дерьмо! Арес потянулся к девушке, но злобное рычание заставило его застыть на месте, а горячее зловонное дыхание, обдавшее ухо, отправило его сердце в такой галоп, что и Битва позавидовал бы. Всадник и не глядя понял, что за стеной притаился Хэл, и что зубы цербера — в каких-то сантиметрах от его горла.

— Хэл, — голос Кары звучал настолько спокойно, что никто бы не догадался, что несколько секунд назад она выглядела так, будто не выдержит и расплечется. Проклятие... всё это время он хотел сделать ее жестче, но она уже такой была. Она пришла в норму легко и полностью, и это впечатляло.

— Он не причинит мне вреда.

Пес не переставал рычать, очевидно, не купившись на слова Кары. Он ринулся вперед, и его челюсти внезапно оказались на горле Ареса. Клыки не прокололи кожу, но Всадник не мог двинуться с места без того, чтобы не оказаться укушенным или поцарапанным.

— Кара! — процедил он сквозь зубы. — Какого. Хрена?

Девушка облизнула губы.

— Твой гнев его пугает. Он думает, что ты меня обманываешь.

— Убеди его в обратном. — А потом он разыщет шамана, мага, чародея... кого угодно, кто сможет разрушить связь с цербером, потому что эта придурочная шавка должна сдохнуть, и ее папенька — вместе с ней.

Кара медленно приблизилась к ним. Одной рукой она обвила шею Хэла, а второй обхватила затылок Ареса. Ее грудь мягко прижалась к груди Всадника, а потом девушка встала на цыпочки и прижалась губами к его губам. И — удивительное дело! — рык цербера стал утихать.

— Видишь, Хэл, — прошептала она мужчине прямо в губы. — Арес не причинит мне вреда.

— Она обняла Всадника за шею, и ее ногти вонзились так глубоко, что он зашипел. От удовольствия.

— Правда ведь?

— Да, — сказал он ей в губы. — Никогда.

Но он — воин, и если пришлось бы решать, причинить ей вред или спасти мир, Арес знал, что бы выбрал. Впервые эта идея действительно беспокоила его, и впервые он действительно ощутил себя Войной.

Кара понятия не имела, что это Хэл вытворяет. Он выскочил из ниоткуда, уверенный, что Арес собирается причинить ей боль, и не обращал внимания на ее увещевания.

Он может тебя убить.

— Он этого не сделает.

Но он может. Он плохой. Он убивает мою стаю. Он пытался убить отца.

— Знаю, — прошептала Кара. Боль и смерть, которые Арес и Хаос обрушили друг на друга, ошеломляли.

Я его укушу.

— Нет! — Она погладила пса, отчаянно желая его успокоить. — Я нуждаюсь в нем, как и в тебе — он тоже меня защищает. Очень многие плохие люди хотят моей смерти. Ты ведь об этом знаешь, верно?

Хэл зарычал. *Я их убью.*

Все эти разговоры об убийствах беспокоили Кару уже всерьез, и она не знала, сможет ли когда-нибудь привыкнуть к этому миру, этим существам. Черт побери, да ей и не хотелось привыкать. Никому не хочется привыкать к смерти.

— Хэл, ты должен кусать только тех, кто собирается причинить вред нам.

Таких, как Война.

— Он ничего нам не сделает. — Без сомнения, Аресу, который мог слышать только одного участника диалога, эта беседа казалась странной. К тому же мужчина до сих пор был напряжен. Любое движение его мышц заставляло огромные когти Хэла сильнее вцепляться в стену. Лапы цербера оставляли на камнях подпалины, прочерчивая широкие черные борозды. Это зрелище жутко пугало, и Кара невольно задумалась, какие еще сюрпризы преподнесет ей цербер. Она медленно провела рукой по мягким волосам Всадника и убедилась, что Хэлу видно, как она потерлась носом о щеку мужчины.

— Видишь? Я ему нравлюсь.

Раздалось неуверенное рычание. Кара снова прижалась губами к губам Ареса.

— Поцелуй меня, — пробормотала она. Она понимала, что Арес едва может двигаться, но он слегка наклонил голову и прижался к ее рту. И, хотя это могло показаться безумием, ощущение его губ заставило ее кожу запылать.

Девушка целовала Всадника, и постепенно Хэл перестал рычать. Он ослабил хватку на горле Ареса, и тот сразу расслабился. Однако мудро не стал отодвигаться от Кары. Наоборот — его рука обвила ее талию, и он крепко прижал девушку к себе.

— Хэл, ты можешь идти. Охраняй меня, патрулируй остров. Ищи крыс.

Вкусно. Хэл оскалился и бросил на Ареса предупреждающий взгляд. *Он опасен.*

Это было правдой, но Кара ничего не сказала, просто обняла мужчину. Хэл исчез за стеной. Она подумала, что теперь Всадник отпустит ее, но вместо этого он снова ее поцеловал.

— Терпеть не могу твоего пса, — пробормотал он ей в губы. — Хочу сделать из него чучело и повесить на стену. Но я устал сражаться с ним, с тобой и собой.

С собой?

— Ты о чем?

Он провел длинными пальцами по крошечному серповидному шраму на горле, и его

броня растаяла, но он по-прежнему прижимал Кару к груди. Арес раздвинул коленом ее бедра, и девушка чуть не застонала, ощутив восхитительное давление его твердых мышц.

— О том, что иногда, чтобы выиграть войну, нужно сменить тактику. — Он улыбнулся, не отрываясь от ее губ. — Для меня это нетрудно.

Арес подхватил девушку на руки и, прежде чем она смогла запротестовать... или подбодрить его... опустил ее на стоявшую в патио тахту. Мягкие подушки подались под их весом. Его мозолистая ладонь скользнула ей под рубашку, и она вздрогнула, ощутив прикосновение к своей обнаженной груди.

— Ты без лифчика, — пробормотал мужчина. — Спасибо. Ненавижу эти штуки. Ничего более дурацкого люди не изобретали.

Кара обхватила его руку своей, поощряя, наслаждаясь его нежностью и грубостью, долгими поглаживаниями и дразнящими прикосновениями к соскам. Ее грудь набухла и болела. Арес, словно зная, что ей хочется большего, стянул с нее рубашку, бросил на пол и припал к груди губами. Он втянул чувствительный сосок глубоко в рот, поглаживая его языком, и она лежала, ошеломленная, почти не дыша, такая мокрая...

— Да-а-а... — ее стон удовольствия плыл в сумерках, сливаясь с шумом волн и далекими криками морских птиц. Ничего более приятного ей испытывать не доводилось. Эту минуту она не забудет никогда.

«Никогда» может продлиться очень недолго.

Выбросив мрачную мысль из головы, Кара вонзила ногти в плечи Ареса и выгнулась, чтобы ощутить его тело. Бедрa мужчины раздвинули ее ноги, и его член оказался именно там, где ей хотелось. Ее охватил жар, похоть пьянила.

Вскоре Арес уже расстегивал молнию на джинсах Кары, а ее руки отчаянно дергали застежку брюк Всадника, высвобождая его член. Высвободив, она обхватила член рукой и сжала, наслаждаясь отчаянным стоном, вырвавшимся из горла мужчины.

Арес смотрел ей в глаза, и в его взгляде пылало вожделение. Опираясь на одну руку, он просунул вторую к ней в трусики, пальцы заскользили между половых губ, и он застонал.

— Ты такая влажная. — Палец вошел в нее, и она чуть не кончила. — Такая тугая.

— А мне казалось, я слишком слаба для тебя. — Кара сжала его член, растерла пальчиком капельку влаги на головке, и Арес задохнулся от удовольствия.

— Я ошибался, — прохрипел он. — Я видел, как ты управляешься с Битвой, Хэлом... и со мной. Как же я ошибался!

Он спрыгнул с тахты, стянул с девушки джинсы и быстро сбросил с себя одежду. Оставшись обнаженным, Всадник встал перед ней — потрясающий образчик мужественности. К ее удовольствию, кожа между ног у него была такой же гладкой, как и на груди. Когда он погладил свой напряженный член, у нее заколотилось сердце.

— Я никогда этого не делал. — Он сжал член, и она не могла отвести глаз от его руки — долгие, медленные движения вниз, а потом вверх, до самой головки, и легкое поглаживание.

— Э-э-э... ты никогда... не мастурбировал?

Его тяжелые веки были полуопущены, но напряжение ничуть не уменьшилось.

— Я никогда так не медлил. С *самками* всё всегда было грубо и жестко. — Арес опустил на колени меж ее бедер, не переставая ласкать член. — Всегда соревнование — кто первым попросит пощады. Кто-из-трахающихся-самый-сильный.

Перед ее глазами возникли картинка, где Арес с другими женщинами... самками, как

он их назвал, и Кара ощутила острый укол ревности, но, представив вместо них себя, запылала от желания. Эта первобытная сексуальная энергия, обрушившаяся на нее со всей своей природной силой... *О боже!*

— Я хочу этого.

Ее слова заставили Ареса вздрогнуть, и движения его руки ускорились. Эта мысль его взволновала.

— Не... сейчас.

По-прежнему считает ее слишком слабой. Но если то, что она умирает, — правда, то сильнее ей уж точно не стать.

— Арес...

— Нет. Ты не такая, как те, другие. Я хочу, чтобы на этот раз всё было иначе. — Подавшись назад, он опустил голову между ее ног. Безо всякого предупреждения его горячий, влажный язык вошел в нее.

Кара выгнулась дугой и упала бы, если бы он не сжимал ее бедра и не держал ее крепко, не давая отодвинуться. Поглаживания языком перемежались с мучительно медленными, нежными нажатиями на клитор и глубокими проникновениями внутрь.

— На вкус ты словно океан. О, черт... — застонав, Арес закинул ее ногу себе на плечо. Большими пальцами он раскрыл ее навстречу ночному воздуху и своему горячему дыханию. Она приподняла бедра, поощряя его... но он в этом не нуждался. Мужчина удовлетворял ее с удвоенной силой, искусно и чувственно заставляя балансировать на грани оргазма несколько бесконечных блаженных минут. Волны желания накрыли Кару, лишив возможности думать. Голова у нее кружилась, и, прежде чем она осознала, что делает, ее пальцы запутались в его мягких волосах, направляя чудесный язык туда, где он был нужен больше всего.

Арес больше не дразнил ее. Он трудился над ней целенаправленно, и, когда она начала вырываться, ловя ртом воздух, мужчина зарычал и удвоил усилия. Он сосал ее, одновременно входя в нее языком в опустошающем ритме. Ее оргазм был подобен урагану, вихрю экстаза, и, прежде чем он сошел на нет, Арес устремился вперед и навис над девушкой, опираясь руками по обе стороны от ее лица. Крупная головка его члена уткнулась ей в живот.

— До чего же мне нравится, как ты кончаешь, — прошептал он ей на ухо. — Ты не сдерживаешься — именно это любят мужчины.

От его слов у нее прервалось дыхание. Всадник потерялся вздыбленным членом между ее половых губ, скользя по самому чувствительному месту, и для Кары всё потеряло смысл. Она хотела одного — ощутить его внутри себя.

— Подожди. — Она шлепнула ладонью по его груди. — А защита?

Арес поднял голову и озадаченно нахмурился.

— Моя стража дежурит неподалеку... а, ты про предохранение.

Она кивнула, отчаянно надеясь, что его стража ничего не слышала.

— Я не могу ни подхватить болезнь, ни заразить кого-то, а еще каждые два месяца принимаю черепную траву, чтобы мое семя не могло укорениться.

Звучит, конечно, странно, но кого это волнует? Она всё еще горела желанием, всё еще трепетала от оргазма и просто хотела, чтобы он не тянул. Больше не раздумывая, Кара направила его в себя.

— Сейчас, — хрипло сказала она.

— Сейчас, — согласился Арес и, подавшись вперед, вошел в нее. Они оба застонали.

Его тело было напряжено, мускулы играли, и, когда он откинул голову назад, на шею

обозначились сухожилия. Они двигались в унисон, девушка обхватила ногами его талию и сцепила лодыжки у него на ягодицах.

— Как... — выдохнул он, — как же хорошо. Ты... всё еще пульсируешь.

Морской бриз окутывал ее, смешиваясь с запахом теплой кожи Ареса, жаркого секса и сладким запахом цветов, окаймлявших стены патио. Внезапно мужчина откинулся назад, сжал ее бедра и стал наблюдать за их совокуплением. Это было чертовски возбуждающе, и Кара не на шутку завелась. Она уперлась ступнями в тахту и, оторвав бедра от подушек, отвечала на каждый его мощный толчок.

Зрелище того, как он наблюдает за ними, и то, как это на него действует, привело ее на самый край. Его широкая грудь вздымалась от глубоких прерывистых вдохов, глаза горели, и всё же она чувствовала, что он сдерживается. Он двигался в ней со страстью, которой она никогда не видела у своих прежних любовников... студента, с которым лишилась невинности, и Джексона... но Арес сдерживал свою огромную силу.

Она. Не. Слабачка!

В Каре пробудился древний первобытный женский инстинкт, и она, зарычав, приподнялась и вонзила ногти в грудь мужчины. От удивления и боли тот вскрикнул. Она не пощадит его. Девушка безжалостно царапала плечи и кубики сокращающегося пресса. Последовал рев удовольствия, мощный рывок, и внезапно Кара обнаружила себя стоящей коленями на подушках и прижатой спиной к стене, от ударов о которую ее уберегала рука Ареса. Ее ноги были широко разведены, Арес стоял между ними на коленях, и его бедра двигались точно поршни — он глубоко и быстро вонзался в нее.

Помотав головой, Всадник впился зубами в местечко между ее плечом и шеей, и, боже милосердный, она пропала. Он обладал ею быстро и уверенно, и она наслаждалась этим плотским единением. Он оставлял на ней свои отметины зубами, всем телом, и даже синяки, которые у нее появятся, будут доказательством владевшей им дикой страсти.

Оргазм вспыхнул в ней ярко, точно греческое солнце, сжигая Кару изнутри. Всё в ней продолжало пульсировать от наслаждения, пока Всадник гортанно не выкрикнул проклятие. Его тело сотряслось, и девушка ощутила горячую струю спермы. Ее снова пронзил оргазм, может быть, и его тоже.

Даже обессиленно прислонившись к Каре и уткнувшись ей в шею, Арес еще долго продолжал двигаться в ней.

— Ты в порядке? — удивительно приятное ощущение дыхания на разгоряченной коже.

— Лучше... не бывает, — выдохнула она.

Арес порывисто отодвинулся от стены и уронил их обоих на подушки. Теперь он лежал на спине, а она — на боку, обняв его и закинув на него ногу. Тяжелый обмякший член, поблескивая, лежал у него на животе, грудь мужчины вздымалась и опадала от постепенно успокаивающегося дыхания.

— Нам нельзя больше заниматься этим, Кара. — Арес рассеянно провел пальцами по ее бедру.

— Но мне понравилось. — Очень, очень понравилось.

— Тебе не следовало провоцировать меня, — огрызнулся он. — А мне не следовало тебе это позволять.

Его голос смягчился, став тихим и спокойным.

— Ты не можешь себе позволить расходовать жизненные силы или получить травму, а я не могу...

— Что не можешь?

— Позволить себе чересчур сблизиться с тобой. Даже если ты передашь *агимортус*, всё равно останешься мишенью для тех, кто хочет навредить мне или добраться до меня, навредив тебе. Мои сыновья поплатились жизнью за то, что я их любил. Этого не должно произойти вновь.

— Арес, это всего лишь секс.

Его глаза сверкнули.

— Это нечто большее, и ты это знаешь.

— Не знаю. Я тоже не хочу привязываться к тебе. Но всё вокруг слишком сложно, и мы могли бы использовать перерыв, чтобы получить немного удовольствия. Ты спрашивал, трахалась ли я раньше, и я сказала, что нет. Что ж, теперь могу ответить «да». И мне понравилось. Так что кончай переживать и трахни меня еще раз.

Должно быть, *спелеология* — самое дурацкое слово, какое только существует на свете. Лимос казалось, то, что они с Танатосом делали в подземных лавовых туннелях в центральном Орегоне, нельзя было назвать исследованием пещер, поскольку лазали и исследовали они не очень-то много. Но Тану, похоже, доставляло удовольствие снова и снова произносить это слово, просто чтобы позлить ее. Он всегда отличался своеобразным чувством юмора.

Она не знала, насколько далеко они зашли в Каскадные горы ^[95], но гонка за Падшим ангелом продолжалась уже по меньшей мере два часа, и Лимос это начинало надоедать. Кроме того, она терпеть не могла пещеры. Слишком низкий потолок, слишком темно и чересчур сильно напоминает ту часть Шеула, где она выросла.

— И зачем Зрезилу понадобилось бежать именно сюда? — пробормотала Всадница, обходя грозившие обрушиться груды камней.

Тан оглянулся на нее.

— Вопрос был риторический? Надеюсь, ты не ждешь от меня ответа?

Лимос вздохнула.

— Просто надеюсь, что твои души его поймали.

Ли и Тан отыскали Зрезила в Новой Зеландии и сразились с ним, потом преследовали его в Японии, Турции, Корее, и вот теперь здесь. В конце концов Танатос выпустил из своей брони пару душ и послал их по следу ангела. Убить Зрезила души не могли, но им вполне по силам было удержать его на земле и не дать исчезнуть.

— Мы уже близко. — Тан открыл Хэррогейт, чтобы они могли перебраться через широкую расселину. — Я их чувствую.

Всадники шагнули во врата и вышли на другом краю бездонной пропасти.

— Ты правда думаешь, что у нас получится восстановить Печать Ресефа?

Привыкший к тому, как быстро сестра меняет тему, Танатос ответил, не задумываясь:

— Да.

Он не сомневался в этом, хотя поддержкой ему служила только надпись, выгравированная Эгидой на рукояти клинка Избавления — «Из смерти возродится жизнь», которая могла означать что угодно.

Лимос всегда раздражала склонность Тана впадать в крайности, но на сей раз она была

рада его уверенности. Нынешнего Ресефа она ненавидела, но прежнего любила. И надеялась только, что они смогут восстановить Печать до того, как будет найдено Избавление.

Ублюдки из Эгиды. Лимос знала, что кинжал у них. Знала, потому что они забрали его у нее. Ее братья, может, и верят, что храмовники потеряли кинжал, но правда заключалась в том, что это она его украла. Гордиться этим поступком Лимос не могла, но тогда она была... другой. Честно говоря, она даже обрадовалась, когда эгидовцы в свою очередь украли кинжал у нее, выведя ее из строя во время Великого голода^[96].

— Как думаешь, мы еще увидим тех двух парней, Хранителей?

— Да.

— Тот чувак из ПС-Х, Эрик, довольно сексуальный, тебе не кажется?

— Никогда не видел никого сексуальнее, — ответил Тан. Иронический ответ сопровождался таким каменным выражением лица, что тот, кто знал его хуже, мог бы подумать, что он говорит всерьез. — Он снится мне каждую ночь.

— Лишняя информация. Твои развратные сны — вовсе не то, о чем я хочу узнать.

Мучительный стон, раздавшийся глубоко в туннеле, заставил их ускорить шаг. Похоже, Зрезилу надирали ангельскую задницу. Лимос посочувствовала бы ему, если бы в Корее он не ударил ее в лицо, пустив кровь из носа. Ублюдок.

— Только не увлекайся мыслями об этом солдате. Тебе надо держаться подальше от таких, как он.

Таких, как он? Ей надо держаться подальше вообще ото всех мужчин. Когда дело доходило до постели, и ей, и Тану приходилось быть осторожными, но по совершенно разным причинам. Хотя Танатосу запрещалось заниматься сексом, он всё равно мог воспользоваться чьим-нибудь телом, если бы захотел. Ли же дозволялось только смотреть.

— Без тебя знаю.

Тан иногда чересчур о ней печется. Забавно, до чего же разные все ее братья. Ресеф раньше был близким другом, с которым они вместе развлекались. Он всегда отсиживался в стороне и только смеялся, когда она попадала в переплет. Он смеялся не над ней, а потому, что знал, что она справится, и получал удовольствие от того, как она это делала.

Танатос — заботливый старший брат, всегда готовый крушить головы ее обидчикам. Он никогда не давал ей возможности защищаться самой, потому что хотел делать это за нее.

Арес — золотая середина между ними. Он предоставлял ей самостоятельно решать проблемы, но если сестра просила о помощи, что случалось крайне редко, он был тут как тут и карал быстро, сильно и решительно.

Такие милые и родные.

Проклятье, ей хотелось, чтобы Ресеф вернулся.

Брат с сестрой с трудом пролезли в расщелину, такую узкую, что Тан едва не застрял, и оказались в пещере. К полу был пригвожден Падший ангел, который явно проигрывал в битве с душами.

Зрезил оскалился на Лимос — почему-то ее он невзлюбил больше, чем Танатоса — и наградил ее добрым десятком нелестных именовании.

Лимос укоризненно поцокала языком.

— Ты выведешь из себя моего старшего бра...

Девушка даже не успела договорить, потому что, как она и сказала, Танатос распахнулся, увидев эту задницу на букву З. Слегка излишне, но что поделаешь, Падший ангел был настоящим мудаком. Какой ангел, которому хочется заслужить путь обратно на

Небеса, не пожелает чести стать носителем *агимортуса* Ареса?

Себялюбивый идиот.

Тан связал Зрезилу руки и ноги и открыл Хэррогейт.

— Пора тебе исполнить свой долг и спасти человеческую жизнь.

Ангел сердито уставился на них. Похоже, у него было только два выражения лица: сердитое и хмурое.

Лимос ухмыльнулась.

— Веселей, парень! Кара тебе понравится. Вот только вдруг ты ей придется не по вкусу? Она наклонилась к самому его уху. — Лучше соглашайся, потому что Арес, похоже, питает к ней слабость, и сейчас тебе точно не захочется увидеть его худшую сторону.

Что ж. *Она* поговорила с *ним*, разве нет?

И они, конечно, занимались «этим» снова. Однако Арес старался двигаться медленно, не спеша, а Кара хотела совершенно иного. Как и в первый раз, она превратилась в тигрицу, которая была вовсе не согласна получить меньше желаемого. Всадник уже не мог отступить, и, когда она царапала его, оставляя следы от ногтей, а ее взгляд бросал ему вызов — «давай, останови меня», он не хотел ничего, кроме как предъявить на нее права самым первобытным способом. Убедиться, что она способна ощущать этого воина на себе и эту воинственность внутри себя дольше одного дня.

Арес был совершенно уверен, что достиг желаемого и, лежа рядом с Карой, раздувался от мужской гордости, прислушиваясь, как она переводит дух после восьмого по счету оргазма. Сам он кончил почти столько же раз, но, тем не менее, был готов к следующему раунду, если Каре захочется. Способность испытывать многочисленные оргазмы была одним из немногих полезных качеств, унаследованных им от матери-суккуба.

Кара прижалась к нему, положив ладонь ему на грудь и закинув на него ногу.

— Спасибо!

— Заниматься с тобой любовью на благотворительность не похоже.

Она рассмеялась, и этот чудесный звук достиг самого его сердца.

— Надеюсь, что так и есть. Но я благодарила тебя не за это. А вообще за всё.

— За всё?

— Ну да, понимаешь, за то, что перенес меня сюда. Что показал мне свой мир.

Арес быстро уставился в ночное небо, чтобы девушка не увидела тревоги, отразившейся на его лице.

— С чего тебе быть благодарной за то, что ты оказалась здесь? Ты в опасности. Ты у... — чертыхнувшись, он умолк.

— Умираю. Я знаю. — Кара поцеловала его грудь и опустила голову ему на плечо. — И сначала, как ты знаешь, мне и правда не очень-то всё это нравилось. Но потом Ривер сказал, что я застряла здесь надолго, даже если нам удастся перенести аги-как-там-его. И он прав. Я хочу сказать, это не только из-за Хэла. А из-за того, что я теперь знаю слишком много, чтобы вот так просто вернуться к прежней жизни. Что и привело меня к одной мысли.

Пока она говорила, ее пальцы чертили узоры на его груди. Незначительная мелочь, но интимность этого жеста заставляла его кровь бежать быстрее.

— У меня не было жизни. Мне не к чему возвращаться. Даже если мои часы в этом

мире сочтены, я обрела здесь то, что утратила раньше.

— Не понимаю.

— Ты говорил, что я слабая...

Арес взял ее за руку.

— Боже, Кара! Прости.

Пухлые, чувственные губы девушки тронула улыбка.

— Не стоит. Ты был прав. Но я вновь обрела свою силу. — Она поднесла его руку ко рту и поцеловала ладонь. Нежное прикосновение выбило у него почву из-под ног, и его чувства пришли в такое смятение, что он засомневался, сможет ли в них разобраться.

— Послушай, последние пару лет я жила словно в аду. Я почти лишилась дома, утратила уверенность в себе, а мой парень меня бросил.

При упоминании парня Всаднику пришлось сдержать рык.

— Что случилось с твоим парнем? — Последовало долгое молчание, такое долгое, что Арес даже решил, что она уснула. — Кара?

— М-м-м? — Девушка крепче прижалась к нему. — Джексон ушел. Он не смог оправиться после нападения.

— Нападения? — Ее тон встревожил его. Кара потеряла самообладание, когда он спросил... О, черт! О том, *нравится* ли ей, когда на нее нападают. Н-да, он готов был сам себе поддать под зад.

— Уверена, тебе не захочется слышать шокирующие подробности. — Девушка повернулась на спину и уставилась в усыпанное звездами небо. — Мне так нравится здесь. Я бы вообще отсюда не уходила.

— Поэтому я тут и живу. — Всадник провел по ее плечу кончиками пальцев, наслаждаясь бархатистой гладкостью кожи. — И я очень хочу услышать шокирующие подробности.

Кара вздрогнула, и он обнял ее крепче.

— Джексон был моим риелтором, когда я переезжала в Южную Каролину. Я еще не оправилась от смерти отца, и он поддержал меня. Очень скоро мы начали встречаться. Всего через пару месяцев он поселился у меня и помогал мне с моей ветеринарной клиникой, когда на рынке недвижимости наступило затишье.

— И?

— Однажды я пришла домой ночью — ухаживала за больной лошастью. И наткнулась на троих мужчин, которые грабили мой дом. — Кара шумно сглотнула. — Я попыталась бежать, но они поймали меня и втащили внутрь. Они связали меня...

— Что они с тобой сделали? — В голове у Ареса мелькали картины одна страшнее другой.

— Сначала ничего. Просто пугали. Но потом домой вернулся Джексон. — Девушка дрожала. Арес стащил с тахты одеяло и укрыл ее. — Они избili его, а потом заставили наблюдать, как...

У него в груди сжался холодный ком.

— Как... *что?*

Кара задумчиво прикусила нижнюю губу, точно подбирая нужное слово.

Порядочный человек не стал бы на нее давить. Но Ареса порядочным назвать было трудно. И он должен был узнать, что случилось, потому что хотел знать, кого ему убивать.

— Кара! *Что?* — Молчание. У него внутри всё перевернулось. — Они тебя

изнасиловали?

— Нет. — Она говорила тихо, и опыт подсказывал ему, насколько глубока ее рана. — Но, думаю, собирались. Поначалу они мне угрожали. Словно ловили кайф от моего ужаса. Целились мне в лицо из пистолета, угрожали вышибить мозги и смеялись, видя, как я съеживаюсь. Били меня, но не очень сильно. И всё в этом духе. А Джексон вынужден был сидеть и смотреть.

Аресу приходилось заставлять себя дышать. Он как наяву вспомнил боль от оков, врезавшихся в запястья, когда его пожирали, беспомощность и ужас. Мужчина даже ощутил резкий запах крови в темноте подземелья, где его приковали так, чтобы он мог наблюдать, как убивают его жену.

— Что было потом? — Всадник был чертовски горд тем, что его голос звучит ровно, хотя внутри у него всё кипело.

— Мой дар... которым я исцеляла...

Я убила с его помощью. О боже!

— Один из грабителей приказал мне раздеться. Когда я отказалась, он меня ударил. Как потом выяснилось в больнице, сломал мне скулу. Остальные смеялись. — Она зажала уши, точно слыша этот смех, и, проклятие, Аресу этого было достаточно.

— Кара, всё хорошо. Тебе не нужно рассказывать дальше.

Но она уже не могла остановиться, словно торопилась выплеснуть всё это, но время поджимало.

— Он расстегнул молнию на штанах, и я... я... он умер.

— Как он умер? — тихо спросил Арес.

— Остальные сбежали. — Она не ответила на его вопрос, но Всадник не стал настаивать. — Они сбежали, и Джексон вызвал полицию.

Дыхание Кары прерывалось, и он стал гладить ее руку в напрасной попытке успокоить.

— Всё было как в тумане.

— Как умер тот человек? — повторил он, и она сглотнула.

— В полицейском протоколе указали «сердечный приступ».

— А на самом деле?

Кара дрожала, как осиновый лист.

— Я ощутила поверхность моей способности, но она была другой. Какой-то... сальной. Когда он схватил меня, я попыталась оттолкнуть его, и это... просто произошло. Как будто он прикоснулся к проводам под напряжением. — Она закрыла глаза, но Арес по собственному опыту знал, что это не поможет избавиться от воспоминаний. — Я убила его.

— Ты сделала то, что должна была, Кара. Когда на карту поставлена твоя жизнь, рисковать нельзя. Лучше он, чем ты. — Девушка промолчала, и у него возникло ощущение, что она не закончила. — Есть что-то еще, да?

— Ага. — Она пару раз откашлялась. — Твой брат... он спрашивал, понравилось ли мне это.

Арес зарычал:

— Мой брат — мудака, раз сказал такое.

— Нет. — Кара вцепилась ногтями ему в грудь, и он гадал, осознает ли она, что делает. — Ты считаешь меня чудовищем.

— Никогда. — Арес приподнял лицо девушки, заставив ее прочесть правду в своих глазах. — Ты не можешь сделать ничего, что заставит меня плохо о тебе подумать.

Понимаешь?

Она нерешительно кивнула, и он пожалел, что не в силах унять ее страх как-то еще.

— Танатос прав. Это было ужасно. Но где-то в глубине души мне понравилось. Я никогда больше этого не сделаю.

Вина, которую она ощущала, должно быть, пожирала ее заживо.

— Кара, послушай меня. То, что ты чувствовала, — это всего лишь прилив адреналина и облегчение от того, что этот монстр мертв.

— Но мне было приятно, — прерывисто прошептала она.

— Еще бы, конечно, приятно. Приятно, что тот засранец умер и больше никогда не причинит тебе вреда. Это нормально. — Арес сомневался, что ему удастся убедить ее в правдивости своих слов. Одной пятиминутной беседы маловато. Но он дал ей возможность свыкнуться с этой мыслью. — А что было потом?

Девушка расслабилась, очевидно, почувствовав облегчение от того, что Всадник сменил тему, и они больше не обсуждают убийство того человека.

— Остальные двое сбежали. Мы с Джексоном ходили и в полицию, и в больницу — в общем, делали всё, что полагается в таких случаях. Но наши отношения уже не были прежними. Он отказывался говорить о том, что я сделала, и так и не сумел свыкнуться с тем, что был беспомощен и не смог меня спасти.

Арес это понимал. И понимал, что необходимо лечение возмездием. Острый клинок работает гораздо быстрее, чем сеансы психотерапии.

— Он отыскал тех негодяев? Убил их?

Кара дернулась в его объятиях.

— Разумеется, нет. Их поймала полиция.

Ну и слабак этот Джексон. Арес бы выследил тех подонков и показал им, как вершили правосудие в его время. По той же причине он поклялся собственной душой, что увидит, как умирает Хаос.

— Они в тюрьме?

— Уже отсидели, — тихо сказала Кара, и он уловил нотку горечи в ее голосе. Мысленно Всадник сделал себе пометку узнать побольше о самом преступлении и о тех, кто его совершил. Может быть, Хэл тоже захочет принять в этом участие. Превосходная возможность наладить связь. О боже, он что, раздумывает о том, не стать ли приятелями с одним из существ, которых больше всего ненавидит?

Подпусти женщину слишком близко, и, пока она сосет твой член, она высосет из тебя и мозги, и мужество. Эти слова ему сказал враг, когда Арес еще считал себя человеком. Они объявили перемирие и распивали вино на переговорах, обсуждая тактику. Вообще-то, Всаднику нравился тот парень, и, не сражайся они по разные стороны баррикад, он мог бы даже назвать его другом.

Неделей позже в гуще боя Арес снес ему голову.

— То есть, я правильно понимаю, — продолжил он, — этот засранец Джексон тебя бросил, а те, кто мучил тебя, всего лишь провели несколько месяцев в тюрьме?

— В общем и целом да.

Черт, сколько же всего на нее обрушилось за такое короткое время!

— Этот слабак... э-э-э... Джексон быстро съехал?

— Через пару месяцев. Он был не в состоянии ни смотреть мне в глаза, ни решать мои проблемы.

Может быть, после того, как Арес найдет подонков, избивших Кару, он выследит и Джексона.

Несколько минут оба молчали. Тишина была уютной — у Всадника никогда не случалось такого с женщинами. Ему было хорошо.

Пока Кара не заговорила о том, о чем он и слышать не хотел.

— Арес... ты чувствуешь себя виноватым из-за своей семьи, да? — Она приподнялась на локте и посмотрела на него. — Из-за того, что твоя жена и дети погибли, а ты так и не сказал им о своих чувствах.

Всадник окаменел.

— Я любил своих детей.

— Я в этом и не сомневаюсь. — Ее тон был умиротворяющим, и Арес слегка расслабился, а когда она провела пальчиком по его груди, и вовсе успокоился. Как это у нее получается? Он видел, как она превратила чертового цербера в ласковый комок меха, был свидетелем тому, как она очаровала Битву от ушей до кончиков копыт.

— Но ты боишься, что они этого не знали. И ты воздвиг в их честь святилище, хотя на самом деле не хочешь его видеть.

Он схватил Кару за руку, пытаясь заставить замолчать.

— Хватит этой психологической чуши. И вообще, ты что, специалист по святилищам?

Ветерок рассыпал ее волосы по его коже. Приятно. Даже слишком.

— Когда мама умерла, у меня остались ее вещи... всякая ерунда вроде заколок для волос. Ее зубной щетки. Я убрала их подальше и никогда на них не смотрела.

Всадник нахмурился:

— Потому что винишь себя в ее смерти?

— Потому что не помню, говорила ли маме, что люблю ее. Я была еще ребенком, так что, наверное, говорила, но не помню этого. Мне кажется, я не хотела хранить ее вещи, потому что они напоминали мне об этом, понимаешь?

Да уж, он прекрасно это понимал. Но ему не понравилось, что Кара видит его насквозь.

— Арес!

Мужчина рывком сел и закрыл собой Кару от Лимос, которая возникла в открытых дверях между патио и спальней.

— Арес, мы поймали... — Она осеклась, и на ее загорелых скулах проступил румянец. — Ой! Э-э-э... Привет, Кара!

— Лучше бы это было что-то важное, — пробурчал Арес.

— Ну еще бы, — надулась Ли. И тут же расплылась в улыбке. — Мы нашли Падшего ангела.

Сердце Ареса пропустило удар:

— Где?

— Тусуется в гостиной. Танатос поставил ему диск с «Армагеддоном». Намек такой, знаешь ли.

— Мы придем через минуту.

Лимос подмигнула Каре и исчезла.

— Это означает то, что я думаю? — спросила девушка, и настал черед Ареса улыбаться.

По многим причинам он не смел надеяться на это. Да, «конец света» беспокоил его больше всего, и так будет всегда. Перенос *агимортуса* на Падшего ангела не отменял того, что Аресу, его брату и сестре всё равно придется перейти в наступление, защищая этого

парня. Но это означало, что Кара останется в живых.

И он больше не будет слабеть рядом с ней. Броня защитит его от эмоций, а как раз это Всаднику и нужно. Ведь они ему не понадобятся, верно? Если Кара перестанет быть носителем *агимортуса*, Аресу придется от нее избавиться, иначе она станет мишенью для Мора.

Эта мысль поразила его, точно удар в солнечное сплетение, выбив воздух из легких. Он ведь получил хорошие новости, так почему же чувствует себя так, будто кто-то умер?

Проклятие, придется сохранять присутствие духа. Нужно сосредоточиться и, во-первых, защитить мир от преждевременного Армагеддона, а во-вторых, уничтожить цербера, за которым он гоняется уже несколько сотен лет. Первая задача не обещала быть легкой, а вот вторая... впервые за долгое время у него появилась надежда. Кара может оказаться именно тем, что ему нужно для того, чтобы увидеть голову Хаоса у себя на стене.

— Арес?

Всадник моргнул и выкинул из головы все эти мысли.

— Да, — отрывисто сказал он. — Это значит именно то, о чем ты думаешь. Твоя жизнь спасена.

— Тужься! Еще разок! — Эйдолон, зять Кинана и главный врач Центральной больницы Преисподней, подбадривал в родильном зале Джем. Его голос заглушало прерывистое дыхание женщины. Темноволосая голова Эйдолона почти скрылась под складками простыни, покрывавшей бедра роженицы, но, когда он выпрямился, в его глазах светились уверенность и радостное возбуждение. Обычно он не принимал роды, но Джем больше никому не позволила бы коснуться себя. Кинан был с ней согласен. Для своей жены и ребенка он хотел только лучшего.

— Ненавижу вас всех! — простонала женщина, и Кинан улыбнулся. Но тут же поморщился — жена так стиснула ему руку, что он услышал, как трещат суставы.

Шейд, брат Эйдолона, посмотрел на него поверх раздутого живота Джем. Он сжимал ее запястье. Руны, цепочкой охватывавшие его предплечье, светились — Шейд снимал боль роженицы своим даром демона-Семинуса.

— Эй вылечит твою руку, — в его голосе сквозило веселье. Руна, его жена и сестра Эрика, родила тройню, так что Шейд хорошо понимал Кинана.

У колена Джем стояла слегка побледневшая Тэйла, воин Эгиды. Она была на шестом месяце беременности, носила дитя Эйдолона, и зрелище того, как рождает ее сестра-близнец, вовсе не прибавляло ей храбрости. Кинану это показалось забавным: зарубить кровожадного демона ей вполне по силам, а такая естественная вещь, как роды, заставляет дрожать.

Впрочем, Кинан не винил Тэйлу. Он бы с радостью предпочел получить пулю в живот, чем выдавливать из задницы шар для боулинга. Все-таки женщины — удивительные создания.

Джем резко приподнялась и натужилась. Из ее горла вырвался крик, и в комнате раздался самый прекрасный в мире звук — плач новорожденного младенца.

— Это девочка, — выдохнула Тэйла. — Джем, у тебя дочка!

Джем обессиленно опустилась на спину. Спутанные волосы падали ей на лицо, но ее зеленые глаза сияли.

— Малышка, ты сделала это! — Ки поцеловал жену. Следующие десять минут прошли как в тумане — он перерезал пуповину и наблюдал, как Шейд моет ребенка, а Эйдолон при помощи своего дара заживляет Джем разрывы, на которые обычной женщине пришлось бы накладывать швы.

Наконец Шейд завернул сопротивлявшегося ребенка в зеленое одеяльце и передал его матери.

— Красавица, — прошептала та.

— Вся в маму, — ответил Кинан шепотом. Его голос предательски прервался. — Такая особенная.

— Совершенно особенная, — пробормотала Тэйла. И была права. Его дочь — первый в истории Избранный страж, человек, зачарованный ангелами, и никто, кроме ангелов, не сможет причинить ей вреда. Кинана зачаровали около года назад, сделав хранителем Хеофона — ожерелья, которое он носил на шее. Его заверили, что дети у него родятся с таким же зачарованием.

Круто.

— Ребята, вы уже выбрали имя? — поинтересовался Эйдолон.

Ки покачал головой.

— Мы хотели сначала увидеть ее.

Тэйла наклонилась, чтобы поцеловать сестру в лоб.

— Мы оставим вас одних на пару минут. А потом ждите толпу гостей. Рейф^[97], Серена, Руна, Син, Коналл, Люк, Кар, дети — все ждут в приемном покое.

— Ты что, позвонила всем?

Тэй ухмыльнулась:

— А то! Заставить всех мучиться ожиданием, пока кто-то рожает, гораздо веселей, чем устроить сюрприз. Так что я собираюсь отправить вас немного проветриться. Может быть, на несколько часов. — Она поморщилась и схватилась за живот. — Уже сейчас могу сказать, что этот ребенок упрямым пойдёт в папочку.

— Ну да, — спокойно согласился Эйдолон, — упрямец у нас — это я.

Тэйла невинно заморгала.

— А я — белая и пушистая.

Шейд кашлянул в кулак:

— Вот уж враки!

Пребираясь, шумная компания демонов вывалилась за дверь, оставив Кинана и Джем одних.

— Ну что, — сказала она, — как мы ее назовем?

Кинан погладил пальцем щечку девочки. У нее были его темные волосы, его глаза и вздернутый носик и полные губы Джем.

— Не забывай, никаких демонских имен, — Джем вовсе не хотелось заострять внимание на том, что ее дочь отчасти демон, и Кинан ее понимал. Время покажет, что четвертая часть крови Кромсателя Душ будет значить для их ребенка.

Его дочь улыбнулась... по крайней мере, он принял ее гримаску за улыбку, и — боже! — вся комната точно озарилась светом. Его точно озарило светом. Внутри разлилось тепло, и это казалось невероятным — он уже долгое время был здоров и счастлив и даже не помышлял о том, что его жизнь может стать еще лучше. Но это произошло.

— Ангелочек мой, — пробормотал он. — Твоя мама — моя вечерняя заря, а ты — заря утренняя.

Джем прислонилась головой к его плечу.

— Ты всегда меня удивляешь тем, какой ты замечательный. Ну, знаешь, когда ведешь себя как следует. — Она улыбнулась, услышав его хмыканье, и тут ее глаза широко открылись. — Дон^[98]. Вот оно! Превосходно.

— Дон. — Кинан посмотрел на крохотный комочек, олицетворение спокойствия и счастья. Да, имя было превосходно. — Она — Дон.

Его сотовый запищал, и, хотя ему страшно не хотелось отвечать... дерьмо. Он не будет брать трубку. Не будет.

— Ответь, — сказала Джем.

— Не могу.

— Ки, ты пытаешься предотвратить возможный конец света. Если ради безопасности нашей дочери тебе надо ответить на звонок, сделай это.

— Господи, как я тебя люблю, — пробормотал он.

— Знаю.

Он ухмыльнулся. Они через многое прошли, чтобы быть вместе, и иногда воспоминания

об этом одолевали его.

Когда он оставил Джем и вышел в холл, ему стало почти физически больно. Это не займет много времени. На экране высветился номер Реган, и Кинан набрал его. Она взяла трубку почти сразу.

— Ки! Мы нашли его.

У него перехватило дыхание.

— Кинжал?

— Ага. Самое странное, что в наших залах его не было.

— Мы об этом и так знали. Каждый предмет, который там хранится, пронумерован и занесен в реестр, и никакого загадочного убийцы Всадников там не было.

Реган вздохнула.

— Я по-прежнему считаю, что он находился где-то у нас. Может, его обозначили неверным ярлыком или умышленно исказили описание.

У Реган было обсессивно-компульсивное расстройство^[99] почти в медицинском смысле, и у Кинана возникло чувство, что она перебрала все до единого предметы в их реестре. Дважды.

— Ладно, и где же он?

— В одном монастыре в Испании. Нам нужно, чтобы ты забрал его.

Он провел рукой по лицу.

— Почему я?

— Потому что наши хитрые бывшие союзники спрятали его в шкатулку, которую может открыть лишь тот, в ком течет кровь ангела.

В родословном древе Кинана как раз затерялся ангел.

— Реган, это бессмыслица. Зачем Эгиде лишать большую часть своих людей доступа к кинжалу?

— Понятия не имею. Я и без объяснений всему этому рада, что мы его нашли.

Черт!

— Ладно, но придется подождать. Джем только что родила.

— Мальчик или девочка?

— Девочка. Мы назвали ее Дон.

— Очень мило. Чем скорее ты забереешь кинжал, тем скорее сможешь вернуться к ней. — Да уж, видно, Реган искренне за него рада.

— Я этим займусь. Есть еще новости?

— Мы перехватили еще несколько разговоров, и Эрик их перевел. Ничего хорошего. Они говорят о том, что человек умирает, но затем тут же упоминают о невесте дьявола.

— Ты думаешь, они имеют в виду Кару?

— Может быть. Я знаю, что, если она умрет, Печать Войны будет сломана. Интересно, если Кару передадут дьяволу, произойдет то же самое?

— Проклятье. Не знаю. Дай мне немного побыть с семьей, а потом я с этим разберусь.

— Ладно. Но, Кинан, не задерживайся. До того, как Печать Войны будет сломана, остались уже не недели и даже не дни. Судя по тому, как гудит подземный мир, возможно, речь идет о считанных часах.

Кара и Арес быстро приняли душ. Могли бы и быстрее, если бы Арес не настоял на том, чтобы вымыть ее, и у них не случилось еще парочки оргазмов. Они занимались любовью с каким-то напряженным отчаянием. Арес как будто умирал от голода и никак не мог насытиться.

Или стремился насытиться, не зная, смогут ли они когда-нибудь еще этим заняться.

Эта мысль преследовала Кару, пока она натягивала джинсы и рубашку, которые Всадник принес сюда из ее квартиры. Перенос *агимортуса* должен изменить всё к лучшему, верно ведь? Ей больше не будет грозить смерть, и они с Аресом могли бы... что? Ему не надо будет защищать ее, и они признались друг другу, что не «сблизились», так зачем ей оставаться здесь?

Унылые мысли не мешали девушке наблюдать, как одевается Арес, и любоваться его телом, мускулами, перекатывающимися под загорелой упругой кожей. У нее самой мышцы болели, но это была приятная усталость, напоминавшая о каждом мгновении лучшего секса в ее жизни.

Арес повернулся к ней. Черная футболка обтягивала его плечи, такие широкие, что в доспехах ему было трудновато пройти в двери. Он направился к ней не торопясь, но целенаправленно, и Кара почувствовала, как ее тело тянется к нему, точно предвкушая его прикосновение. Он источал чувственность, даже не желая этого — естественный, живой, сексуальный.

Натянуто улыбнувшись, мужчина начал застегивать ее рубашку:

— Я помогу.

— Думаю, я справлюсь, — ответила Кара, но не стала противиться.

Он застегивал одну пуговицу за другой. Его проворные пальцы касались ее кожи — она была уверена, что нарочно, и, хотя они долго занимались любовью, по ее телу пробежала дрожь желания. Застегнув половину пуговиц, Арес остановился и провел подушечкой пальца по *агимортусу*, уже снова поблекшему. Принимая душ, они оба это заметили, и, хотя Кара чувствовала себя по-прежнему хорошо, зеркало говорило совсем иное.

Под глазами у нее залегли темные круги, щеки исхудали, кожа стала бледной. Ребра проступили, и девушка выглядела так, точно ей грозила голодная смерть.

— Через несколько минут всё пройдет, — пробормотал Всадник.

— Не могу дождаться. Я знаю, что прошло всего несколько дней, но чувствую себя, точно была при смерти целый год. — Она ни разу не призналась даже себе, что перспектива никогда не избавиться от метки ее ужасает, но сейчас ощущала, как напряжение выходит из нее, точно воздух из проколотого пузыря. — Хотя это странно, потому что я только сейчас поняла, до чего мне было страшно.

— Твоей жизни грозила опасность, — произнес Арес, и его лицо стало серьезным. — Прости меня, Кара. Лучше было бы не впутывать тебя в это.

Он застегнул последнюю пуговицу.

— Всё уже почти позади. Если у нас получится удержать при себе Падшего ангела и обеспечить ему безопасность, значит, получится и сохранить в целости мою Печать. А ты связана с бессмертным цербером, так что у тебя впереди несколько сотен лет жизни.

Всадник залился краской.

— Я удостоверюсь, что ты под присмотром и в безопасности от Мора.

— Погоди. — Ее пальцы сами собой легли на *агимортус*, пульсировавший сквозь ткань рубашки. — Если с меня исчезнет твоя метка, разве Мор всё еще будет для меня опасен?

И о чем это он говорил, обещая убедиться, что она под присмотром?

— Он может попытаться причинить мне вред через тебя.

— О, превосходно! Значит, в безопасности я по-прежнему не буду.

Арес так резко притянул девушку к себе, что она даже задохнулась от неожиданности.

— Ты будешь в безопасности, Кара. Пусть даже мне придется спрятать тебя на другом краю света, клянусь, тебе ничего не будет угрожать. — Он подкрепил свои слова жарким поцелуем.

Прежде чем девушка успела перевести дыхание, Всадник взял ее за руку и вывел из спальни.

Они вошли в гостиную, и хорошее настроение Кары как ветром сдуло. На полу, ссутулившись, сидел окровавленный Падший ангел. Его безупречную кожу покрывали синяки. Темные волосы прядями свисали на лицо. Он ужасно походил на побитую собаку. Исключением были только глаза, полные пренебрежения.

Стереосистема сотрясала комнату взрывами, раздававшимися с экрана телевизора. Каждый раз, когда кто-то кричал, ангел вздрагивал и скалил зубы.

Танатос опустился рядом с ним на корточки.

— Поздоровайся с леди, Зрезил.

— Убирайся к черту, Смерть!

Танатос мрачно улыбнулся.

— Если я перейду на сторону зла, очень возможно, что именно это и произойдет. Так что будь порядочным служителем Небес и прими *агимортус*.

В желудке у Кары заурчало. Она положила руку на живот, но это не помогло.

— Почему он не хочет его принять?

— А ты хочешь? — огрызнулся Зрезил.

— Нет, но...

— Что «но»? Совсем ничего не соображаешь?

Арес в мгновение ока схватил Падшего за горло и стал душить.

— Ты не смеешь говорить с ней в таком тоне.

В глазах Зрезила горела ненависть, но он неохотно кивнул, и Арес отпустил его.

— Кара, иди сюда.

— Нет! — Зрезил попытался отползти назад, но Танатос поймал его. Ангел, бледнея, начал задыхаться. — Я не хочу этого. Не хочу... его.

Арес посмотрел на него с отвращением:

— Ты не входил в Шеул, а значит, у тебя есть шанс вернуться. Приняв *агимортус*, ты окажешь людям услугу. Разве тебе не кажется, что это к лучшему?

— К лучшему? Мор со своими демонами найдет меня!

— Мы тебя защитим.

— Так же, как защитили Батарил и Сестиэля? Уж простите, если я сомневаюсь в надежности вашей *защиты*.

— Идиот. — Лимос помахала перед ним голубым леденцом на палочке, который до этого лизала. — Те двое считали, что по отдельности им будет лучше. С тобой такого не случится. С нами ты будешь в полной безопасности. И тебе будет, чем заняться. У Ареса громадная коллекция видео. О-о, и еще мини-кухня с баром.

— Как вы не можете понять? Я не хочу этой проклятой штуки! Если она будет у меня, и Мор меня убьет, моя душа будет принадлежать дьяволу. Если же не убьет, а одна из ваших

оставшихся Печатей будет сломана, я перейду на сторону зла, поскольку буду носить *агимортус*. Куда ни кинь — везде клин. — Зрезил кивнул на Кару. — Она — человек. Она не предназначена быть носителем *агимортуса* и не сможет перейти на сторону зла.

— Эгоистичное дерьмо. — Голос Ареса прерывался от едва сдерживаемого гнева. — Если *агимортус* не перенести, она умрет. Ты что, хочешь, чтобы началась Последняя битва?

— Конечно нет, — огрызнулся Зрезил. — Но без *агимортуса* я смогу сражаться на стороне добра и вернуть себе душу и крылья.

О, боже! Он отстаивает саму свою душу. К горлу Кары подступила тошнота.

— Скажи это мне, — шепнул Танатос на ухо ангелу. Его голос был ледяным. — Апокалипсис. Армагеддон. До них остались считанные часы, если *агимортус* останется у Кары, потому что он убивает ее.

— А если я приму его, — возразил Зрезил, — это будет означать лишь небольшую отсрочку. Твоя Печать или Печать Лимос будет сломана, и тогда вы все перейдете на сторону зла. Это неизбежно, идиоты вы чертовы. Это произойдет, несмотря ни на что. И я скорее предпочту сражаться с вами, чем сражаться за вас.

Лимос вытянула леденец изо рта с тихим «чпок».

— Ты ведь понимаешь, что мы не нуждаемся в твоём разрешении, верно? Так что сейчас тебе лучше заткнуться. Нам придется обеспечить твою безопасность, но мы вовсе не обязаны с тобой любезничать. — Она указала на полки с DVD. — Арес собрал полную коллекцию «Полиция Майами: отдел нравов»^[100]. Мы можем пытаться тебя, пока ты не станешь умолять Мора тебя убить.

— Отпустите меня! — Зрезил откинул волосы с лица, но они упали обратно, закрыв один глаз. Он повернулся к Каре. — Пожалуйста! Не делай этого!

— Заткнись. — Лимос швырнула свою конфету на барную стойку и ухватила Падшего сзади за шею, силой заставив его отвернуться от Кары. — У Ареса еще есть «Убойная парочка: Старски и Хатч»^[101].

Всё было совсем не так, как Кара себе представляла. Девушка болезненно сглотнула.

— Мы не можем это отложить? Найти другого Падшего ангела, который хотел бы этого?

— Хотя когда-то существовало одно мифическое создание, которое *хотело бы*, — сказала Лимос, — у нас закончились даже те, кто не хочет.

Не в силах больше смотреть на Зрезила, Кара повернулась к Аресу.

— У нас *есть* другой выход?

— Нет, — ответил Арес. — Сделай это.

Потяни время.

— Я не знаю, как.

— Коснись его с намерением передать *агимортус*. Всё произойдет само собой.

Кара вздрогнула, внезапно ощутив пронизывающий холод.

— Не могу.

— Можешь. — Руки Ареса легли ей на плечи, и он посмотрел ей прямо в глаза. — Ты должна.

— Я не сделаю с ним то же, что сделали со мной. — Она глубоко вдохнула, готовясь принять ужасное решение. — Я не смогу сделать это против его воли.

Танатос открыл было рот, чтобы что-то сказать. По его разъяренному лицу Кара догадывалась, что именно. Арес поднял руку, успокаивая брата.

— Дай нам минуточку.

Она позволила Аресу увести себя в тихий уголок.

— Послушай меня, Кара, — сказал он с расстановкой, точно говорил с ребенком. — Ты умираешь.

— И прекрасно об этом знаю.

— Если ты передашь ему *агимортус*, то будешь жить. Я не могу... — чертыхнувшись, он замолк.

— Что не можешь? — Он не ответил. Кара взяла его за подбородок и заставила посмотреть ей в глаза. В глазах Ареса были гнев и печаль.

— Не могу потерять тебя, — выдавил он. — Я не могу быть с тобой, пока Мор рядом, но и потерять тебя не могу.

Кара не знала, что сказать, зато Арес знал.

— *Пожалуйста!*

Она знала, чего ему стоит мольба.

— Я хотела бы, но не могу, — мягко сказала девушка, и мужчина сделал шаг назад, точно она его ударила.

— Проклятие, Кара! — Он запустил пальцы в волосы и сделал десяток шагов туда-сюда, прежде чем снова подойти к ней. — Мы участвуем в войне, где нет правил, нет места жалости или доброте. Проигравший лишится не только жизни, но и всей проклятой Земли. Перенеси *агимортус*. Сейчас же!

— Доброте есть место всегда, — сказала Кара. — Заставить Зрезила принять *агимортус* стало бы жесточайшим насилием. Уж я-то это знаю. Это было бы не менее жестоко, чем убить его. Если я это сделаю, то буду чувствовать себя запятнанной, Арес. Опустошенной.

Всадник ударил кулаком по стене.

— Проклятье, сделай это!

— Нет.

Арес внимательно посмотрел на нее, прищурившись. Его спокойствие пугало даже больше, чем гнев.

— Ладно. Умирай. Пускай будет конец света. Мне-то какая разница? Я перейду на сторону зла, и мне всё будет по барабану.

— Должен быть другой выход.

— Другого выхода нет! — прорычал он.

Кара ткнула пальцем ему в грудь.

— Воплями ты ничего не изменишь, только заставишь меня укрепиться в своем решении. Ты прожил тысячи лет, но так ничего и не узнал о женщинах, да?

Лимос на заднем плане фыркнула, и Арес метнул на сестру свирепый взгляд. Кара убрала пальцы, и он снова повернулся к ней. На его лице читалось потрясенное «ты смеешь мне грубить?» Не будь вся ситуация так похожа на «мы все умрем», Кара бы рассмеялась.

— Ты же говорил, что раньше был кем-то вроде военачальника, генерала или что-то типа того, что ты прирожденный стратег. Так воспользуйся этим и найди другое решение. Потому что я не стану переносить *агимортус* на этого Падшего ангела.

Аресу нужен был перерыв. Он ни минуты не мог больше оставаться в этой комнате и видеть Кару. Слишком много чувств в нем бушевало — гнев, страх, боль. Это было так незнакомо и так внезапно на него обрушилось, что он с трудом сохранял способность ясно мыслить. В голове у него мелькало множество способов заставить Кару перенести *агимортус* — от приятных, например, трахать ее, пока она не сдастся, до мрачных и зловещих, вроде шантажа или пыток. Ее он пытаться не собирался, но готов был побиться об заклад, что вполне в состоянии заставить этого Падшего ангела умолять ее перенести *агимортус*.

За это Кара навсегда его возненавидит. Но зато она будет жить. И мир останется целым и невредимым.

Всадник вышел наружу и полной грудью вдохнул морской воздух. Слегка чувствовался дымный запах цербера. Хэл был где-то неподалеку. Может быть, его папенька покажется и порадует Ареса, дав вырвать свое сердце.

— Арес, — Лимос ухватила его за локоть, как будто он собирался пробить стену дома. — Она — не воин.

Мужчина так стиснул зубы, что стало больно.

— Что это должно означать?

— Что она не обладает твоим складом ума — «победить любой ценой». — Белый цветок выскользнул со своего места в ее волосах. Лимос схватила его и швырнула на землю в раздражении, обычно ей не свойственном. — Она хочет поступить правильно, а что будет дальше — об этом она не думает.

— А следовало бы. Из-за нее может начаться чертов конец света.

— Я от этого тоже не в восторге, — призналась Лимос. — Но мы должны дать ей время.

Досада и гнев гудели у него в голове, переполняя его.

— Время — роскошь, которой у нас нет.

— Еще бы. Но мы не можем ее заставить.

— Я могу, — процедил он сквозь зубы.

— Какой же ты упрямый, — Лимос наступила на цветок и вдавила его останки в песок. — Дай мне с ней поговорить.

Гул у Ареса в голове превратился в жужжание, и внутри него завихрилась темная энергия. Конь у него на предплечье бился и метался так, что Арес даже ощутил покалывание. Странно. Он глянул на руку Ли. Черт побери, он мог поклясться, что Кости на коже его сестры ведет себя точно так же.

— Какого!.. — волна энергии ударила его, точно ядерный взрыв, и его голос оборвался. Всадник сделал шаг назад, потеряв равновесие. — Лимос...

— Я чувствую, — прошептала она. — О черт, что Мор натворил?

Сражение тянуло Ареса так, точно к его телу привязали миллион веревок, и они затягивались все туже и туже, грозя разорвать его на куски.

— Война, — выдохнул он. — Началась война.

Загрохотали шаги Танатоса, и он вылетел из дверей.

— Я... — Вокруг него закружились тени, и он застонал. Открылись ворота, Тана затянуло в них, и он исчез.

— Нет! — Лимос поморщилась, и ее затянуло в такой же портал.

Кара! Это была хитрость Мора, и он это знал. С каждым шагом к дому притяжение усиливалось. Ноги точно налились свинцом, хотя всё тело Ареса гудело от жажды сражаться, участвовать в любом сражении, какое бы ни происходило.

Когда он вошел в дом, ему почудилось, что в его грудную клетку вцепились чьи-то когти. Все его чувства затуманила агония. Послышался смех, рык цербера, и Ареса затянуло в воронку, которая выбросит его посреди боя. Он не сможет уйти, пока не прольется вся кровь до последней капли.

Мучительный визг Хэла зазвенел у Кары в ушах и эхом отозвался во всем теле. Стремительная утечка энергии заставила ее схватиться за стену. Она стояла в гостиной, ожидая, когда Арес и Лимос вернутся внутрь и стараясь избегать осуждающего взгляда Танатоса. Когда он внезапно выскочил из дома, она не особенно забеспокоилась... пока Арес не выкрикнул ее имя, а Хэл не заскулил.

От внезапно нахлынувшей слабости задрожали ноги. Кара торопливо вышла наружу, и ее тут же окружили демоны — стражи Ареса. Большинство из них она не различала, но узнала Вулгрима по серебряному кольцу, вставленному в левый рог, и Торрента — по белому шраму на широкой морде.

Торрент отеснил ее обратно ко входу. Вулгрим выкрикивал распоряжения, и остальные Рамрилы принимали разные боевые стойки.

— Тебе надо в дом, — закричал Вулгрим. — Сейчас же!

— Но Хэл...

Торрент ухватил Кару за руку и потащил к патио.

— Если твой монстр еще не удрал в Шеул, наши воины найдут его. Ты должна... — брызнувшая изо рта Торрента кровь забрызгала Каре шею и грудь. Девушка в ужасе отшатнулась, не в силах отвести глаз от острия стрелы, пронзившей его грудь. Боже милосердный, стрела пробила два слоя кольчуги и его толстую шкуру!

— Иди... не медли... — Торрент упал на колени.

— *Торр!* — полный муки вопль Вулгрима превратил теплый ночной воздух в ледяную завесу. Он развернулся и подхватил сына, не дав ему упасть, но даже в темноте Кара видела остекленевшие мертвые глаза Торра.

Остальные Рамрилы бросились туда, откуда прилетела стрела — прямо на светящиеся красные глаза белоснежного демонического коня и восседающего на нем его ужасного хозяина. Из крошечной тьмы вылетела стрела и вонзилась еще одному Рамрилу промеж глаз. Откуда ни возьмись, появились странные демоны. Рядом с ними, сжимая страшное, испачканное в крови оружие, бежали люди... по крайней мере, выглядели эти существа как люди.

Агимортус, превратившийся в раскаленное докрасна клеймо, жег Каре грудь. Внутри поднимался липкий ужас. Отвратительный скелет ухватил ее за волосы и потащил назад. Девушка яростно ударила его, но промахнулась. Вспомнив свои тренировки по самозащите, она притормозила. Сосредоточилась. Размахнулась снова и на этот раз нанесла удар прямо в пустой живот демона.

Рядом внезапно очутился Вулгрим. Нагнув голову, он налетел на демона и протаранил

его своими огромными рогами. Затрещали кости, раздался хриплый, полный боли крик, и сильный удар Вулгрима сбил Кару с ног. В огнях патии сверкнул серебристый клинок. Голова демона покатила рядом с ней.

— Иди в дом. — Вулгрим поставил ее на ноги. — Мой *тесмон* не может тебя потерять.

— *Тесмон?*

— Вожак стада. — Он подтолкнул ее к дверям. — Арес.

Покрытые шерстью руки Вулгрима сжались вокруг нее, защищая, и они стали подниматься на крыльцо. Вдруг на морду Вулгрима обрушился клинок. Тот отразил удар рогом, и рог треснул, точно морковка под тесаком. Замахнувшийся на Вулгрима блондин бросился на него и повалил на землю. Словно из ниоткуда возник еще один мужчина, вооруженный топором, и Кара точно в замедленной съемке увидела, как острие, описав дугу, летит к шее Вулгрима.

Перед глазами у нее промелькнул миллион образов, и в выражении лица напавших на Вулгрима людей девушка увидела человека, которого она убила у себя дома.

Если хочешь выжить, если хочешь, чтобы те, кто тебе дорог, остались в живых, тебе, возможно, придется пойти на жертвы и делать то, чего ты и представить не могла. То, что могло казаться тебе отвратительным. Совершать поступки, которые идут вразрез со всем, во что ты веришь. В голове у нее, точно фонограмма к этому воспоминанию, прозвучали пророческие слова Ривера, и Кара, уже не колеблясь и не сдерживаясь, отпустила свой дар на волю.

С воинственным криком девушка ринулась вперед и схватила одного из мужчин за плечо, а второго — за пояс. Из ее рук и пальцев с шипением рванулась энергия. Эффект был незамедлительным: из глаз, носа, рта и ушей мужчин хлынули кровь и мозг. Их тела раздулись, точно воздушные шары, и они упали на землю дымящимися кучками запекшейся крови.

Раскаяния не было. Ни. Единой. Капли. Арес был прав. Избавляться от чудовищ было приятно, и черт ее побери, если она станет попусту тратить свою жизнь, жалея об этом.

Глаза Вулгрима, обычно казавшиеся крошечными на фоне огромной головы, стали размером с блюдца. Он изумленно уставился на нее.

— Ну и жуть у тебя получилась, — пробормотал он и хрюкнул. — Мне нравится!

Он вскочил на ноги.

— А теперь внутрь. Прячься!

Кара вбежала в дом и, чуть не налетев на стену, понеслась к Падшему ангелу. Он как-то ухитрился заползти под кофейный столик и тер связанные запястья о его ножку в отчаянной попытке освободиться от веревок. Увидев ее в дверях, он зарычал, точно загнанный в угол лев.

— Сзади!

Кара инстинктивно бросилась в сторону, едва увернувшись от массивной когтистой лапы. Гнавшееся за ней существо разъяренно зарычало. Горячее дыхание обдало ей затылок, и от вони ее чуть не стошнило. Она уже почти было коснулась двери в спальню...

— Не трогай ее! Она моя. — От этого голоса Кару бросило в дрожь. Мор. — Кто-нибудь, отправьте этого ангела в Шеул.

Чешуйчатая тварь, преследовавшая ее, не отреагировала на появление брата Ареса. Уже переступив через порог спальни, Кара обернулась и увидела, что монстр лежит мертвым под копытами злобного жеребца Мора. Кара захлопнула дверь и заперла ее, но через пару секунд

дверь с грохотом упала внутрь, и в комнату влетел всадник на огромном коне. Где-то в другой комнате закричал Зрезил. Мысленно Кара тоже кричала. Надо было ей перенести *агимортус*, потому что Падшего ангела утаскивали в Шеул, где его душа в любом случае будет погублена.

Страх, который Кара испытала в руках мужчин, грабивших ее дом, и Хранителей, считавших, что она демон, не шел ни в какое сравнение с ледяным ужасом, сковавшим ее тело сейчас. Мор спрыгнул с коня, и она затрепетала. С его позвякивавших доспехов капала мерзкая черная жидкость и свежая кровь Рамрилов.

— Похоже, ты связана с цербером, — произнес он. Его глубокий голос проник прямо ей в душу. — Это значит, что убить тебя будет нелегко. Просто всадить в тебя меч или перерезать твоё хрупкое горло будет недостаточно.

— Какая досада, — отозвалась Кара, удивившись, до чего спокойно звучит ее голос, хотя на самом деле спокойствия не было и в помине.

— Он у меня. Твой цербер. Он дрался со мной и моими людьми, но сейчас его уже везут в мое логово.

Кара тряслась от ярости так, что даже клацали зубы.

— Отпусти его, ты, бессердечный ублюдок!

Мор наотмашь ударил ее по лицу тыльной стороной ладони.

— Ты целуешь этими губами Ареса? — Он улыбнулся. — Кстати, как он относится к тому, что ты связана с цербером?

— Благодаря этому церберу я всё еще жива.

— Безмозглая сука! Ты умираешь. Всё, что мне нужно сделать, — это посадить тебя на цепь и подождать. Но пытаться тебя станет гораздо большим удовольствием. Видишь ли, самое странное в этой связи с цербером, которая мне уже поперек горла, — то, что я не могу просто взять и отрубить голову ни ему, ни тебе. По какой-то причине ты оказалась под такой же защитой, как и мы, Всадники. Твою шею не сможет перерубить ни одно оружие. Странно. — Он нахмурился. — Как бы то ни было, я попробую отрубить башку твоему церберу. Это будет не смертельно. Но жутко больно.

— Ты мерзкий, извращенный мудака, — выплюнула Кара.

— Зови как хочешь. — Мор протянул затянутую в перчатку руку и схватил ее за горло. Хотя ее дар всё еще был при ней, и в ней пульсировало столько энергии, что хватило бы на весь Нью-Йорк, Мор оторвал ее от пола, даже не вздрогнув. Девушке не хватало воздуха, перед глазами заплясали огненные искры. Она схватила его за запястья и яростно попыталась поджарить своей силой. Ничего. Этот ублюдок не реагировал.

— Поехали ко мне. — Мор смерил ее взглядом, и его клыки блеснули в улыбке. — А потом, смертная милашка, посмотрим, сладка ли ты на вкус.

Арес, Лимос и Танатос попались в ловушку. В ловушку, которая должна была не пленить их, а только задержать.

Арес понял это, как только появился на поле боя — именно сюда недавно разразившаяся эпидемия притянула Танатоса. Как оказалось, Мор со своими демонами столкнули лбами правительства Хорватии и Словении, убедив лидеров Словении, что хорваты разработали и распространили вирус, сгубивший жизни тысячи словенцев.

Занимающие высокие посты демоны тертацео подлили масла в огонь, согнав тысячи жителей обеих стран в лагерь на отдаленной территории Венгрии и отобрав у них всё — от одежды до пищи и воды. Демоны заставили их нуждаться во всём. Это была попытка разжечь мировую войну — и отвлечь Лимос.

Попытка эта увенчалась успехом, и, что самое страшное, для Ареса, его сестры и брата эти масштабные трагедии были чем-то вроде ужасного источника энергии. Оставаясь там, они испытывали невероятный кайф — что-то среднее между оргазмом и действием дозы кокаина, и никто из них не мог — или не хотел — отказываться от этого.

Но Арес должен был отказаться. А это означало, что ему нужно вывести из строя тех, кто возглавлял обе стороны конфликта.

И теперь, спустя сутки после того, как его затянуло кровавое побоище, Арес стоял над телом хорватского генерала, которого он убил, и думал, сколько еще времени пройдет, прежде чем он сможет вернуться и усмирить того, кто заменит этого парня. Он уже избавился от военачальников Словении — оба были демонами в человеческом обличье. Это заставило его задуматься, сколько же среди высших военных чинов верных собачонок Мора.

Полог палатки откинулся. Помяни черта вслух...

В палатку неспешно вошел Мор. Его окровавленные клыки были обнажены в жутком оскале. За ним шла Хавистер.

— Бьюсь об заклад, ты только что обо мне думал.

— Зло тебе не идет, брат.

— Оно идеально мне подходит. А знаешь, кто еще мне подходит? Кара. — Он прищелкнул языком. — Ты ее уже трахнул? Мило.

Арес ринулся вперед, готовясь разорвать брату горло. От этого Мор не умрет, но ему будет очень больно. Его кулак врезался в шею Мора, и тот опрокинулся было на спину, но Арес удержал его.

— Если ты причинишь ей вред...

— О, я уже это делаю. — Мор дал Аресу сдачи, пустив ему пулю в висок. Засверкали звезды, зачирикали птички, зазвенели колокольчики, вызванивая *«мне надирают задницу»*.

Мора, разумеется, подпитывали силы зла, и он стал гораздо сильнее, чем был до того, как его Печать оказалась сломана. Хотя голова у Ареса всё еще кружилась, он схватил стоявший в углу металлический стул, размахнулся и обрушил его на голову Мора. Стул смяло, точно жестяную банку, одна из ножек погнулась, и Арес, не раздумывая, отломал ее и вонзил брату глубоко в горло. Из трубки хлынула кровь, забрызгав палатку, и Арес мог бы поклясться, что видел, как Хавистер улыбается.

Глаза Мора налились кровью, и он, размахнувшись, ударил Ареса в плечо так, что тот, отлетев, врезался в стену палатки. Прежде чем он успел подняться на ноги, Мор встал

коленом ему на грудь и вцепился в горло. Арес мучительно пытался вздохнуть.

— Ты пойдешь со мной, *братец*, — злобно прорычал Мор. — Я сломаю твою Печать у тебя на глазах, но сначала заставлю тебя пожалеть о том, что ты встал у меня на пути.

Череп Ареса взорвался болью, и наступила темнота.

Боже, до чего Ресеф любил славные вечеринки.

Джимми Баффетт^[102] возносит хвалу превосходной «маргарите»^[103]. Жаркое солнце, голубой океан, на мангале жарится свинина, а женщины так призывно покачивают бедрами в бикини, что и слепой оглянется.

Лимос стояла за переносным баром, принесенным сюда с гулянок, которые она проводила в своем доме на гавайском пляже. Она всегда приглашала местных, которые считали ее кем-то вроде Пэрис Хилтон^[104] — юной богатой наследницей, прожигающей жизнь на деньги родителей. Это объясняло, почему она редко появлялась в доме на пляже; Лимос объявила, что у нее с десяток домов по всему миру, и она по очереди живет в каждом из них.

Ресеф откинулся на ствол пальмы, залпом отпил половину «маргариты» и задумался, не трахнуть ли ему сексуальную блондинку, которая снимала в воде верх купальника. Красотка к этому относилась так же, как и он... то есть всячески одобряла. Но она слегка нервничала, когда был риск, что их застигнут или она знала, что кто-то за ними наблюдает.

— Принесла тебе добавки.

Он поднял глаза. Лимос налила ему в стакан еще «маргариты» из кувшина.

— Спасибо, сестренка.

Ресеф поднял на лоб солнечные очки и осмотрел толпу, где в основном были люди. Там было и несколько демонов, но, будучи тертацео, они маскировались еще лучше, чем прочие виды.

— Хотел бы я, чтобы Арес и Тан были здесь.

Ли со вздохом плюхнулась рядом с ним и отпила большой глоток из своего кувшина.

— Тан сказал, что придет, но Арес... — Она пожала плечами.

Да, Арес был редким гостем на их вечеринках, и, когда он появлялся, ему приходилось тусоваться на террасе и наблюдать издали. Если он подходил слишком близко, присутствующие начинали драться.

— Ты вообще приглашал его?

— Нет.

Наверное, Арес знал про вечеринку, но так ему, по крайней мере, не пришлось придумывать причину для отказа.

— Кто-нибудь собирается играть в волейбол?

Черная бровь приподнялась.

— Чувствуешь потребность погонять мяч?

Ресеф вскинул брови.

— Хочу посмотреть, как будут подпрыгивать эти сиськи.

Лимос шлепнула его по плечу.

— Ты ни капли не изменился. Такой же испорченный плейбой, каким был в человеческой

жизни.

О да, именно таким он и был. «Сын» могущественной аккадской^[105] жрицы, которая объявила о своем непорочном зачатии от божества, Ресеф вырос избалованным, безответственным бабником. Когда Лимос нашла его, ему не было еще и тридцати, и у него могло бы быть с полсотни детей от такого же количества женщин. К счастью, его «мать», жрица, была сведуща в оккультной магии... до того сведуща, что Ресеф даже подозревал, что в роду у нее были демоны.

Благодаря черепной траве — демоническому растению, которое предохраняло женщин от беременности, а мужчин делало бесплодными на несколько недель, Ресефу никогда не приходилось переживать потерю ребенка, как Аресу. Да он бы и не сумел.

Он мог развлекаться, сколько хотел.

Соблазнительная брюнетка склонилась над ним и обнажила грудь, и — нет, ему это никогда не надоест.

Лимос только покачала головой.

— Ты невозможен.

— Эй! — притворно обиделся Ресеф. — Что я могу поделать, если нравлюсь женщинам?

— Что хочешь. — Закатив глаза, Ли поднялась на ноги, стряхнула со своего платья песок и указала на мангал.

— Пора разрезать. Сделай хоть что-нибудь полезное.

Он ухмыльнулся, глядя, как она пошла прочь, зарываясь ступнями в рыхлый песок. О боже, до чего же ему нравится его жизнь. Очень нравится. Жаль, что его сестра и братья не разделяют его мнения. Они были одиноки, кто в силу обстоятельств, кто по собственному желанию, и, хотя Ресеф делал всё, что мог, чтобы составить им компанию, это не могло заменить простое веселье с теми, кто ничем не связан.

Жалея про себя, что не может больше ничем помочь своим сестре и братьям, Ресеф встал, повернулся и чуть не столкнулся с умопомрачительной рыженькой, чьи зеленые глаза сулили море наслаждения. Шаловливо улыбнувшись, она взяла его за руку и указала на пышные лесные заросли. Что ж, жареной свинине всё равно нужно чуток остыть, верно? Верно. Расплывшись в ответной улыбке, он привел девушку в укромную бухточку и там вознес их обоих почти на небеса.

Зашипев, Мор сел. Черт, он терпеть не может спать. Терпеть не может того сентиментального идиота, который появляется в его снах вместе с воспоминаниями о старых добрых деньках. Да пошло оно всё! Сейчас ему гораздо веселее. Он вздрогнул, ощутив напряжение в паху, погладил свой твердый член и вспомнил, что у него есть лакомый кусочек, весь закованный в цепи, хорошенько отбитый и готовый, если не жаждущий, позаботиться об этой проблеме.

— Мой господин.

Мор застонал, услышав манерно растянутую речь своего нитульского лейтенанта, и свесил ноги с края каменной плиты, на которой спал. Он уже давно отказался от кроватей. Облитые кровью, они становились на редкость противными. К тому же он был не из тех, кто любит спать на мягком. Камень достаточно просто окатить водой, а удобство его совсем не волновало, особенно когда ему просто нужно было часок отдохнуть.

— Что?

— Ваш брат очнулся.

— Хорошо. А Кара?

— По-прежнему, как вы и оставили ее.

Это означало, что она, обнаженная, свернулась комочком в клетке. Превосходно. Пора взять ее и показать Аресу, что быть по другую сторону сломанной Печати намного, намного приятней.

Когда Арес пришел в себя, перед глазами у него всё плыло. Его мышцы были напряжены до предела, суставы вытянуты. Первая попытка поднять голову окончилась грандиозным провалом. Он мог с тем же успехом пытаться поднять на ниточке шар для боулинга. Вторая попытка оказалась более успешной, хоть ему и приходилось прилагать усилия, чтобы снова не уронить подбородок на грудь. По крайней мере, он мог видеть, и видеть достаточно хорошо. Он был в маленькой комнате — очевидно, грубо сделанной подземной темнице. Запрокинув голову, он посмотрел на свои связанные запястья. Удерживавшая их веревка была привязана к металлическому кольцу, вделанному в потолок.

Арес нахмурился. Веревка не сможет его удержать, так чего ради брат вообще его привязал? Улыбнувшись, он рванул запястья.

Ничего не произошло. Хорошо, значит, на веревку наложены какие-то демонические чары. Но она всё равно не должна удерживать его.

До тех пор, пока рядом нет Кары.

У Ареса скрутило живот, как только он ощутил знакомую хватку этого иссушающего чувства. Кара определенно где-то совсем рядом, и, пока она будет поблизости, он попросту физически неполноценен. Ситуация осложнялась еще и тем, что руну его коня охватывало медное кольцо, и он не мог вызвать Битву.

Раздался леденящий кровь вопль, и Аресу пришлось напомнить себе, что надо дышать.

Дверь распахнулась, и Мор втолкнул в темницу Кару, обнаженную и всю в синяках. Девушка споткнулась, упала на покрытый соломой грязный пол и поползла в угол. У Ареса в душе вспыхнула слепая кровожадная ярость.

— Ублюдок, — прорычал Арес, не сдержавшись. Дыши. Сейчас не время давать волю гневу. Если он хочет найти слабину в обороне своего брата, нужно держать себя в руках.

— Вообще-то мы все ублюдки, — Мор стянул с себя майку, оставшись в одних кожаных брюках. Будучи Ресефом, он проводил голым больше времени, чем самые заядлые нудисты, и, похоже, с его переходом на сторону зла это не изменилось. — Я говорил тебе, что виделся с нашей матерью? Она просто потрясающая. Жаль, ты не видел, что мы делали с Тристеллой пару часов назад в храме Лилит. Мать и сына это очень сближает.

Черт. Этот дурацкий Падший ангел. Арес пытался ее предупредить.

— Предания о нашей матери ничуть не лгали. — Мор дотронулся пальцем до зазубренного острия кинжала, висевшего на стене. — Настоящая шлюха. Пыталась соблазнить даже меня. Хочешь знать, позволил я ей или нет?

У Ареса все внутри перевернулось.

— Наша мать меня не волнует.

— Скоро это изменится. Она хочет увидеться с тобой, как только твоя Печать будет сломана... а это произойдет уже скоро. — Мор развернулся к Каре, которая изо всех сил старалась слиться со стеной, и Арес почувствовал, как у него заколотилось сердце. —

Сначала я позабавлюсь с ней. Помнишь Флэл и Со? Да, точно так же. Если не считать того, что у людей кровь идет гораздо лучше.

— *Не смей прикасаться к ней!*

Мор бросил на Ареса взгляд, исполненный притворной невинности.

— О, извини. Она твоя? И ты не хочешь делиться? После всего, через что мы прошли?

Разум Ареса лихорадочно просчитывал варианты и ничего не находил. Сейчас все козыри были на руках у Мора, а Арес — идиот, попавшийся в ловушку.

Расстегнув брюки, Мор подошел к Каре, и всё спокойствие Ареса мгновенно испарилось. Он бился и дергался, точно обезумев. Или потолок обрушится, или его руки вырвутся из суставов. Без разницы. Он должен добраться до Кары.

— Человек. — У Мора резко выдвинулись клыки. — Арес тебе рассказывал, как его заставили наблюдать за тем, что сделали с его женой?

Он схватил Кару за горло и поднял ее. Девушка сопротивлялась, вцепившись в его руки.

— Ее насильовали, пытали и убили. Прямо у него на глазах.

— Заткнись, — прохрипела Кара. Она ударила Мора коленом в пах, но он даже не вздрогнул. Зато Арес ощутил свирепую гордость.

— Заботимся об Аресе, а? — промурлыкал Мор, и Арес мог бы поклясться, что на долгие секунды увидел на лице брата проблеск сострадания. А потом этот проблеск чиркнул ногтем по щеке девушки. Потекла кровь, и Арес понял, что ошибся, позволив сентиментальности и братской привязанности затуманить себе разум.

Больше никогда.

— Если ты это сделаешь, брат, я найду способ пытать тебя вечно.

Мор пожал плечами.

— Когда твоя Печать будет сломана, тебе станет всё равно. Я оставлю ее тело невредимым, чтобы ты мог трахнуть ее напоследок, прежде чем мы найдем Лимос и Танатоса. Как только мы вошьем им в рот нашу кровь, их Печати будут сломаны, и мы снова будем вместе.

Если бы Арес стоял на ногах, беспомощность заставила бы его упасть на колени. План, ему нужен чертов план. Никаких признаков Ресефа... видимо, его больше нет. Он ощутил на себе полный ужаса взгляд Кары и изо всех сил старался достучаться до ее мыслей. *Борись с ним.*

Мор припечатал девушку к стене и грубо взял ее за подбородок.

— Хорош ли этот ротик в деле? А, Арес?

Это была отсрочка, в которой они нуждались. Арес надеялся, что Кара ему подыграет.

— Весьма. Язычка искуснее и не найти.

Мор повернул голову и прищурился.

— И ты говоришь мне об этом? Зачем? Ты что, *хочешь*, чтобы она мне отсосала?

О черт, нет. Ярость затуманила ему глаза, как только он представил себе эту картину. Преодолевая растущий страх, что он может и не выиграть в этом состязании, Арес заставил себя расслабиться, но не смог убрать гнев из голоса.

— Я бы сразился с самим дьяволом, чтобы не допустить этого, — признался он, поскольку на что-то меньшее его брат не купился бы. — Но у меня нет сил. Ты собираешься убить ее. Я надеюсь только, что, если она удовлетворит тебя, ее смерть будет легкой.

— Я подумаю об этом. — Он толкнул Кару, заставив ее упасть перед ним на колени. — Принимайся за дело. И если сделаешь какую-нибудь глупость, я отрежу Аресу член и

заставлю тебя его съесть, поняла?

Кара побледнела, отчего синяки и царапины проступили отчетливее. Руки у нее дрожали, когда она вытаскивала член Мора. Этот мерзавец уже возбудился. Арес обливался лихорадочным потом.

Давай, малышка. Используй свой дар. Оторви его чертовы яйца.

Ладонь девушки обхватила член и скользнула вниз. Мор ударил ее по голове.

— Ртом, сука. Ртом.

В груди у Ареса всё сжалось, сердце бухало, точно колокол. О черт, он этого не переживет. Губы Кары раскрылись, и он знал, что его брат чувствует ее теплое дыхание. Внутри него бесновался демон. *Держи себя в руках...*

Руки Кары скользнули вокруг мощных бедер Мора, и она стянула с него брюки. Мор наблюдал, как Кара берет в ладонь его мошонку. Его голубые глаза сверкали предвкушением и похотью. Кара высунула язычок, и Арес едва не завопил, черт побери. Какая разница, каким он станет, перейдя на сторону зла! Как-нибудь он сохранит ту часть своей души, которая любит Кару, и отомстит за нее.

Он уничтожит Мора за это.

Почти незаметным движением Кара подвинулась, и, прежде чем коснуться ртом члена Мора, так яростно выкрутила запястье, что Арес услышал, как рвется плоть. Мор замахнулся на нее, и Кара молнией метнулась к Аресу. Между ног у Мора текла кровь, а из горла рвался хриплый крик.

— Браслет! — крикнул Арес. — Сними его с Битвы!

Кара с трудом поднялась на ноги и побежала к нему, снова чудом увернувшись от Мора. Она подпрыгнула, но ее пальцы лишь скользнули по медному кольцу.

— Не могу... дотянуться!

— Лезь на меня. Быстро! — Он поднял одну ногу, и она, прыгнув, оседлала ее и стянула браслет. — Выходи!

Мор схватил Кару за волосы и толкнул на пол. За ним из воздуха материализовался Битва. Кара кричала, извивалась, лягалась. Кулак Мора врезался ей в челюсть, и тут огромные копыта Битвы впечатали его в пол. Конь наносил один удар за другим.

— Моя сила... она не действует на твоего брата. — Кара с трудом поднялась на ноги. Ее голос звучал невнятно, разбитые губы сочились кровью, но глаза были полны решимости. И почему только он считал ее слабой?

— Всё хорошо, — сказал он ей. — Битва с ним разберется. Мне нужно, чтобы ты поискала какой-нибудь рычаг.

Прихрамывая, Кара обежала его и исчезла у него за спиной. Сквозь вопли Мора Арес услышал крики за дверью. К его брату прибыло подкрепление.

— Скорее, Кара...

— Нашла!

Раздался щелчок, и Арес упал, приземлившись на ноги. Руки у него всё еще были связаны. Кара в мгновение ока оказалась рядом с ним. Ее пальцы стали быстро распутывать узлы. Дверь распахнулась, ударившись о стену, и в камеру ворвались демоны. Арес открыл Хэррогейт, разрезав им двух демонов пополам, точно мечом.

— Битва!

Жеребец примчался к нему и стоял смирно, ожидая, пока Арес усадит в седло Кару и сядет сам.

Тело Мора было изуродовано, горло и лицо изувечены, но он, шатаясь, поднялся и взмахнул шипованной дубиной. Она отскочила от спины Ареса, но он даже не ощутил боли — Битва пронесся прямо сквозь стаю демонов, врезавшись в них, точно таран, и прыгнул во врата.

Не успели копыта Битвы коснуться песка острова, как Арес сдернул рубашку и через голову натянул ее на Кару, прикрывая ее наготу от взглядов своей стражи, которая уже бежала им навстречу.

— Прости, — у девушки срывался голос. Ее било крупной дрожью — выброс адреналина, благодаря которому они выбрались оттуда, делал свое дело.

— Это мне надо извиняться. — Арес прижался губами к ее волосам и обнял ее, отчаянно желая ощутить ее тепло, жизненную силу — всё то, чего она чуть было не лишилась в руках его брата. — Он вообще не должен был подобраться к тебе так близко.

— Я не об этом. — Кара не сводила глаз с бежавших к ним Рамрилов. — Арес, мне так жаль!

Горестное выражение ее лица заставило его встревожиться.

Демоны окружили их. Все они были ранены. Вулгрим тоже был здесь. Он хромал, одного рога не доставало. На руках он держал вырвавшегося маленького Рэта. Но Торрента с ним не было.

— Мой господин, — поклонился Вулгрим. Когда он выпрямился во все свои два с лишним метра, при виде его красных, полных слез глаз у Ареса упало сердце.

— Не говори этого, — зарычал он. — Не. Смей. Этого. Говорить.

— Мы потеряли его, *тесмон*, — сказал Вулгрим. — Мой сын мертв.

Услышав о Торренте, Арес спешился, поднял Кару на руки и понес в спальню. Он не произнес ни слова; молчала и она. Арес открыл для неё воду в душе, но, когда он начал раздеваться, девушка попросила оставить её ненадолго одну. Ему нужно было к Вулгриму, и, посопротивлявшись, он наконец уступил, оставив у дверей в коридоре Лимос.

Кара мылась осторожно. У неё всё болело, и из-за этого она двигалась с трудом. Мор успел славно над ней потрудиться, пока не пленил Ареса. Боль от того последнего удара по лицу была чудовищной. Девушка надеялась, что его яйцам ничуть не легче, чем её челюсти. Ублюдок.

Арес вернулся, когда она вышла из душа, и замер на пороге. Сердце Кары почти болезненно заколотилось. Пристальный взгляд его воспалённых глаз приковал ее к полу.

— Ты спасла Вулгриму жизнь. — Его голос звенел от напряжения. — Ты убила ради него.

Арес тремя широкими шагами пересек комнату и прижал Кару к себе.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это.

— Арес, — прошептала она, — у меня не было выбора. Я не жалею об этом. Я сделала бы это снова.

Мужчина прерывисто вздохнул, поднял ее и понес на кровать. Уложив Кару, он осмотрел ее тело. От его взгляда не ускользнул ни один порез, ни один кровоподтёк, и печаль сменилась затаенным гневом.

— Тебе нужен врач, — нервно сглотнул он. — *А агимортус...*

— Я знаю. — Теперь метка стала размыто-розовой, гораздо светлее, чем была до того, как Мор схватил ее хозяйку. Кара хлопнула ладонью по матрасу. — Полежи со мной.

— Сначала мне надо в душ.

Она подождала, пока он вымоется. Выйдя из душа, Арес лёг рядом с ней и, обнаружив её маленький знак внимания, удивленно уставился на неё:

— Подушка?

Он провел ладонью по шелковой наволочке, и Кара могла бы поклясться, что пальцы у него слегка дрожат.

— Когда? Как?

Опираясь на локоть, она наблюдала за ним. Ей никогда не наскучит смотреть на него, любоваться бронзовой кожей, рельефными чертами, крепкими мускулами, перекатывавшимися под кожей, когда он двигался.

— После того, как мы спасли Хэла. Пока вы с Хранителями сражались с демонами. Я попросила Вулгрима раздобыть для тебя подушку. — Она накрыла его руку своей. — Это не бог весть что, но я хотела сделать тебе что-нибудь приятное. Ты заслуживаешь, чтобы тебе было удобно, когда ты спишь, Арес.

Арес притянул её к себе так порывисто, что она даже не успела осознать, что произошло. Он не произнес ни слова, просто держал её в объятиях, и интуиция подсказывала ей, что именно это сейчас ему и нужно.

Кара клевала носом — сказывались переутомление, выброс адреналина и принятая доза «Валиума»^[106]. Вот бы ей удалось поговорить с Хэлом...

Проснувшись она через час. Хэла она во сне не увидела, и Ареса рядом не оказалось.

Кара тут же выпрыгнула из постели и обнаружила, что ноги ее не держат. Чтобы не растянуться на полу, девушка ухватилась за кресло. Проклятье, она слабела всё больше и больше. Всё тело болело, а череп словно стал гигантской соковыжималкой, которая превратила мозги в пульсирующую жижу.

Со всей возможной, то есть с черепашей, скоростью она надела тускло-коричневые капри, которые сели гораздо свободнее, чем раньше, и голубую блузку на пуговицах, вовсе к ним не подходившую. Мода сейчас её не волновала.

Босиком она прошлёпала в гостиную. Арес стоял там перед камином, опираясь рукой о каминную полку и так низко склонив голову, что подбородок почти касался груди.

— Арес? Ты как?

Не поднимая головы, он невесело рассмеялся.

— Это мне надо спрашивать тебя об этом.

— Со мной всё нормально.

На этот раз он поднял голову, и она испуганно ахнула при виде его покрасневших глаз и вытянувшегося лица.

— Ты была в плену, тебя избили, заставили убивать, чуть не заставили... — он замолк, покачав головой. — С тобой не всё нормально.

Ну да, время, которое она провела с Мором, приятным не назовешь. Но она осталась жива. Она даже сражалась с ним и не сломалась, не стала вопящей и рыдающей истеричкой.

— По-моему, — мягко возразила Кара, — это мне решать.

Она подошла было к Аресу, но он отступил от неё.

— Что такое?

Он уставился вверх, на яростно шумящий потолочный вентилятор.

— Я подвёл тебя. Я подвёл Торрента.

— Ты ничем не мог ему помочь. К тому же, может, ты и не помнишь, но ты вытащил меня из лап Мора.

— *Лживое. Гребаное. Дерьмо.* — Яд в голосе Ареса заставил её отшатнуться. — Это ты вытащила нас из темницы моего братца. А я просто болтался там, точно кусок говядины в кладовой у мясника.

— Без тебя я бы оттуда не выбралась. — *Агимортус* разьедал ей грудь, и боль сливалась с пульсацией в голове. Метка словно хотела присоединиться к разговору. — Мы сделали это вместе. И вообще, ничего этого не случилось бы, если бы я перенесла *агимортус*.

Ей следовало сделать это, и она будет жалеть о принятом решении до конца своих дней... который, может быть, уже недалёк.

— Твои глупости меня уже достали! Хватит!

— Почему ты так себя ведёшь? — Кара приблизилась к нему, но он отскочил и стал расхаживать туда-сюда, запустив руки в волосы.

— Что он с тобой сделал? — его хриплый голос срывался. — Прежде чем приволок тебя в ту камеру.

— Это неважно, Арес. — При звуке его мрачного рыка её сердце пропустило удар. — Ох... ты решил, что он меня изнасиловал?

— А он не?.. — голос Ареса по-прежнему был хриплым, точно у него болело горло.

— Это имеет значение?

— Да. — Теперь его голос звучал безжизненно.

Кара задрожала. Мужчинам, вломившимся в их дом, даже не представилось шанса её

изнасиловать, но Джексон так и не смог перестать думать о том, что могло произойти. Хотя он никогда не говорил об этом, во всяком случае, прямо, на нее он смотрел, как на бракованный товар. Как на ущербную. Попорченную. Когда Кара дотрагивалась до него, он уклонялся, находил отговорки, чтобы избежать близости с ней. После той ночи они ни разу не занимались любовью.

— Значит... если он изнасиловал меня, ты будешь думать обо мне по-другому?

Арес дернулся, точно его ударили по лицу.

— Нет. Никогда. — Он взглянул на нее из-под мрачно насупленных темных бровей. Взгляд был холодным и суровым. — Это важно, потому что Мор пытал тебя, а я был не в силах тебе помочь. Он точно знал, куда нанести мне удар, помня, что однажды я уже прошёл через это — тогда, с моей женой. Если в довершение ко всему он еще и надругался над тобой, я совсем перестану себя уважать.

— Он этого не сделал, Арес. — Боже, ее сердце рвалось к нему, и она не знала, как переубедить этого упряма. — Клянусь. Его больше заботило твоё присутствие, он хотел, чтобы ты мог наблюдать.

Закрыв глаза, он испустил долгий вздох облегчения. Но, когда Кара потянулась к нему, всё же сделал шаг назад.

— Арес, не надо. Пожалуйста, не отдаляйся от меня. — Снова то же самое, что и с Джексон, но на этот раз всё гораздо хуже. Боясь, как Джексон отреагирует, узнав о её даре, она никогда не открывалась ему полностью. Но перед Аресом она обнажила душу. Он сделал ее сильнее, а Джексон лишь ослабил.

Арес не произнес ни слова. Даже не взглянул на нее. Даже когда широким шагом выходил из комнаты.

— Эгоистичный кусок дерьма!

Арес резко остановился, едва успев ступить в свой обнесенный стеной сад.

— Прощу прощения?

Лимос обошла его и остановилась, загородив ему дорогу.

— Кару пытали в лапах твоего брата...

— Думаешь, я об этом не знаю? — В голове у него снова и снова повторялся каждый миг этого зрелища, прерываясь лишь изредка всплывавшими воспоминаниями о Торренте.

После Вулгрима и его жены Сирет Арес первым взял Торра на руки, когда тот родился. Он видел, как малыш учится ходить, сходил с ума от беспокойства, когда тот учился лазать по скалам, учил его драться.

Теперь Вулgrim и Арес делили одну боль на двоих, и Арес, поклявшийся никогда не впускать чувства в свою жизнь, чувствовал себя так, точно тонет в ней.

— Да, и ты творишь то же самое, что Мор сделал с тобой. С тобой, а не с ней. — Лимос уперла руки в бедра. — Ты чувствуешь себя беспомощным, ни на что не годным, потому что не можешь защитить свою женщину. И чтобы наказать себя за свою вину, несостоятельность или за что там еще, ты отдаляешься от нее. Мор пытал ее, но ты, черт тебя возьми, ненамного лучше его, потому что творишь такую же хрень.

Арес хотел было послать Лимос ко всем чертям, но она была права. Он считал, что Джексон — засранец, раз так отнесся к Каре, а теперь Арес сам взял и заставил её вновь

пережить один из самых мучительных моментов в её жизни.

Он быстро зашагал по вымощенной камнем дорожке, опоясывавшей сад. Сможет ли он убежать от своей ублюдочной сущности? Вряд ли.

За спиной у него раздалось ритмичное шлепанье босых ног Лимос.

— Эй, мне жаль Торрента. — Она схватила брата за руку, заставив остановиться. — Я знаю, как ты был к нему привязан. Я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Да, — хрипло ответил он. — Присмотри за Вулгримом и Рэтом. Мор умеет причинить мне боль.

Над головой у них пролетел ястреб, ищущий жертву.

— Наш брат сейчас сильнее, чем когда-либо. Он застал меня врасплох и одержал надо мной верх, когда я освободился от битвы. Как тебе удалось выбраться из голодающих лагерей?

— Подняла тревогу в СМИ. Как только они пронюхали об этом, все было кончено. С современными нравами у меня отношения неоднозначные — то любовь, то ненависть. Но сегодня определенно случилась любовь.

— Где Танатос?

— Собирает информацию о том, где Мор мог разместить свои войска. Когда ты вырубил тех командующих, заключённое перемирие освободило Тана. Он не терял времени даром, пока эпидемии Мора не ужесточились. Когда это произошло, люди запаниковали.

Еще бы. Сколько раз Арес это видел... люди вели себя точно ошарашенные овцы, паниковали при первых признаках опасности, скупали припасы, уезжали в отдаленные области, строили бомбоубежища, наглухо заколачивали окна. Люди готовы видеть Апокалипсис за каждым углом.

На этот раз они правы.

Дерьмо, придется решиться на крайние меры.

— Оставайся с Карой.

— А ты куда?

Арес открыл Хэррогейт.

— К нашей мамочке.

— Что?! — Ли вцепилась в его руку. — Зачем? Ты что, с ума сошел?

Не исключено. Лилит — одно из немногих созданий, превосходящих его в могуществе. Она удерживала в плену Лимос, и, обретя власть над Аресом, вполне сможет удерживать его, пока Мор не сломает Печать Ареса.

— Лилит и Мор пытали Тристеллу, чтобы узнать, где прячется Непадший. Я дам Лилит всё, что та захочет, если она скажет мне, где найти хоть одного.

Он должен спасти Кару. Отчаяние огненным потоком жгло ему кровь.

— Непадших больше нет.

Ли и Арес обернулись и увидели у огибавшей пруд с рыбками дорожки Ривера. Таким рассерженным Арес его никогда еще не видел.

— Что значит «больше нет»? — выдавил Арес.

В синих глазах Ривера бушевала буря. В зрачках сверкали молнии.

— То, что я сказал. Кто-то попал в Шеул, кого-то уничтожил Мор. Моих собратьев больше нет, а у нас уже нет времени.

Все эмоции, которых Аресу не полагалось чувствовать — паника, смятение, злость — слились в туманящее голову бешенство, и Арес не совладал с собой. Он не думал. Он

действовал. Ухватил Ривера за лацканы его дорогущего пиджака и прижал ангела к стволу оливы.

— Ты лжешь!

— Ты проиграл!

Кулак взбешенного ангела врезался в Ареса, точно груженный поезд, отбросив его на десяток метров и ударив о колонну. На голову ему обрушился камень. Арес понял, что скоро ему придется как следует поработать, и с рёвом вскочил на ноги.

— Арес, нет! — возникла перед ним Лимос, и в тот же миг откуда ни возьмись появилась Хавистер. Ее самодовольная ухмылочка снова вывела Ареса из себя.

— Зло выигрывает, — насмешливо пропела она.

Десятибалльный шторм по имени Ривер переключился с Ареса на Хавистер. Та зарычала, и они схлестнулись с оглушительным треском. Сверкнула вспышка. Оба исчезли.

Этого не может быть. Не может быть. Не может, *черт побери*, быть! Арес стер с виска струйку крови и выругался на десятке языков, но это не изменило того, что его так чувствительно отымили в зад. Хотя он догадывался, что это может быть результатом того, что туда засунули целую колонну.

Арес стряхнул с волос каменную крошку и развернулся к Лимос:

— Разыщи Кинана. Нам необходим этот чертов кинжал. Сейчас он — единственная надежда Кары. И я хочу, чтобы Хэррогейт на этом острове был закрыт. Мор больше не проведет сквозь него ни одного демона.

Лимос присвистнула:

— Нелегкая задачка.

— Да мне всё равно, — огрызнулся он. — Я заплачу любую цену, какую придется...

— Господин! Арес! — К ним бежал Вулгрим, указывая на дом. — Цербер...

Арес не стал ждать, пока он закончит. Призвав доспехи, он рванулся через сад, ворвался в дом и нашел Кару во внутреннем дворике у спальни. Одной рукой она поглаживала Хаоса по загривку, второй чесала его под подбородком, и произойти это могло лишь в том случае, если Кара пригласила цербера войти, пропустив его через защиту. За спиной у Ареса возникла Лимос, на ходу призывая доспехи и оружие.

Цербер повернул огромную голову, и Арес мог бы поклясться, что зверюга ухмыляется. Арес видел это ясно, точно надпись на рекламном щите. *Я нравлюсь твоей женщине.*

— Арес, — быстро сказала Кара, — прежде чем что-то говорить...

— Отойди от него.

Она не обратила внимания.

— Послушай меня. Всего минутку.

Арес был совсем не в настроении ее слушать.

— Я хочу смерти этого монстра.

Хаос зарычал. Капли слюны стекали у него из пасти, падали и разбрызгивались о плиты пола.

— Вам надо объявить перемирие, — выпалила Кара. Лимос сдавленно хмыкнула.

— Ты что, серьезно? — отрывисто спросил Арес. — Никогда. А теперь прочь от него, пока он тебя не покалечил.

Невероятно, но Кара обхватила цербера за шею, и сквозь красноватый туман ненависти Арес увидел, что она едва стоит на ногах, и ей нужна опора.

— Покалечив меня, он покалечит и собственного сына. Ему нужна моя помощь, чтобы

найти Хэла, Арес, а он нужен нам.

— Он не нужен нам. *Мне он не будет нужен никогда.* — Арес шагнул вперед. Цербер сделал то же самое, поставив огромную лапу перед Карой и удерживая девушку на месте. Не знай Арес наверняка, подумал бы, что Хаос пытается её защитить.

Что за чушь.

— Я рассказал тебе, что он со мной сделал, Кара. Я не могу этого забыть. *Я не забуду этого.*

В глазах Кары мелькнула боль.

— Арес, если ты его убьешь, тебе придется сражаться с Хэлом до конца его жизни.

Холодная суровая реальность охладил его гнев, и он смог им управлять. Сражение с Хэлом, скорее всего, не будет такой уж проблемой. Если Арес не сможет пронзить сердце Мора клинком Избавления, Хэл скоро будет мертв. А если ему каким-то чудом удастся уничтожить своего брата, разве сможет Кара жить с Хэлом и Аресом, если они будут стремиться уничтожить друг друга?

И, черт подери... Как ему избавиться от ненависти, которой уже четыре с половиной тысячи лет?

Но неужели он не может дать это Каре — после всего того, во что он ее втянул, после того, на что она пошла ради него?

Ничего труднее Аресу никогда еще не приходилось делать, но он опустил меч, не отводя взгляда с этого адского сукина сына.

Закрыв глаза, Кара облегченно вздохнула.

— Он говорит, что пока Хэл жив, он будет чтить перемирие.

Чтить. Вот уж не ожидал от цербера.

— Я хочу спросить только об одном, — глухо сказал Арес. — Я хочу знать, почему он убил моего брата и моих сыновей именно так.

В действиях Хаоса сквозила неподдельная ненависть, выходящая далеко за рамки обычного убийства.

Кара провела руками по обеим сторонам морды чудовища. Через минуту, может быть, две, а может, и все десять — трудно было сказать — Кара опустила голову.

— Между вами обоими столько боли. — Она подняла глаза. — Я читаю его мысли. Ты помнишь битву в каких-то горах? Там какое-то осадное орудие, уродливое, с вырезанной головой вепря, и... — она вздрогнула, — повсюду прибиты человеческие черепа.

— Да. Помню. — После того, как убили его жену, Арес, его сыновья, брат и его войска гнались за ордами демонов до самого нагорья Ахаггар^[107], и, как только демоны оказались зажаты там в угол, началась резня.

— Хаос не участвовал в этой войне между людьми и демонами. Он и его самка вывели из Шеула своих щенков, чтобы научить их охотиться за крысами, и оказались среди этого кровопролития. Он был молод, и это был его первый помёт. Ты убил их.

Арес сглотнул. За свою жизнь он убил столько, что кровь жертв, собранная воедино, образовала бы глубокое море. Однако первых убитых им церберов он помнил. После смерти жены он был так полон ненависти, что убил эту самку и ее детенышей с наслаждением. В его глазах они были не более чем злыми тварями, пожиравшими тела его павших солдат.

Земля покачнулась у него под ногами. Они охотились всего лишь на крыс, а не на его воинов. Они не сражались с людьми.

Лишь несколько дней спустя он вернулся в свою палатку и обнаружил там огромного

цербера, стоящего над останками его сыновей и брата.

О боже. Это не Хаос начал вражду между ними. Это был сам Арес. Он так долго считал, что Эккад и его сыновья погибли лишь из-за того, что он любил их, что они стали мишенью демонов, охотившихся за Аресом. Но нет — они погибли из-за того, что Арес уничтожил чужую семью.

— Всё это время я жаждал отомстить ему, а он — мне. — Арес провел рукой по лицу. Он всё еще ненавидел это проклятое создание, но теперь он его понимал. — Я буду чтить перемирие.

Хаос посмотрел ему в глаза, и в них было понимание. Разумеется, желания обняться у них не возникло, но теперь они могли разойтись на безопасное расстоянии, не нападая друг на друга.

Цербер исчез, и Кара, лишившись опоры, упала на пол.

— Кара! — Арес упал на колени рядом с ней и поднял ее на руки. Она была без сознания.

Лимос опустилась на колени рядом с ним.

— Она...

— Нет, — хрипло выдавил Арес. — Но сердце еле бьется.

Он поднялся, прижимая девушку к груди, и распахнул ворота.

— Я отнесу ее в Центральную больницу.

Жужжание тату-машинки было самым сексуальным звуком, какой доводилось слышать Танатосу. Ну, не считая звуков настоящего секса, которых он избегал, точно эпидемий Мора. Ему нравилась вибрация и пощипывания, проникавшие глубоко в его мышцы, пока иголка двигалась по поясице, и он заставлял себя не двигаться, чтобы не беспокоить свой болезненно пульсирующий член. Хотя этот негодяй заслуживал боли.

— Почти готово. — Орелия, бледный безглазый демон-Силас, протерла его раздраженную кожу тканью и вернулась к работе.

Она не пользовалась никакими шаблонами и готовыми рисунками. Никогда не пользовалась. Она считывала изображения из разума своих заказчиков и превращала мысль в рисунок. В случае с Таном она считывала из его головы сцены смерти и переносила их на его кожу, где они уже не действовали на него с такой силой. Он помнил все смерти и разрушения, происходившие у него на глазах и с его участием, но стоило им перенестись на холст его тела, как они переставали его преследовать.

К тому же он наслаждался этим процессом. Татуировки и пирсинг — одно из немногих удовольствий, которое он себе позволял.

— На тебе кончается место, — предупредила Орелия, как будто он этого не знал. К счастью, ее уникальный дар позволял не только претворять мысли в жизнь. Она умела наслаивать образы и каким-то образом не позволяла им уничтожать друг друга. Сцены сливались в гармонии, где каждая была по отдельности, и всё же они дополняли друг друга.

— Просто заканчивай.

Ее длинные костлявые пальцы порхали над рисунком, изображавшим его недавний визит на вымирающие земли Словении, подвергнувшиеся эпидемии Мора.

— На этот раз всё совсем плохо. Твой брат был занят.

— Что ты слышала? — Сегодня Тан пришел как раз для того, чтобы расспросить Орелию. Он мог и не делать татуировку, но ему нужна была информация, а эта женщина, легко проникавшая в разум своих клиентов, держала палец на пульсе подземного мира.

— Ты же знаешь, я не могу обсуждать вещи, которых мне лучше не знать.

Стандартный ответ, стандартная чушь собачья, и у Тана нет на это времени.

— Мой брат собирает армию. Я хочу знать, где.

— Откуда мне знать?

Тан запустил руку за спину и схватил ее за тонкое запястье, оторвав тату-машинку от своей кожи. Одним быстрым движением он перевернулся на столе и притянул Орелию к себе. Как у большинства демонов-Силас, ее кожа была такой белой, что под ней видны были вены, рот — узкая щель, обнажавшая черные острые зубы, а нос — маленькая выпуклость с двумя отверстиями по бокам. В отличие от большинства Силас, у Орелии на лице были вытатуированы глаза.

Тан позволил своим клыкам выскользнуть на волю — поскольку Орелия могла считать образы из его разума, она была одной из немногих, знавших, что он такое, и немногих, кого он не убил из-за этого. Даже его братья и сестра не знали. Это был секрет, который он тщательно хранил.

— Мне не нужно говорить тебе, на что я способен, — сказал он. — Ты изображаешь это на моем теле уже много веков.

— Если я расскажу тебе о том, что знаю, моя жизнь окажется в огромной опасности.

— Могу тебя заверить, я опаснее большинства твоих посетителей.

Мышцы ее горла сокращались, она сглотнула несколько раз.

— Но я не хочу останавливать Апокалипсис. Я хочу выбраться из Шеула. Сцены, которые я смогу нарисовать на людях... — на ее вытянутом лице расплылась гнусная улыбочка. Как-то она обмолвилась, что ее дар, примененный к людям, становится пророческим. Для людей у неё были особые, причиняющие особую боль инструменты, и, стоило ей изобразить на коже человека сцену с его участием, как она становилась былью. А фантазия у Орелии была очень богатой. И жестокой.

— Ты знаешь, каково это — умереть от моей руки? Когда боль пройдет, твоя душа станет частью меня. Ты окажешься в западне во тьме моей брони вместе с другими душами, страдая от их боли и мучений. Если случится Апокалипсис, ты будешь первой, за кем я приду, и у тебя всё равно не будет возможности поиграть с людьми. — Тан сжимал хватку, пока она не заскулила. — Так что скажи мне то, что я хочу знать.

— Ходят слухи, что мой народ собирается в округе Хорун. Но кое-кто из моих клиентов слышал рассказы о том, что в Ситбладде растут волнения.

— Что еще?

— Мор кинул клич всем демонам... тому, кто принесет ему голову члена Эгиды, обещано место рядом с ним после Апокалипсиса, а еще он тайно платит за уши церберов. Больше я ничего не знаю. Клянусь.

Тан отпустил ее и снова перевернулся.

— Хорошо. А теперь заканчивай. — Ему нужно было кое-что разведать.

Арес вышел из Хэррогейта в реанимационном отделении Центральной больницы Преисподней — больницы, где демоны ухаживали за обитателями подземного мира. Раньше Арес считал это бредом, но теперь был чертовски рад, что такое заведение вообще существует.

Скрипя подошвами по обсидиановому полу, он пересёк холл и подошёл к стойке администратора, где переключивала бумаги худенькая, похожая на кошку демон-Трилла. При виде Ареса она втянула носом воздух и нахмурилась:

— Человек?

— Да. Ей нужна помощь. Я хочу видеть Эйдолона.

— Он занят...

— Приведи мне врача, иначе, если этот человек умрёт, я стану худшим из ваших ночных кошмаров.

Демон зашипела:

— Этот госпиталь защищен антинасильственными чарами, так что твои угрозы бессмысленны...

— Антинасильственные чары меня не сдержат, — зарычал Арес. — *Приведи. Эйдолона.*

— Угрожая моему персоналу, ты ничего не добьешься, — раздался у него из-за спины спокойный голос. Арес резко обернулся и увидел того самого доктора-демона, которого требовал привести.

— Это не угроза. Если Кара умрёт, моя Печать будет сломана. Понимаешь, о чём я?

Эйдолон встретил взгляд Ареса своим — пронизательным и оценивающим. Немногие осмеливались так на него смотреть, и Всадник невольно ощутил уважение к этому парню. Госпиталь был владениями Эйдолона, и он сделает всё, что потребуется, чтобы сохранить его в безопасности. Сейчас необходимо было спасти Каре жизнь, и он это знал. Врач, походивший на человека не меньше Ареса, сделал знак медсестре. Тут же с места вскочили два каких-то оборотня и проводили Ареса в бокс.

Всадник осторожно опустил Кару на смотровой стол.

— Что случилось? — Эйдолон натянул перчатки, и племенная татуировка, покрывавшая его руки от кончиков пальцев до плеч, начала светиться. Семинусы, редкая разновидность инкубов, обладали способностями, которые каким-то образом были связаны с рунами, вытатуированными на их руках. Арес лишь надеялся, что дара Эйдолона, каков бы он ни был, хватит на то, чтобы спасти Каре жизнь.

— Она умирает. — Эйдолон кивнул, проверяя дыхательные пути и дыхание девушки. Тем временем одна из оборотней — блондинка, которую, судя по бейджу, звали Владленой — считала Каре пульс, а вторая слушала сердце.

— Кара носит мой *агимортус*, и он убивает её. Её смерть сломает мою Печать.

Нахмурившись, Эйдолон поднял на него глаза.

— Но ведь ты говорил, что, когда умерла Син, Печать Мора *не сломалась*.

— Другой вид *агимортуса*, — Арес крепко держал Кару за руку. — И еще тебе следует знать, что она связана с цербером.

Эйдолон, потянувшийся было за ножницами, остановился:

— Интересно. И где этот цербер?

— Не знаю.

— Значит, его могли ранить? — Эйдолон снизу доверху разрезал блузку Кары посередине, и Ареса пронзила ужасная ревность. Все застыли на месте. Должно быть, он издал какой-то дикий вопль, потому что все уставились на него, словно он только что отгрыз рога Крестовой гадюке^[108].

— Ой... извините. — Он опустил руки и сжал кулаки, надеясь, что это поможет не пустить их в дело. Однако это было странно; он никогда в жизни так не ревновал женщину.

— Обычно я не... просто... — Боже, а ещё он никогда в жизни не был заикающимся дураком.

— Всё нормально, — сухо ответил Эйдолон. — У нас тут частенько бывает такое — «а-ну-не-трожь-мою-жену».

— Она мне не жена. — Он, конечно, считает её своей, но это слово подразумевало постоянство. Которое ему и Каре не светит.

— *Конечно*, — понимающе кивнул Эйдолон, но Арес очень быстро понял, что этот демон — настоящая язва. — Значит, ты всегда угрожаешь врачам поотрывать им головы и украсить ими свою каминную полку?

Он это сказал? О господи. Что ж, ему нужно привести мысли в порядок, и как можно быстрее.

— Просто делай то, что нужно.

Очень медленно Эйдолон развел в стороны полы блузки Кары, и Арес задохнулся от возмущения. Какая разница, врач этот парень или не врач. Он пялится на женщину Ареса. Его... жену. Дерьмо.

Он сосредоточился на том, чтобы поглаживать руку Кары большим пальцем и не перебить всех, кто находится в комнате. А когда Эйдолон снял с Кары брюки, стало еще хуже.

— У неё множество ссадин и кровоподтёков, — заметил Эйдолон, прощупывая живот девушки.

— Ага. — Голос Ареса прозвучал хрипло. Устало. — Она... её избили.

И, чёрт, вот чёрт, *агимортус* посветлел ещё больше и стал бледно-розовым, точно шрам от затянувшейся раны.

Эйдолон дотронулся пальцем до одного из синяков, и его татуировка ярко вспыхнула. Синяк уменьшился и посветлел, однако Эйдолон выругался.

— Синяк должен был полностью исчезнуть. — Он стянул перчатки. — Каких-либо серьёзных повреждений у неё как будто нет, но я вызову своего брата. Шейд сможет проверить работу ее внутренних органов.

Он накрыл Кару простыней.

— Я скоро вернусь.

Остальной персонал вышел из палаты вместе с врачом, оставив Ареса наедине с Карой. Он не отпускал её руку, не мог отпустить.

— Кара? Дорогая? Очнись.

Ресницы девушки дрогнули, но она не открыла глаза.

— Что случилось? — голос был слабым, едва различимым, и Аресу одновременно захотелось кричать от радости, что она очнулась, и вопить от отчаяния, что её голос звучит так ужасно.

— Ты упала в обморок. Мы в больнице. Кара, послушай. Прости, что я так себя повёл. Я

не должен был уходить от тебя вот так. Я вёл себя как эгоист, а ты этого не заслужила.

Кара открыла глаза, и Арес понадеялся, что годы, проведённые в боях, не позволят ужасу проявиться на его лице. Её глаза ввалились и были воспалены, а прекрасный чистый цвет морской волны стал мутным и напоминающим скорее болото.

— Всё в порядке, — прошептала она. — Я видела Хэла. Он был в какой-то яме. Там была кровь, много крови. И... сражение.

— Ш-ш-ш, — Арес сжал её руку. — Мы освободим его. Тебе нужно отдохнуть. Поберечь силы.

Она хотела возразить; он это знал. Но тут вернулся Эйдолон в сопровождении демона в чёрной форме спасателя, так походившем на Эйдолона, что Арес тут же признал в нём его брата.

— Это Шейд, — представил его Эйдолон и кивнул, указав на Кару. — Можно, он осмотрит тебя?

Кара бросила взгляд на Ареса, очевидно, не зная, что ответить. Он не мог её винить. В человеческих больницах и без того было мало приятного, а эта, с её чёрными полами, серыми стенами, покрытыми неразборчиво нацарапанными кровью заклинаниями, и цепями, свисавшими с потолка, вызвала настоящую тревогу. И это не считая персонала, состоявшего из демонов, вампиров и оборотней.

— Всё нормально, Кара. Они хорошие парни.

По её успокоенному лицу он понял, что она полностью ему доверяет, и это понимание словно ударило его под дых.

— Тогда ладно. — Она робко улыбнулась Шейду. — Можно.

Шейд убрал назад свои тёмные волосы до плеч и мягко взял её запястье. Знаки на его правом предплечье засветились, и он сосредоточенно нахмурил брови. В течение нескольких секунд краски начали возвращаться на лицо Кары. Щёки порозовели, губы налились, даже глаза вновь стали такими же, как были. Когда Шейд отпустил её руку, она выглядела почти такой же здоровой, как тогда, когда Арес впервые её увидел.

— Как ты это сделал? — Голос Кары был полон удивления. Она изумленно рассматривала свои руки.

— Я умею улучшать работу тела. — Шейд встретил взгляд Ареса. — Если бы ты не принес её сюда, она умерла бы в течение часа.

Арес сглотнул. С большим трудом.

— А теперь?

— Пожалуй, нам лучше поговорить за дверью.

— Нет. — Кара переводила взгляд с одного на другого. — Речь о моей жизни, я имею право знать, что происходит.

Шейд пожал плечами.

— Тогда я скажу тебе: твои органы не работают так, как надо. Как если бы ты получила их от стапятидесятилетнего старика. Мне удалось заставить их вновь функционировать нормально, но силы как будто медленно покидают тебя. Я восполнил недостающее, но пробка треснула, и течь осталась.

— Сколько еще времени? — спросила она, и слава богу, потому что Аресу не хватило бы на это духу.

— Шесть часов. Плюс-минус час. — Шейд сунул руки в карманы. — Может быть, ещё час, если я повторю то, что только что сделал, но после этого...

После этого Кара умрёт, а Арес станет худшим кошмаром в мире.

— Мы не сдадимся, — возразил Эйдолон. — У нас лучший персонал и лучшие исследователи. Мы найдём выход. Нажми на кнопку вызова, если мы тебе понадобится. — Они с Шейдом вышли, едва не столкнувшись в дверях с Лимос и Танатосом.

Лимос подождала, пока два демона не скроются и точно не смогут их слышать.

— У меня сообщение от Кинана. Подробности никаких, но он уже на пути сюда. А Тан может отвести нас туда, где Мор собирает свои войска. Если мы найдём его, то, может быть, найдём и цербера.

Кара попыталась сесть.

— Мы должны ему помочь.

— Хорошая новость, — сказал Арес, точно хоть что-то из всего этого могло быть хорошим, — заключается в том, что силы, которые дал тебе Шейд, передадутся и Хэлу тоже. Ты дала ему немного времени.

Около стойки администратора сверкнул Хэррогейт, и из него вышел Кинан. В одной руке у него была розовая в оборках сумка с принтом, изображавшим плюшевых медвежат, а в другой — кожаный свёрток. Он подошёл к Аресу и сунул свёрток ему в руку.

— Кинжал.

Арес испустил вздох облегчения, но позволить себе обрадоваться не мог. Им еще нужно было найти Мора, и на это оставалось всего шесть часов.

— Спасибо!

Кинан прочистил горло:

— Как Кара?

Умирает.

— Мы заботимся о ней. — Ни на что, кроме этой общей фразы, Арес оказался не способен.

Когда Кинан опустил свою ношу, раздавшийся плач младенца прозвучал совсем неуместно. Новая жизнь встретилась с надвигающейся смертью.

— Мы перехватили тревожные разговоры в подземном мире. Демоны, ищущие Кару, говорят о невесте дьявола. Она что, часть какого-то пророчества, о котором мы не знаем?

Кара схватила Ареса за руку.

— Это правда? Ты о чём-то мне не сказал?

Арес не сказал ей очень многого, но это туда не входило.

— Ты не невеста дьявола.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался Кинан.

— Невеста дьявола — это я. — Лимос поправила оранжевый цветок в волосах. — Ну, тс есть, не сейчас, а вообще. Мы пока не закупились всякими смокингками и платьями и отложили на потом церковь и всё прочее.

Из сумки Кинана вновь раздался плач. Это был звук семьи, и во рту у Ареса стало сухо, как в пустыне.

— Как?

— Не твоя забота, — беспечно отмахнулась она. Беспечность была обманчива — чем беззаботнее становилась Ли, тем большую опасность она представляла. — Я делаю всё, что могу, чтобы это предотвратить, а большего тебе знать не нужно.

Кинан наклонил голову.

— Согласен. — Он бросил взгляд на Кару, потом снова на Ареса и понизил голос. —

Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Настойчивость в глазах человека заставила Ареса послушаться. Они вышли из палаты, Тан и Ли — за ними. Вокруг сновали врачи и медсестры, пытаясь управиться с наплывом жертв какой-то аварии, которых ввозили в помещение больницы через раздвижные двери. А в каком-то десятке метров, не сводя с Ареса мрачного взгляда, стояла Хавистер. Её черты были основательно попорчены синяками и ожогами — видно, бой с Ривером вышел жестоким. Она оставалась сосредоточенной, но не произносила ни слова, очевидно, удовольствовавшись ролью Наблюдателя. Поскольку Ривер не мог войти в больницу демонов, всем, что она узнает здесь, ей придется поделиться с ним, прежде чем она сможет извлечь из этого пользу.

— Давай побыстрее, — велел Арес.

— Помимо кинжала, есть ещё свиток, — Кинан вынул свёрнутый в трубку пергамент. Ли тут же схватила его. — Кинжал был украден у храмовников...

— Кем? — перебил Тан. Ли возилась со свитком.

— Непонятно. Но, когда Эгида нашла его, кинжал был усовершенствован. Им по-прежнему можно убить Всадника, а ещё — уничтожить твой *агимортус*.

От ужаса у Ареса заколотилось сердце.

— Что значит *уничтожить*?

— Это значит, что если ты вонзишь кинжал в сердце носителя, то уничтожишь его, — ответил Кинан. — Ты убьёшь хозяина метки, но твоя Печать не будет сломана.

Арес утратил способность дышать. Теперь у него был способ спасти мир, хотя бы и временно, но неприемлемый. Совершенно.

— Будьте у себя в Эгиде начеку, — предупредил Тан. — Мор назначил награду за мёртвых Хранителей. Берегите головы.

— Какой же ваш брат засранец. — Кинан перевёл взгляд на Ареса. — Я буду на связи. Не подведи нас.

Кинан отошёл, оставив Ареса сражаться с приступом тошноты. Тот взглянул было на Хавистер, но той уже не было.

В оцепенении Арес вернулся в палату. Его рука с кинжалом дрожала, и он ненавидел себя за это. Проклятье, эта штука тяжелее, чем ему помнилось. Кинан мог с тем же успехом передать ему наковальню. Лимос и Танатос приблизились, пристально глядя на кинжал, точно на ядовитую змею.

— Мы не станем использовать его против Ресефа, — произнес Тан. Рука Ареса дрогнула так, что он чуть не выронил оружие. Арес накинудся на брата:

— Черт тебя побери, Танатос! Это *мне* решать. Он мучил *мою* женщину, и я поступлю так, как должен.

Вот и конец всей этой чуши про *она-мне-не-жена*, о которой говорил ему Эйдолон. Он боролся со своими чувствами, однако всякий хороший полководец знает, когда пора сложить оружие и сдаться. Пора пришла.

Тан помрачнел. Его голос звучал так глухо, как Арес ещё никогда не слышал:

— Убийство женщины входит в твои планы?

— Лимос, — позвал Арес. В его голосе ощущался холод зимы, среди которой жил Танатос. — Уведи его отсюда, пока... просто уведи его отсюда.

Ли вывела их брата из палаты, но Тан успел послать Аресу извиняющийся взгляд. Несмотря на гнев, Арес понял, что зря считал брата мерзавцем. Ресеф был их братом пять

тысяч лет. Женщину они знают несколько дней. Цифры подсказывали ему по возможности спасти семью.

Будь Арес на месте Танатоса, он бы, наверное, чувствовал то же самое. И, хотя своим разумом стратега Арес пытался найти способ спасти Кару, даже он понимал, что попытка убить Мора рискованна. С Карой же... риска никакого.

Для всех, кроме Ареса.

— Арес...

Он глубоко вздохнул, взял себя в руки и повернулся к Каре. Её прекрасные глаза были полны решимости и понимания. Слишком много понимания.

— Что Танатос имел в виду, когда говорил об «убийстве женщины»?

Аресу ещё никогда так не хотелось избить своего брата. Руку ему резанула боль; он стиснул кинжал так, что лезвие прорезало кожу перчатки и впилось ему в руку.

— Арес. Скажи мне.

Повисло напряжённое молчание.

— У нас есть выход, — начал он, взяв её за руку. — Есть способ сделать так, чтобы мою Печать нельзя было сломать, пока не будет сломана одна из других. Если я убью тебя этим кинжалом, моя Печать останется нетронутой, и Мор не сможет заполучить меня в союзники.

— До тех пор, пока не будет сломана другая Печать. — Кара не колебалась ни минуты. — Убей меня.

Арес сделал шаг назад.

— Нет, — отчаянно прошептал он. — Не могу.

— Ты должен. — По щеке у девушки поползла слеза. — Ты знаешь, что должен. Арес, я умираю. Это уже происходит. У тебя есть шанс остановить Апокалипсис или хотя бы задержать его, пока не найдёшь способ остановить своего брата.

— Кара...

— Только не здесь. Отнеси меня домой. И займись со мной любовью в последний раз.

— Хорошо, — хрипло произнес он. — Хорошо.

Мор был не на шутку разъярён. Забавно, до чего же редко он сердился, будучи Ресефом. О, когда он наконец терял над собой контроль, оказаться рядом не захотелось бы никому, но такое случалось нечасто. Ресеф был таким... *вставьте здесь нечто вроде «слабаком»*, потому что Мор был слишком разъярён, чтобы придумывать что-то мудрёное или хотя бы дурацкое.

Он взглянул на тела, лежавшие у ног. Трое его слуг, позволившие Аресу и человеческой шлюхе сбежать. Один из них осмелился обвинить Мора... у него недоставало нескольких органов — в отличие от остальных, отделавшихся лишь сломанной шеей.

— Великие вожди не вселяют страх в тех, кого ведут за собой. — Хавистер подтолкнула ногой одно из тел и многозначительно взглянула на Мора. — Арес всегда уважал своих воинов. И их верность.

В ответ на её колкость к голове у Мора прилила кровь. Будь проклята Хавистер. Будь проклят Арес. Как же ему хочется, чтобы они оба страдали. Однако пока что придётся потерпеть. Он небрежно оттолкнулся от столба, о который опирался спиной, и стал смотреть на кровавую бойню в яме внизу. Щенок цербера вгрызался в *найва*, тварь

величиной с цербера, походившую на освежёванного опоссума ^[109]. Когти *найва* царапнули бок цербера, оставив глубокую рану. Это был последний, отчаянный удар. *Найв* судорожно вздохнул и истёк кровью. Горло у него было разорвано.

— Не давай церберу времени исцеляться. Брось туда кого-нибудь ещё. Кого-нибудь побольше.

Стоявший неподалеку Дэвид, его тайный шпион в Эгиде и мальчик на побегушках, кивнул, и его тусклые глаза блеснули:

— Да, милорд.

Мор покатал между ладоней флакон со слюной, которую они взяли у цербера.

— Ты подготовил подающее устройство для яда?

Дэвид выудил из кармана маленький металлический шарик.

— Колдун уверял меня, что, как только мы наполним его слюной цербера, он станет действенным оружием против вашего брата.

Это была первая хорошая новость за несколько недель.

— Новости из Эгиды есть?

— Найден клинок Избавления.

Резко втянув воздух, Мор развернулся.

— Уверен?

— Я подслушал, как об этом говорил мой отец.

— Это правда, — подала голос Хавистер. — И Эгида модифицировала его. Если Арес убьёт им Кару, никакой надежды сломать его Печать не останется.

По виску Мора потекла струйка пота.

— И давно тебе известно об этой модификации?

— Несколько сотен лет. Но об этом было запрещено говорить тебе до тех пор, пока кинжал не найдут.

Ну, разумеется. Чёртовы правила Наблюдателей. А теперь, если Арес убьёт Кару этим проклятым клинком, пройдут месяцы, а может быть, и годы, прежде чем он сможет сломать Печати Лимос или Тана — ведь Печать Лимос он ещё не нашёл, а Тан, похоже, твёрдо намерен сохранить свою.

Мору необходим был этот кинжал.

Продолжая катать флакон в ладони, он тщательно обдумывал возможные варианты, и в голове у него начал складываться план.

— Дэвид, когда я тебя нашёл, ты представлял собой жалкое зрелище. Надеялся, что Эгида простит, а отец полюбит тебя снова. Ты знаешь, что этого не будет никогда. Знаешь, что твоё место — здесь, рядом со мной, и что со мной ты обретёшь награду, о которой и мечтать не смел.

— Да, милорд.

Мор не смог бы сказать, какая часть согласия в этом ответе дана Дэвидом добровольно, а какая — из-за того, что Мор позаимствовал его душу и оставил от человека лишь восполняемый сосуд.

Таким путём он привлёк на свою сторону многих людей, и для обеих сторон это был очень выгодный обмен. Мор забирал их души, дававшие ему могущество, а туда, где раньше были души, забиралось зло, дававшее людям гораздо большие силу и выносливость, чем были у них раньше. Ещё люди могли пользоваться Хэррогейтами, то есть отправиться куда угодно и когда угодно.

Да, очень удобно.

— Тогда, Дэвид, у меня есть для тебя поручение. — Мор обхватил человека за плечи и повёл его к Хэррогейту, оставив Хавистер наблюдать за боем цербера. — Не исключено, что не обойдётся без боли, но в конце тебя будет ждать великая награда.

Разумеется, при условии, что Дэвид не погибнет. Мор очень надеялся, что этого не случится. Пока ему больше не удалось обернуть на свою сторону никого из членов Эгиды, а Дэвид был весьма полезен.

— Просто скажите, что надо делать.

Мор улыбнулся.

— Давай составим план.

Арес не позволил ступням Кары коснуться пола. Он нёс её всю дорогу от палаты в той жуткой демонической больнице до спальни в его доме. Лимос и Танатос хотели было последовать за ним, но Арес что-то грубо рявкнул на языке, которого Кара не знала, и его брат с сестрой удалились. И, несмотря на напряжение, возникшее во время спора насчёт Мора, Кара видела боль и грусть в глазах брата и сестры Ареса, когда тот нёс её к Хэррогейту.

Там была и любовь, и Кара знала, что Лимос и Танатос скоро будут у дома. Может быть, внутрь они и не войдут, но будут ждать Ареса снаружи.

Они придут за ним, когда Кара умрёт.

Кара обняла Ареса за шею, наслаждаясь чувством защищённости в кольце его сильных рук. Но не могла не воспротивиться для вида.

— Знаешь, я ещё не научилась ходить.

То, что сделал тот второй демон со светящейся рукой, дало ей просто невообразимый прилив энергии.

— Но если ты пойдёшь сама, я лишусь удовольствия тебя держать.

На душе у Кары стало тепло и грустно, и она крепче обняла Ареса. Он перешагнул через порог своей спальни.

— Милорд... — раздался неуверенный голос из-за спины Всадника, и тот оглянулся через плечо.

— Что, Вулгрим?

— Принести вам что-нибудь?

— Нет, — мягко отказался Арес. — Но я хочу, чтобы ты понял, что меня нельзя беспокоить. Ни по какому поводу. Даже если случится конец света.

Демон поклонился.

— Да, сэр.

— И, Вулгрим... Никогда не кланяйся мне больше. Ты — член моей семьи, а не слуга.

Демон изумленно взглянул на Ареса и Кару, и уголок его рта приподнялся.

— Да, сэр.

Он отошёл, и Кара могла бы поклясться, что шаги его копыт стали более пружинистыми.

— Торрент был так похож на него, — пробормотала Кара. Ещё несколько дней назад она думала, что все Рамрилы — на одно лицо, но теперь она их различала — по слегка

отличающейся форме широких носов, по изгибам и бороздкам на рогах и оттенкам меха.

— Я знаю. — Арес опустил девушку на кровать и медленно и почтительно снял с неё форму медсестры, которую демоны дали ей, чтобы добраться до дома. Она наблюдала, как раздевается он сам. Арес хотел было опуститься на кровать, но она остановила его, положив руку ему на грудь.

— Дай я немного на тебя посмотрю.

Мужчина открыл было рот и тут же закрыл, залившись розовым румянцем. Он кивнул и встал, возвышаясь над Карой во весь свой внушительный рост. У неё в буквальном смысле потекли слюнки. Его мускулы, великолепно вылепленные, были слишком идеальны, чтобы быть настоящими, а когда она скользнула ладонями по его груди, то поняла, что ей даже за много веков не надоест дотрагиваться до него.

С тихим возгласом одобрения она провела рукой по его животу, улыбнувшись, когда кубики пресса сжались под её прикосновением. Его член, ещё секунду назад мягкий, начал вздыматься, но ниже она не спустилась. Ещё рано.

— Повернись, — прошептала она, удивившись, каким сильным кажется её голос.

— Кара, тебе лучше лечь...

— Нет, — возразила она. — Не надо относиться ко мне как к инвалиду.

Она хотела, чтобы он запомнил её сильной, а не какой-то беспомощной слабачкой, которая просто ждёт смерти после того, как он обслужит её в последний раз. Она будет отдавать столько же, сколько и получать.

— Не скрывай от меня ничего. Обещай мне.

Арес тяжело сглотнул, и жилы у него на шее натянулись.

— Да. Да, обещаю.

Грациозным движением он повернулся, и в мозгу у Кары словно что-то перемкнуло.

Классная. Задница. Позабавившись тем, как невольно сжались её пальцы, она опустила на колени и прислонилась к нему всем телом, положив руки на его широкие плечи — так она могла ласкать его в своё удовольствие. Когда она услышала его судорожный вздох, смешавшийся с отдалённым шумом волн, ей захотелось, чтобы они были там, в волнах прилива, и чтобы вода охлаждала их разгорячённые тела.

Сколько же времени пропадает зря, подумала она, припав ртом к основанию его шеи. На вкус — соль и мужчина, пахнет кожей и пряностями. Она легонько прикусила кожу около сморщенного шрама, а потом дотронулась до этого местечка кончиком языка, и Арес застонал.

— Откуда у тебя шрамы? — спросила она, проводя по тонкой линии пальцем. — Разве ты исцеляешься не полностью?

— Они от тех ран, что я получил ещё до своего проклятия.

Кара поцеловала один шрам. Потом другой.

— Дотронься до себя, — шепнула Кара, не отрываясь от его тела, и он снова застонал, запрокинув голову. Движение мускулов на его правой руке подсказало ей, что он подчинился. Она представила широкую ладонь Ареса, обхватившую член, и гадала, какие движения ему нравятся больше — длинные и медленные или быстрые, сосредоточенные на головке. Что ж, очень скоро она это узнает. Но сначала ей хотелось дотронуться и до себя тоже.

Сердце у неё колотилось так, что она даже испугалась, что Арес ощутит биение спиной. От его тела исходил жар, обжигавший кожу и заставлявший всё внутри пылать. Кара провела

руками по его плечам, наслаждаясь ощущением двигавшихся мускулов — он поглаживал свой поднявшийся член. Кровать скрипнула — Кара слегка отодвинулась, чтобы погладить его спину, и снова подумала, до чего же прекрасны эти твёрдые мускулы.

Когда её ладони коснулись его ягодиц, он издал чувственный рык, от которого у неё между ног стало влажно и жарко.

— Ты готова принять меня. — От его гортанного сексуального голоса между ног у неё стало ещё более влажно.

Кара лизнула его кожу между лопаток.

— Откуда ты знаешь?

— Моя мать — демон секса. Я от природы вызываю желание.

Почему он не упоминал об этом раньше? Сколько ещё у него в запасе сексуальных штучек, полученных в *такое* наследство? Ох, фантазия у неё грозила разгуляться не на шутку.

Девушка передвинулась и провела языком вниз по спине Ареса, наслаждаясь тем, как его дыхание становится всё поверхностнее по мере того, как она спускается всё ниже и всё сильнее массирует невероятно твёрдые мышцы его бёдер и ягодиц. Когда её рот добрался до поясницы, мужчина напрягся. А когда она запечатлела поцелуй на его правой ягодице, он застыл, не двигаясь.

— Что ты вытворяешь, женщина?

— Кусаю тебя. — Она впилась зубами в то место, которое поцеловала, и звук, который у него вырвался — не то мурлыканье, не то рык, перемежаемый судорожными вздохами, — заставил её вздрогнуть от удовольствия. — Что? Тебя никогда раньше не кусали за задницу?

— Признаюсь, это в первый раз.

— Повернись.

Арес послушался, и, поскольку Кара стояла на четвереньках, его восставший член оказался как раз на уровне её глаз. На головке поблёскивала прозрачная капелька, и Кара машинально слизнула её.

Всё тело Ареса изогнулось дугой — эффектной дугой напрягшихся мускулов. Она успела встретить взгляд его полузакрытых глаз, раскрыла рот перед головкой его члена, а потом закрыла глаза и сомкнула губы, смакуя его мощное естество. Пальцы Всадника запутались у неё в волосах. Она глубоко втянула его член в рот и нашла ритм, быстро заставивший бёдра мужчины двигаться. Ещё... ей нужно ещё. Она стала сильно сосать головку, а потом — описывать языком маленькие круги, двигаясь от края головки к влажной щелке на её вершине.

— Боже, Кара, — выдавил Арес. Его пресс и бёдра были заметно напряжены.

Улыбнувшись, она обхватила ладонью мошонку и стала играть с яичками, поглаживая и лаская, и, стоило ей провести языком по всей длине его члена и взять в рот мошонку, как он застонал, схватил свой член и сжал его.

— Ещё... рано, — Арес тяжело дышал. — Это так унинительно.

— И приятно.

Кара подняла глаза. Его взгляд уже не был ни тяжёлым, ни ленивым, ни мрачным. Теперь в его глазах горел первобытный голод, и настала её очередь задохнуться, когда он подхватил её и бросил на спину.

— Ты сводишь меня с ума, Кара. — Он опустил между её бёдер, так что его член упёрся в её влажное, жаркое лоно. Его поцелуй был восхитительно нежен, несмотря на

свирепость взгляда. — Как жаль, что у нас так мало времени...

— Тс-с. — Она обхватила его лицо ладонями, успокаивая и стараясь, чтобы он не заметил в её взгляде ни следа напряжения. — На этой кровати не будет ничего, кроме страсти.

— И я клянусь именем своего отца и его святого духа, что на этой кровати не будет другой женщины, — выдавил он. У Кары из глаз брызнули слёзы, и в тот же миг Арес поймал поцелуем её всхлип.

Огонь тут же вспыхнул вновь, стремясь вырваться наружу. Кара вскрикнула и вонзила ногти в спину Ареса. Господи, до чего же хорошо! Она подвинулась ему навстречу, стремясь ощутить его внутри себя и унять боль, которую он в ней вызвал, но Арес отстранился, оставив её желание неудовлетворённым.

Ей захотелось завопить, но тут он накрыл ладонью её лоно. Палец скользил меж складочек сводящими с ума лёгкими поглаживаниями. Одновременно Арес целовал низ её живота. Когда он отодвинулся, чтобы взглянуть на неё... взглянуть там... она чуть было не сомкнула ноги и не прикрылась. Но было не время стесняться. Для неё это последняя возможность быть сильной. Прекрасной. Обольстительной.

Так что Кара раздвинула бёдра как можно шире и была вознаграждена его благоговением.

— Как прекрасно, — прошептал он.

И опустил голову между её ног. Его руки приподняли её ягодицы, большие пальцы раздвинули складки лона, и он припал к нему ртом. Чувственное наслаждение пронзило её, кожа покрылась мурашками. Язык Ареса был просто волшебным — горячая и влажная «волшебная палочка», поглаживавшая то одну сторону её лона, то другую, то накрывавшая его целиком, иногда усиливая ощущения напряжённым кончиком.

— Ты... такая... вкусная. — Арес дотронулся языком до её клитора, и оргазм, прежде, казалось, томившийся под кожей, стал рваться на поверхность.

— Боже, Кара... — Его язык вошёл в неё, и Кара, позабыв, как надо дышать, пыталась сдержать взрыв оргазма. Она вцепилась в простыни, но лишь подтолкнула бедра навстречу его языку, заставляя его войти глубже, а когда язык начал описывать внутри неё круги...

Она уже не владела собой. Наслаждение вырвалось из-под контроля, превратившись в оглушительный, ослепляющий экстаз, которому, казалось, не будет конца. Она чувствовала, как Арес сосёт её плоть, слышала, как он со стоном сглатывает, и не успела опомниться, как он поднялся над ней. Его мощный член вошел в неё, и Кара снова кончила, сцепив ноги вокруг его талии.

— Вот так, — прошептал Арес, не отрывая губ от её шеи. — Двигайся на мне, дорогая. Скачи на мне *изо всех сил*.

Ничего другого она и не собиралась делать. Она тонула в водовороте первобытной, животной похоти и чистой любви, слиянии душ. Впервые в жизни она ощутила, как эти два чувства соединились, и она как будто наконец стала чем-то цельным. Наконец-то удовлетворённая тем, кто и что она есть, и наконец-то нашедшая свою половинку.

Они двигались в едином ритме. Он входил в неё снова и снова, а она выгибалась, встречая его. Его кожа поблескивала от пота, подчеркивавшего выпуклости и впадины мускулов, а когда он запрокинул голову, вид его оскаленных зубов и напряжённых жил на шее привёл её на самый край. Оргазм, сильнее которого она еще не испытывала, пронзил Кару с такой силой, что всё её тело взвилось с матраса. Рука Ареса обхватила её и

приподняла, и теперь он сидел на пятках, а Кара оседлала его бедра, крича от наслаждения, пронизывавшего каждую клеточку её тела.

Их крики наслаждения слились воедино. В неё хлынуло горячее семя, превратив оргазм в жгучий экстаз, почти причиняющий боль. Арес под ней содрогался, прерывисто дыша. Его бедра продолжали двигаться, но уже слабо, безотчётно, и через пару секунд он опустил её на кровать и лег сам, откатившись, чтобы не придавить её своим весом.

Вспотевшие, дрожащие, они долго лежали рядом, тяжело дыша. Сейчас они могли бы уснуть в объятиях друг друга или начать о чем-нибудь болтать, но вместо этого между ними повисло ужасное напряжённое молчание.

Время пришло, и не было никакого смысла оттягивать эту минуту. Кара уже чувствовала, что теперь, когда сексуальный голод был удовлетворён, энергия, которую дал ей Шейд, утекает прочь.

— Арес?

Он обнял её и прижал к себе так, что она едва могла дышать.

— Нет.

Почему-то его ответ вызвал у неё улыбку. Кара потянулась через него к кинжалу, который он бросил на тумбочке у кровати. Рукоять кинжала была странно тёплой. А ей казалось, что она должна быть холодной.

Девушка осторожно уперлась в Ареса руками, и он отодвинулся, заставив её ощутить странную пустоту. Он приподнялся, опершись на локоть, и посмотрел на неё. На его красивом лице была печаль.

— Я бы столько хотел сказать. — Голос у него прерывался. Как и биение её сердца. — А ещё...

— А ещё, что тут можно сказать?

— Ну да.

Бедняга Хэл. По крайней мере, для него это будет быстрая смерть — намного лучше, чем быть разорванным на куски в какой-то яме.

Кара приставила кончик кинжала к своей груди, взяла Ареса за руку и положила его ладонь на рукоять. И обхватила ладонями его руку. Оба дрожали, когда он сдвинул острие влево, и оно оказалось прямо под выпуклостью ее груди. Очевидно, он точно знал, куда нанести удар, чтобы тот был быстрым и наверняка смертельным.

— Пора, — сказала она.

Он порывисто кивнул, и его рука сжалась под её ладонями.

— Пора.

«Пора» не всегда означает «пора».

Разве Арес вообще может это сделать? Если с Хэлом всё более или менее в порядке, Каре придётся страдать ещё долго — до тех пор, пока его энергия подпитывает её, заставляя сердце биться даже после того, как в него вонзится острое кинжала. Боль будет мучительной.

Ему теснило грудь.

— Не могу, — выдавил он. А что, если Кинан ошибся?

— Ты должен. Ты сам знаешь, что должен, — Кара ободряюще сжала его руку. Какая ирония. Он — закалённый в боях воин, отчасти демон, отчасти жестокий ангел, и его рука дрожит, а Кара, простой человек, непоколебима как скала.

Хотя нет, *простого* в ней нет ничего.

Они обрели друг друга, но поздно. Слишком поздно.

— Мы можем подождать. Ещё чуть-чуть.

От её грустной улыбки у Ареса защипало в глазах.

— Ты же знаешь, что не можем. Я слабею всё сильнее. И Хэл слабеет. В любую минуту моя жизнь может оборваться, и что тогда станет с тобой?

Зло. Он станет злом. А вскоре после этого и его брат с сестрой станут такими же чудовищами, и миру людей придёт конец. Он это знал и всё же не хотел терять ни единой лишней секунды, проведённой с Карой.

— Я отнесу тебя обратно в больницу, и Шейд сможет поддерживать твою жизнь ещё какое-то время.

— Я не хочу так жить. В кровати, и чтобы какой-то странный демон переливал мне энергию? Это не жизнь, и ты это знаешь. — Кара прижала острое кинжала к груди, и по коже скатилась струйка крови. — Убей меня.

Арес прекрасно владел этим искусством. Будь на месте Кары кто-нибудь другой, он бы нанёс удар так, что жертва оказалась бы мертва, даже не успев осознать случившегося.

Но Кара успеет. Она будет страдать. А ему придётся наблюдать, зная, что причина её мучений — он сам. Зная, что он ничем не может ей помочь.

Отпрянув, Арес выпустил кинжал.

— Не сейчас. Я не могу. Не могу этого сделать. Мне нужно... пару минут.

— Арес!

Почти в панике он скатился с кровати, распахнул дверь и выскочил в холл. Собственная нагота его не волновала — комплексами он не страдал, а его служащие частенько видели его голым. Он услышал торопливые шаги в спальне, предательский шорох одежды. Кара идёт за ним. Проклятье. Арес ушёл в гостиную, проклиная возвращение чувств, настраивавших его на всеобщие распри, и повернулся к камину. Камин не горел. Там было холодно и пусто, как и в груди Ареса.

Чувство опустошённости было ему знакомо — оно сопровождало его всю жизнь. Чёрт, даже когда у него была семья, и он считал себя человеком, ему чего-то недоставало. А потом в его жизнь вошла Кара, и пустота у него внутри заполнилась. И теперь, разумеется, опустошённость ощутимо напоминала о себе. Прежде она была чем-то привычным. Но теперь он познал, что такое тепло, и больше не хотел мёрзнуть.

— Арес! — прозвучал у него за спиной мягкий голос Кары. Стоило ей приблизиться, как всё его боевое настроение растаяло, и вместо того, чтобы ощутить себя без него чем-то неполным... он почувствовал покой. Понимание точно ударило его под дых. Когда он с ней, он не *теряет* способностей. Он *обретает* покой.

Как он станет жить без неё?

Кара неслышно подошла к нему и обняла за талию, прижавшись к его спине. Арес не шелохнулся. Она обернула его бёдра принесённым полотенцем, и он улыбнулся бы её заботливости, если бы не был на грани потери самообладания.

Её щека прижималась к его лопатке, кожу оведало её жаркое дыхание.

Это было так правильно. Так ужасно правильно. А скоро ничего этого не будет.

— Милорд?

— Что, Вулгрим? — вопрос прозвучал резче, чем намеревался Арес, но ему осталось провести с Карой лишь несколько минут, и он не хотел терять ни секунды.

— Вас хочет увидеть человек из Эгиды. Он говорит, что у него есть то, что, возможно, поможет Каре.

Арес не смел надеяться, но сердце у него перевернулось. Он затянул полотенце на талии. Повернувшись с гораздо большим спокойствием, чем ощущал на самом деле, он загородил Кару собой. Вулгрим отошёл в сторону, пропуская вперёд человека в сопровождении двух стражей.

— Весьма необычно, — произнёс Арес. — Кто ты... погоди... я тебя видел неподалёку от главного управления в Йоркшире.

Мужчина кивнул.

— Меня зовут Дэвид. Кинан и Эрик заняты, так что прислали меня.

— Прислали тебя? Зачем? — глаза Ареса сузились. — Как ты сюда попал?

— Через Ривера. — Дэвид разжал кулак, и Рамрилы, стоявшие по обе стороны от него, схватились за оружие. Мужчина сглотнул и очень медленно протянул руку. — Мы нашли его в наших архивах. Оно лежало в шкатулке с изображением символа *агимортуса*. Мы подумали, что *агимортус* можно перенести на это устройство и держать в нём.

Арес нахмурился, но сердце у него заколотилось.

— Никогда о таком не слышал.

— Мы тоже. Мы почти ничего о нём не знаем. Надеялись, что ты поймёшь, что с ним делать. Так или иначе, пусть лучше оно будет у тебя.

Арес кивнул Вулгриму. Тот взял предмет у Дэвида и положил его на ладонь Ареса. Это был металлический шарик размером примерно с мячик для гольфа. Арес не смог прочесть выгравированные на нём символы... похоже, какой-то язык демонов. Но откуда демонические символы на устройстве, предназначенном для хранения *агимортуса*?..

Твою мать!

Он бросил шарик на пол, но тот взорвался, и в кожу Ареса впились крохотные иглы. По руке, въедаясь всё глубже, разлилось знакомое жжение укуса цербера. Мышцы и суставы парализовало, однако разум остался при нём. Арес попытался предупредить Кару, велеть ей бежать, но яд уже добрался до его губ и языка.

— Арес! — зазвенел её панический вопль, но его тут же заглушили звуки битвы.

Оба Рамрила избивали человека, сбив его с ног, а Вулгрим заслонил собой Ареса и Кару.

— Отведите его в подземелье, — прорычал он. — Выясните, что творится снаружи!

Арес уже знал. Там был Мор, и единственное, на что был сейчас способен Арес, — это молиться о появлении Лимос и Тана.

Его обняли руки Кары, тёплые и успокаивающие.

Лучше бы он убил её, когда у него была возможность. Боже, помоги ему, лучше бы он это сделал. А теперь ей придётся страдать в лапах Мора, и всё из-за того, что ему не хватило духу отпустить любимую женщину. Всё, во что он всегда верил, насчёт того, что любовь делает мужчину слабаком, оказалось правдой.

Лимос и Тан бежали к дому. Крик Вулгрима ударил им в уши, как только они вышли из своих порталов.

— Опоздали! — рявкнул Тан.

Проклятье! Лимос хотела дать Аресу с Карой немного побыть вместе, так что они отправились исследовать догадки Танатоса насчёт местонахождения Мора. Его они не нашли, зато нашли одного из его приспешников, который захлёбывался от восторга по поводу какого-то плана Мора. Тот собирался забрать у Ареса клинок Избавления.

Они с Таном тут же отправились сюда, но, судя по доносившимся из дома звукам, вовремя не успели.

Брат с сестрой ворвались в дверь и ринулись в гостиную. Арес недвижимо стоял перед камином, Вулгрим загоразживал его собой, а Кара свирепо сверкала глазами, хотя и выглядела бледной, изнурённой и, возможно, была на грани обморока.

— Его отравили ядом цербера, — буркнул Вулгрим. — Мои парни заперли виновного внизу.

— Я слышала конское ржание, — сказала Кара. — Но не знаю, где. Где-то снаружи, наверное.

Звон разбитого стекла заставил Лимос метнуться в коридор.

— Кинжал! — Кара бросилась было вслед за Ли, но Танатос удержал её.

Ли вбежала в спальню, на ходу призывая доспехи, и увидела там Мора в полном боевом облачении. В ладони он сжимал рукоять Избавления.

— А, Лимос. Как приятно тебя видеть. — Он нахмурился. — Хотя... твоё присутствие портит мой план — убить Кару. Впрочем, она и так уже почти мертва.

В Лимос волной поднялось отвращение, без следа смыв все оставшиеся у неё радостные надежды в отношении брата. Как и Танатосу, ей хотелось верить, что в стоявшем перед ней существе осталось ещё хоть что-то хорошее, но, в отличие от Тана, она знала, что им нельзя на это рассчитывать.

— К твоему сведению, я полностью поддерживаю идею воткнуть этот кинжал в твоё чёрное сердце.

— Правда? — Мор взвесил кинжал на ладони. — Я тут на днях видел Тёмного лорда. Он спрашивал о тебе.

Лимос фыркнула:

— Ты послал его куда подальше?

— Я сказал ему, что ты ждёшь не дождёшься, когда сможешь раздвинуть перед ним ноги.

— Ни за что.

— Ты не сможешь ему сопротивляться, сестрёнка. А когда твоя Печать будет сломана, и не захочешь. Но он всё равно тебя возьмёт. У него кончается терпение. Он хочет детей.

Лимос вздрогнула, не в силах представить отродье дьявола у себя в утробе.

— Ты всегда клялся, что защитишь меня от этого. До чего же мелочь вроде сломанной Печати тебя изменила.

Его хохот действовал ей на нервы.

— Печать тут ни при чём. Даже если бы она не была сломана, я бы оставил тебя на произвол судьбы, как только узнал, какая же ты лживая, коварная сука.

Лимос застыла. Мор наклонился к ней, едва не касаясь губами её уха:

— Я знаю твой секрет.

— Ты всегда знал, что Эгида не теряла Избавления. Ты помогал мне замести следы.

Когда брат спас её от лап Эгиды, она во всём созналась. Он помог ей весьма творчески переработать память членов Эгиды и пообещал не выдавать её братьям.

Подвох заключался в том, что она солгала и Ресефу тоже. Даже он не знал истинной причины, заставившей её украсть кинжал.

— Теперь я знаю, зачем ты его украла, — промурлыкал он, и у Лимос внутри всё сжалось. — Но я имел в виду не этот секрет. Я о другом. О большом секрете.

Лимос позабыла, как дышать. Ноги стали ватными, кровь застыла в жилах. Когда Мор шагнул в Хэррогейт и исчез, она едва не упала — ноги её не держали.

Он знает. Боже милостивый, он знает.

И если он проболтается Танатосу и Аресу, она лишится всего.

Кару перестали держать ноги. Она пыталась не упасть посреди бушующего вокруг сражения, но, когда мускулы Ареса начали подёргиваться, точно оттаивая, её мышцы превратились в кашу. Она тяжело упала на пол, и Вулгрим тут же подхватил её своими покрытыми мехом руками.

— Кара, — прохрипел Арес.

Вулгрим поднес девушку поближе к Аресу, и она, протянув руку, погладила его по щеке. Он утих, хотя в глазах у него стояла боль.

Танатос, оставшийся в гостиной, чтобы защищать их, выругался, когда вернулась Лимос. Лицо у неё было встревоженным.

— Ресеф забрал кинжал.

— Проклятье! — зарычал Танатос. — Арес, ты должен был... — взглянув на Кару, он осекся, и она закончила за него.

— Убить меня. Мы оба прекрасно это знаем. И для нас обоих это нелегко, так что я была бы признательна, если бы ты держал свой треклятый язык за зубами.

Лиловые глаза Лимос широко раскрылись, и она как бы невзначай подошла поближе к Танатосу, точно решив, что ей придётся его удерживать. Прошло несколько напряженных секунд. Из груди Ареса донёлся глухой рокот, а по лицу Танатоса пробежала тень. Наконец губы Танатоса изогнулись в полуулыбке.

— Ты или храбрая, или просто дура.

— Ни то, ни другое, — огрызнулась Кара. — Я уже поняла, что мне всё равно суждено умереть, так что терять мне нечего, и я могу сказать тебе, что ты за кретин.

— Слава богу, — вздохнула Лимос. — Хоть кто-то, кроме нас, хочет сказать Тану, как и куда ему идти. Ты просто спасительница, Кара.

После *такого* в комнате вновь повисла тишина, и Лимос густо покраснела:

— Я... э-э-э...

— Все нормально. — Кара изо всех сил пыталась вырваться из рук Вулгрима. — Арес?

Голова Ареса упала на грудь. Его ладонь разжалась, и шарик покатился по полу.

Танатос присел и подтолкнул его тыльной стороной латной перчатки.

— Сукин сын. Маленькое переносное подающее устройство со слюной цербера. Ресеф всегда отличался изобретательностью.

— У нас в подвале его приспешник, — заметил Вулгрим. — Может быть, он сможет дать нам какие-то сведения?

— О, он их даст, — произнес Танатос, направляясь к выходу. — Можете мне поверить.

Вулгрим опустил Кару на диван, подтащил к нему Ареса и усадил его рядом с ней. Постепенно к Аресу возвращалась способность управлять своим телом, и первое, что он сделал, — это заключил девушку в объятия.

— Прости меня, — прошептал он. — Я так виноват.

Кара едва не рассмеялась.

— За что ты извиняешься? За то, что не убил меня?

— Я проявил нерешительность. И из-за этого...

— Ты мог перейти на сторону зла. Мог произойти конец света. Я знаю. Я поняла.

Подняв руку, он повернул к себе её лицо.

— Нет. Мне не удалось проследить, чтобы ты умерла быстро. Пусть тебе и пришлось бы страдать, но хотя бы в загробной жизни ты не мучилась бы, зная, что твоя смерть вызвала Армагеддон.

В глазах у Кары зашипало. Они на грани конца света, а он беспокоится о её душе.

— Ты просто потрясающий, ты это знаешь?

— Я дурак. По очень многим причинам.

Тут всеобщее внимание привлекли шаги на лестнице, и все повернулись в ту сторону. Появился Танатос, вытирая полотенцем окровавленные руки.

— Этому Хранителю хана.

— Он мёртв?

— Нет. Я, конечно, переломал ему все кости, но я имел в виду, что он больше не человек. Мор что-то с ним сделал. Не знаю точно, что, но он какой-то... неправильный.

— Что тебе удалось из него выжать? — спросил Арес.

— Он явно соврал насчёт того, что сюда ему помог попасть Ривер. И он сознался, где они держат Хэла.

Глаза Ареса сузились.

— Думаешь, он говорит правду?

— Даже если бы я усомнился в своих методах, его слова совпадают с тем, что я узнал от Орелии. Нам надо отправляться в Ситбладд.

Кара приподнялась, насколько могла:

— Мы можем спасти его, пока они его не убили. — Все переглянулись. — Что? В чём дело?

— Может быть, это ловушка, — ответил Арес. — Если Мор знает, что его человек у нас, он поймёт, что мы выбили у него эти сведения. А значит, поймёт, что мы придём за псом, чтобы выиграть для тебя ещё немного времени. Он прекрасно знает, что нам нужно, чтобы ты оставалась в живых как можно дольше, пока мы пытаемся вернуть кинжал.

— Так или иначе, мы идём за Хэлом, — сказала Кара.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Нет, пойду. Я умираю, Арес. Умру я здесь или там — какая разница? Так что если я смогу хоть чем-то помочь...

— Чем ты можешь помочь? — перебил её Танатос. Его вопрос прозвучал мягко, без намёка на грубость, и она не обиделась. — Ты совсем слаба, едва стоишь на ногах. Ты только будешь нас задерживать, если нам придётся за тебя переживать.

— Тан! — раздался в комнате грозный рык Ареса.

Кара сжала его руку.

— Он прав. — Она выразительно изогнула бровь. — Но не во всём. Если мой сон был правдив, Хэл сейчас совсем обезумел. Он не подпустит к себе никого из вас. Я же смогу к нему подойти. Освободить его, чтобы он мог ускользнуть или позвать свою семью на помощь в битве. Если вы не сумеете достать кинжал, спасение Хэла сможет дать нам дополнительные пару часов, когда его больше не будут рвать на куски в той яме. Если же кинжал окажется у вас, я там буду как нельзя кстати.

В последнем случае спасти Хэла было бы бессмысленно, потому что ему всё равно пришлось бы умереть.

— Может статься, нам нельзя терять ни секунды. Вы знаете, что я права.

Да, они это знали. Она читала это в их глазах.

— Если я заполучу кинжал, — произнес Арес, — я проткну им Мора.

Напряжение в комнате утроилось, но, тут Тан медленно кивнул, и, казалось, весь дом вздохнул с облегчением.

Но Кара не обнадеживала себя. Если кинжал окажется в руках Ареса, Мор не станет стоять смирно и ждать, когда брат пронзит клинком его грудь. Нет, клинок Избавления был неразрывно связан с её именем, и она это знала. Для неё это было путешествие в один конец.

Арес поднялся с дивана — истинный военачальник, воплощение военной выправки.

— Тан, собери как можно больше своих вампиров. Я отправлю Рамрилов. Лимос, ищи любую помощь, какую сможешь получить в подземном мире...

— Нет. — Лимос скрестила руки на груди. — Я не стану посылать никого вместо себя. Я иду с вами.

— Ли, тебе нельзя, — возразил Арес.

Кара в замешательстве переводила взгляд с одного на другого.

— Почему она не может пойти с нами?

— Пока Лимос в мире людей, она в относительной безопасности от дьявола. Он не может прийти сюда, чтобы забрать её, и, благодаря соглашению, заключённому нашей матерью много веков назад, он не может отправить за ней своих приспешников, если только она не переспит с мужчиной...

— Эй! — Лимос упёрла кулаки в бёдра. — Вообще-то это моё личное дело! Да, я гордая представительница клуба девственниц. И что? — Она повернулась к Каре. — Вот что сказал этот придурок: здесь я в безопасности. Но всё резко меняется, если я войду в Шеул. Некоторые его регионы для меня более безопасны, чем другие, и поэтому я время от времени могу приходить туда вслед за Всадниками, пусть и не могу оставаться там надолго.

Арес нахмурился.

— И только если с тобой все три брата. — Он выругался. — Два брата. Да какая разница. Ты никуда не идёшь, Лимос.

— Мне придётся пойти. Вам пригодится любая помощь, — возразила та. — И давайте взглянем правде в глаза... если у нас ничего не получится, я всё равно там окажусь.

С губ Ареса и Танатоса посыпались такие выражения, что Кара покраснела до корней волос. Лимос же просто скрестила руки на груди, притопывая ногой, и ждала, когда тирада утихнет.

— Сколько ни планируй, эта битва не пройдёт лучше, Арес. — Взгляд жёлтых глаз Танатоса был мрачен, и тени, которые, казалось, следовали за ним постоянно, остановились. — Ресеф знает обо всех козырях в твоём рукаве, обо всех хитростях.

— Мы не можем полагаться на хаос и везение, чтобы одолеть его, — возразил Арес.

— Но Мор действует именно так, — тихо произнесла Лимос. — Это будет просто игровое поле.

— Едва ли. Он крепко стоит на ногах, а численностью его армия куда больше нашей.

— Тогда, — донёсся от двери звучный голос Ривера, — мы воспользуемся фактором неожиданности.

Аресу очень не хотелось этого делать. О, его тело трепетало от возбуждения — оно жаждало битвы. Жаждало ощутить, как под ударами клинка рвётся плоть и ломаются кости. Но сердце и разум его были далеки от этого. Ведь он знал, что, как бы ни обернулись события, Каре не вернуться с их набега на Шеул.

Ривер, перед которым Арес должен был извиниться и который был потрёпан не меньше Хавистер, согласился помочь всем, чем сможет; он не мог ступить на землю региона, куда они отправлялись, но прислал помощь в лице Кинана, который был неуязвим, и демона-Семинуса — блондина по имени Рейф, отчасти вампира и, по всей видимости, тоже неуязвимого. Рейф приходился братом Эйдолону и Шейду. Син, их сестра, и её муж, вампир Кон, тоже пришли, поскольку в конечном счете именно Син была в ответе за то, что Печать Мора оказалась сломана.

Пришёл и Шейд, чтобы обеспечить Каре прилив сил. Благодаря ему у девушки появился румянец на щеках и прояснились глаза, но в лёгких у нее слышались хрипы, и Шейд поверх её головы покачал головой, словно говоря Аресу: *долго не протянет*.

Чёрт.

Они вышли из Хэррогейта — целая толпа народу и три боевых коня. Их встретила мрачная тишина. Её нарушали лишь глухие удары копыт жеребцов об утопанную почву Ситбладда.

Арес крепче обхватил сидевшую перед ним Кару за талию.

— Я никогда раньше не был в этом регионе.

Танатос огляделся:

— Я тоже.

— Может быть, потому, что здесь так паршиво. — Рейф перебросил метательный нож из одной руки в другую. — Я думал, мы будем с кем-то сражаться. Ну и отстой. Я всерьёз разочаровался в вас, Всадниках.

— Кинан! — ласково окликнула Лимос. — А более раздражающего демона ты не мог с собой взять?

— Не-а. — Кинан снял станг с перевязи, прикрепленной под его кожаной курткой. — Более раздражающих демонов не бывает.

— Хочешь что-то сделать — сделай сам, — пробормотал Рейф, удаляясь к участку скопления теней. Тусклый свет, падавший на эти земли, казалось, не мог проникнуть через непроглядную тьму.

— Что происходит? — голос Кары прозвучал тихо, но было тому причиной её медленное угасание или страх, Арес не знал. — Где Хэл?

— Что-нибудь из этого кажется тебе знакомым? Ты видела это во сне?

— Честно говоря, нет. В моём сне было полным-полно демонов. Висело целое облако дыма. Я видела высокие утёсы и вьющиеся лозы. А здесь ничего нет. Это место похоже на серую пустыню.

— По-моему, этот эгидовец нас одурачил, — прорычал Тан.

Кинан всмотрелся в небо, где плавали клочья красноватого тумана, создававшие ощущение глубины.

— Спасибо, что позволили Риверу забрать Дэвида в Эгиду. Его больше никогда не

выпустят.

Лимос с сомнением фыркнула, а Кара принялась.

— Странно. Пахнет точно так же. И я клянусь, что чувствую Хэла. Дайте мне минуту.

Она откинулась назад, опираясь на Ареса, и опустила голову на его ставшую мягкой броню. Он обнял девушку, словно стремясь защитить, и её чересчур потускневшие глаза закрылись.

Отчаяние, печаль и гнев Ареса слились воедино, и эта смесь угрожала выбить у него почву из-под ног. Он никогда не чувствовал ничего подобного по отношению к другому человеку, и его сердце оказалось в неведомых краях. От несправедливости этого положения ему хотелось кричать, но пришлось взять себя в руки и не показывать вида, потому что сейчас ему нужно было быть сильнее, чем когда-либо.

— Я его слышу. — Кара, не открывая глаз, указала прямо перед собой. — Туда. Он рычит. Он говорит... он говорит, они здесь. — Кара нахмурилась. — Не понимаю. Какой-то призрак. И завеса. Завеса... шёпота?

— Дерьмо! — Арес рывком развернул Битву. — Откройте врата! Откройте чертовы врата!

Син и Кон рванулись к Хэррогейту. Землю сотряс оглушительный грохот, и все, включая коней, едва не упали. Завеса шёпота, — магия сокрытия, — слетела, обнажив целое море демонов и оружия, а перед Хэррогейтом будто из-под земли выросла тварь, словно вся состоящая из ключев тумана, с акульими зубами и когтями, длиной тягавшимися с ростом Ареса.

— Чертов туманный призрак! — Кон сбил с ног Син, и на том месте, где она только что стояла, тут же сомкнулись челюсти твари.

Арес терпеть не мог туманных призраков. Их можно было привязывать к Хэррогейтам. Одной твари было не справиться с Аресом, его братом и сестрой, но тут появились ещё три, каждая заметно крупнее первой, которая была почти четырех метров ростом. Вчетвером они могли причинить вред Всадникам, если бы те попробовали выбраться отсюда через открытые врата. И ему не нужно было пытаться открыть собственный портал, чтобы понять, что Мор нейтрализовал эту способность.

Стаи демонов кинулись на них со всех сторон, даже сверху.

— Берегитесь стрел! — закричал Тан, отразив одну из них мечом.

Их острия, несомненно, были смазаны слюной цербера.

— Отнеси меня к Хэлу... — Кара осеклась: с неба к ней ринулся отвратительный демон размером с человека, безглазый, но с крыльями, как у летучей мыши, и чуть не выбил её из седла. Арес успел поймать её за руку, попытался поднять обратно, но тут в грудь Битвы вонзился топор. Конь пронзительно заржал, взвился на дыбы, и Кара рухнула на землю.

— *Кара!*

— Иди, — выдохнула она. — Я к Хэлу. — Она взглянула куда-то за его спину. — Сзади!

Арес рывком обернулся и едва успел увернуться от удара мечом вдвое больше него самого, которым размахивал тролль. Кипевший вокруг бой словно замедлился, и он встретился глазами с Карой.

— *Иди,* — одними губами произнесла она. — *Я люблю тебя.*

Он пытался сказать ей то же самое, но с его губ не сорвалось ничего, кроме «Ступай к Хэлу!»

Жизнь Кары была куда важнее его чувств.

— Ступай к Хэлу! — прокричал Арес, но этого и не нужно было. Каре отчаянно хотелось к церберу, даже сквозь визг и гвалт сотен, а может быть, и тысяч демонов она слышала, как он скулит.

Арес говорил, что Хэла будут держать в яме с теми же символами, что удерживали его в клетке, в которую его посадил Сестиэль. Ей нужно было лишь уничтожить символы, и тогда Хэл окажется на свободе.

Пока Кара ползла, её едва не разрубило надвое лезвие огромного топора. Демон уже замахнулся было для второго удара, но тут Кинан снёс ему голову чем-то похожим на заточенный фрисби^[110]. На Кару дождём хлынула отвратительная черновато-малиновая кровь. Пара капель попала ей в рот, и её едва не вырвало. *Не думай об этом. Не думай об этом...*

Адреналин придал слабеющему телу сил, которые были ей так нужны, и Кара на четвереньках пробралась под какой-то ужасной крылатой тварью, проскользнула между ног другого чудовища. По обе стороны от неё бились Арес и Танатос, прикрывая её от самых опасных демонов. Перед ней расчищал дорогу Рейф. Его, как и Кинана, ничто не могло коснуться. Если бы Каре не приходилось то и дело увёртываться от оружия, она бы восхитилась тем, как твари, налетавшие было на этих двоих, в последний миг спотыкались или падали, или их случайно убивало что-нибудь еще.

Когда она доползла до ямы, у неё чуть не остановилось сердце. Вдоль краёв ямы метров в пять глубиной тянулись огромные пики из слоновой кости, направленные внутрь, чтобы не дать выбраться Хэлу... или любому другому брошенному туда существу. Кровь, свежая и уже запекшаяся, покрывала стены и потоками стекала на грязный пол. Боже милостивый, это было настоящее варварство. Каре жутко хотелось взять ублюдков, которые это сотворили, бросить их в яму к Хэлу и посмотреть, понравится ли им, когда их будут рвать на куски.

Вот только... Хэл был не в состоянии ни с кем сражаться.

Он лежал у стены и часто, с трудом дышал, и на губах у него вздувалась розовая пена. Он махнул хвостом и снова лёг, борясь за жизнь.

— О боже, — прошептала Кара. — Помоги мне спуститься. — Она схватила Рейфа за брючину. — Помоги мне спуститься!

Демон поднял её и, одним ловким прыжком перелетев через пики, легко приземлился на дно ямы. Хэл зарычал, но совсем тихо, рык перешел в скулеж, и у Кары оборвалось сердце.

Всё ещё в объятиях Рейфа, она указала на каменные стены, покрытые странными символами:

— Нам надо их уничтожить.

— Это не сдерживающие символы. — Рейф обернулся так стремительно, что Кара вскрикнула. Он с силой метнул вверх булаву, и похожий на летучую мышь демон, прыгнувший было в яму, перекувырнулся в воздухе и шлёпнулся в грязь у ног Рейфа.

— Мразь.

— Ненавижу это место, — пробормотала Кара.

— Я тоже. — Рейф повернулся к Хэлу. — Ошейник. Вот куда нанесены сдерживающие символы.

— Опустит меня. И прикрой сзади.

Рейф опустил её на землю. Кара сделала шаг и пошатнулась. Сделала второй, и ноги перестали её держать. Рейф подхватил девушку, не дав удариться о землю. Очень осторожно он опустил её рядом с Хэлом.

— Привет, малыш, — прошептала она. Хэл лизнул ей руку, не поднимая головы.

Наверху бушевала битва, демоны прыгали в яму, но Рейф сбивал их ещё в воздухе; Кара же трудилась над ошейником, пытаясь справиться со множеством крошечных штырьков, удерживавших ошейник на месте. Слезы туманили ей глаза, пальцы дрожали, и из-за этого дело шло мучительно медленно. Снятие ошейника, должно быть, причиняло Хэлу невыносимую боль, но он стоически терпел. Но вот последний штырёк выскочил из гнезда, и ошейник упал на землю.

Хэл не двинулся с места. Его грудь вздымалась и опадала сбивчивыми рывками, и Кара осознала, что её собственное дыхание стало поверхностным и хриплым. Она обняла Хэла, сдавшись охватившему её изнеможению, и всё вокруг закружилось и опрокинулось.

Она умрёт в адской яме, да? Это... ужасно.

— Рейф... — из-за горячего воздуха ямы во рту у Кары было сухо, и ей пришлось собрать немного слюны, чтобы продолжить. — Помоги остальным. Нужен кинжал.

— Вас обоих я тут не оставлю. — Подобрал кость какого-то давным-давно погибшего существа, Рейф перечеркнул символы на стенах. С каждым перечеркнутым символом пики на краях ямы втягивались внутрь стен. — Пошли наверх, пока сюда не набежали демоны.

Сердце Кары пронзил страх. Если случится так, как сказал Рейф, это будет катастрофа. Он, может быть, и неуязвим, но демонов будет много, и, если хоть один проскользнет мимо него, Каре и Хэлу конец.

Рейф поднял с земли их обоих, крикнув под их весом, прыгнул и вновь мягко приземлился на полусогнутые ноги. Хотя жизненные силы и мыслительные процессы Кары слабели, она оценила ситуацию мгновенно.

Все, кто сражался на их стороне, за исключением Кинана, были покрыты кровью, и по большей части собственной. Их одежда и доспехи были разорваны, разбиты, проломлены.

Бой продолжался, но, как только Рейф опустил Кару и Хэла на землю, Арес очутился рядом, и все остальные, не опуская оружия, сомкнули ряды, образовав вокруг Кары и Хэла защитный круг. Стая демонов, несмотря на все окровавленные и изувеченные трупы, лежавшие на земле, казалось, не поредела вовсе.

— *Остановитесь!*

Демоны застыли: через их сомкнутый строй скакал Мор, сбивая не успевших убраться с дороги.

— Объявляю пятиминутное перемирие. — Он склонил голову в сторону Ареса. — И не говори, что я никогда ничего для тебя не делал.

Он указал в сторону Хэррогейта.

— Приветствую, Всадники!

Кара подобрала под себя ноги и, уложив голову Хэла себе на колени, прищурилась и всмотрелась в дымную тьму. Сквозь орду тварей пробился огромный мужчина с тёмно-синим ирокезом. Его можно было бы назвать привлекательным, если бы не чрезвычайная бледность кожи, на которой резко выделялись черные вены. Обнажённую спину украшали черные кожистые крылья, достававшие до лодыжек. Кара понятия не имела, что за штаны на нём были, но они были серебристыми, облегающими и всё время двигались, словно

постоянно меняя форму и подстраиваясь под его тело.

Когда он проходил мимо, демоны кланялись и преклоняли колени, а те, что оказались перед ним, врезались друг в друга и падали, стремясь убраться с дороги. Судя по его улыбке, ему это доставляло удовольствие.

Танатос широко улыбнулся разбитыми губами:

— Аид^[111]. Черт возьми, как же ты вовремя.

Аид? Тот самый Аид?

— Заткнись. — Аид провёл ладонью по своей лишённой волос груди. — Попробуй договориться с Азаготом об остановке наплыва душ в Шеул-гра, чтобы ты мог передохнуть, и посмотрим, сколько времени это займет у тебя.

Рейф наклонился и зашептал Каре на ухо:

— Азагот — это темный жнец^[112]. Я вроде как его родственник. Круто, правда?

Кинан повесил станг на перевязь.

— Только и делаешь, что хвастаешься своими связями.

— Зачем ты здесь? — Арес вытер кровь с глаз тыльной стороной ладони. — Скажи мне, что ты не заодно с Мором.

— Благодарности от вас не дождешься. — Аид развернулся. — Наверное, я вам не нужен.

— Аид, перестань ребячиться. — Лимос метнула на Ареса уничтожающий взгляд, утихомиривший даже Битву, хотя мускулы коня подёргивались. — Он здесь потому, что ты велел попросить об одолжении. Каре нужно было одолжение.

Всё тело Ареса содрогнулось.

— О дьявол. Об этом я... не подумал.

— Не подумал о чем? — Кара задрала голову, чтобы взглянуть на него.

Аид обернулся. Его крылья с тихим шелестом расправились и сложились снова.

— Ты — человек. Если ты умрешь в Шеуле, твоя душа навсегда окажется здесь в ловушке. Я пришёл, чтобы сопроводить твою душу на поверхность.

О боже.

— Спасибо, — прошептала Кара.

Аид пожал плечами:

— Раз в тысячу лет можно и совершить доброе дело. Да и Лимос пообещала мне «Баскин Роббинс»^[113].

— Время истекло! — крикнул Мор. — Я не говорил о своём секретном оружии? Нет? А ну да, иногда я бываю забывчив.

Он взмахнул рукой в выразительном жесте, и с неба слетело три десятка крылатых мужчин, которые опустились перед его конём.

— Черт, — выдохнул Рейф. — Падшие ангелы.

— Что ж, — мрачно произнес Кинан, — ты говорил, что хочешь сражаться.

— Не понимаю, — Кара отвела глаза от одного из крылатых пришельцев — Зрезила, у которого на лице было написано, что ему не терпится во что-нибудь вонзить свой топор, и желательно в кости Всадников.

— Единственные существа, которые могут причинить вред мне и Рейфу, — это ангелы. В том числе и Падшие.

— И их чертовски трудно убить, если только ты сам не ангел. Или не Всадник. К тому же Мор, скорее всего, знает о чарах, которые на нас наложены — спасибо Дэвиду, — клыки

Рейфа блеснули. — Черт, если меня убьют, Дэвиду не спастись от Серены, хоть он и её брат. — Он почему-то улыбнулся этой мысли. — Моя жена бывает такой хулиганкой. Это так заводит.

— Ладно, парни, — раздался резкий голос Мора. — Убейте человека и псину, и да начнётся Апокалипсис!

Танатос освободил свои души, и они, хрипло вопя, рванулись к адскому войску. Демоны, точно восстановив силы после краткой передышки, бросились в бой с ещё большей свирепостью, чем прежде. Это было кошмарное месиво из зубов, клыков и оружия. Беспомощность уничтожила всю храбрость, какая ещё оставалась у Кары, и Арес каким-то образом это понял. Он бросил ей кинжал — это, конечно, было оружие «на крайний случай», но теперь она могла хотя бы нанести удар демону, который сумел бы пробиться сквозь кольцо её защитников.

Если, конечно, у неё хватило бы сил им воспользоваться.

Все, включая Аида, от одного прикосновения которого демоны попросту взрывались, доблестно сражались, но кони падали один за другим, и Всадников подмяла под себя стая чудищ. Кару затопили отчаяние и страх, и она даже не смогла закричать, когда на них с Хэлом обрушился град ударов. Рейф и Кинан прыгнули к ним, заслонив их своими телами, но клинки всё равно сумели до них добраться.

Кару пронзила боль, острая, как лезвие, вонзившееся в её плоть. Глубоко внутри возникло странное тянущее ощущение, и она почувствовала, словно с нее снимают кожу, как кожуру с банана. Когда пришло понимание, Кара вскрикнула.

Оба эти ощущения означали, что её душа пытается покинуть тело.

Вокруг раздавалось рычание. Крики. Теплая кровь брызнула ей на лицо. Рейф и Кинан отстранились, и тяжесть, давившая на неё, ушла. *Арес*. Где Арес?

— Твою мать, — пробормотал Кинан. — Проклятье.

Кара не могла двигаться и едва дышала, лежа на боку в позе эмбриона и обнимая Хэла. Она понимала, что жить ей осталось совсем недолго, но, черт возьми, ей хотелось посмотреть, чем всё закончится. С усилием она открыла один глаз, который ещё открывался, хотя веко было будто сделано из проволоки и царапало. Сквозь мглу и кровь она увидела огромные черные лапы. Зубы. Красные светящиеся глаза.

Адские псы.

— Должно быть, их там тысячи, — проговорил Рейф.

Лес черных лап сделал круг и разделился. К ним приблизилось нечто огромное, и, не успев Кара глазом моргнуть, как перед ними очутился чудовищный трёхглавый адский пёс, как минимум вдвое крупнее даже самых больших остальных.

— Привет, Цербер^[114], — произнес Аид.

— Цербер? — выдохнул Кинан.

— Ага. — Аид провел ладонью по ирокезу. — Это не к добру.

— Почему это?

— Он ненавидит меня за то, что я привязал его к Шеул-гра. Он может уйти оттуда только тогда, когда уйду я сам. Наверно, пришёл разорвать меня в клочья. Опять.

Зверь отошёл от Аида, и Кара наконец увидела Ареса. Его доспехи были разбиты, левая рука изувечена, ноги переломаны невозможным образом, но он полз к ней, помогая себе здоровой рукой. Ей захотелось плакать, но то тянущее чувство завладело ею, и слезы, казалось, остались вместе с телом, а не с душой.

Арес подполз к ней, а все остальные сдвинулись и загородили путь Церберу, стоявшему прямо перед ней и Хэлом.

Все три головы Цербера зарычали в унисон.

— Всё хорошо, — голос Кары был очень слаб, едва различим, но, по-видимому, этого оказалось достаточно, потому что все посторонились, позволив Церберу пройти.

Огромная тварь обнюхала её, а потом одна из голов лизнула Хэла. Тот открыл глаза, и Кара услышала одно-единственное слово. *Дедушка*. Он сказал это не ей, но она каким-то образом услышала, как он обращается к трехглавому адскому псу.

Одна из голов повернулась к ней. Малиновые глаза пылали. *Ты — реуш, целительница зверей. Редкий дар. Ты не умрёшь*.

Похоже, это «не умрёшь» было не просто возможным вариантом. Кара с шумом вдохнула воздух... и дыхание не покинуло её. Девушку поглотила тьма, но она успела ощутить, как её губ коснулся тёплый язык.

Кара так и не поняла, что произошло. Очнувшись, она обнаружила себя в объятиях Ареса. Среди останков демонов резвился Хэл, счастливо подбрасывая в воздух какие-то шутики вроде оторванных рук и ног, а остальные адские гончие... Кара, прищурившись, всмотрелась и тут же пожалела об этом. Арес не шутил, когда сказал, что эти существа чересчур любят свою добычу. С отвращением сглотнув, девушка отвела глаза от веселившихся адских псов и увидела людей в форме медперсонала, которые латали её союзников.

Эйдолон с Шейдом лечили своими светящимися рунами Син, а Кон держал её за руку. Сам вампир был изранен так, что Кару удивляло, как он может сидеть без посторонней помощи. Кинан подлечивал Рейфа, без конца сыпавшего ругательствами, а какой-то черноволосый парень, которого Кон назвал Люком, упорно, но безуспешно пытался обработать раны Ареса.

Арес, продолжая отпихивать парня, нежно обратился к Каре:

— Ты очнулась. Слава богу, ты очнулась.

— Где?.. — она откашлялась, чтобы избавиться от скрипучести, из-за которой её голос звучал так, словно она им не пользовалась десятки лет. — Где демоны? Мор? — Кара нахмурилась. — Цербер. Или мне всё это приснилось?

Не успели слова сорваться с её губ, как она поняла, что это был не сон.

— Адские гончие разбили армию Мора. Ему пришлось отступить. Цербер и большая часть псов погнались за ним. Шейд привёл помощь из Центральной больницы Преисподней.

— Как я осталась жива? — Черт побери, она ещё никогда не чувствовала себя лучше. Как будто к ней подключили батарейку размером с Эверест.

— Похоже, — проговорил Арес, — король адских гончих даровал тебе Адский поцелуй.

Видно, догадалась она, это нечто... весьма значительное. К ней, виляя хвостом, подбежал Хэл. *Мы все. Теперь ты — часть нас всех. С тобой связаны все. Кроме тех, кто уже связан с кем-то другим. Ты — реуш, наша целительница.*

— О, — выдохнула она. — Ух ты.

Арес так и поедал её глазами.

— Что?

— Похоже, я... э-э-э... связана со всеми ними. Они приняли меня как своего официального целителя или что-то вроде того.

Люк, потянувшийся было к санитарной сумке, которая лежала рядом с ним, застыл:

— Со всеми... адскими гончими?

— То есть... со всеми адскими гончими в мире? — добавил Арес.

— Так говорит Хэл.

— Ну и ну, — из-за спины Ареса донёлся голос Лимос, но Кара не смогла повернуться так, чтобы взглянуть на нее. — Это должно сделать тебя...

— Бессмертной. — Арес шумно и прерывисто выдохнул. — Ты бессмертна.

— И не только это. — Подойдя, Аид подобрал нечто, показавшееся Каре ногой какой-то твари, и бросил её Хэлу. — Апорт!

Хэл сорвался с места, и Аид повернулся к Каре:

— Любая нанесенная тебе рана будет поровну разделена между всеми адскими

гончими, и ты исцелишься мгновенно. Теперь тебя сможет убить лишь сам Цербер... или Бог. — Он нахмурился. — Поверить не могу, что этот засранец так поступил. Он никогда этого не делал. Однажды я просил его сделать это для моей девушки, и он отказался. Руку мне отгрыз. — Аид фыркнул. — Она, конечно, потом всё равно меня продинамила. Сучка.

Всё это было так странно... и всё-таки всё постепенно приходило в норму.

— Погоди, а зачем им целитель, если я связана с ними? Раненый пёс будет брать у меня энергию, правильно?

Аид покачал головой:

— Узы Цербера действуют не так. Иначе они противоречили бы законам природы, поскольку менялся бы биологический вид. Ты сможешь брать у них жизненные силы, а взамен станешь их целительницей.

Каре такой обмен не показался равноценным, но жаловаться она не собиралась.

— Арес, ты в порядке? Твои ноги...

— С ними всё нормально. Эйдолон быстренько подлатал меня, когда появился здесь, а я восстанавливаюсь и долечиваю всё остальное. Так что никакой медицинской помощи мне не требуется. — Последние слова были адресованы Люку. Тот показал Аресу средний палец.

Скрыв улыбку, Кара потянулась к руке Ареса... и увидела, что Битвы на его плече нет. Её мгновенно пронзила тревога.

— Кони. Где кони?

— Им бы пригодилась твоя помощь, — мягко ответил Арес.

— И ты молчал?! — Кара спрыгнула на землю и невольно прикрыла рот рукой, чтобы сдержать вопль ужаса. Теперь она поняла, почему Арес держал её так, чтобы она не могла увидеть коней.

Бойня была... ужасающей. Танатос стоял на коленях рядом со Стиксом — сплошной массой костей, тут и там выпиравших из-под мышц. Ноги коня были изогнуты под неестественным углом, и из его тела торчало столько клинков и стрел, что он стал похож на дикобраза.

Битва и Кости выглядели не лучше, а вокруг коней толпились люди в медицинской форме, отчаянно пытавшиеся спасти жеребцов.

Кара пробралась к Стиксу, которому, похоже, досталось больше всех... впрочем, разницы не было почти никакой.

Глаза Стикса были закрыты, ноздри раздувались. Из многочисленных ран на его теле текла кровь, и, похоже, никакие действия медиков не помогали.

— О нет, — выдохнула Кара, опустившись на колени у головы жеребца.

Рука Танатоса поймала её запястье. Жёлтые глаза Всадника были полны боли, и страх очертил резкие складки на его красивом лице.

— Ты можешь помочь ему? Прошу тебя! Я знаю, я был груб с тобой...

— Я понимаю. — Судьба мира людей лежала на его плечах. Справедливо, что это заботило его больше, чем её чувства.

Кара мягко высвободила руку и положила ладони на тело Стикса. Закрыв глаза, она призвала свою целительную энергию. Сила взорвалась в ней, и голова девушки откинулась назад так резко, что её ладони соскользнули с тела коня.

— Что такое? — Стоявший сзади Арес обхватил её за плечи. Кара хлопала глазами, пытаясь избавиться от потрясения. Танатос смотрел на нее с тревогой, а Лимос обернулась, отвернувшись от своего коня, и наблюдала за ней с не меньшим беспокойством.

— Не знаю. — Кара помотала головой, стряхивая остатки головокружения. — Обычно я ощущаю лишь тонкую струйку силы, но сейчас она хлынула на меня рекой. Как будто прорвало плотину. Дайте-ка я попробую ещё раз.

Девушка вновь прижала ладони к телу жеребца, но на этот раз открылась сила не сразу, а постепенно.

Сквозь нее заструилась энергия в сотни раз мощнее той, что была у неё раньше, и это притом, что она установила «минимальные настройки». Кара неуверенно отпустила силу, позволив ей течь сквозь пальцы, и все вокруг ахнули.

Кара не открывала глаз. Мысленно она и так всё видела. Ей было ничуть не больно, но раны коня затягивались, плоть выталкивала оружие, а кости срастались. Как только Стиксу стало лучше, Кару накрыло огромной волной симпатии, и через несколько минут конь уже выражал ей свою благодарность посредством слов, образов и лёгких прикосновений бархатистого носа к её бедру.

Скоро лечить стало нечего, и Кара отозвала силу и открыла глаза. Медики смотрели на неё с благоговением, и даже Эйдолон, обладавший похожими способностями, не сводил с неё глаз, словно что-то обдумывая.

— А людей ты можешь лечить?

Кара покачала головой:

— Только животных.

Эйдолон, казалось, был разочарован. Танатос подал Каре руку, и она, чувствуя, что ему необходимо это сделать, приняла её, хоть и могла встать без его помощи. Арес отступил назад, по-видимому, почувствовав то же самое. Когда она встала перед воином-великаном, тот опустился на колени у её ног, склонив голову.

— В моё время жриц тотема почитали. Чтили их как потомков *сидов*^[115].

— *Сидов*?

— Это такой народ. Вы зовете их... эльфами. Они умеют исцелять животных и могут убить человека, разгневавшись. Их давно нет на свете, но в тебе, очевидно, течёт их кровь. — Танатос поднял на неё глаза и прижал ладонь к сердцу. — Я всегда буду относиться к тебе с благодарностью и уважением.

Каким-то образом Кара поняла, что только что стала равной Танатосу в его глазах. На душе у неё стало тепло, но она лишь поблагодарила его. О сидах ей придётся расспросить позже. А сейчас нужно было исцелить ещё двух коней.

Кости и Битва были исцелены точно так же, и, когда Кара закончила, то вовсе не чувствовала усталости.

И ей было ни капельки не больно.

— Ты берёшь силу у стаи адских гончих, — проговорила Лимос. — Это. Невероятно. Круто.

Арес помог Каре подняться, и к нему подошёл Битва. Неподалёку Хэл и Аид всё ещё играли в свою жуткую игру, а медики собирали вещи и готовили погибших к перевозке.

Кара обняла Ареса и крепко прижалась к нему.

— Как бы мне хотелось, чтобы моя сила действовала не только на животных. Я могла бы спасти кого-нибудь из твоих союзников.

Танатос мрачно кивнул:

— Я лишился двенадцати вампиров.

— А мне придётся сообщить Вульгриму о гибели четырнадцати его соплеменников. —

Арес поцеловал Кару в макушку. — Но ты в безопасности. Ты по-прежнему носишь мой *агимортус*, но, поскольку тебя нельзя убить, ты больше не будешь мишенью для Мора или его приспешников. А это значит, что ты отправишься домой вместе со мной. — Всадник откашлялся. — Если, конечно, хочешь.

Ну, разве он не прелесть?

— Конечно хочу. Но... *агимортус*... я же лишу тебя сил.

Тан фыркнул.

— Что-то мне подсказывает, что он будет счастлив, если ты *лишишь его сил*.

— Ещё бы. — Арес пропустил её волосы сквозь пальцы — такое простое движение и в то же время такое интимное. — Даже не обсуждается.

Её беспокойство, должно быть, горело у неё на лбу, точно неоновая вывеска, потому что он бросил на неё серьёзный взгляд.

— Эффект временный, а получу я в тысячу раз больше.

— Фу. — Лимос изучала свои обломанные ногти. — Почему бы вам не уединиться?

— Есть и не очень хорошие новости, — предупредил Тан. — Теперь Мор придёт за мной и за Лимос. А если одна из наших Печатей окажется сломана, вскоре та же участь постигнет и остальные две.

— И клинок Избавления по-прежнему у него, — заметила Лимос.

Упоминание о кинжале обычно раздражало Тана, но он просто кивнул.

— Давайте выбираться отсюда.

— Вот бы больше никогда не оказаться здесь, — пробормотала Кара.

— Не окажешься. — Арес посадил её в седло Битвы и забрался сам. — Аид разобрался с туманными призраками у Хэррогейта, так что уносим ноги. Куда ты хочешь отправиться?

— Сначала к тебе в душ. Потом к тебе в постель.

Она тут же ощутила попойкой его поднявшийся член.

— Всё, что угодно.

— Прямо-таки всё? — Кара обернулась в седле и, притянув к себе его голову, прижалась к его губам. — Ведь теперь, раз я бессмертна, у тебя не будет больше оправданий, так что полномасштабного насилия тебе не избежать.

Арес застонал.

— Всё, уходим отсюда.

До спальни они так и не дошли. Черт возьми, они не дошли даже до дома. Арес хотел поговорить с Вулгримом с глазу на глаз и сообщить ему о его героически погибших соплеменниках, так что по просьбе Кары он оставил её неподалёку от дома, на пляже, где она могла понежиться в волнах и расслабиться.

Теперь же Арес шёл к Каре по широкой полосе белого песка, раздеваясь на ходу. Кара плескалась в море, и глаза у неё сверкали, точно вода вокруг. Когда она поднялась из воды, мужчина залюбовался изящными линиями её тела, высокой упругой грудью и затенённой ложбинкой между ног. Морские волны лизали её именно так, как собирался это сделать на берегу он сам.

Ещё до того, как до него докатилась первая волна, он был наготове, голоден и твёрд. На второй волне всё его тело отчаянно жаждало её, кровь струилась по жилам, словно лава.

Третья волна — и девушка крепко обняла Ареса. Она потёрлась о него лобком, и прижалась губами к его шее.

Арес застонал — Кара прижалась к нему всем телом, пристраивая головку члена ко входу в лоно.

— погоди минутку, я смою демонскую кровь...

Её гортанное ворчание одновременно завело его и дало ему понять, какого она мнения об этой мысли. Раньше он никогда не обращал внимания ни на свежую, ни на запекшуюся кровь, но это была Кара, и, хотя он прекрасно знал, что она выдержит его в любом виде, она заслуживала, чтобы он по меньшей мере был чистым.

С большим усердием, чем намеревался, Арес отстранил Кару от себя, но та успела обхватить его член ладонью и сделать пару быстрых движений, от которых он едва не излился ей в руку.

— Я хочу то, что ты мне обещал, — напомнила она, и... да, она это получит.

Нырнув, Арес начал мыть лицо и волосы. Когда он вынырнул, готовясь притянуть Кару к себе... её не было. Мгновенный ледяной ужас пронзил его, но тут он увидел девушку на берегу. Кара отступала к узловатым деревьям и игриво манила его пальчиком, точно говоря «иди-и-возьми-меня», и его тревога тут же превратилась в вожделение.

Что ж, хорошо, он придёт. И возьмёт её. И не один раз.

Сгорая от желания, Арес вышел из воды и направился к Каре, не сводя с неё глаз, словно голодный хищник. Маленькая шалунья взвизгнула, развернулась и бросилась бежать, но у неё не было шансов. Арес бегал быстрее, он настигал её, как волк оленя.

Чего он не ожидал, так это того, что она умеет лазать по деревьям не хуже кошки.

Он догнал её в глубине северной рощицы. Кара стояла на толстой ветви старой искривившейся оливы.

— Женщина, что ты вытворяешь? — голос Ареса звучал хрипло, дыхание участилось, но не из-за бега. Гонка лишь дразнила его, не давала угаснуть жажде битвы или же секса, а он уже не страшился дать Каре и то, и другое.

— Ты заставил меня ждать, и я решила отплатить тебе тем же. — Кара сменила позу. Аресу открылось соблазнительное зрелище ее блестящей влагой промежности, и у него вырвался стон желания. Он не мог отвести от неё глаз, он вспомнил, какова она на ощупь, на вкус, вспомнил её запах, и перечень того, что ему хотелось с ней сделать, стал бесконечен.

— Думаешь, я не смогу залезть на это дерево?

— Ветка тебя не выдержит.

Арес медленно вдохнул через нос — проверенный приём, к которому он прибегал в самые трудные моменты боя, когда поспешные решения могли привести к поражению в войне. А сейчас поспешное решение означало бы для него вырвать это дерево с корнем и добраться наконец до своей женщины.

Он обвёл взглядом листву дерева и понял, как надо действовать. Победа уже звенела в его разгоряченном теле. Ликующе улыбаясь, он прошествовал к сплетению дикорастущих виноградных лоз, опутавших весь остров, оторвал самую толстую и обмотал её конец вокруг запястья.

Кара настороженно наблюдала, как он возвращается к дереву.

— Кара, ты готова? — вкрадчиво спросил он, и глаза девушки сузились.

— Что ты задумал?.. — голос Кары прервался: Арес взмахнул лозой, точно бичом, и та обвилась вокруг тонкой лодыжки девушки. Он дёрнул за лозу, и Кара потеряла равновесие.

Её потрясённый вопль сменился ворчанием, когда нижняя ветка задела её под коленями. В мгновение ока она оказалась висящей на дереве вверх тормашками и теперь сыпала проклятиями, от которых покраснел бы даже закаленный солдат. Арес пыжился от гордости:

— Что я тебе говорил насчет того, чтобы бросать мне вызов?

Зарычав, Кара попыталась дотянуться до него, и он позволил ей обхватить его за бедра: теперь они оказались в идеальной позиции для того, что ему хотелось с ней сделать с той минуты, как он впервые увидел её обнаженной. В мечтах Ареса они, конечно, лежали, но стоя было тоже ничего. Пожалуй, даже лучше.

Он шагнул к Каре, и теперь их тела были прижаты друг к другу, её пышная грудь прижималась к его животу. Глубоко дыша, он склонился к лону девушки, вдыхая пьянящий аромат её желаний. Восхитительная боль от вонзившихся в его бедра ногтей возбуждала его еще больше. Его член и яички оведало ее горячее дыхание.

В эту игру можно было играть вдвоем. Хотя у Ареса едва хватало терпения ее дразнить, он раздвинул большими пальцами половые губы и подул на них. От вида влажной розовой плоти, раскрытой и обращенной к нему, у него едва не подкосились ноги.

Наклонившись, мужчина провёл языком от клитора ко входу в лоно, с удовольствием ощутив, как беспомощно извивается Кара. Он лизнул её ещё раз. И ещё.

Почти мстительно Кара сомкнула губы на головке члена. Тот, ощутив влажный жар ее рта, дернулся и запульсировал. Нежной эту ласку было не назвать: Кара покусывала его плоть и оставляла на ней следы ногтей. Её язык плясал вокруг члена, губы терлись о чувствительные местечки, и вся эта гамма ощущений заставляла Ареса двигать бедрами, трахая Кару в рот.

Но и о своем занятии он не забывал. Погрузившись в лоно языком, он начал двигаться, входя в нее в том же ритме, в каком двигались его бедра. Вкус её лона, соединяясь с солёным запахом моря, заводил его ещё больше, а её стоны удовольствия заставляли его член трепетать, словно воздействуя на каждое нервное окончание.

Не прекращая входить в нее языком, Арес потер подушечками пальцев клитор. Рот Всадника наполнили её соки, и он застонал, с жадностью глотая их.

— Арес... — Кара выдохнула его имя, не выпуская изо рта головку, и, чёрт побери, ему весьма понравилось это движение её губ, превратившее его имя в любовную ласку.

Ощутив, что девушка близка к оргазму, Арес удвоил усилия, перекатывая набухший узелок плоти между подушечками пальцев и одновременно работая языком. Все быстрее и быстрее он обводил им края влагалища, а потом погрузил глубоко внутрь. Кара забилась, заметалась и на этот раз выкрикнула его имя в пароксизме экстаза.

Он ощутил на губах пикантную сладость оргазма. Пока Кара пыталась отдышаться, Арес стал легонько лизать её трепещущий клитор, и она кончила снова, так стиснув ладонями его ягодицы, что он не сомневался — появятся синяки.

— Ты... нужна мне... сейчас же... — хрипло проговорил Арес.

Подстегиваемый болью, страстью и непреодолимым желанием войти в неё, он поднял Кару, освободив её ноги. Одним плавным движением он перевернул девушку, поставив на четвереньки на песок. Теперь им завладела совершенно животная похоть, и он, опустившись на колени позади нее, сжал ее бедра и вошёл в неё. Он давал ей то, о чем она просила, ничего не жалея. Он погружался в неё на всю длину, так, что они оба двигались вперед, оставляя на песке глубокие следы.

— Да, — хрипло проговорила Кара, вытянув руку назад и цепляясь ногтями за его бедро. — Ещё!

Арес зашипел от боли и удовольствия, ставшими ещё одной гранью его экстаза. Её настойчивая просьба разожгла пламя похоти ещё сильнее. Зарычав, словно тварь из самого Шеула, он поймал запястье Кары и завёл его вниз, под неё, одновременно схватив другую её руку, так что она, лишившись опоры, упала вперед. Даже в тумане пожиравшего его желания он вспомнил, что это его половинка, его сокровище, и подставил предплечье, чтобы её щека лежала на нём, а не на песке.

Она отблагодарила его за эту любезность укусом.

Ах, черт возьми, как же он её любит. Он грубо сжал оба запястья девушки одной рукой и прижал их к её плоскому животу, так что попка Кары оказалась приподнята, а он покрывал её. В этой позе девушка была отдана на его милость, она оказалась полностью в его власти, и, судя по стонам, перемежавшимся со шлепаньем его бедер о её ягодицы, совершенно потеряла голову от удовольствия.

Оргазм кипел в его яичках, покалывал пониже спины, и, когда он вырвался наружу, Арес впился зубами в плечо Кары, и она закричала, кончая вместе с ним. Она снова укусила его за руку. Ареса пронзила боль, чертовски приятная боль, подтолкнувшая его к ещё одному оргазму, волной накатившему на первый — самому сильному, рвущему душу на части сексуальному переживанию в его жизни.

Стенки влагалища сжались вокруг члена, заставив Ареса вздрогнуть от последних спазмов удовольствия. Оба тяжело дышали, их кожа блестела от пота, а Арес дрожал всем телом. Черт. До чего. Хорошо.

Восприятие мира вернулось к нему лишь через несколько минут, и тогда он осознал, что лежит на Каре, грозя раздавить её, что его зубы так и не отпустили её плечо, и с трудом поднялся.

— Черт... Кара... ты как?

С ленивой улыбкой она, точно кошка, перекатилась на спину и потянулась, демонстрируя ему своё стройное, прекрасное тело.

— Это, — промурлыкала она, — и было то, чего я ждала всё это время.

Он обнял её, поражаясь, как же ему повезло.

— Всегда пожалуйста, дорогая.

— Вот и славно. — Она лизнула его горло, и от этого долгого горячего прикосновения он вновь завёлся, словно мотоцикл. — Помнишь, что ты мне говорил тогда, в душе?

У Ареса пересохло в горле. Он помнил. Он повёл себя как последняя задница, описывая то, чего, как ему было известно, она никогда не делала. Но только что они вычеркнули две позиции из этого списка.

— Да, — просипел он.

— Ну так вот, я хочу попробовать и всё остальное. Сегодня же. Так что, надеюсь, у тебя, дорогой, есть свечи, хлыст и хороший запас сил.

О да, у него всё это есть.

Боже, он любит эту женщину.

Арес стоял на песке у кромки воды. Его лицо ласкал тёплый ветерок. В нескольких сотнях метров от его дома, в конце тропы, по которой, должно быть, сейчас шла Кара, была уединённая пещера. Он сказал Каре, что хочет устроить пикник в честь месяца со дня их знакомства. Сам Арес пришёл раньше неё и уже расстелил одеяло и поставил корзинку с шоколадом, фруктами и шампанским. Побелевшими от напряжения пальцами он сжимал какую-то коробочку.

Он услышал за спиной тихие шаги Кары и улыбнулся, когда она, подойдя, обняла его за талию и прижалась к его спине.

— А где твой пёс? Я уж думал, он прибежит с тобой.

— Он прошёл со мной примерно полдороги, а потом погнался за кроликом.

— Чертовой шавке положено гоняться за крысами, — пробормотал Арес, но его грубость была напускной. Если не считать того случая, когда Хэл, слегка заигравшись, тяпнул Ареса, и того парализовало почти на пятнадцать минут, ладили они неплохо. Оба понимали, что безопасность и благополучие Кары важнее всего, а это была превосходная общая позиция.

Впрочем, когда по острову разгуливало множество других церберов, Арес действительно слегка нервничал. Однако была здесь и положительная сторона — Мор так и не вернулся. Присутствие стольких адских гончих представляло собой сдерживающий фактор огромной силы. Особенно если вспомнить, что Мор сделал их своими заклятыми врагами, объявив награду за их головы.

Неразумный шаг, братец. Когда к тебе питает ненависть хотя бы один цербер — это ужасно само по себе, уж Арес это знал совершенно точно. А если тебя ненавидит вся стая? Да, не хотелось бы Аресу оказаться сейчас на месте Мора.

Арес повернулся и не мог оторвать глаз от своей маленькой королевы церберов. Впрочем, он, пожалуй, мог бы звать её и королевой коней, учитывая, с каким обожанием к ней относятся Битва, Стикс и даже Кости, и уж точно — королевой Рамрилов.

Когда Кара кормила Рэта, которого они поселили у себя, они обнаружили, что дар Кары распространяется и на звероподобных демонов. Все Рамрилы были именно такими, и Арес подозревал, что некоторые из них специально себя калечат лишь затем, чтобы Кара их исцелила.

Кара опустила глаза и зарылась в песок пальцами ног.

— Мне нравится ходить босиком.

— Видно, на тебя влияет Лимос.

Кара ухмыльнулась:

— Она и дала мне это платье.

— Вкус у неё бывает сомнительным, но этот древнегреческий фасон тебе чертовски идёт. — Арес провёл пальцем по обнажённому плечу девушки. — Ты похожа на богиню.

Не в силах устоять, он наклонился и поцеловал её плечо, ощутив привкус солёного воздуха и солнечное тепло.

— М-м-м... можешь не останавливаться.

Он улыбнулся, не отрывая губ от её кожи.

— А я и не собирался.

— Так что ты там высматривал в море?

— Просто размышлял, до чего же мне везёт.

— Да?

— Да. — Арес поднял голову. Он волновался и чувствовал себя неловко. Это было явно не в его характере, но с тех пор, как он встретил Кару, он часто чувствовал то, что было ему непривычно. — Это был лучший месяц в моей жизни.

Хотя они до сих пор искали *агимортус* Лимос и ликвидировали эпидемии, насланные Мором по всему земному шару, Арес и Кара сделали этот остров своим раем, своим убежищем.

И Кара перевернула его жизнь с ног на голову — в самом лучшем смысле.

— Я никогда не была так счастлива, — прошептала Кара.

— Хорошо. Потому что я хочу кое о чем тебя попросить. — В горле у него пересохло так, что последние слова он едва сумел выговорить. Прежде чем Кара смогла ответить, Арес опустил на одно колено. — Я всегда считал этот обычай глупым, но хочу сделать это. Хочу проявить уважение к твоей эпохе и традициям.

Рука Кары взлетела ко рту, глаза блеснули, и он чертовски надеялся, что причина тому — не испуг и не расстройство.

Он открыл коробочку движением большого пальца.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Кара задохнулась, и его переполнил ужас. Безраздельный, парализующий ужас. Он бы предпочел получить укус одного из её церберов, нежели услышать от неё «нет».

— Арес... о, какое прелестное кольцо!

Бриллиант в три карата^[116] украшал единственную вещь, оставшуюся у Ареса от его человеческой матери — бронзовое кольцо, которое он покрыл платиной, чтобы укрепить его и в то же время сохранить изначальную неправильность формы.

— Я могу заменить оправу или вставить камень побольше...

— Нет. — Кара опустилась на колени, чтобы заглянуть ему в лицо. — Оно безупречно.

Арес сглотнул.

— Это означает «да»?

Кара закинула руки ему на шею и расцеловала в губы.

— Да. Конечно же, да!

— Спасибо, Господи, — выдохнул он. Кара отстранилась ровно настолько, чтобы позволить ему достать кольцо из коробочки и надеть ей на палец. Оно оказалось ей как раз впору и прекрасно смотрелось на её руке. Как раз на своем месте.

Кара пошевелила пальцами, любуясь бриллиантом, искрившимся в солнечном свете, и на её губах заиграла улыбка грешницы.

— Насколько уединенна эта пещера?

— Весьма.

— Тогда люби меня.

— Как требовательно, — прошептал он, сдвигая бретельку с её плеча и касаясь её кожи языком, явно намереваясь двигаться ниже.

— Я умею быть требовательной, — вздохнула Кара, — когда знаю, чего хочу.

— А то, чего ты хочешь, — это я.

Кара опустила верх платья, обнажив грудь, и у Ареса перехватило дыхание. Он засомневался, что это когда-нибудь прекратится.

— Вот тебе ответ.

— И он мне нравится, — Арес застонал, когда она накрыла ладонью его член поверх брюк.

— Мой ответ всегда будет таким.

— Мой тоже. — Он обхватил лицо девушки ладонями и взглянул ей прямо в глаза. — Кара, ты проложила себе дорогу в мою жизнь. В мое сердце. Я всегда считал, что любовь делает воина калекой, однако ни за что на свете я не сражался так отчаянно, как за тебя. Ты сделала меня сильнее. Ты завоевала меня, и теперь я хочу быть с тобой всегда.

Она игриво улыбнулась ему.

— Шах и мат. Победа за мной.

— Как и всегда. — Он был без ума от неё.

И он никогда ещё не был так счастлив признать своё поражение.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

7 фунтов ~ 213см

300 фунтов ~ 136кг

20 ярдов ~ 18 м

«Прицеп» (англ. Chaser) — разг. алкогольный напиток, которым запивают другой алкогольный напиток

1 миля ~ 1,6 км

70 фунтов ~ 31,7 кг

1 дюйм ~ 2,5см

Халитозис — заболевание ротовой полости, являющееся причиной дурного запаха изо рта.

Скотт «Кэррот Топ» Томпсон — американский актёр и комик, известный своими ярко-рыжими волосами, шутками с использованием реквизита и самоуничижительным юмором.

Рейки — вид комплементарной медицины, в котором используется техника так называемого «исцеления путем прикосновения рук».

100 ярдов — 91,4 метра.

Адский Поцелуй — поцелуй, формирующий своего рода связь между существом и цербером, отношения типа «Хозяин-Питомец».

brujo(исп.) — ведьма, ведьмак, маг.

Геморрагическая лихорадка — острое лихорадочное заболевание вирусной этимологии. Наблюдается поражение сосудов, приводящее к развитию тромбгеморрагического синдрома (нарушение свертываемости крови по причине массивного освобождения из тканей тромбопластических веществ).

6,5 футов ~ 198 см.

Арес — в древнегреческой мифологии Бог войны.

Чрезмерно любопытный человек.

CNN (читается как Си-Эн-Эн; аббр. от англ. Cable News Network — Кабельная Новостная Сеть) — информационный канал кабельного телевидения (первая в истории сеть кабельного телевидения, основана Тедом Тернером в 1980 г.).

Коктейль «Маргарита» изготавливается из текилы и сока лайма с добавлением апельсинового ликера.

Североамериканский лесной сурик — длина тела 32–40 см, длина хвоста 10–15 см, масса от 4,5 до 6,3 кг.

«Память времен» — в оккультизме полный набор фактов, отражающих все, что произошло с каждой отдельной душой со времени ее создания до настоящего момента.

Do not pass Go! Do not collect 200 dollars! — парафраз на тему карточки «Монополии» «Go to Jail» (отправиться в тюрьму)

Филантропия — деятельность на благо человечества.

6,5 футов ~ 198 см

Афродизиаки — вещества, стимулирующие или усиливающие половое влечение или половую активность.

Ньюленд Парк Драйв — улица в городе Йорк, Великобритания.

Загрос — крупнейшая горная система современного Ирана. Некоторые отроги Загроса простираются также на территорию Ирака.

Шумер — первая городская цивилизация в исторической области Южная Месопотамия (южная часть современного Ирака) в период халколита и ранней бронзы. Возможно, первая цивилизация в мире.

Альбион — древнейшее название Британских островов, известное ещё древним грекам, в частности упоминаемое у Птолемея и перешедшее затем в древнеримскую литературу. В настоящее время термин употребляется в Англии в возвышенном стиле, в других странах — обычно в несколько ироническом смысле.

Остров Пасхи — вулканический остров в восточной части Тихого океана.

Йорк — город в Англии, в графстве Норт-Йоркшир.

В&В — «ночлег и завтрак» (гостиничные услуги, предоставляемые, как правило, в частных домах или небольших отелях; в стоимость проживания входит завтрак.)

Миклгейт Стрит — улица в городе Йорк, Англия. На ней расположены южные ворота города, через которые в город входили многие монархи. В XX веке улица прославилась своими пабами и клубами.

130 фунтов ~ 59 кг.

1 ярд = 91,44 см.

ЛСД — полусинтетическое психоактивное вещество. ЛСД может считаться самым известным психоделиком, использовавшимся или используемым в качестве рекреационного препарата, а также в качестве инструмента в различных трансцендентных практиках, таких как медитация, психонавтика, или в запрещённой законом (но легальной в прошлом) психоделической психотерапии.

Earl Grey (Эрл Грей) — черный чай, ароматизированный бергамотовым маслом.

BBC (British Broadcasting Corporation) — Британская вещательная корпорация.

AC/DC — австралийская рок-группа

Джеймс Бонд — также известный как «агент 007» — главный персонаж романов британского писателя Яна Флеминга о вымышленном агенте МІ6.

Гуано — фекалии морских птиц, летучих мышей и тюленей.

Летучие мыши-вампиры — подсемейство млекопитающих семейства листоносых летучих мышей, питающихся кровью, распространенных в Центральной и Южной Америке от Мексики до Северной Аргентины

Орк — другое название для гоблина, введенное Толкиеном в трилогии «Властелин Колец». Слово было создано от англосаксонского «orc-nea», означающего монстра или демона. Само же англосаксонское слово возникло от латинского «Orcus» («бог смерти»).

Бигль — порода английских гончих.

Дарт Вейдер — злой и пугающий персонаж из «Звездных войн». Он громко дышит и носит черный костюм с маской, полностью закрывающей его голову.

Джигга — быстрый старинный британский танец кельтского происхождения.

Рогипнол — запрещенное снотворное без цвета, запаха и вкуса; часто используется маньяками ради секса с жертвой «в отключке».

Патио — внутренний дворик дома.

«Маунтин Дью» — безалкогольный сильногазированный прохладительный напиток, торговая марка американской компании PepsiCo.

Виагра — лекарственное средство для увеличения потенции.

Афродизиак — средство, усиливающее сексуальное влечение.

Столб, к которому привязывали присужденных к сожжению.

Дайкири — коктейль из рома, сока лимона или лайма и сахара.

Крестовая гадюка (*Croix viper*) — гигантские демоны-змеи с рогами. Обитают только в Шеуле. На землю их могут взять с собой только другие демоны.

Фунт: 1) единица, использовавшаяся ранее для измерения веса золота, серебра и т. п.; = 373,2 г, 2) современная мера веса, используемая в англоговорящих странах; = 453,6 г. (100 фунтов ~ 45,5 кг.)

Полк Смотрителей-Х — в дальнейшем ПС-Х.

Миля = 1609 м.

Дюйм = 2,54 см.

Ки — сокр. имя Кинан.

(австралийский) пожар — пожар разрушительной силы, который начинается в лесу или сельской местности и распространяется на огромные площади.

Маршалловы Острова — архипелаг в западной части Тихого океана.

Либ — остров в Тихом океане в составе цепи Ралик (Маршалловы Острова). Местное название острова — Эллеп.

ВОЗ — Всемирная Организация Здравоохранения.

Пандемический грипп — свиной грипп (H1N1).

Парамедик — медик, оказывающий первую медицинскую помощь пострадавшим в результате аварий, пожара, стихийного бедствия.

Основные цвета — цвета, из которых образуются все остальные (красный, синий, желтый)

Профессиональный хоккейный клуб, играющий в НХЛ, одна из команд «Оригинальной Шестерки», 11-кратный обладатель кубка Стэнли.

Со (англ. Saw) — пила; Флэл (англ. Flail) — цеп.

1 дюйм = 2,54 см.

Тёмный жнец (англ. Grim Reaper) — персонификация смерти в виде физической сущности. Часто изображается в виде скелета с косой, облачённого в чёрный балахон с капюшоном.

Натяжная проволока (англ. trip wire) — военный термин. Имеется в виду натяжная (для выдергивания боевой чеки) проволока взрывателя.

100 ярдов — 91.44 метра

ЦБП — Центральная больница Преисподней

Глиф — (др. греч. вырезаю, гравирую) рельефно вырезанная фигура; вырезанный или написанный на камне (петроглифы) или дереве символ: пиктограмма, идеограмма, слог или логограмма.

2 ярда — 1.83 метра

«Драно» — немецкое средство для прочистки труб.

Канюк — хищная птица, длина тела 51–57 см.

Ветеринарный курс в медицинском колледже, на котором студенты изучают введение в теорию и практику, а также учатся пользоваться медицинским оборудованием.

«Джек Дэниэлс» (Jack Daniel's) — популярная марка теннессийского виски.

«Виктория'с Секрет» (Victoria's Secret) — (с англ. Секрет Виктории) — одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского белья.

Согласно Вебстеровскому толковому словарю, неудачник (лузер, слабак, англ. loser) — категория людей, просто рожденных проигрывать, терять и сдаваться. Вопреки расхожему мнению, неудачник — это не невезучий человек; это не человек, у которого что-то не получилось; это даже не типаж. Неудачник — это человек с определенным образом мышления.

Банши, баньши (англ. banshee, от ирл. bean sídhe — женщина из Ши) — фигура ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

«И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть; и ад следовал за ним» — Откровение 6:8 (Откровение — последняя книга Нового Завета). Здесь и далее перевод цитат из Откровения взят из русского синодального текста Нового Завета.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга» — Откровение 6:4.

«Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» —
Откровение 6:5.

Эйдолон (англ. Eidolon) — призрак.

Шейд (англ. Shade) — тень.

Marbles — разноцветные шарики, изготовленные из стекла. В различных странах существуют тысячи различных вариантов игры в марблы, в основном подразумевающие их перемешивание.

GQ (Gentlemen's Quarterly) — ежемесячный журнал. Издание о моде и стиле: бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки.

Трансформеры — инопланетные разумные машины, которые могут трансформироваться в легковые автомобили, грузовики, самолёты, технику (микроскоп, магнитофон и т. п.), людей и животных.

«Собака Баскервиль» — детективная повесть английского писателя Артура Конан Дойля, одна из четырёх повестей о Шерлоке Холмсе. В основе сюжета лежит расследование смерти сэра Чарльза Баскервиля, который умер при загадочных обстоятельствах. В роду Баскервиль из поколения в поколение передаётся семейная легенда о дьявольской собаке сверхъестественного происхождения, которая преследует всех Баскервиль. Время действия — сентябрь/октябрь 1889 года.

Rover — британская автомобилестроительная компания, специализирующаяся на производстве автомобилей повышенной проходимости класса «премиум».

Вудейкр (Woodacre) — населенный пункт, официально не получивший статуса города, располагающийся в долине Сан Джеронимо, Калифорния, США.

10 МИЛЬ ~ 16,09 км

Каскадные горы — крупный горный хребет на западе Северной Америки, простирающийся от южной части канадской провинции Британская Колумбия через американские штаты Вашингтон и Орегон до северной Калифорнии. Являются частью Тихоокеанского огненного кольца, включающего вулканы и связанные с ними горы вдоль всего побережья Тихого океана.

Великий голод в Ирландии (известен также как Ирландский картофельный голод) произошёл в Ирландии в 1845–1849 годы. Голод спровоцирован массовым заражением картофельных посевов на острове патогенным грибом.

Рейф (англ. Wraith) — фантом.

Дон (англ. Dawn) — заря.

Обсессивно-компульсивное расстройство — заболевание, характеризующееся навязчивыми обсессиями и компульсиями, мешающими нормальной жизни. Обсессиями называются постоянно возникающие нежелательные представления, опасения, мысли, образы или побуждения. Компульсиями называются стереотипно повторяющиеся поступки. Обсессии часто вызывают тревогу, а компульсивные поступки или ритуалы служат тому, чтобы эту тревогу снизить.

«Полиция Майами: отдел нравов» — американская криминальная драма 2006 года с Колином Фарреллом и Джейми Фоксом в главных ролях.

«Убойная парочка: Старски и Хатч» — комедийный боевик режиссёра Тодда Филлипса. Является пародийной киноадаптацией одноименного телесериала 70-х годов.

Джимми Баффетт (род. 1946) — американский музыкант, певец, исполняющий музыку в стиле кантри-рок.

«Маргарита» — коктейль из текилы с лимонным или лаймовым соком и апельсиновым ликёром, подается в охлажденном стакане с ободком, слегка окунутым в соль. Упоминается как элемент роскошной жизни.

Пэрис Хилтон (род. 17 февраля 1981, Нью-Йорк, США) — американская актриса певица, автор песен, фотомодель и дизайнер. Известность ей принесли реалити-шоу «Простая жизнь» и скандальная светская жизнь, из-за которой в СМИ она преподносится в первую очередь как «светская львица» (англ. It-girl) и даже как главная «светская львица планеты».

Аккад — государство, существовавшее в XXIV–XXII веках до н. э., а также древняя область в средней части Месопотамии, на территории современного Ирака. Столица — город Аккаде (шумер. Агаде). Являлся крупнейшей державой своего времени.

«Валиум» — лекарственное средство с успокаивающим, снотворным, противотревожным, противосудорожным, миорелаксирующим (расслабляет мышцы) и амнестическим действием.

Ахаггар — нагорье в Сахаре, на юге Алжира. Высшая точка — гора Тахат, 2918 м. Это также высшая точка Алжира.

Крестовая гадюка (*Croix viper*) — гигантские демоны-змеи с рогами. Обитают только в Шеоуле. На землю их могут взять с собой только другие демоны.

Опоссум — животное семейства млекопитающих, класса сумчатых. С виду опоссум очень напоминает крысу. Особое сходство с ней придаёт ему узкая и усатая мордочка и длинный голый хвост, который заменяет этому животному пятую лапу.

Фрисби (летающий диск) — спортивный снаряд, представляющий собой пластиковый диск с загнутыми краями диаметром 20–25 сантиметров. Диск сделан таким образом, чтобы при его полёте создавалась подъёмная сила, что позволяет бросать диски на значительные расстояния и с большой точностью.

Аид — в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых.

Тёмный жнец (англ. Grim Reaper) — персонификация смерти в виде физической сущности. Часто изображается в виде скелета с косой, облачённого в чёрный балахон с капюшоном.

Баскин Роббинс (англ. Baskin Robbins) — американская сеть кафе-мороженого.

Цербер (англ. Cerberus) — в греческой мифологии порождение Тартара и Геи, трёхголовый пёс, у которого из пастьей течёт ядовитая смесь. Цербер охранял выход из царства мёртвых Аида, не позволяя умершим возвращаться в мир живых.

Сид, сиды (англ. Aos Sí) — в ирландской и шотландской мифологии — потусторонний мир, населённый туатами — существами, схожими с феями или эльфами, которых в народе за место своего обитания также именовали сидами (sidhe). Это также название холмов, поскольку считалось, что именно в них находится мир сидов.

3 карата = 0,6 г, камень такого веса окажется шириной примерно 5–7 мм.